

ISSN 0038-5050

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей (Москва). Основные тенденции этнических процессов в современном мире	3
Ю. В. Иванова (Москва). Проблемы этнографии болгар в трудах советских ученых	16
В. А. Шнирельман (Москва). Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии)	26
Дж. Р. Шарма (Аллахабад, Индия). Новое о культивации растений и доместикации животных в Индии	40
Дискуссии и обсуждения	
Ю. И. Семенов (Москва). Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества	48
Из истории науки	
М. Ф. Чигринский (Ленинград). Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань	60
Сообщения	
З. П. Соколова (Москва). Брачный возраст у хантов и манси в XVIII—XIX вв.	65
И. Мухиддинов (Душанбе). Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX — начало XX в. (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана)	76
И. Л. Кызласов (Москва). Гора-прародительница в фольклоре хакасов	83
Н. С. Гогоберидзе (Тбилиси). Тбилисский музей игрушки	93
Г. А. Меновщиков (Ленинград). О географическом названии <i>Аляска</i>	96
Поиски, факты, гипотезы	
Т. А. Михайлова (Москва). Недуг уладов — попытка интерпретации	103
Наши юбилеи	
Список основных работ действительного члена АН Грузинской ССР Георгия Спиридоновича Читая (К 90-летию со дня рождения)	108
Научная жизнь	
А. А. Сусоколов (Москва). Всесоюзная научная сессия «XXVI съезд КПСС и задачи изучения национальных отношений в СССР»	111
Л. В. Маркова (Москва); А. С. Мыльников (Ленинград), Н. С. Шумада (Киев). Вопросы этнографии, фольклора и истории культуры на I Международном конгрессе болгаристики	115
Н. К. Жакова (Ленинград). Научная сессия ленинградских славистов, посвященная 1300-летию Болгарского государства	121
М. С. Бутинова (Ленинград). Двенадцатая Всесоюзная конференция австралогов и океанистов	122
И. С. Гурвич (Москва), Р. Г. Ляпунова (Ленинград). Советско-американское сотрудничество в области этнографии (Поездка в США советской рабочей группы)	125
Коротко об экспедициях	130

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- А. К. Байбури (Ленинград). Проблема «личность и традиция» в трудах Ю. Пентикейнена 133

Общая этнография

К новому изданию «Золотой ветви»

- С. А. Арутюнов (Москва). *Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии* 139
И. А. Крывелев (Москва). Об историко-религиозных взглядах Дж. Фрэзера 141

Народы СССР

- Ю. А. Заднепровский, Д. Г. Савинов (Ленинград). *Л. Р. Кызласов. Древняя Тува (от палеолита до IX в.)* 147
Э. Д. Мамедов (Ташкент), В. А. Ранов (Душанбе). *А. В. Виноградов. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья* 151

Народы Зарубежной Европы

- Лекса Мануш (Москва). Новое исследование проблем аккультурации цыган-иммигрантов в Швеции 155

Народы Зарубежной Азии

- Н. Р. Гусева (Москва). *С. А. Маретина. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии* 158

Народы Америки

- Л. Н. Фурсова (Москва). *Бен Суанкей. Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване* 160
Б. В. Лукин (Ленинград). Новые публикации работ К. Т. Хлебникова 163

Народы Океании

- Д. Д. Тумаркин (Москва). *Colin Newbury. Tahiti Nui. Change and Survival in French Polynesia 1767—1945* 165

- Алексей Павлович Окладников** 168

- Резюме на английском языке 173

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, **И. Л. Андреев**, **С. А. Арутюнов**,
С. И. Брук, **Н. Г. Волкова** (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева**,
Т. А. Жданко, **А. А. Зубов**, **Р. Н. Исмагилова**, **Р. Ф. Итс**, **Л. Е. Куббель**
(зам. главн. редактора), **А. А. Леонтьев**, **Б.-Р. Логашова**, **Г. Е. Марков**,
А. И. Першиц, **Н. С. Полищук** (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефон 126-94-91

Зав. редакцией *Е. А. Эшлиман*

Ю. В. Бромлей

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современное человечество, представляя собой единый биологический вид, развиваясь по общим социальным законам, вместе с тем распадается на множество различных исторически сложившихся общностей. Таковы, например, раса, класс, семья, государство и т. д. Среди подобных общностей людей особое место занимают образования, которые принято ныне именовать этническими: племя, народность, нация, национальность, этническая группа и т. д. Современное человечество унаследовало от прошлого, по самым скромным подсчетам, не менее 2—3 тыс. таких общностей. При этом между ними существуют огромные различия как по уровню развития, так и по численности. Эти различия колеблются в диапазоне между архаическими по своему происхождению народностями и даже племенами, насчитывающими ныне всего лишь тысячи, а иногда и сотни людей, с одной стороны, и многомиллионными нациями — с другой. Показательно, что около половины численности человечества составляют только 11 народов. Семь наиболее крупных из них насчитывают свыше 100 млн. чел. каждый. Это (в порядке убывающей численности, по данным на 1978 г.): китайцы (934 млн.), индустанцы (180,5 млн.), американцы США (172,2 млн.), бенгалцы (138,7 млн.), русские (138,6 млн.), японцы (115,7 млн.), бразильцы (112 млн.)¹. В то же время на долю около 1,5 тыс. небольших народов с численностью до 100 тыс. чел. приходится менее 1% населения земного шара.

Неравномерность исторического развития народов мира по-своему проявилась и в этнополитической структуре современного человечества. Все населяющие нашу планету народы входят в состав всего лишь немногим более 200 стран (государств и территорий). Поэтому большинство современных государств полиэтнично. Хорошо известно, что такие государства есть как среди социалистических стран (например, СССР, Югославия, Вьетнам), так и среди развитых капиталистических (Великобритания, Канада, Бельгия). Но особенно характерны полиэтнические государства для развивающихся стран. Например, в Индии имеется несколько сот этнических общностей разного типа, а в Индонезии — не менее 150 (по подсчетам некоторых авторов, даже более 350). Что касается Африки, то, согласно современным данным, ее коренное население говорит на 730 языках. В Нигерии, например, официально насчитывается 200 народов, в Кении и Судане — примерно по 40 и т. д.

Следует иметь в виду и то, что территория проживания многих народов разделена между различными государствами. О масштабах этого явления свидетельствуют, в частности, следующие данные (на 1978 г.): 58,3% албанцев проживают в Албании, 34,8 — в Югославии; 59,8% пуштунов (афганцев) — в Пакистане, 39,9% — в Афганистане, 50,4% таджиков — в Афганистане, 48,7% — в СССР².

Пестрота этносоциальной или, проще говоря, национальной структуры современного человечества придает особую сложность ее динами-

¹ Брук С. И. Население мира. Этнографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 165, табл. V.

² Подробнее см.: Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977, с. 33—46; Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор. М.: Мысль, 1978, с. 180, 337—340; Брук С. И. Указ. раб., с. 165—167, 170, 414, 427, 605, 637, 657, 658, 870—880.

ке: как развитию самих этносоциальных, национальных общностей, так и их взаимодействию. Этот процесс по-разному протекает в разных социальных средах: в условиях социализма и капитализма. Классовый антагонизм последнего неизбежно порождает антагонизм этносоциальный. Этот феномен, отмеченный еще основоположниками марксизма, особенно наглядно проявляется в современном капиталистическом мире, для которого столь характерны межнациональные конфликты. Уже одно это придает особую значимость изучению современных этносоциальных процессов, которые выступают ныне в качестве одного из стержневых моментов социального прогресса человечества.

Для понимания этих процессов основополагающее значение имеет разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальном вопросе в условиях капитализма. «Развивающийся капитализм, — указывал он в данной связи, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»³.

Указанные две тенденции представляют собой в конечном счете одно из проявлений в социальной сфере более широкой закономерности — диалектического единства интегрирующего и дифференцирующего начал.

Эти две тенденции прослеживаются на всем протяжении всемирной истории⁴, однако особенно интенсивным их действие становится с наступлением капитализма. Оно проявляется с одной стороны, в формировании и развитии основных этносоциальных подразделений этой эпохи — наций, с другой — в усилении их сближения, т. е. интернационализации⁵. Эту закономерность и раскрывает концепция В. И. Ленина о двух тенденциях в национальном вопросе, единство которых, как он подчеркивал, «суть мировой закон капитализма»⁶.

В условиях общего кризиса капитализма происходит дальнейшее усиление действия данных тенденций. Особенно это относится к тенденции интернационализации в сфере экономики. Общий кризис капитализма, в частности, ускорил перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический, способствуя тем самым дальнейшему укрупнению производства. Тенденция интернационализации проявилась и в более широком развитии на основе научно-технической революции массовых средств коммуникации (от транспорта до радио и телевидения).

Стремительно развивается внешняя торговля. Еще быстрее растет вывоз капитала. За 1945—1975 гг. долгосрочные zahraniчные инвестиции основных империалистических стран подскочили приблизительно в 10 раз и достигли 580 млрд. долларов. Но рекорд, пожалуй, поставил международный торговый обмен технологией, патентами, лицензиями.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

⁴ См. Бромлей Ю. В. Интернациональное и национальное в строительстве социализма. — Сов. этнография, 1977, № 5, с. 11.

⁵ Отметим необходимость четко различать термины «интернационализация» и «интернационализм». В первом случае имеются в виду объективные процессы, ведущие к возникновению межнациональных явлений, созданию межнационального единства. Именно в таком смысле термин «интернационализация» употреблял В. И. Ленин, говоря об «интернационализации хозяйственных отношений», «интернационализации капитала». Что касается термина «интернационализм», то он относится к сфере общественного сознания, обозначая адекватное отражение в последнем тенденции к интернационализации жизни общества, представляющей историческую закономерность. Возникновение и существование интернационализма обусловлено коренными интересами рабочего класса, проявляясь в его идеологии, политике и социальной практике. Основные цели интернационализма заключаются не только в сближении наций, но и в обеспечении всестороннего единства международного рабочего класса для решения им задачи полного освобождения всех трудящихся от эксплуатации, построения социализма и коммунизма.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

Среднегодовые темпы его роста обогнали даже темпы вывоза предпринимательского капитала⁷. Усилилась межгосударственная кооперация. Получила значительное развитие такая форма интернационализации современного капитала, как транснациональные корпорации (ТНК)⁸.

Особую форму интернационализации хозяйственной жизни в современных условиях представляет экономическая интеграция. В основе ее лежат объективные потребности развития производительных сил, все более тесного взаимодействия национальных хозяйств отдельных государств, все более глубокого переплетения их производственных процессов и регулирования взаимоотношений этих государств. При этом в разных социально-экономических условиях экономической интеграции имеет свои, специфические для данной общественной системы формы, особые черты и свойства, что делает принципиально различными интеграцию социалистическую и капиталистическую⁹.

Однако в межимпериалистических отношениях действует не только интегрирующая, объединительная тенденция, но и тенденция, «противопоставляющая одних империалистов другим»¹⁰. Первая порождена единством классовых интересов мировой буржуазии, вторая вызывается ее неизбежным экономическим соперничеством. Конец 40-х, 50-е и 60-е годы отличались преобладанием «объединительной» тенденции, в результате чего сложились НАТО и целая система военных, политических и экономических соглашений, объединивших большинство развитых капиталистических стран. В первой половине 70-х годов усилилось действие второй тенденции и порожденных ею центробежных процессов¹¹.

В целом же в масштабе всего капиталистического мира дифференцирующая тенденция сказывается прежде всего в том, что «между различными империалистическими державами... усиливается неравномерность экономического развития»¹².

Если в развитых капиталистических странах в середине XX в. все же преобладала тенденция интернационализации, то в развивающихся странах — тенденция, которую В. И. Ленин характеризовал как «пробуждение национальной жизни и национальных движений»¹³. Особый размах национально-освободительное движение народов колониальных, полуколониальных и зависимых стран приобрело после второй мировой войны. В результате если в канун войны на эти страны приходилось 66% населения земного шара, то в настоящее время доля населения колоний — менее 1%. Разрешив в основном задачи национального освобождения, народы молодых государств встали перед необходимостью обеспечения своего экономического и культурного развития. Центр тяжести национальной жизни переместился прежде всего в социально-экономическую сферу. Ряд государств встал на путь некапиталистического развития, на путь социалистической ориентации.

Освободившиеся страны стремятся покончить с наследием колониализма, прямой и косвенной эксплуатацией со стороны империалистических стран. Для этого в первую очередь они устанавливают контроль над своими природными ресурсами¹⁴.

⁷ Островитянов Ю. Творческая мощь ленинской мысли и капитализм наших дней. — Коммунист, 1981, № 7, с. 82.

⁸ См.: Кулькин А. М., Смирнов П. В. Интернационализация современного капитала: основные противоречия и тенденции развития. — Вопросы философии, 1979, № 4; Овчинников Р. С. Транснациональные монополии и исторический процесс. — Новая и новейшая история, 1979, № 5.

⁹ См. Экономическая интеграция в современном мире. — Проблемы мира и социализма, 1973, № 7, с. 15—17.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 332.

¹¹ Империализм 70-х годов: углубление общего кризиса. Прага, 1974, с. 81.

¹² Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1969, с. 296.

¹³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 24, с. 124.

¹⁴ Семенов В. С. Интернационализм и общественный прогресс. М., 1978, с. 406—407.

Освободившиеся страны все более расширяют сотрудничество со странами социалистического содружества, которое играет решающую роль в борьбе молодых государств за экономическую самостоятельность. Это сотрудничество базируется на общности антиимпериалистических устремлений, поддержке социалистическими странами усилий молодых государств, направленных на укрепление суверенитета и создание независимой экономики. Неуклонно расширяются масштабы сотрудничества с Советским Союзом. Так, объем экономического и технического содействия СССР развивающимся странам возрос в 1977 г. по сравнению с 1960 г. в 6,2 раза, в том числе странам Азии — в 5,2 раза, Африки — в 8,3 раза ¹⁵.

Расширение экономических связей освободившихся стран усиливает тенденцию к обострению межимпериалистических противоречий. Наиболее заметно при этом осложнение противоречий между США, с одной стороны, Францией, ФРГ и остальными государствами ЕЭС — с другой. Наряду с факторами постоянного характера (такими, как борьба за влияние в Африке, арабских странах, ряде районов Латинской Америки) имеют существенное значение также неодинаковая зависимость от импорта нефти и других видов сырья, более глубокая в целом связь экономики западноевропейских государств с экономикой развивающихся стран, меньший экономический потенциал западноевропейского капитализма по сравнению с североамериканским и др.

Наряду с социально-экономической сферой действие двух рассматриваемых тенденций развития проявилось и в области культуры. Особенно наглядное выражение это получило в так называемой массовой культуре, функционирование которой в условиях капитализма имеет весьма противоречивый характер. С одной стороны, она несет в себе тенденцию к ломке национальных перегородок, и было бы, очевидно, упрощением сбрасывать со счетов, что, как и единство экономической жизни, культура, распространяемая средствами массовой информации, способствует уничтожению изоляции городов и районов, которые еще 100 лет назад не имели систематической связи друг с другом. «Она принесла с собой осведомленность о том, что происходит в мире, заняла место провинциальной скуки, кулачных боев, медвежьей травли и публичных казней, которые наряду с религиозными праздниками в течение многих веков составляли единственное развлечение масс» ¹⁶. С другой стороны, необходимо помнить, что в капиталистическом мире «массовая культура» используется для ежедневной обработки общественного сознания, для формирования конформизма, для стандартизации и примитивизации духовной жизни ¹⁷. В то же время средства массовой информации широко используются империалистическими державами для навязывания другим народам реакционных взглядов, вкусов, стереотипов поведения, моделей и штампов культуры ¹⁸.

Тенденция интернационализации духовной жизни, принимающая в капиталистическом мире преимущественно формы «массовой культуры», сочетается, однако, и ныне с тенденцией дифференциации. Эта последняя проявляется, в частности, в возрождении интереса к наследию традиционной народной культуры как к национальной ценности, созданию этнически своеобразных профессиональных художественных произведений, в сочетании самобытных компонентов культуры со стандартизированными — массовыми. Остается в силе и во многом углубляется социально-классовая дифференциация культуры. Особенно это характерно для идеологии, в сфере которой глубоко антагонистическими являются позиции пролетариата и буржуазии.

¹⁵ Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 135.

¹⁶ Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор, с. 323.

¹⁷ См. Массовая культура — иллюзии и действительность. М.: Искусство, 1975.

¹⁸ См. Иовчук М. Т. Вопросы развития советской духовной культуры и современная борьба идей. — Вопросы философии, 1976, № 3, с. 53.

Неравномерность социально-экономического развития народов мира в условиях капитализма обусловила большое многообразие этнических процессов, их темпов, типов и разновидностей. Существенную роль в развитии этих процессов играют исходные этнические параметры тех народов, на базе которых они разворачиваются. Одно дело, когда в качестве такой базы выступают нация или народность, другое — несколько народностей, третье — не только народности, но и племена. Велико также значение этнополитической структуры государств.

В государствах моноэтнических (однонациональных) обычно основными являются процессы внутриэтнической консолидации, т. е. внутреннего сплочения этносов за счет сглаживания различий между имеющимися внутри них этнографическими группами и субэтносоми. Масштабы, глубина и интенсивность этих процессов во многом зависят от уровня социально-экономического развития страны, причем даже в развитых капиталистических странах эти процессы нередко еще незавершенны. Так, до сих пор ощущаются различия диалектального и этнокультурного характера между немецкими субэтносоми в ФРГ и ГДР: баварцами, саксонцами, гессенцами, мекленбуржцами и др. В известном смысле остается незавершенной консолидация итальянцев, с которыми продолжают сливаться генетически родственные им и проживающие в Италии фриулы и ладины (ретороманцы).

Примером далеко не законченной этнической консолидации древних по своему происхождению народов могут служить китайцы. Так, у них жители севера не понимают жителей юга. Средством общения служит единая иероглифическая письменность.

Большой активностью отличаются этноконсолидационные процессы во многих развивающихся странах, недавно освободившихся от колониальной зависимости. Они здесь имеют не только внутриэтнический, но и межэтнический характер. В ряде случаев эти процессы уже привели к возникновению новых этнических общностей. Так, в результате слияния родственных этнических групп в Кении появился нилотский народ луо (около 2,2 млн.), в Танзании — народность ньямвези (около 3,7 млн.). Подобное явление наблюдается и в Нигерии, где быстрыми темпами идет консолидация родственных групп в народность ибо (около 13,3 млн.). Аналогичные процессы, правда несколько менее продвинутые, имеют место и в Народной Республике Конго, где, по некоторым прогнозам, можно ожидать в будущем консолидации в общегосударственном масштабе многочисленных родственных (бантуязычных) этнических групп (около 70) ¹⁹.

Особо следует отметить так называемые процессы этногенетической миксации — появление новых народов в результате слияния различных, не находящихся в родстве этнических групп. Весьма любопытен в этом отношении процесс формирования англоканадской нации, возникшей в результате смешения переселенцев из Великобритании. Дело в том, что первоначально среди них преобладали не англичане (33%), а ирландцы (40%) ²⁰. Особенно много примеров процессов этногенетической миксации в наши дни дает Латинская Америка, притом примеров весьма наглядных, поскольку в возникновении новых этносов — современных наций — здесь, как правило, участвуют представители разных этнорасовых групп, в силу чего образование этносов сопровождается расовым смешением. Например, в Сальвадоре, где смешение лиц европейского происхождения (креолов) и индейцев длится уже более двух столетий, в начале XIX в. метисы (ладино) составляли 54% населения страны, в 30-е годы XX в. — свыше 75%, а сейчас более 90%. Аналогичная картина наблюдается в Гондурасе, где в настоящее время ладино составля-

¹⁹ См.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974. с. 147; Андрианов Б. В. Специфика формирования африканских наций (на примере Кении). — Расы и народы. М.: Наука, 1977, в. 7, с. 175—176; Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М.: Наука, 1973, с. 183—185, 191; Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н. Этности и этнические процессы в Африке. — Сов. этнография, 1979, № 5, с. 27.

²⁰ Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1979, с. 12—13.

ют 91%, индейцы 6%, негры — 2%, белые 1%. Вместе с тем во многих странах Латинской Америки процесс этнорасового смешения еще сравнительно далек от своего завершения. Так, в Гватемале, испаноязычное (главным образом смешанное) население до сих пор составляет лишь около половины всех жителей страны²¹.

Процессы расового, а вместе с ним и этнического смешения характерны и для многих других стран. Однако их интенсивность во многом зависит от степени дискриминации различных расовых групп. В данном отношении наиболее показателен, пожалуй, пример США. Здесь по законам ряда штатов «негром» считается тот, кто имеет хотя бы 1/8, а в некоторых штатах даже 1/16 «негритянской крови». К тому же в последнее время категория «мулатов» вообще исчезла из американской статистики. Однако, по подсчетам специалистов, уже в 30-е годы 3/4 американских негров в действительности были мулатами²².

Во всех зарубежных странах в той или иной степени развиваются процессы этнической ассимиляции; особенно это относится к полиэтническим государствам, а внутри них к дисперсно расселенным этническим группам, к малочисленным этносам и иммигрантам. В послевоенные годы число иммигрантов, как правило, заметно выросло во многих промышленных развитых странах. Так, в ФРГ в начале 60-х годов их было около 700 тыс., а в конце 70-х — уже 4 млн. В целом в Западной Европе сейчас проживает не менее 12 млн. иммигрантов. В значительной своей части это выходцы из стран средиземноморского бассейна, главным образом неквалифицированные рабочие. Так, в ФРГ — 1 млн. турок, по 600 тыс. — югославов и итальянцев. Вместе с тем увеличивается число иммигрантов из бывших колоний. Особенно показательна в этом отношении Великобритания, куда после войны прибыли значительные группы негров из Вест-Индии, а также индейцев и пакистанцев из бывших британских владений в Южной Азии и Восточной Африке (несмотря на введение ряда законов о резком ограничении въезда в Англию «цветных» иммигрантов численность их в стране быстро увеличивается особенно из-за высокого естественного прироста: в 1966 г. — 1 млн., в 1980 г. — около 2 млн.)²³. Не остается неизменным и состав иммигрантов. Показательны в этом отношении США. Если в начале XX в. здесь 90% всех переселенцев составляли выходцы из Европы, то в 1950—1975 гг. сюда прибыло из стран Европы лишь 36,9% всех иммигрантов (из других стран Америки — 46,2%, из стран Азии — 15,1%)²⁴. В Юго-Восточной Азии особенно большую группу иммигрантов составляют китайцы — так называемые хуацяо, играющие во многих странах весьма активную, но далеко не всегда положительную роль (их насчитывается более 20 млн.)²⁵.

Ход ассимиляционных процессов и их скорость зависят от целого комплекса факторов: длительности проживания, характера занятий, этнической принадлежности, уровня и этнических особенностей культуры страны въезда, ее расовой структуры, степени дискриминации иммигрантов, а также от распространенности смешанных браков. В англоязычных странах (США, Австралии, Канаде) уже детей выходцев из Великобритании нелегко отличить от местного населения. Труднее ассимилируются в этих странах эмигранты из Центральной Европы. Даже при условии этнически смешанных браков процесс этнической ассимиляции таких иммигрантов, как правило, растягивается на несколько поколений. В этом отношении показательны процессы, происходящие в США. Здесь в некоторых районах в канун второй мировой вой-

²¹ Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М.: Наука, 1974, с. 116, 154, 174, 217.

²² См. Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки. — Сов. этнография, 1975, № 5, с. 10—11.

²³ Козлов В. И. Этнорасовые изменения в составе населения Великобритании. — Сов. этнография, 1980, № 4.

²⁴ Богина Ш. А. и др. Указ. раб., с. 7.

²⁵ См. Об этнических китайцах во Вьетнаме. М.: Прогресс, 1979, с. 12.

ны до 50% всех браков были этнически смешанными. И тем не менее для современной этнической ситуации в США характерно, что большинство потомков европейских иммигрантов, считая себя американцами, помнят о своем этническом происхождении²⁶.

Далеко не однозначная ситуация складывается при браках, смешанных в расовом отношении. Решающее значение для темпов ассимиляции в этом случае имеет наличие или отсутствие расовой дискриминации. В частности, дискриминационная практика в США и Великобритании существенно тормозит ассимиляцию «цветных» иммигрантов. Напротив, почти полное отсутствие дискриминации в ряде стран Латинской Америки, как известно, чрезвычайно способствовало развитию процессов этнического смешения, о чем речь шла уже выше.

В результате обусловленной различными факторами затянутости процессов этнической ассимиляции на ряд поколений иммигранты (как и другие подверженные ассимиляции лица) нередко оказываются в своеобразном переходном состоянии, когда прежняя этническая принадлежность утрачивается или уже утрачена, а новая еще не укрепились. В зарубежной литературе к лицу, находящемуся в этом переходном состоянии принято применять термин «пограничный человек» (*marginal man*), в советской — введено более широкое понятие «переходной группы»²⁷.

У «пограничных людей» разных поколений часто наблюдаются определенные различия в ценностных ориентациях. Это нередко ведет к конфликту в отношениях между первым поколением иммигрантов, старающимся удержать прежние этнокультурные ценности, и вторым и третьим поколениями, стремящимися к слиянию с окружающей этносоциальной средой. Появляется представление о «старомодности» старшего поколения, а нередко и желание как-то освободиться от него. «С этой целью второе и третье поколение иммигрантов может переселиться в новый район и даже сменить „иностранную“ фамилию или придать ей местный вид»²⁸.

Следует еще раз подчеркнуть, что ассимиляция в зарубежных странах далеко не всегда имеет естественный характер. В одних случаях, как уже отмечалось, ей препятствует этническая и расовая дискриминация, в других ее, напротив, «ускоряют» насильственным путем. Нельзя в этой связи не вспомнить недавние свидетельства о попытках насильственной ассимиляции этнических меньшинств в КНР²⁹.

Наряду с ассимиляцией одним из этнических последствий иммиграции является рост этнической мозаичности многих стран. В частности, благодаря иммигрантам ФРГ за последние полтора десятилетия превратилась из практически однонационального государства (немцы до 1960 г. составляли более 99% всего населения) в страну со сложным этническим составом: в настоящее время здесь имеется девять национальных групп, насчитывающих более 100 тыс. чел. каждая³⁰. В некоторых случаях иммигранты составляют даже большинство населения страны (например, в Кувейте коренных жителей сейчас всего лишь 48,4%)³¹.

В результате миграций, в том числе и внутренних, в послевоенные годы особенно заметно выросла этническая мозаичность городов. Показательно, например, что в городах США доля еще не ассимилировавшихся иммигрантов значительно выше, чем по стране в целом.

Интенсивно идут во многих зарубежных полиэтнических странах процессы межэтнической интеграции (гомогенизации); под таковыми нами понимается взаимодействие существенно различающихся по своему происхождению основных этнических единиц, ведущее к появлению у

²⁶ См. *Богина Ш. А. и др.* Указ. раб., с. 8.

²⁷ См. *Берзина М. Я.* Формирование этнического состава населения Канады. М.: Наука, 1971, с. 26 и др.

²⁸ См. *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 329.

²⁹ См., например, *Правда*, 1981, 10 окт.

³⁰ См. *Брук С. И.* Указ. раб., с. 331.

³¹ Там же, с. 473.

них некоторых общих этнокультурных черт. Такого рода процессы особенно характерны для полиэтнических развивающихся стран: Индии, Индонезии, Нигерии и др. Однако говорить на этом основании (как это иногда делается в научной литературе), что в пределах каждой из таких стран складываются единые нации, весьма преждевременно, если, конечно, при этом иметь в виду марксистское понимание термина «нация». Образования, возникающие в ходе процессов межэтнической интеграции, представляют собой межэтнические или метаэтнические общности, обладающие всего лишь тонкой амальгамой общих этнокультурных черт.

Большое значение для формирования таких общностей имеет язык межнационального, межэтнического общения. Так, во многих странах Африки официальными языками стали языки бывших метрополий. Вместе с тем во многих освободившихся странах на смену языку бывшей метрополии приходит язык той или иной коренной общности. Так, в Заире, где государственным языком остается пока французский, в последние годы все большее распространение получают местные языки: лингала на западе страны, суахили на востоке³². При этом иногда в роли языка межнационального общения выступает язык далеко не самого крупного народа. Наиболее показателен в этом отношении пример Индонезии, где государственным языком признан не яванский (хотя яванцев здесь насчитывается более 67 млн. чел.), а так называемый индонезийский, в основе своей малайский (хотя малайцев в стране всего лишь около 8 млн. чел.)³³. Весьма своеобразная ситуация сложилась в Малайзии. Здесь 80% населения владеет малайским языком. Однако в последнее время все большее распространение получает английский (особенно среди китайского и индийского населения)³⁴. Расширяется сфера употребления английского языка и в Индии, хотя официально поддерживается распространение хинди и урду³⁵.

И все же в большинстве случаев языком межнационального общения становятся язык самой многочисленной национальности данной страны. Такая ситуация, как известно, сложилась почти во всех западноевропейских странах. В определенной мере аналогичная картина наблюдается в Латинской Америке, в большинстве стран которой языком межнационального общения является испанский, а также в странах Азии, например в Таиланде, где обычно в роли языка межнационального общения выступает сиамский (кхонтайский), являющийся государственным языком страны. В Африке примером того же варианта может служить Эфиопия, где государственным является амаринья — язык амхара. С некоторой условностью к рассматриваемому варианту можно отнести и Танзанию, где межнациональным языком (наряду с английским) признан суахили, получивший широкое распространение во всех странах Восточной Африки; хотя этот язык и не является родным для подавляющей части крупнейших этносов Танзании, однако он весьма близок к языкам бантуязычного большинства ее населения³⁶.

Одним словом, в мире все больше распространяется двуязычие. К тому же весьма часты случаи, когда несколько разных народов говорят на одном и том же языке: наиболее распространенными межнациональными языками являются (по данным на 1978 г.): английский — 380 млн. чел., хинди и близкий ему урду — 275, испанский — 230, русский — 220, арабский, бенгали и индонезийский — по 140, португальский — 125, немецкий — 100, французский — 90 млн. чел.³⁷.

³² См. Львова Э. С. Этническая ситуация и политика государства Западной Экваториальной Африки. — Расы и народы, в. 7, с. 189.

³³ См. Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М.: Наука, 1977, с. 154.

³⁴ См. Осипов Ю. А. К проблемам общего языка в молодых независимых государствах Юго-Восточной Азии. — Расы и народы. В. 5. М.: Наука, 1975, с. 138—140.

³⁵ Этнические процессы в странах Южной Азии. М.: Наука, 1975, с. 95—99.

³⁶ См. Исмаилова Р. Н. Указ. раб., с. 198; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 273.

³⁷ См. Брук С. И. Указ. раб., с. 87.

Наряду с объединительной, интегрирующей тенденцией в современных этнических процессах развиваются и дифференцирующие тенденции. Последние проявляются как в «межгосударственном», так и во «внутригосударственном» плане. В первом случае основным фактором этнической дифференциации выступает расчленение отдельных народов (этнических общностей) между различными государствами, что обычно ведет к появлению у каждой из их частей специфических этнокультурных черт. Чаше такое расчленение — наследие сравнительно далекого прошлого, но иногда подобное явление имеет место и в наше время. Пожалуй, одним из самых значительных по своим масштабам примеров может служить образование в 1947 г. в результате раздела Британской Индии двух независимых государств — Индии и Пакистана, а затем выделение из состава последнего государства Бангладеш, сопровождавшееся массовым переселением индусов и мусульман; в результате два крупных народа, ставшие на путь национальной консолидации (пенджабцы и бенгальцы), были разделены новыми политическими границами³⁸.

Что касается «внутригосударственного» проявления тенденции этнической дифференциации, то здесь на первое место, пожалуй, следует поставить обострение национального самосознания у сравнительно крупных национальных общностей, имеющих, однако, относительно пониженный статус в данном государстве (по сравнению с «основной» нацией): у басков в Испании и Франции, у шотландцев и валлийцев в Англии и т. д. При этом наблюдается своеобразный парадокс: с одной стороны, идет все большая экономическая и культурная интеграция этих национальных общностей с основными нациями страны (испанцами, французами, англичанами), с другой — происходит уже отмеченный рост национального самосознания. В результате, как известно, в условиях капитализма нередко возникают острые межнациональные конфликты. Таковы англо-ирландские столкновения в Ольстере, англо- и франкоканадские противоречия в Канаде, выступления басков в Испании, борьба между фламандцами и валлонами в Бельгии, конфликты между греками и турками на Кипре, сингалами и тамилами в Шри-Ланка и т. д.

В основе всех этих межнациональных противоречий, как и в целом национальных процессов, вообще лежит комплекс социально-экономических, политических и идеологических факторов. Они обычно тесно переплетены между собой, хотя на первый план выступает то один, то другой.

В конечном счете межнациональные противоречия обычно определяются социально-экономическими факторами. Весьма наглядно это проявляется в тех случаях, когда в результате присущей эпохе империализма неравномерности социально-экономического развития изменяются соотношения и роль отдельных национальностей во внутренней жизни многонациональных государств. В частности, ухудшение экономического положения отдельных национальных общностей — одна из коренных причин обострения национальных противоречий в Великобритании. Это прежде всего упадок после второй мировой войны традиционных отраслей хозяйства Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса (судоостроение, текстильная промышленность, добыча угля и т. д.); новые же отрасли развиваются здесь слабо, что ведет к увеличению числа безработных³⁹.

Межнациональные отношения при капитализме подчас чрезвычайно осложняются различной религиозной принадлежностью этнических общностей. Весьма показательны в этой связи те конфликты, которые сопровождали в 1947 г. уже упоминавшийся раздел Британской Индии на два независимых государства: Индию и Пакистан. Раздел этот, как

³⁸ См. Кочнев В. И. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове. — Расы и народы, в. 5, с. 105.

³⁹ См. Богина Ш. А. и др. Указ. раб., с. 6.

известно, был осуществлен по религиозно-общинному признаку. «Бескровная революция», как английские империалисты именовали раздел Индии, сопровождалась переселением миллионов людей, разорением беженцев и массовыми погромами и резней. Особенно кровавый характер они приняли в Пенджабе. По приблизительным данным, число жертв здесь превысило 500 тыс. чел. Практически в Пакистане не осталось пенджабцев-сикхов и индусов, а в Индии — пенджабцев-мусульман⁴⁰. Религиозные различия отчетливо дают о себе знать и в конфликтной ситуации в Ольстере, неоднократно перерастающей в вооруженные столкновения между угнетенным католическим ирландским меньшинством и стремящимся сохранить свой привилегированный позиции протестантским англо-шотландским большинством⁴¹.

Немалую роль в обострении межнациональных отношений в зарубежных странах играет такое наследие прошлого, как несоответствие политических и этнических границ. Это особенно характерно для развивающихся стран, в первую очередь для современной Африки. Как известно, колонизаторы устанавливали здесь границы своих владений, не считаясь со сложившимися этническими образованиями. В результате одни и те же этнические группы в большинстве случаев оказались разделенными, так как нередко принадлежали разным колониальным державам. Эта ситуация сохранилась и после освобождения, поскольку новые государства обычно возникали в пределах бывших колоний. Следует учитывать и то, что обострению самосознания этнических общностей, находящихся в неравноправном положении, в немалой степени способствует сопровождающее НТР развитие средств массовой информации, делающее весьма наглядным, а потому и особенно невыносимым их неравенство⁴².

Сложная этническая картина современного мира изменяется не только в результате собственно этнических процессов, о которых речь шла выше. Эти изменения в немалой степени связаны с демографическими процессами, которые далеко не одинаково протекают в разных этнических средах.

Как известно, на протяжении всемирной истории темпы прироста населения мира все более и более возрастали. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что для увеличения численности населения мира с 1 млрд. до 2 млрд. потребовалось 100 с небольшим лет (с 1820 по 1927 г.), с 2 до 3 млрд. — 33 года (в 1960 г.), с 3 до 4 млрд. — всего 15 лет (в 1975 г.). Иначе говоря, если в XIX — начале XX в. для удвоения населения нужно было 100 лет, то в середине XX в. — уже лишь 50 лет. В настоящее время население нашей планеты составляет 4,5 млрд. К 2000 г. ожидается, что оно достигнет ок. 6 млрд. чел.⁴³ По прогнозам ООН, к 2100 г., когда, видимо, прекратится рост народонаселения Земли, оно составит примерно 10,5 млрд. чел.⁴⁴

В настоящее время в отдельных регионах, у разных народов темпы прироста населения далеко не одинаковы. В результате заметно изменяется соотношение населения в различных регионах мира. Так, если в 1959 г. жители развитых стран (без СССР), т. е. Зарубежной Европы, Северной Америки, Австралии, Японии, ЮАР, составляли 24,6% населения мира, а развивающихся стран — Зарубежной Азии (без Японии), Африки (без ЮАР) и Латинской Америки — 67,9%, то в 1978 г. — соответственно 20,8 и 73,0%, таким образом, доля первых снизилась на 3,8, а вторых возросла на 5,1%⁴⁵, т. е. разрыв между населением этих групп стран увеличился за два десятилетия почти на 9%.

⁴⁰ См. Кочнев В. И. Указ. раб., с. 105.

⁴¹ См. Богина Ш. А. и др. Указ. раб., с. 6.

⁴² См. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 322.

⁴³ См. Брук С. И. Указ. раб., с. 16, 24.

⁴⁴ См. Правда, 1981, 16 июня.

⁴⁵ См. Брук С. И. Указ. раб., с. 16, 542, 684. Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев: Штиинца, 1981, с. 92—94.

Сохраняются заметные различия между развивающимися и экономически развитыми странами по основным демографическим показателям. Так, рождаемость в развивающихся странах в целом в 2 раза выше, чем в развитых. Общий же коэффициент смертности в последних примерно на 35% ниже, чем в первых. Соответственно наблюдается весьма большой разрыв в средней продолжительности жизни (44 года в Африке и 71 год в Европе), а также в соотношении взрослого населения и детей. В странах Азии, Африки и Латинской Америки дети обычно составляют более 40%, в развитых же странах — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ населения (самый низкий процент в Швеции — 20,7 и Венгрии — 20,8%). Для развитых стран обычно характерен высокий процент пожилых людей. Выше всего их доля в ГДР (21,3%), Швеции (21,0%), Австрии (20,5%).

Очень различаются регионы мира и по так называемому медианному возрасту (половина людей моложе этого возраста, половина — старше). Так, в Зарубежной Европе он равен 32,5 годам, в Северной Америке 28,9 в Австралии и Океании — 25,5, в Зарубежной Азии — 21,2 в Африке — 17,8 (в СССР — 29,3). В этом смысле самые «молодые» страны — Ирак, Кения, Ливия, Мали, Никарагуа, Суринам, где медианный возраст — 16,0 лет, самые «старые» — Швеция, ФРГ, ГДР, где он выше 35 лет⁴⁶. Все это неизбежно сказывается на трудовых ресурсах стран.

Имеются региональные различия и в половой структуре населения: в Африке и Латинской Америке число мужчин и женщин примерно равно; в Зарубежной Европе мужчин меньше на 12,9 млн. чел., а в Зарубежной Азии, наоборот, женщин меньше на 46,9 млн. чел.⁴⁷.

Каковы же перспективы развития этнодемографических процессов в масштабах всего мира? Ответ на этот вопрос в значительной мере зависит от общих тенденций дальнейшей динамики воспроизводства населения на нашей планете. Среди демографов нет полного единодушия в определении этих тенденций. Однако не исключено, что в будущем различия между народами мира по возрастной структуре населения будут расти медленнее, хотя разница в удельном весе различных регионов в населении мира, очевидно, еще долгое время будет увеличиваться⁴⁸. Так, по прогнозам ООН, в 2100 г. самым населенным регионом мира будет Южная Азия. Ее население увеличится с нынешних 1,4 млрд. чел до 4,1 млрд., что составит около 40% населения мира. Население африканского континента примерно с 400 млн. увеличится до 2,19 млрд., т. е. составит около 20% всех жителей нашей планеты, Латинской Америки — с 364 млн. до 1,8 млрд., Европы — с 484 млн. до 540 млн., Северной Америки — с 248 до 318 млн.⁴⁹

Что касается динамики соотношения численности народов мира, то она является результатом взаимодействия демографических и этнических процессов. В итоге среди народов мира повышается удельный вес крупных этнических образований. Так, если в 1961 г. на земном шаре насчитывалось 44 народа численностью свыше 10 млн. чел. каждый и они составляли 75% народонаселения мира, то в 1978 г. таких народов стало уже 67; а их доля в населении мира составила около 80%⁵⁰. Таким образом, перед нами одно из проявлений интегрирующей тенденции современных этнических процессов в сфере демографии. Эта тенденция выражается и в других формах, например в снижении этнической мозаичности эйкумены, в глобальном распространении так называемой городской культуры и т. д. Судя по всему, этноинтегрирующая тенденция в конечном счете выступает как доминирующая; однако, как

⁴⁶ См. Брук С. И. Указ. раб., с. 19—29, 39—42.

⁴⁷ Там же, с. 42—43.

⁴⁸ В целом в мире в конце 60-х годов ежегодный прирост населения стабилизировался на уровне 70—73 млн. чел., а затем начал снижаться: с 19,5 в 1970 г. до 17,8% в 1978 г. Связано это было прежде всего с довольно резким снижением среднегодового прироста населения в целом по Зарубежной Азии и Латинской Америке (Брук С. И. Указ. раб., с. 20—29).

⁴⁹ Правда, 1980, 16 июня.

⁵⁰ Брук С. И. Указ. раб., с. 93.

мы могли убедиться, она прокладывает себе путь в диалектическом и подчас остро противоречивом взаимодействии с этнодифференцирующей тенденцией. Именно поэтому в условиях капитализма, как уже говорилось, современная этническая ситуация чревата межнациональными, межэтническими столкновениями. Не случайно почти все конфликты, происходящие в наши дни, почти все горячие точки планеты, будь то на Ближнем Востоке, в Западной Европе, в Юго-Восточной Азии, на юге Африки, на Американском континенте, имеют ярко выраженную этнонациональную или этнорасовую окраску.

На этом фоне особенно очевидны достижения ленинской национальной политики в нашей стране, убедительно подтверждающие известный тезис основоположников марксизма, что с исчезновением антагонизма классов исчезает антагонизм наций. Достижения эти в целом общеизвестны. Поэтому ограничусь лишь самыми общими сведениями о собственно этнических процессах в СССР и странах социалистического содружества⁵¹, а также о демографических аспектах этих процессов.

В последнее время, в частности, наблюдается заметное изменение соотношения численности народов нашей страны. Эти изменения обусловлены прежде всего определенными различиями в воспроизводстве населения, проживающего в разных регионах. Так, за 20-летний период (между переписями 1959 и 1979 гг.) в южных районах страны население увеличилось на 75—100% и более, в то время как в других районах рост был 10—20%, а иногда и меньше⁵². С этим неразрывно связана такая отмеченная на XXVI съезде КПСС проблема, как этнодемографические аспекты воспроизводства трудовых ресурсов: их избыточность в одних регионах, недостаток в других. А это в свою очередь выдвигает задачу проведения дифференцированной в этническом плане демографической политики, учитывающей острую необходимость содействия повышению рождаемости у тех народов, у которых она сейчас особенно низка. Эта проблема, как известно, получила отражение на XXVI съезде: в докладе товарища Л. И. Брежнева было специально отмечено, что «предусматривается повышение пособий на детей, особенно связанное с рождением второго и третьего ребенка»⁵³. И это предложение уже частично получило законодательное закрепление⁵⁴.

Что касается этносоциальных процессов, протекающих в наше время в СССР и других странах социализма, то для их понимания важнейшее значение имеет ленинское учение о двух тенденциях в национальном вопросе, о котором говорилось выше. Разумеется, при этом было бы совершенно неверно механически переносить представления о тенденциях, действующих в данной сфере при капитализме, на социалистическое общество. Ведь экономическая основа нации, ее классовая структура, духовный облик в результате перехода от капитализма к социализму коренным образом изменяются. Но присущие нации этнические свойства при этом в значительной мере сохраняются (русские остаются русскими, грузины — грузинами, узбеки — узбеками).

Следовательно, между действующими при капитализме и при социализме тенденциями интеграции и дифференциации в сфере национальных отношений имеются и сходства, и качественные различия. Развитие наций осуществляется в условиях социализма под воздействием таких новых закономерностей национальных отношений, как утверждение равенства рас, наций и языков, самоопределение народов. На другой экономической и социальной основе происходит при социализме и процесс межнациональной интеграции, сближения наций. Важнейшей чертой данного процесса становится выравнивание уровня экономического и культурного развития народов, формирование у них однотипной социальной структуры. Об этом убедительно свидетельствует истори-

⁵¹ Подробнее см. *Бромлей Ю. В. Интернациональное и национальное в строительстве социализма.* — Сов. этнография, 1977, № 5, с. 11—22.

⁵² См. *Брук С. И. Советский народ.* — Наука и жизнь, 1981, № 4, с. 78—80.

⁵³ Материалы XXVI съезда КПСС М.: Политиздат, 1981, с. 55.

⁵⁴ Правда, 1981, 31 марта, 3 сентября.

ческий опыт возникновения в СССР новой исторической общности⁵⁵ — советского народа, представляющего собой первое в истории человечества межнациональное (межэтническое) образование, сложившееся на базе социализма. Неуклонное укрепление социально-экономического и морально-политического единства наций и народностей, составляющих эту общность, сопровождается формированием общесоветской культуры, широким распространением русского как языка межнационального общения, укреплением единого общесоветского самосознания⁵⁶.

Процессы сближения народов в условиях социализма не ограничиваются рамками отдельных государств. В той или иной мере они охватывают все содружество социалистических стран. При этом в разных сферах эта тенденция проявляется далеко не одинаково. Весьма наглядно она, в частности, проступает в сфере экономики. В масштабах социалистического содружества выражением этого является углубление специализации и кооперирования, представляющее одну из характерных черт экономического сотрудничества в условиях социализма⁵⁷.

В условиях социализма тенденции развития и сближения наций чрезвычайно рельефно проявляются в сфере социально-классовых отношений. Характерное для социалистического общества развитие социальной структуры наций одновременно означает и создание однородных социальных параметров в масштабах всей нашей страны и всего содружества социалистических стран⁵⁸.

Идет интенсивный процесс все большего сближения духовной жизни советского народа и народов других стран социалистического содружества, прежде всего усиления их идейной общности. Наряду с общими социально-экономическими предпосылками важная роль в данном отношении принадлежит многообразным формам совместной идеологической деятельности, интенсивному обмену культурными ценностями, объединению научных потенциалов. В частности, в широких масштабах осуществляется сотрудничество социалистических стран в области просвещения и образования. Существенное место здесь занимает взаимная подготовка кадров. Только в 50-х — начале 70-х годов в СССР окончили высшие учебные заведения свыше 50 тыс. студентов из других социалистических стран. Значительные масштабы приобрел обмен научно-технической информацией между социалистическими странами.

Важная роль в сближении духовной жизни социалистических стран принадлежит их расширяющимся внешнекультурным связям. Таковы творческие встречи писателей, художников, искусствоведов, фестивали различных видов искусств, выставки, дни культуры, регулярные радио- и телепередачи, совместная работа представителей творческой интеллигенции различных стран по созданию произведений искусств и т. д.

Все эти растущие контакты немало способствуют как выравниванию культурного уровня, так и укреплению идейной общности в духовной жизни стран социалистического содружества⁵⁹. В результате складывается новая, социалистическая (коммунистическая) цивилизация⁶⁰, важный шаг на пути возникновения будущей глобальной социально-культурной общности людей.

⁵⁵ Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 73—155.

⁵⁶ Подробнее см. Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977.

⁵⁷ См. Дудинский И. В. Действие экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве. — Общественные науки, 1977, № 2, с. 40—41; Пугачев Б. М. Сближение стран социализма. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1981, с. 147—172.

⁵⁸ См.: Миккульский К. И. Классовая структура общества в странах социализма. М.: Наука, 1976; Павленок П. Д. Формирование и развитие социально-классовой структуры социалистического общества. М.: Изд-во МГУ, 1978; Пугачев Б. М. Указ. раб., с. 58—87.

⁵⁹ См. Снегирева Т. И. Духовная культура развитого социалистического общества. Проблемы формирования социалистического сознания в европейских странах социализма. М.: Наука, 1981.

⁶⁰ См. Мчедлов М. К вопросу о становлении коммунистической цивилизации. — Коммунист, 1976, № 12, с. 35—36; его же. Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980.

Ю. В. Иванова

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ БОЛГАР В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ *

Научная общественность нашей страны торжественно отметила 1300-летие образования Болгарского государства. В этой связи специалисты по общественным наукам всесторонне обсуждают проблемы болгаристики как комплекса гуманитарных знаний. Немало в этой области сделано и советскими этнографами.

Советское болгароведение в этнографии имеет давние традиции. Его истоки прослеживаются в русском славяноведении XIX века ¹.

В XIX в. славяноведческая наука, — как в России, так и в среде зарубежных славян, — служила идее солидарности славянских народов в их борьбе за свое культурное и политическое самоопределение. В публикациях о быте и обычаях народов в первую очередь подчеркивались общеславянские особенности ².

Внимание ученых к жизни и творчеству славянских народов способствовало также подъему интереса к этнографическим знаниям в славянской среде. Такое значение имела, в частности, для болгар книга украинского ученого Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары» ³ — первая научная попытка осмыслить происхождение болгар. Этот автор сопоставил современные ему этнографические реалии со сведениями, почерпнутыми из источников, дал характеристику болгарского фольклора, отметив его богатство и культурную ценность. Ю. И. Венелин, пробудивший среди болгар интерес к народному творчеству, считается одним из провозвестников Национального возрождения Болгарии ⁴.

В 40-е гг. XIX в. по Болгарии путешествовал профессор В. И. Григорович, оставивший одно из наиболее ценных описаний болгарского быта того времени ⁵. В 50—70-е гг. XIX в. интерес русских славистов к болгарской этнографии поддерживается их контактами с представителями болгарской интеллигенции, деятелями просветительного и национально-освободительного движения, жившими известное время в России (Л. Каравелов, М. Дринов, Г. Раковский). Их работы публикуются в России на русском языке ⁶. А. Н. Пыпин и Л. Каравелов обмениваются этногра-

* В основу статьи положен текст сообщения, сделанного на конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы. К 1300-летию основания Болгарского государства» (Львов, январь 1981).

¹ Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979, с. 11, 32—33; *Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мыльников А. С.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1978, с. 467.

² *Токарев С. А.* История русской этнографии. М.: Наука, 1966, с. 167—170, 259—264, 318—328, 394—397; *его же.* Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1948, № 2; *Александров В. А., Токарев С. А.* Основные проблемы славянской этнографии. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1963; *Токарев С. А.* Начальный период славянской этнографии. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 237—249.

³ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам, т. 1—2. М., 1829—1841.

⁴ *Вакарелски Х.* Этнография на България. София, 1977, с. 26—28.

⁵ *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1849, 2 изд. М., 1877.

⁶ *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. М., 1861; *его же.* Страницы из книги страданий болгарского племени. М., 1868; *Дринов М.* Заселение Балканского по-

фическим материалом со восточным славянам и болгарам, используя для сравнительных сопоставлений.

В конце 70 — начале 80-х гг. в России печатается много статей, заметок, воспоминаний очевидцев, побывавших в Болгарии во время освободительной войны и Временного русского управления (1877—1879), в которых было немало описаний народного быта и обычаев болгар, пополнивших фонд источников по этнографии болгарского народа.

Славистическое направление характерно и для болгарской этнографии начала XX в. Л. Милетич, С. Романский, Х. Вакарельский сосредотачивали внимание на славянских чертах традиционной болгарской культуры, на генетической близости болгар с остальным славянством.

В первой половине XX в. большой вклад в развитие болгаристики внес Н. С. Державин. С него по- существу начинается специальное этнографическое изучение болгар, проживавших в южной России (южные районы современной территории УССР и МССР) — потомков переселенцев из Болгарии конца XVIII — первой трети XIX в. (об этом подробнее см. ниже).

Начав научную деятельность в предреволюционный период, Н. С. Державин на протяжении последующих десятилетий продолжал изучение истории болгарского народа, его происхождения, особенностей культуры и ее места в славянском мире. Его четырехтомный труд вышел в 1940-х гг.⁷

Специальное этнографическое изучение болгарского народа разворачивается главным образом после Второй мировой войны, в общей струе оживления славистических исследований, в чем не последнюю роль сыграло политическое и идеологическое сближение СССР с южнославянскими и западнославянскими странами, установление между ними тесных культурных и научных связей.

Славяноведение в этот период строится на принципах, общих для изучения народов с высоким уровнем развития: исследование сельского и городского населения, многообразных связей между различными социальными группами каждого этноса⁸.

Опыт советской этнографической науки, контакты с советскими коллегами не прошли бесследно и для болгарской этнографии. Она развивалась в одном русле с направлением, взятым в Болгарии на подъем теоретического уровня гуманитарных наук — в соответствии с решениями Апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП. Этнография в Болгарии и по- существу, и по организационным формам включалась в 1950—60-х гг. в круг исторических дисциплин.

Сектором этнографии народов Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР подготовлено несколько вариантов монографического описания европейских народов, в том числе и болгар. Раздел «Болгары» в книге «Народы зарубежной Европы» (серия «Народы мира»), написанный при участии коллектива авторов Болгарской Академии наук, явился первым в болгарской этнографии полным этнографическим описанием болгарского народа⁹.

Раздел «Болгары» в книге «Зарубежная Европа» (серия «Очерки общей этнографии») ¹⁰ столь же полное по предложенной программе, но несколько более сжатое по изложению монографическое описание.

дуострова славянами. М., 1873; *его же*. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876; *его же*. Болгария накануне ее погрома. — Изв. СПб., славянского благотворительного общества, т. II, 1877; *Раковский Г.* Показалец, или ръководство как да ся изискват и издирыт най-стари черти нашего бытия. Одесса, 1859.

⁷ *Державин Н. С.* История Болгарии, т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945, т. 2, 1946, т. 3, 1947, т. 4, 1948.

⁸ *Токарев С. А.* О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — СЭ, 1967, № 5, с. 133—142.

⁹ Народы зарубежной Европы, т. I (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Наука, 1964, с. 301—372; характеристику этой работы см.: Этнография на България, т. I. София: Изд-во на БАН, 1980, с. 10.

¹⁰ Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М.: Наука, 1966, с. 60—79 — автор раздела «Болгары» — Л. В. Маркова.

Раздел «Болгары» книги «Восточная Европа» (этнографо-географическая серия «Страны и народы») ¹¹ содержит, в частности, сжатое изложение этнической истории болгар, их традиционной и современной культуры, выполненное по новейшим научным данным в популярной форме, доступной для самого широкого читателя.

В перечисленных очерках, посвященных этнографии одного народа, культурная история дается в динамике: этнические процессы раскрыты во всем их многообразии, в социально-экономическом контексте. Особое внимание уделяется бытовой культуре, так как именно в этой сфере наиболее ясно проявляются этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки.

* * *

Одной из основных проблем этнографии болгарского народа, разрабатываемых советскими учеными, является этногенез болгар. Большое внимание уделено этому вопросу Н. С. Державин. К сожалению, на его концепцию оказала влияние теория Н. А. Марра о стадийном развитии этно- и глоттогенеза, позднее, как известно, подвергшаяся критике в советской этнографии. Однако его работа содержит очень интересные мысли, например, о тесных контактах славян и протоболгар еще до их оседания на Балканах, что, по мнению Н. С. Державина, облегчило впоследствии их сближение в рамках Болгарского государства. Эти предположения лишь теперь начинают развиваться (очевидно, независимо от Державина) в болгарской исторической науке.

Этническая история показывает, что болгарская культура развивалась как наследница трех основных этнических компонентов: фракийцев, славян и протоболгар.

В изучении культуры фракийского компонента в болгарском этносе много сделано Т. Д. Златковской. Она проследила этнические процессы во Фракии II—I тыс. до н. э. по археологическим данным, сопоставленным со сведениями античных авторов ¹². Плодотворным оказалось также изучение современных народных поверий, фольклорных сюжетов и памятников прикладного искусства, в которых отразились древние верования, восходящие к античным традициям. Исследовательница собрала сведения, доказывающие, что для народов карпато-балканского региона характерны представления о змее — носительнице и подательнице жизненных благ. Совпадение этих представлений с основными элементами культа змеи-покровительницы у древнего населения Юго-Восточной Европы дают, — по мнению автора, — возможность отметить следы древнебалканских традиций (в частности, змееобразных божеств у фракийцев) в современных этнических реалиях ¹³.

Антропологический тип болгар принадлежит к южной (средиземноморской) ветви европеоидной расы — возможно, древнейшей формации европеоидной расы вообще. То обстоятельство, что признаки средиземноморской расы не обнаруживаются в антропологических типах западных и восточных славян, указывает на различные компоненты этногенеза трех основных ветвей славянства. По мнению советских специалистов, главный компонент антропологического типа болгар восходит к древнейшему местному слою неолитического (дофракийского) населения. На него наложилась славянская переселенческая волна ¹⁴.

¹¹ Страны и народы. Восточная Европа. М.: Мысль, 1980, с. 236—273. Автор этнографических разделов — Л. В. Маркова, географических — Э. В. Валев.

¹² Златковская Т. Д. Этнические процессы во Фракии во II—I тысячелетии до н. э. — СЭ, 1964, № 5.

¹³ Златковская Т. Д. Некоторые древнебалканские элементы в фольклоре и этнографии южных славян и восточных романцев. — В кн.: Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977.

¹⁴ Алексеева Т. А., Алексеев В. П. Этногенез славянских народов по данным антропологии. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 211—222.

Переселение славян, осваивавших балканские земли постепенно и неравномерно, вызывало межэтнические контакты самого различного характера¹⁵. Кроме общности культурных явлений, весьма ярким результатом этих контактов является образование балканского языкового союза, характеризующегося специфическим грамматическим строем.

Чрезвычайно интересен вопрос о месте культурного наследства протоболгар в культурном фонде современного болгарского народа. Этим вопросом занимались два советских автора: Н. И. Гаген-Торн, составившая подробное научное описание болгарской одежды по образцам, хранящимся в Ленинградских музеях, и П. В. Денисов, посвятивший специальное исследование болгаро-чувашизм этнокультурным параллелям.

В работе Н. И. Гаген-Торн «Болгарская одежда» культурная общность болгар и поволжских народов прослежена в некоторых характерных элементах костюма, в способах его украшения, в особенностях старинных головных уборов болгарских женщин (цилиндрические на жестком каркасе и мягкие, снабженные спускающимся по спине полотнищем полотентчатые уборы); в покрое мужских кожаных сапог со швами по бокам¹⁶.

П. В. Денисов при сравнении различных сторон жизни современных болгар и поволжских тюркоязычных народов, главным образом чувашей, также обнаружил сходство как в элементах их материальной культуры, например, в особенностях одежды, так и в области духовной культуры (детали свадебного обряда, некоторые поверья, фольклорные сюжеты), а также в языке и топонимике¹⁷.

* * *

Значительное число публикаций в советской печати посвящено общественной жизни болгарского крестьянства.

Сельская община издавна живо интересовала русских славистов, этой теме придается большое значение в советской историографии, т. к. она тесно связана с проблемой генезиса частной собственности на землю, по поводу которой до сих пор проходит резкое размежевание между марксистской и буржуазной историческими концепциями. Большинство советских ученых придерживается точки зрения об универсальности сельской общины. В болгарской историографии эта тема долгое время не разрабатывалась, так как господствовало мнение, что для болгар этот институт не характерен, а характерны задруга и патронимия¹⁸. Неудивительно, что из-за неразработанности этой проблемы советские этнографы проявили к ней особый интерес. В 1956 г. публикуется статья Л. В. Марковой «Община у болгар в XIX в.», а в 1960 г. — ее работа «Сельская община у болгар в XIX в.»¹⁹.

Работа Л. В. Марковой о сельской общине — первое в болгаристике целостное исследование этого института. В ней было доказано существование сельской общины у болгар в XIX в. и освещены разные ее аспекты: экономический, правовой, охарактеризованы семейно-родственные связи, различные стороны духовной жизни. Определен ее тип как общины-марки.

Не обогли вниманием проблему общины советские историки-медиевисты. Община у славянских народов раннефеодального периода (VII—

¹⁵ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. — Там же, с. 223—236.

¹⁶ Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда (по коллекциям ленинградских музеев) — В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVIII. Л., 1958, с. 249—269.

¹⁷ Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1969.

¹⁸ В русской дореволюционной литературе есть одна работа, посвященная болгарской задруге: Державин Н. С. К вопросу о семейной задруге у болгар. — Живая старина, 1910, с. 313—318.

¹⁹ Маркова Л. В. Община у болгар в XIX в. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. В. XXV. М.: Изд. АН СССР, 1956, с. 71—81; ее же. Сельская община болгар в XIX в. — В кн.: Славянский этнографический сборник. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 62. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 6—105.

VIII вв.) изучена Е. Э. Липшиц. Община в Болгарии более позднего времени (XI—XII вв.) охарактеризована Г. Г. Литавриным²⁰.

Совместными усилиями советские ученые доказали, что соседская община была характерна для южных славян в период заселения ими Балканского полуострова. Она просуществовала и в эпоху средневековья, и в период Османского владычества, и в определенной мере сохранялась и во время формирования капиталистических отношений.

Эти научные открытия советских ученых не прошли мимо внимания болгарских ученых: в конце 1960-х и в 70-е гг. в болгарской историографии наметился перелом — было признано существование у болгар этого института, началось его изучение. Достаточно упомянуть фундаментальное исследование Е. Гроздановой.

Освобождение от османской власти, становление национального государства сопровождалось победой буржуазных отношений; имущественное и классовое расслоение внутри общины разрушало ее. Отмирание общины-марки на территории Болгарии шло неравномерно и проходило через ряд переходных форм, обнаруживая сложность этого процесса.

Одной из форм трансформации земельной собственности в условиях зарождающегося капитализма было долевое землевладение. Такую форму открыла в Родопском крае Л. В. Маркова и подробно описала ее²¹.

Возникновение долевого владения²² (не только земель, но и другой недвижимостью) генетически связано с функционированием группы родственных семей, известных в специальной литературе под названием патронимии. Однако в Родопском крае дело обстояло сложнее: группы дольщиков не были родственниками, они лишь в силу традиции оформляли свое сообщество в некотором роде по модели патронимических землевладений. Эта система землевладения возникла в связи с введением в товарный оборот больших массивов необработанной земли, которую болгарские крестьяне в Родопях выкупили у кочевых скотоводов-юрюков и у феодалов, выделившихся из среды болгар-мусульман. Выкуп был одной из форм противостояния угнетенного народа османскому феодализму: в результате этого населению значительной части Родоп удалось ликвидировать крупное землевладение типа чифлика. Следовательно, в этой ситуации проявлялась социальная активность крестьянства, субъективную сторону которой осветила Л. В. Маркова в докладе на Первом Международном конгрессе по болгаристике²³. В этой работе внимание фиксируется на осмыслении и обосновании своей деятельности самими крестьянами, которые опирались на общинные принципы, на убеждение, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, и на ряд других правовых норм, сформировавшихся в сельской общине.

От изучения общественной жизни села «изнутри» логичен переход к рассмотрению ее сквозь призму эволюции общества в целом. Как отражался на социальной структуре села процесс становления буржуазных отношений? Оказывается, сельская община не просто распадалась на составные части. Освобождение мелкого собственника от связанности с сельским коллективом совершалось через ряд переходных форм. Потребность во взаимной поддержке не исчезла, но характер взаимных связей изменился: они стали строиться не столько по территориальному, сколько по профессиональному принципу в условиях углубившегося разделе-

²⁰ Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. — В кн.: Византийский временник, т. I. М., 1947; Литаврин Г. Г. Крестьянство в западной и юго-западной Болгарии в XI—XII вв. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, XIV, 1956, с. 226—250; *его же*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 38—73; см. также Фрейденберг М. М. К истории общины на Балканах. — В кн.: Византийский временник, т. 21. М., 1962, с. 198—209.

²¹ Маркова Л. В. Долевое землевладение в Родопском крае (XIX — первая четверть XX в.). — СЭ, 1963, № 5, с. 69—82.

²² В общей форме этот вопрос разработал П. В. Советов. См.: Советов П. В. Проблема землевладения в Европе. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. IV. М.: Наука, 1967.

²³ Маркова Л. К вопросу о социальной активности болгарского крестьянства в период становления буржуазных отношений. — В кн.: Първи международен конгрес по българистика. Резюмета, I. София: БАН, 1981, с. 325—327.

ния труда. Об этом говорится в разделе «Болгарская сельская община» I тома коллективного труда болгарских ученых «Этнография Болгарии»²⁴.

В тесной взаимосвязи с характером поземельных отношений, лежащих (у сельского населения) в основе социальной структуры, находятся формы расселения на местности²⁵. Беря за основу изучения форм расселения поземельные отношения, Л. В. Маркова характеризует каждую данную форму поселения как определенный исторический этап его развития²⁶. Автор разделяет ту точку зрения, что отдельная семья как общественная и производственная ячейка в докапиталистическую эпоху находилась в определенной зависимости от коллектива. Ей представляется ошибочной существующая в болгарской историографии точка зрения об одиночном дворе как древнейшей форме поселения. Такое представление фигурирует в болгарской, — как, впрочем, и в западноевропейской, — специальной литературе. Л. В. Маркова предлагает при построении типологии поселений учитывать фактор хозяйственного единства их жителей.

Одним из важных вопросов, посвященных общественной жизни является система родства. Первая попытка разработки данных по этой теме была предпринята болгарскими учеными (И. Георгиевой, Д. Московской, Л. Радевой). Л. В. Маркова рассмотрела болгарский материал по терминологии родства, собранный ею во время полевых работ в Болгарии, вместе с соответствующими материалами по народам Югославии, взятыми из литературы, и выделила четыре системы родства, общие для всех южных славян, которые типологически образуют определенный четко выраженный эволюционный ряд. Надо отметить, что в периферийных секторах трех из выделенных систем родства прослеживаются фрагменты неэгоцентрированных систем, отражающих архаическую стадию общественной жизни, когда индивид не выделялся из социальной группы как личность²⁷.

* * *

Перейдем к другим сюжетам этнографии болгарского народа, освещенных в работах советских этнографов.

Судьба этнических традиций на протяжении многовековой истории развития этноса составляют одну из центральных проблем этнографии. Исследования показали, что к этнической традиции небезразлична даже самая динамичная сфера общественного бытия — экономика. Наглядный пример тому — хозяйственное развитие горного Родопского края²⁸. Болгары через все сложности этнической истории и трудности хозяйственной, практической жизни пронесли древнейшую славянскую традицию — земледельческое хозяйство. В Родопах отгонное скотоводство не охватывало все поселения, все домохозяйства, однако оно имело товарное значение. Но несмотря на это древняя земледельческая традиция легла в основу формирования многих сторон образа жизни родопских болгар: их оседлости, форм и типов поселений, характера пищевого рациона, в котором значительное место занимала растительная пища (очень характерна обрядовая пища — хлеб, коливо), многих земледельческих обычаев, общих для болгар или даже для всех южных славян.

Болгарская одежда как элемент народной культуры и как источник этногенетических исследований подробно изучена болгарскими учеными, особенно М. Велевой. Советские этнографы внесли свой вклад в разработку этой темы.

²⁴ Маркова Л. В. Българската селска община.— В кн.: Етнография на България. София: БАН, 1980, с. 311—325.

²⁵ Такой принцип изучения расселения на местности и поселений разработан М. В. Витовым и успешно применяется многими советскими этнографами.

²⁶ Маркова Л. В. Горные поселения в системе поземельных отношений. Българска етнография. София, 1981.

²⁷ Маркова Л. В. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношения с семейно-родственной структурой. Доклад на IX МКАЭН. М.: Наука, 1979.

²⁸ Маркова Л. В. Хозяйственное развитие Родопского края до эпохи социализма.— В кн.: Etudes Balkaniques. Sofia, 1980, № 2, p. 70—92.

Подробное описание и типология болгарской традиционной одежды даны в упоминавшейся уже работе Н. И. Гаген-Торн, выполненной на основании изучения музейных коллекций Гос. музея этнографии народов СССР и Музея антропологии и этнографии АН с привлечением обширной литературы, преимущественно болгарской. Исследовательница намечает этногенетические связи болгарского народа ²⁹.

Я. П. Прилипка, исходя из сопоставительного анализа украинского и болгарского костюмов, пишет об этнических связях болгар и восточных славян ³⁰. Эту близость подчеркивает и Д. В. Найдич, описавшая некоторые комплексы болгарской одежды по материалам выставки «Болгарское народное творчество», состоявшейся в Москве в 1952 г. ³¹.

Традиционное болгарское жилище изучалось в рамках коллективного сравнительно-типологического исследования, выполненного сектором Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР. В результате исследования жилища европейских народов, проведенного по единой программе, была создана обобщенная типология и выделенные типы нанесены на карту. Территория Болгарии вошла в ареал, который назван южноевропейским. В разделе о болгарском жилище выделены более обобщенные типы, чем это принято в болгарской этнографии. В основу типологии положен принцип пространственного размещения жилых помещений и их связи между собой с учетом функционального назначения. Предложена схема развития форм болгарского жилища ³².

Древние и новые верования болгар, народное творчество, традиционные и современные празднества, смеховая культура, культура развлечений, некоторые стороны общественной жизни, связанные с нею, — все это рассмотрено в общем контексте классификации и осмысления календарных обрядов — в серии книг, посвященных календарной обрядности народов Европы ³³.

Коллективные исследования показали большую близость обрядности у народов, населяющих Юго-Восточную Европу — славянских и неславянских. Причин тому много, но наиболее существенная из них — генетические связи. Так, в календарной обрядности болгар явственно проступают следы фракийской культуры, довольно полно прослеженные советскими учеными. Очень большая заслуга в этом направлении принадлежит Т. Д. Златковской ³⁴.

Многие обрядовые комплексы, в том виде, в каком они сложились к нашему времени, сближают болгар с соседними балканскими народами ³⁵. Пример тому — Георгиев день, связанный у южных славян, так же, как и у неславянских народов Юго-Восточной Европы, со скотоводческим хозяйством. В противоположность Георгиеву дню праздник Трифон Зарезан — типично болгарский, отражает большое значение виноградарства в хозяйственной деятельности болгарского народа.

Мы не уделили специального внимания изучению болгарского фольклора: это отдельная большая тема. Следует, однако, упомянуть, что

²⁹ Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда.

³⁰ Прилипка Я. П. Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян. Київ, 1964.

³¹ Найдич Д. В. Одежда болгарского народа как образец народного творчества. — СЭ, 1953, № 1.

³² Маркова Л. В. Типы сельского жилища в Болгарии. — В кн.: Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1966, с. 12—35.

³³ Колева Т. А. Болгары. — В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Зимние праздники. М.: Наука, 1973, с. 266—283; *её же*. Болгары. — В кн.: Календарные обычаи ... Весенние праздники. М.: Наука, 1977, с. 275—292; *Маркова Л. В.* Болгары. — В кн.: Календарные обычаи ... Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978, с. 223—243.

³⁴ Златковская Т. Д. О происхождении некоторых элементов кукуерского обряда у болгар: к вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы. — СЭ, 1967, № 3; *её же*. К проблеме античного наследия у южных славян и восточных романцев. — СЭ, 1978, № 3; *Зеленчук В. С., Попович Ю. В.* Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX — начало XX в.). — В кн.: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, с. 195—201.

³⁵ Попович Ю. В. Сравнительный анализ некоторых обычаев годового цикла у народов балканского и карпатского ареалов. — В кн.: Общекарпатский диалектологический атлас: лингвистический и этнографический аспекты. Кишинев: Штиинца, 1976.

советские фольклористы (Б. Н. Путилов, В. Е. Гусев, И. М. Шептунов, Ю. И. Смирнов, Н. С. Шумада и др.) сделали многое в области исследования устного народного творчества болгарского народа.

Городская бытовая культура — характерный элемент этнической культуры нации. Изучение города — большое перспективное направление этнографической науки. Оно отвечает принципиальному подходу к этносу как единому целому, при котором изучаются все его социальные группы. Болгарские этнографы (Г. Георгиева и др.) только в 1960-х гг. обратились к исследованию городского быта, вначале — только рабочего, и осуществляют его успешно. В 1970—71 гг. этнографическое исследование обычаев городского населения провела Л. В. Маркова³⁶. Она обратила внимание на новые формы выражения этнической традиции в городской культуре. Вместе с тем, в обычаях горожан, несмотря на большую по сравнению с селом подверженность внешним влияниям, можно проследить элементы, сходные с сельскими обычаями, и тем самым выделить общенациональные черты обрядности.

В перспективе в изучении этнографии болгарского народа советские специалисты наметили несколько направлений. Первое из них — продолжение изучения общинных отношений и всего обширного комплекса проблем, с ними связанных. Этот круг вопросов далеко еще не исчерпан, несмотря на многие исследования, ему посвященные.

Известен большой интерес обществоведов различных специальностей, в том числе и этнографов, к проблемам семьи, возрастающий в наши дни как ответ на крупные изменения, которые происходят сейчас в этом институте. Отвечая на требование времени, Сектор народов Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР предпринимает ныне коллективное исследование о формах заключения брака у народов Европы. Разумеется, в этом коллективном труде найдут место и болгарские материалы: предстоит изучение болгарской семьи.

Безусловно, должно быть продолжено и расширено изучение городской культуры, так как развитие социализма, всеобщая грамотность населения, охват широких масс народа всеми средствами информации, приобщение их к достижениям современной культуры — все это ведет к быстрой урбанизации, к серьезным сдвигам в образе жизни.

* * *

Самостоятельный раздел советской болгаристики — историография. Первый достаточно полный историографический обзор современных (после 1944 г.) болгарских этнографических работ появился в советском издании «Этнография в странах социализма»³⁷ (до этого очень краткая историографическая справка была помещена в книге Х. Вакарельского³⁸). В обзоре выделены этапы развития этнографии в Народной Республике Болгарии, дана характеристика разрабатываемых проблем.

Второй историографический обзор такого же характера — подготовленный Л. В. Марковой — раздел об этнографической науке в социалистический период для трехтомного издания «Этнография Болгарии»³⁹.

* * *

В XVIII—XIX вв. значительное число болгар переселилось с Балканского полуострова в южные области России⁴⁰. Как уже говорилось,

³⁶ Маркова Л. В. К изучению семейных обычаев болгарских горожан. — В кн.: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры, с. 246—258; *ее же*. Традиционные календарные обычаи и новые общественные праздники в городах Болгарии после освобождения. — В кн.: Освобожденето на България и развитието на българската народна култура. София: Изд-во Софийского университета, 1979, с. 243—255.

³⁷ Маркова Л. В. Этнографическая наука в Народной Республике Болгарии. — В кн.: Этнография в странах социализма. М.: Наука, 1975, с. 57—58.

³⁸ Вакарельский Х. Этнография на България. София, 1977 (2-е изд.).

³⁹ Маркова Л. В. Этнографската наука в НР България. — В кн.: Этнография на България, т. I. София, 1980, с. 151—163.

⁴⁰ Мецгерук И. И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в. — Известия Молдавского филиала АН СССР, 1953, № 3—4; *его же*. Пе-

еще в начале нашего века болгарские села на юге России были подробно обследованы Н. С. Державиным⁴¹. В советское время этнографическое изучение этой группы болгарского населения продолжалось⁴² — как в плане монографическом (книга украинской исследовательницы Л. А. Демиденко, в которой уделяется большое внимание современному социалистическому быту колхозников — потомков переселенцев⁴³), так и в контексте межэтнических связей народов Украины, — работа В. И. Наулко⁴⁴.

В этнически смешанном населении южных районов Бессарабии (где болгары расселялись в непосредственном соседстве с другими выходцами с балканского полуострова — гагаузами, албанцами и где они вступали в контакты с украинцами, молдаванами, немцами и другими группами) возникали характерные формы интегрированной культуры.

Изучая этническую группу, расселенную вне основного ареала этноса, этнографы рассматривают прежде всего вопросы устойчивости этнических традиций, проблемы проявления их в процессе адаптации мигрантов в новой экологической и социальной обстановке⁴⁵. При этом оказалось, что среди болгар-переселенцев на новых землях возникла сельская община (в отличие от Болгарии здесь практиковались земельные переделы). Очевидно, такая форма общественной организации была наиболее рациональной для вновь возникающих сообществ: сел, основанных выходцами из разных районов Болгарии. Этот факт служит одним из доказательств существования общинных традиций на родине эмигрантов⁴⁶.

В числе многих элементов культуры болгар-переселенцев и их потомков наиболее полно изучены жилые и хозяйственные постройки. Жилище и усадьба описаны не только как предмет народной архитектуры, но и как необходимая среда для функционирования семьи. Во многих специальных публикациях отражен новый подход к типологии жилища: особое внимание уделено исторически сложившемуся комплексу крестьянской усадьбы, состоящему из двух отдельно возведенных жилых построек⁴⁷.

Процессы аккультурации и сохранения этнических традиций хорошо прослеживаются на тенденции развития материальной культуры. Переселенцы из разных районов Болгарии принесли на новые места жительства локальные особенности культуры. Расселившись чересполосно, а иногда и смешанно в одном селе, они постепенно создали единый комп-

реселение болгар в Южную Бессарабию 1828—1834. Кишинев: Штиинца, 1965; *его же*. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев: Штиинца, 1971.

⁴¹ Державин Н. С. Болгарские колонии Новороссийского края. Симферополь, 1908; *его же*. У болгар Таврической губернии. — Этнографическое обозрение, 1901, кн. XLVII, № 4; *его же*. Болгарские колонии в России, т. I. — Сборник за народни умотворения и народопис, кн. XXIX. София, 1914; т. II. Петроград, 1915.

⁴² По переписи 1979 г. численность болгар в СССР составляла 361 тыс. чел. (Вестник статистики, 1980, № 7, с. 42).

⁴³ Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев: Наукова думка, 1970.

⁴⁴ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975.

⁴⁵ Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР. — Первый конгресс балканских исследований. Доклады советской делегации. М., 1966.

⁴⁶ Маркова Л. В. Землепользование у болгар и гагаузов в Бессарабии в XIX в. — В кн.: Славянский этнографический сборник, с. 105—109.

⁴⁷ Маркова Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев. — Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1955, в. 24, с. 3—18; *ее же*. Типы болгарского жилища в Прутско-Днестровском междуречье. — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 61—74; *ее же*. Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР. — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 126—149; Будина О. Р. Жилище болгар, греков, албанцев. — В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1979, с. 83—128. Последняя из названных работ интересна тем, что вскрывает закономерность сохранения и трансформации этнических традиций у численно ограниченных групп переселенцев, погавших в новые для них природные условия и в многоэтническую среду.

лекс культуры, который можно назвать общепессарабским (в то время как различия в говорах сохранялись)⁴⁸.

Тенденции развития традиционной культуры изучаются также и в микросреде семьи. Выявлено, что главная роль в сохранении этнических традиций в семье принадлежит женщинам⁴⁹.

Большую устойчивость этнических традиций обнаруживает цикл календарных праздников болгар Южной Пессарабии⁵⁰. Эта устойчивость проявляется прежде всего в сохранении локальных вариантов обрядности — в противоположность отмеченной выше нивелировке в области материальной культуры. Конечно, и в обрядовой сфере шла эволюция в сторону унификации, но более медленным темпом.

В новейшее время болгары СССР, сохраняя специфические черты своего этноса и своей локальной группы, включаются в новую историческую общность — советский народ. Изучить особенности сочетания этих двух тенденций — этнической традиции и общесоветского образа жизни — одна из задач советской болгаристики.

⁴⁸ *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар. — СЭ, 1974, № 1, с. 45—58.

⁴⁹ *Маркова Л. В.* О влиянии смешанных браков на процесс ассимиляции национальных групп (болгары Закарпатья). — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции языковых контактов. М.: Наука, 1975, с. 255—262; *Демиденко Л. А.* Свадебата на българите в Болградски район УССР. — Балгарска етнография. София, 1975, № 2.

⁵⁰ *Маркова Л. В.* Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуречья Прута и Днестра. — Известия на етнографския институт и музей, т. XI. София, 1968, с. 151—168.

В. А. Шнирельман

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ПЕРЕХОД
К ПРОИЗВОДЯЩЕМУ ХОЗЯЙСТВУ
[по материалам Африки и Азии]**

Недавно группой советских исследователей была сделана небезуспешная попытка выявить специфику этнокультурных контактов между обществами, стоявшими на разных уровнях развития, и показать роль этих контактов в мировой истории¹. Особое внимание обращалось на особенности взаимоотношений классовых обществ с их первобытной периферией, что не позволило проанализировать другую не менее важную проблему — проблему более ранних контактов.

Цель данной статьи — хотя бы частично заполнить эту лакуну, рассмотрев этнокультурные связи на ином, типологически более раннем историческом срезе. Ее задачей является анализ контактов между охотниками и собирателями, с одной стороны, и земледельцами и скотоводами — с другой. Значение подобного рода исследования определяется тем, что оно выполняет важную источниковедческую задачу, устанавливая степень и направленность модификации охотничьих и собирательских обществ в условиях соседства с ранними земледельцами и скотоводами, тем самым помогая реконструировать существовавшие аспекты их изначальной культуры.

В данной статье рассматриваются лишь этнографические примеры таких контактов, которые фиксировались специалистами в XIX—XX вв. Следовательно, эти контакты происходили в современную эпоху и в своей конкретной форме не избежали того или иного влияния со стороны определенного рода современных процессов. Однако, как известно, внешняя форма явления вовсе не тождественна его внутренней глубинной сущности. С этой точки зрения саму структуру контактов и их принципиальные механизмы было бы неверным смешивать с их наружными проявлениями. Ведь первые детерминировались самой сущностью изучаемых обществ, которые, как и древние первобытные общества, относились к первобытнообщинной формации, а облик вторых определялся самыми разными, в том числе и внешними факторами. Тем самым анализ рассматриваемых контактов представляется важным не только для изучения современных процессов в странах третьего мира, но до определенной степени и для реконструкции некоторых аспектов этнических взаимоотношений в глубокой древности. Справедливость такого подхода подтверждается хотя бы тем, что полученные здесь выводы хорошо увязываются с археологическими данными о безусловно первобытных обществах. Здесь не место касаться археологических материалов, рассмотрение которых имеет свою специфику. Это будет сделано в другой работе.

Контакты между обществами с присваивающим и производящим хозяйствами — это контакты между двумя принципиально различными структурами². Для первых были характерны высокая мобильность и соответствующая ей бедность материальной культуры, значительная гибкость общественной структуры и большая роль широких социальных

¹ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М.: Наука, 1978.

² Под обществами с присваивающим хозяйством здесь имеются в виду лишь группы низших охотников и собирателей. У высших охотников и собирателей встречается иная картина, которая здесь не рассматривается.

связей, преобладание концепции горизонтального родства и отсутствие сколько-нибудь развитых институтов формальной власти, анимистические формы религиозных представлений и система ценностей, основанная на всеобщем равенстве и коллективном распределении продуктов труда. Напротив, степень мобильности вторых была значительно меньше (она оставалась относительно высокой лишь у некоторых скотоводов), их материальная культура отличалась большим богатством, что в известной мере вызывалось углублением процессов трудовой специализации и становлением ремесла. Общественная структура ранних земледельцев и скотоводов в связи с развитием у них позднеродовой организации постепенно теряла прежнюю гибкость, роль широких внешних контактов падала за счет возрастания внутренней консолидации, центральной становилась концепция вертикального родства, совершенствовалась система власти, основные черты религии определялись культом предков, а в системе ценностей основное место постепенно стали занимать понятия, порожденные становлением частной собственности. Изучение взаимоотношений между столь различными структурами вызывает особый интерес и потому, что оно помогает вскрыть важнейшие культурные механизмы, связанные с одной стороны, с особенностями сохранения прежних традиций в изменяющихся условиях среды, а с другой — с восприятием инноваций и характером их усвоения.

Отношения охотников и собирателей с земледельцами и скотоводами повсюду принимали прежде всего форму обмена продуктами труда. Носители присваивающего хозяйства поставляли мясо добытых животных, плоды дикой природы и некоторые виды сырья для производства, их более развитые соседи — сельскохозяйственную продукцию, главным образом земледельческую, и ремесленные изделия (железные, керамические и др.). На этой основе и осуществлялись взаимные влияния контактировавших обществ. Для установления конкретной картины рассмотрим несколько примеров.

Пигмей-мбути района р. Итури (Заир) постоянно снабжали своих соседей-земледельцев (носителей центрально- и восточносуданских языков и языков банту) мясом и другими продуктами леса, а иногда помогали им и в обработке полей. За это они получали по мере надобности приют и необходимую земледельческую продукцию. В условиях тесных взаимоотношений, установившихся между партнерами, шел интенсивный культурный обмен, причем пигмей, будучи более отсталыми, в большей мере заимствовали элементы культуры у соседей, чем те у них. Многие предметы материальной культуры, начиная от железных ножей и наконечников копий и кончая глиняными горшками и деревянными ступами, пигмей получали у земледельцев. Даже выделявая некоторые украшения самостоятельно, они часто копировали образцы, распространенные у соседей, под влиянием которых у них, например, возникла деревянная скульптура. Охотничьих собак пигмей также получали извне. По примеру соседей они украшали тело рубцами, брили голову, выбивали передние зубы и т. д. Пигмей усвоили и некоторые обычаи земледельцев. Так, брачный и похоронный обряды пигмей часто проводили под руководством и по обычаям земледельцев. Все без исключения мальчики-пигмей подвергались инициации вместе с детьми соседей также под контролем земледельцев. У последних пигмей позаимствовали некоторые виды магической практики и ряд религиозных представлений. Охотники с луками эфе входили в одно тайное мужское общество вместе с земледельцами лезе. Кроме того, развитие формализованного обмена между ними и лезе привело у этой группы пигмеев к укреплению социальной организации, повышению роли вожаков и кое-где к формированию протоплеменной социально-потестарной организации.

Земледельцы заимствовали у пигмеев некоторые религиозные представления, например веру в «хозяина леса»³.

³ Turnbull C. M. The Mbuti Pygmies: an Ethnographic Survey. N. Y., 1965; *idem*. Wayward Servants, The Two Worlds of the African Pygmies. N. Y., 1965.

Вместе с тем, как отмечает К. Тернбулл, воспринимая чужие обычаи, и пигмеи, и их соседи придавали им свое собственное значение и часто настолько их видоизменяли, что их трудно было узнать⁴. Например, палка из изогнутой ветки дерева у земледельцев считалась магической защитой от воров, а пигмеи видели в ней символ присутствия духов на празднике. И земледельцы, и пигмеи полагали, что кровь опасна. Но первые видели в ней, особенно в менструальной крови, только вред и применяли различные магические приемы, чтобы избежать опасности. Для последних же кровь являлась и символом жизни. Столь различное отношение к крови было одной из причин того, почему половое созревание девушек воспринималось пигмеями и земледельцами совершенно по-разному. По-разному проводились и соответствующие церемонии.

При общей вере в «хозяина леса» пигмеи и земледельцы неодинаково относились к этому божеству. Пигмеи считали его своим покровителем, тогда как их соседи не ожидали от него ничего, кроме зла⁵.

Таким образом, при сохранении совершенно различных ценностных ориентаций заимствования не приводили к этническому слиянию двух рассматриваемых обществ. Напротив, этнические границы в этом случае стали более резкими. Пигмеи и земледельцы относились друг к другу с некоторым презрением, считая противоположную сторону людьми второго сорта или даже животными⁶. Однако это не мешало им интенсивно общаться. Наблюдались даже межэтнические браки, хотя и односторонние: земледельцы иногда брали в жены пигмеек, причем дети от таких браков почти всегда оставались в общинах отцов, что некоторым образом сказывается сейчас на физическом облике и банту-бира и суданцев-лезе. Однако пигмеи-мужчины никогда не женились вне своей общины⁷.

Несмотря на отдельные случаи проявления враждебности, мбути никогда не вступали в какие бы то ни было кровавые столкновения с соседями. Это и понятно. Обитая бок о бок, обе стороны использовали разные ресурсы, вели хозяйство в разных природных условиях и никогда не пытались вторгаться в сферу деятельности друг друга.

Если у пигмеев-мбути сложились более или менее равноправные отношения с соседями-земледельцами, то у пигмеев-бинга такие отношения со временем сменились зависимостью от негритянского земледельческого населения. Привыкнув питаться продуктами земледелия, бинга ради их получения все более и более уступали требованиям соседей, стремившихся привлечь их к обработке своих полей. Это было одной из причин, по которой бинга постепенно сокращали свою охотничью и собирательную деятельность. Другая причина вызывалась, по-видимому, давлением земледельческого населения на окружающие ресурсы дикой природы, прогрессивно сокращавшиеся. Попад в подчинение негров, бинга сменили свой образ жизни, отказались от прежней системы ценностей, а их традиционная социальная организация трансформировалась. В этих условиях кое-где они и сами начали переходить к земледелию⁸.

Сходные взаимоотношения в ряде районов встречались между охотниками и собирателями, бушменами, с одной стороны, и бантусскими земледельцами и скотоводами и скотоводами-готтентотами — с другой. Их основой служили обмен продуктами и иногда взаимопомощь. На той же базе какое-то время строились отношения бушменов с бурами в ранний период европейской колонизации. Бушмены поставляли своим соседям продукты охоты (мясо, шкуры) и некоторые изделия (бусы и т. д.),

⁴ *Turnbull C. M. The Forest People. London, 1961, p. 167; idem. Wayward Servants ..., p. 63—81.*

⁵ *Turnbull C. M. The Forest People, p. 167—169; idem. The Mbuti..., p. 235—236.*

⁶ *Turnbull C. M. The Forest People, p. 161; idem. The Mbuti..., p. 185, 229.*

⁷ *Turnbull C. M. The Mbuti..., p. 161, 229.*

⁸ *Demesse L. Changements technoeconomiques et sociaux chez les Pygmées Babinga (Nord Congo et Sud Centrafrique). Paris, 1978.*

получая от них за это металлолические орудия и предметы быта, а также украшения. Судя по археологическим данным, такого рода контакты возникли в Южной Африке еще на рубеже нашей эры. В ряде случаев бушмены помогали своим соседям в выпасе и охране скота, а также в обработке земли и охране полей. Некоторые из групп бушменов уже давно познакомились с различными формами производящего хозяйства. Однако до недавнего времени у них не обнаруживалось желания самим заняться земледелием и скотоводством. Еще в начале XX в. большинство бушменов продолжало традиционный образ жизни, связанный с охотой и собирательством. Из домашних животных они стремились иметь только ослов и лошадей, использовавшихся ими для транспорта, и собак, служивших для охоты. Бушмены заимствовали их у соседей, но не разводили самостоятельно. Других животных (коз, овец и т. д.), полученных ими у соседей в качестве платы за помощь, они быстро съедали. Такая картина в течение длительного времени наблюдалась в тех районах, где иноэтничных земледельцев и скотоводов было мало и они не мешали бушменам в полной мере использовать ресурсы традиционной территории. До недавних пор это было характерно, например, для района Добе, где охотники и собиратели кунг свободно использовали свою территорию площадью 10 000 км², на которой соседи-скотоводы встречались лишь изредка. Будучи знакомы с земледелием, кунг порой и сами обрабатывали небольшие участки земли и собирали с них урожай. Это происходило в дождливые годы. Однако из-за больших колебаний в количестве осадков кунг никогда полностью не полагались на земледелие. Более надежными в этих условиях видами хозяйства они считали охоту и собирательство, служившие основой их традиционного образа жизни.

При наличии по соседству развивающегося производящего хозяйства, требующего от его носителей постоянного расширения территории, описанная ситуация не могла существовать бесконечно долго. Скотоводческое хозяйство не обладало способностью нормально функционировать без расширения площади пастбищ, которое происходило за счет исконных земель бушменов. Распространение скотоводства вело не только к сокращению территории обитания охотников-собирателей, но и к исчезновению необходимых для их пропитания животных и растительных ресурсов. Поэтому бушмены со временем все чаще угоняли скот у соседей. Начало этому было положено еще в I тысячелетии н. э. Так сложились условия для обострения отношений бушменов с соседями банту и готтентотами, возникновения между ними вооруженных конфликтов и оттеснения в результате части бушменов в маргинальные районы. Впрочем, и в этой обстановке происходил обмен культурными достижениями, а местами бушмены воспринимали язык соседей и ассимилировались с ними.

Описанные процессы создали фон, обусловивший кризис традиционного хозяйства бушменов, и стимулировали ломку старого образа жизни и переход к земледелию и скотоводству. Если в начале XX в. не менее 60% всех бушменов занимались главным образом охотой и собирательством, то к 70-м годам такие группы составляли всего лишь 5%. Следовательно, переход основной массы бушменов к производящему хозяйству совершился лишь в наше время. Вместе с тем и сейчас даже для наиболее трансформированных групп бушменов продукты охоты и собирательства продолжают играть важную роль в пищевом рационе⁹.

Фольклор сандаве (Центральная Танзания) также отразил стадию, когда они вели охотничье-собирательский образ жизни, обменивая полу-

⁹ Stow G. W. The Native Races of South Africa: a History of the Intrusion of the Hottentots and Bantu into the Hunting Grounds of the Bushmen, the Aborigines of the Country. London, 1905; Schäperclaus J. The Khoisan Peoples of South Africa. London, 1930; The Oxford History of South Africa. V. I. Oxford, 1969, p. 63—71; Lee R. B. Introduction.— In: Kalahari Hunter-Gatherers. London, 1976, p. 5—20; Russell M. Slaves or Workers? Relations between Bushmen, Tswana and Boers in the Kalahari.— JSAF, 1976, v. 2, № 2, p. 179—193.

ченную продукцию с соседями-банту на зерно и железо. Эта картина, по-видимому, встречалась еще в XIX в.¹⁰ На примере сандаве хорошо прослеживается характер изменений в хозяйстве, социальной и духовной культуре в обществе охотников и собирателей в условиях усиления контактов с соседними земледельцами и скотоводами. Отправной точкой этой линии развития служила ситуация, весьма сходная с описанной выше у пигмеев. Однако у сандаве, со всех сторон окруженных все возрастающим населением банту и нилотов, ведущих земледельческо-скотоводческий образ жизни, не было тех широких возможностей для маневренности их традиционного хозяйства, какие отмечались у пигмеев-мбути. Поэтому с течением времени сандаве все чаще страдали от периодических колебаний природной обстановки, время от времени вызывавших голодовки. Вместе с тем, имея устойчивые контакты с соседями, возникшие в условиях обмена, сандаве в полной мере использовали эти социальные связи для того, чтобы умерить неблагоприятные последствия периодических хозяйственных кризисов. Во время голода они находили убежище в общинах соседей, главным образом у туру и гого. Это способствовало возникновению еще более тесного культурного обмена и взаимным бракам. В этих условиях сандаве и начали переходить к земледелию и скотоводству, основные навыки которых они получили прежде всего от туру и в меньшей степени от гого. Большую роль в развитии у них скотоводческого уклада сыграли также полукочевники барабаиг (нилоты). Одна из их групп даже осела в районе обитания сандаве, ассимилировалась с ними, заимствовала их язык и уже в конце XIX в. считала себя сандаве. Таким образом, как отмечает Дж. Ньюмен, переход к производящему хозяйству начался здесь в условиях усилившихся голодовок, стимулировавших поиск новых средств существования. Такие средства были найдены в ходе упрочения межэтнических контактов и частичной ассимиляции, что способствовало заимствованию земледельческо-скотоводческой техники. При этом сандаве сохранили свое этническое самосознание¹¹.

Постепенность описанного процесса, отсутствие резкого разрыва с прежней культурной традицией обусловили специфику культурной динамики у сандаве, которым удалось сохранить многое из прежней системы ценностей. У них еще долго господствовали охота, собирательство и связанные с ними понятия и образ мышления. До сих пор в их фольклоре и мифологии доминируют охотничьи мотивы. Тот же характер сохраняет и ритуал. Так, главная цель инициации мальчиков заключается в обучении их охоте и песням, а культ предков служит прежде всего интересам охоты и собирательства. Подход к пищевому рациону у сандаве типичен для охотников и собирателей: они нетребовательны и отличаются большой неразборчивостью в питании. Заимствовав прямоугольную конструкцию жилища у земледельцев, сандаве сохранили и традиционную круглую охотничью хижину. До сих пор сандаве еще очень неопытны в земледелии и скотоводстве, не выработали они и сколько-нибудь строгих норм, связанных с этими направлениями хозяйства. Права собственности на скот и на землю остаются у них далеко не такими жесткими, как у их соседей. Они не заимствовали слепо у соседей и системы ценностей, характерной для скотоводов: скот у них не является главным показателем социального положения, многие уважаемые люди не имеют его вовсе. Мифология также не содержит скотоводческих образов. Не менее интересна и картина языковых заимствований. Земледельческие и скотоводческие термины сандаве в основном переняли у соседей: в то же время у них сохранились свои названия для диких растений и животных¹².

В настоящее время во многом сходные процессы наблюдаются у обитающих по соседству хадзапи, также интенсивно общающихся с сосед-

¹⁰ Newman J. L. The Ecological Basis for Subsistence Change among the Sandawe of Tanzania. Washington, 1970, p. 25.

¹¹ Newman J. L. Op. cit., p. 56.

¹² Newman J. L. Op. cit.

ними земледельцами и скотоводами (исанзу и др.). Хадзапи издавна снабжали своих соседей медом, целебными травами и другими продуктами леса, получая в обмен бусы, тыквенные и керамические сосуды, табак, одежду и железные изделия (топоры, ножи) или же просто куски железа, которые они сами обрабатывали способом холоднойковки. Иногда хадзапи выменивали у соседей и собак¹³.

Охотники-доробо в прошлом обитали на лесистых возвышенностях Кении и Северной Танзании. Уже в XIX в. они контактировали со скотоводами масаями, а с начала XX в. — с земледельцами и скотоводами нанди. Соседи вели свое хозяйство в иной природной обстановке, чем доробо, и поэтому не создавали трудностей для их традиционного образа жизни и не стесняли свободы их передвижения. Поэтому до недавнего времени доробо использовали не только лес, но и окружающие районы саванны. Контакты с соседями обуславливались прежде всего отношениями обмена: доробо поставляли им продукты леса (мясо, шкуры, мед), получая от них железные и керамические изделия, табак, одежду и т. д. Тесные социальные связи создали прочную основу для взаимного обмена различными культурными достижениями. Помимо уже указанных предметов материальной культуры доробо перенимали у нанди форму жилища. Сохранив свою древнюю раннеродовую организацию, они заимствовали у нанди родовые названия и, возможно, определенные виды тотемизма. По их примеру наравне с прежним родовым делением они ввели территориальное деление и связанную с ним потестарную организацию — советы отдельных районов. Кроме того, доробо восприняли у нанди систему возрастных классов, обычай обрезания, некоторые термины родства, многие религиозные представления. Наконец, они перешли на язык нанди.

Вместе с тем до недавнего времени доробо сохраняли многие традиционные обычаи, охотничье мировоззрение и связанную с ним систему ценностей. Заимствование происходило не слепо, а с определенным отбором: ряд новых культурных элементов служил им для улучшения условий традиционного образа жизни (например, железные орудия), другие — хорошо вписывались в местную социальную систему (родовые названия, термины родства). Украшения и женская одежда, полученные от нанди, воспринимались доробо как экзотические вещи, повышавшие престиж их владельцев. Система возрастных классов, служившая нанди во многом для военных целей, была использована миролюбивыми доробо в качестве нового механизма, укреплявшего социальную сеть.

Развитие у соседей производящего хозяйства со временем стало, по-видимому, затруднять традиционную хозяйственную деятельность доробо. Эта новая ситуация наряду с ростом территориальных притязаний колониальных держав в Восточной Африке была одним из факторов, заставивших местную администрацию установить более жесткие племенные границы, в результате чего доробо потеряли право выходить за пределы леса. Так сложилась основа для кризиса их традиционного хозяйства, а в поисках выхода из него они начали заимствовать у нанди земледелие и скотоводство. Переход к разведению домашних животных (коз и крупного рогатого скота) начался у доробо в 30-е годы, однако первоначально он не сопровождался выработкой у них скотоводческой системы ценностей и соответствующей ритуальной практики. Изменения в этих сферах культуры наступили позднее, когда скот начал ассоциироваться с богатством и приобрел важные социальные функции, например, стал служить брачным выкупом. Отход от прежнего образа жизни и культурное сближение с нанди вызвали резкое повышение числа межэтнических браков. С выработкой новых ценностных ориентаций у женщин доробо, прельщенных богатством нанди, появилось стремление к бракам именно с ними, тогда как мужчины доробо из-за возникшей не-

¹³ Woodburn J. C. The Future of the Tindiga. — Tanganyika Notes and Records, 1962, № 59, p. 269—272; *idem*. Hunters and Gatherers: the Material Culture of the Nomadic Hadza. London, 1970.

хватки потенциальных брачных партнеров также пытались жениться на девушках нанди¹⁴.

У охотников ик (тесо) переход к производящему хозяйству происходил в более драматической обстановке, чем у доробо. Еще в начале XX в. ик, как и некоторые другие соседние группы охотников и собирателей (ньянгеа и напоре), обитали в горах на широкой территории, лежащей на границе Уганды, Судана и Кении. В обстановке частых климатических колебаний, имея дело со стадами мигрирующих животных, эти охотники выработали сезонный хозяйственный цикл, основанный на значительной подвижности. Однако когда в конце 30-х годов между соседними странами были установлены более жесткие территориальные границы, а часть земель отошла в собственность национальных парков, охотники ик лишились своих лучших угодий, их традиционный хозяйственный цикл был деформирован и потребовал перестройки. Как отмечает К. Тернбулл, мир, искусственно суженный административными границами, потерял для них прежнюю привлекательность, ибо они были уже не вольны передвигаться по нему, руководствуясь лишь собственными интересами¹⁵. В этих условиях местные охотники начали переходить к производящему хозяйству, причем если таким группам, как ньянгеа и напоре, это удалось без большого труда, то ик встретились со значительными трудностями. Последнее, очевидно, вызывалось тесными отношениями их со скотоводами додос и туркана, совершавшими постоянные военные набеги, что вносило дестабилизирующий фактор в местную и без того достаточно сложную обстановку. Действительно, засушливый район обитания ик не был достаточно благоприятным для развития здесь примитивного земледелия. Засухи, происходившие раз в 4—5 лет, приводили к периодическим неурожаям и заставляли ик на время забрасывать земледелие и возвращаться к традиционному охотничье-собираческому хозяйству, которое вследствие потери важных пищевых угодий уже не было столь продуктивным, как прежде.

В достаточно урожайные годы ик также не могли сколько-нибудь полно использовать возможности земледелия, от которого их отвлекали соседи-скотоводы, втягивавшие их в сферу своей политики. Контакты со скотоводами, выражавшиеся в первую очередь в ритуальном дарообмене продуктов леса на скотоводческую продукцию, возникли у охотников рассматриваемого района уже давно и сохранились с переходом последних к земледелию (при этом вместо продуктов леса они начали поставлять соседям земледельческие продукты). Однако этой сферой контакты не ограничивались. Воинственные скотоводы стремились использовать ик в качестве лазутчиков, проводников, гонцов и прибегали к их помощи для сокрытия краденого скота. Все это отнимало у ик время и силы и отрывало их от хозяйственной деятельности. К тому же результату приводили постоянные набеги, препятствовавшие переходу ик к скотоводству. Дело в том, что, получая от соседей скот в качестве награды за помощь, ик тут же его съедали. Как гласит их поговорка, «одна корова в желудке лучше, чем десять в загоне». В этом проявлялось не только действие прежних охотничьих привычек, но и опасение перед грабительскими набегами со стороны соседей, не упускавших возможности напасть на тех ик, которые осмеливались завести стадо, с целью его захвата.

Издавна контактируя со скотоводами, ик постепенно заимствовали у них, в особенности у туркана, одежду, металлические изделия и некоторые другие предметы материальной культуры. Облик их поселков видоизменился, соединив в себе охотничьи, земледельческие и скотоводческие традиции. Дети ик помогали туркана в выпасе коз и с удовольствием имитировали скотоводческие игры. С переходом к земледелию у ик возникло гончарство. Однако прежние определенные привычки и цен-

¹⁴ *Huntingford G. W. B. The Social Institutions of the Dorobo.—Anthropos, 1951. Bd 46, S. 1—48; idem. The Political Organization of the Dorobo.—Anthropos, 1954, Bd 49, S. 123—148.*

¹⁵ *Turnbull C. M. The Mountain People. N. Y., 1972, p. 259.*

ностные ориентации сохранялись у них довольно долго. Они, например, так и не привыкли делать запасы, считая это пустой тратой времени. Ик не охраняли поля от зверей и птиц и не дожидались полного созревания культурных растений для их сбора, а независимо от степени их зрелости собирали урожай каждый день в количестве, необходимом для дневного пропитания. В этом, равно как и в нетребовательности к пище, проявлялись прежние охотничье-собираТЕЛЬские привычки. Интересно, что и после перехода к земледелию ик в оценке окружающего мира порой продолжали исходить из традиционной системы ценностей. Например, придавая большое значение способности быстро бегать, прямо связанной с подвижным образом жизни, ик насмехались над додос, носившими высокие прически, значительно осложнявшие бег.

Картина культурного обмена между охотниками-собираТЕЛЯМИ и соседними земледельцами зафиксирована не только в Африке, но и в Азии. Лучше всего она описана на этнографических материалах Филиппин, где охотники, собиратели и рыболовы аэта контактировали с различными земледельческими этносами. Как и в случае с другими охотниками и собирателями, здесь имелаСь широкая социальная сеть, в орбиту которой были вовлечены самые отдаленные общины. Размеры этой сети были однако не безграничны, и аэта делились на ряд региональных групп с различными самоназваниями. Утратив свой исконный язык, каждая из таких групп говорит сейчас на языке обитающего по соседству с ней общества земледельцев¹⁶.

Одну из этих групп составляли аборигены залива Паланан на северо-востоке о. Лусон. Здесь примерно 800 охотников, собирателей и рыболовов, считавших себя аэта, граничили с различными этносами филиппинских земледельцев, которых они называли обобщенным термином «пути». Степень контактов их региональных групп с соседями-земледельцами была самой различной: от весьма тесных связей до почти полного игнорирования. Наиболее интенсивные контакты между ними отмечались на о. Лусон¹⁷. Охотники и земледельцы находились в отношениях партнерства и помогали друг другу в хозяйстве. Аэта доставляли своим «друзьям» мясо, рыбу, мед, строительные материалы, помогали им обрабатывать поля, служили гонцами и проводниками, а земледельцы снабжали их продуктами своего труда: рисом и другими видами растительной пищи. Как единодушно отмечают все исследователи, и аэта, и земледельцы в принципе могли бы обойтись без подобных контактов, однако это сделало бы их жизнь значительно сложнее. Поэтому здесь с давних пор установилась взаимовыгодная хозяйственная специализация. Общение облегчалось тем, что оба партнера обычно понимали языки друг друга, причем охотники часто знали по несколько языков. Местами между аэта и земледельцами заключались браки.

Благодаря описанным контактам на о. Лусон установились благоприятные возможности для культурного обмена, однако охотники использовали их гораздо полнее, чем земледельцы. Заимствование имело выборочный характер и определялось своеобразными ценностными ориентациями, выработанными охотниками. Последние переняли у соседей прежде всего то, что могло бы способствовать интенсификации охоты: охотничьих собак и методы охоты с ними, а также с сетями и ловушками¹⁸. Кое-где под влиянием филиппинцев аэта в настоящее время начинают переходить к земледелию, однако этот процесс по ряду объективных причин совершается весьма медленно. Среди первых следует назвать прежде всего сложность соединения традиционных занятий охотой и собирательством, требующих частых перемещений с места на

¹⁶ Тихонов Д. И. Аэта Филиппинских островов. — В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 147.

¹⁷ Garvan J. M. The Negritos of the Philippines. Horn — Wien, 1964; Nicolaisen J. The Negritos of Casiguran Bay. Problems of Affluency, Territoriality and Human Aggressiveness in Hunting Societies of Southeast Asia. — Folk, 1974/1975, v. 16—17, p. 401—434; Peterson J. T. The Ecology of Social Boundaries. Urbana, 1978.

¹⁸ Garvan J. M. Op. cit., p. 33, 69, 74.

место, с примитивным земледелием, дающим чрезвычайно малый урожай. Ко вторым относятся отсутствие у охотников привычки к длительному, изнуряющему сельскохозяйственному труду, наличие у них ценностных ориентаций (уравнительное распределение и пр.), препятствующих накоплению запасов и т. д.¹⁹ Вместе с тем, помогая соседям в обработке пашни, многие из них знакомятся с методами земледелия, и это помогает им самим переходить к разведению растений. Как отмечает Дж. Петерсон, определенную роль в этом играет и внешний фактор — давление со стороны соседнего сельскохозяйственного населения. Испытывая нехватку земли, земледельцы постепенно расширяют свою территорию за счет участков, обработанных и заброшенных аэа. В районе залива Паланан это затрагивает главным образом южную и северную области расселения последних, где в межэтнических отношениях отмечается некоторая напряженность и даже враждебность. Сокращение возможности маневрировать своими ресурсами порождает у местных носителей присваивающего хозяйства кризис, и они находят из него выход в усилении рыболовецкой деятельности, а не в переходе к земледелию. В южном и северном районах они жалуются, что пути отнимают у них необходимые для этого земли. Напротив, во внутреннем районе, удаленном от побережья, прямое давление земледельческого населения чувствуется гораздо меньше, однако его косвенные последствия, заключающиеся в уменьшении числа диких животных, ощущаются и там. Следовательно, и там возникает кризисная ситуация, выход из которой местные охотники, в отличие от своих прибрежных сородичей, видят в переходе к земледелию.

Это земледелие еще крайне примитивно. У аэа нет четкого представления о земельной собственности. Однако сам по себе переход к земледелию ведет к интенсификации культурного обмена с соседями. Культурный разрыв между партнерами сокращается; одновременно начинается сближение и по ценностным ориентациям²⁰. В этих условиях аэа все чаще строят свои жилища по типу сельскохозяйственных, начинают носить одежду, характерную для пути, заимствуют у них некоторые религиозные ритуалы и верования, связанные с земледелием и т. д. Важные структурные изменения происходят также в характере социальной сети и брачных отношениях. Если в условиях присваивающего хозяйства охотники стремились заключать браки в отдаленных общинах, тем самым максимально расширяя социальную сеть, то с переходом к земледелию дальние брачные связи начинают постепенно исчезать и социальная сеть сужается. Причиной тому служат рост значения земельных участков и изменения в отношениях собственности на землю²¹.

Противопоставляя себя пути как особое этническое единство, в прошлом аэа опирались прежде всего на понятия, выработанные в условиях бродячего образа жизни и закрепленные в этнических стереотипах²². Однако породившая их объективная основа с переходом к земледелию постепенно исчезает. Поэтому особый интерес представляют процессы, происходящие в последние годы в этническом самосознании аэа. К сожалению, они остаются неизученными.

Характерно, что, несмотря на возникновение в ряде мест некоторой напряженности, отношения аэа и пути развиваются в основном мирно.

В ряде других районов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии также наблюдаются или наблюдались в прошлом регулярные контакты, установившиеся между земледельцами, с одной стороны, и охотниками, собирателями и рыбаками — с другой. В них были включены такие народы с присваивающим хозяйством, как, например, пунаны Саравака, кадары, ченчу и бирхоры Южной Индии, мрабри Таиланда, айны о. Хоккайдо и некоторые другие. Интересно, что во всех этих случаях, как и в

¹⁹ Ibidem, p. 76; Nicolaisen J. Op. cit., p. 404—405; Peterson J. T. Op. cit., p. 82—87.

²⁰ Peterson J. T. Op. cit., p. 110.

²¹ Ibidem, p. 46—57.

²² Ibidem, p. 82—87.

рассмотренных выше, этнические взаимоотношения были в основном мирными. Они устанавливались, как правило, на личностной основе и определялись партнерством, причем охотники видели в них один из способов расширения традиционной социальной сети. Несмотря на то, что оба партнера в принципе могли удовлетворять свои непосредственные хозяйственные нужды самостоятельно, не прибегая к обмену с соседями, они приветствовали и активно поощряли такой обмен. Здесь вступал в силу не столько тактический, сколько стратегический расчет, на котором и основывалась первобытная социальная сеть, позволявшая людям гарантировать себя от негативных последствий хозяйственных и социальных кризисов, а также находить выход из неблагоприятной демографической ситуации.

В условиях контактов охотники заимствовали у земледельцев прежде всего то, что повышало эффективность их традиционного присваивающего хозяйства. Дж. Николайсен пишет, например, о целой революции, которую произвело в хозяйстве пуанов появление у них лодок, железных орудий, собак и корзин²³. Судя по рассмотренным выше материалам, охотники вообще заимствовали собак с гораздо большей готовностью, чем других домашних животных. Однако, используя их на охоте и часто превосходя в этом своих учителей-соседей, охотники, как правило, не умели их разводить и продолжали заимствовать их у земледельцев. Вот почему само по себе появление собак у охотников не может считаться той основой, на которой будто бы автоматически возникает скотоводство. Айны о. Хоккайдо начали разводить собак лишь с развитием у них оседлого образа жизни на основе рыболовства и земледелия²⁴.

Ченчу и кадары занялись выращиванием домашних животных (буйволов, коров, коз) сравнительно недавно в условиях усиленных контактов с земледельцами и роста товарности хозяйства, ибо сами они домашних животных не ели, а использовали продукты скотоводства для развита товарно-денежных отношений²⁵.

Таким образом, вступая в контакт с земледельцами и скотоводами и знакомясь с их культурой, охотники и собиратели начинали добровольно заимствовать у них те орудия и приспособления, которые могли повысить эффект их традиционного хозяйства. Вторым стимулом к заимствованию было стремление облегчить свою жизнь, упростив способы добычи пищи. Дело в том, что, хотя дикая природа и обладала всем необходимым для нормального функционирования обществ охотников и собирателей, добыча пищи требовала от них постоянных переходов с места на место, постоянных поисков все новых источников питания. Наличие по соседству более стабильных пищевых ресурсов, связанных с производящим хозяйством, вызывало у охотников и собирателей соблазн воспользоваться ими²⁶. Это было одной из причин набегов охотников на поля поселившихся поблизости земледельцев при отсутствии налаженной системы обмена между ними²⁷.

Л. Демесс описывает подобную ситуацию, возникшую в лесах Конго, куда одна из земледельческих групп отступила после поражения, нанесенного ей врагами. На первых порах обитающие там пигмеи-бинга относились к пришельцам с опаской и уважением. Позже, освоившись в новой обстановке, они начали нападать на участки и поселки земледельцев с целью захвата земледельческой продукции (маниока и т. д.)

²³ Nicolaisen J. The Penan of Sarawak. Further Notes on the Neoevolutionary Concept of Hunters.— *Folk*, 1976, v. 18, p. 210—212.

²⁴ Takakura Sh. The Ainu of Northern Japan: a Study in Conquest and Acculturation.— *Transactions of the American Philosophical Society*, 1960, v. 50, pt. 4, p. 13—14; E. Ohnuki-Tierney. Another Look at the Ainu — a Preliminary Report.— *Arctic Anthropology*, 1971, v. 11, Supplement, p. 191.

²⁵ Fürer-Haimendorf, C. von. The Chenchus. London, 1943 p. 73—75; Ehrenfels U. Kadar of Cochín. Madras, 1952, p. 44.

²⁶ Demesse L. Op. cit., p. 127—128.

²⁷ Turnbull C. Wayward Servants, p. 38; Demesse L. Op. cit., p. 136—140.

и других «экзотических» элементов культуры земледельцев. Возникшие в результате вооруженные стычки вызывали кровопролития, и в конечном итоге по взаимному согласию сторон они сменялись мирным обменом, в котором были заинтересованы оба контактировавших этноса.

Установление отношений обмена между двумя принципиально различными типами обществ требовало выработки определенных механизмов, способствовавших развитию взаимопонимания их членов. В этих условиях заимствования в самых разных сферах культуры были неизбежны. Интересно, что повсюду охотники и собиратели оказывались лучше знакомыми с культурой своих более развитых соседей, чем те с их культурой. Очевидно, одной из причин этого являлись такие важные особенности обществ охотников и собирателей, как значительная гибкость и высокая степень открытости социальной структуры и наличие широкой сети социальных связей. Все это расширяло их кругозор и облегчало им задачу культурных заимствований. Поэтому они оказались весьма восприимчивыми к новым веяниям, идущим из земледельческо-скотоводческого мира, в отличие от земледельцев, живших более обособленно и в меньшей степени склонных заимствовать чужие культурные достижения. Кроме того, определенную роль сыграл, конечно, и более высокий уровень культурного развития земледельцев и скотоводов, предлагавших охотникам и собирателям массу невиданных ранее соблазнов.

Так как обмен в первобытном обществе мог происходить лишь в системе родственных отношений, охотники и собиратели воспринимали у соседей некоторые такие детали их социальной культуры, как родовые названия, термины родства, система возрастных классов. Они начинали участвовать в деятельности их тайных обществ и совместно с ними совершали некоторые родовые обряды и ритуалы, заимствовав соответствующие религиозные представления. Частично эти заимствования происходили по инициативе самих охотников и собирателей, а частично — под давлением со стороны соседей, стремившихся прочнее привязать их к себе. Во имя последней цели земледельцы стремились брать жен из обществ охотников и собирателей, считая, что, установив с ними родство, они укрепят необходимые им социальные связи. Для улучшения условий контактов охотники и собиратели нередко переходили на язык соседей. Наконец, потребности межэтнического общения привели у них к совершенствованию системы власти, а в ряде случаев роль вожаков, ведавших взаимоотношениями с соседями, повысилась.

Вызванные к жизни внешними стимулами, описанные механизмы порой обслуживали лишь сферу межэтнических контактов и не интегрировались сколько-нибудь глубоко в культуру охотников и собирателей. Лучше всего это описано на примере инициаций у пигмеев-мбути, которые для получения статуса «взрослых людей» в обществе соседей-земледельцев позволяли последним подвергать обрезанию своих сыновей. Однако для самих пигмеев этот обряд земледельцев не имел никакого значения. По их понятиям, вне зависимости от участия в этой церемонии, мальчик становился взрослым, лишь принеся с охоты убитого им самим зверя. Вообще социальные механизмы и социальная организация оказывались одними из самых консервативных сфер культурной системы. Полученный на рассмотренных материалах, этот вывод полностью согласуется с тем, к которому пришли авторы коллективной монографии «Первобытная периферия...»²⁸.

Наконец, охотники и собиратели заимствовали у соседей украшения, одежду, прически и ряд других «экзотических» элементов культуры для повышения престижа.

Земледельцы иногда перенимали у них некоторые религиозные воззрения, например связанные с промысловым культом.

В любом случае заимствованные культурные элементы воспринимались с точки зрения традиционных представлений и в ходе интеграции в

²⁸ Первобытная периферия..., с. 254, 258.

новую культурную среду, как правило, изменяли свое значение или функцию. М. Херсковитц в свое время назвал это явление «реинтерпретацией»²⁹.

Переход к земледелию осуществлялся у охотников и собирателей несравненно сложнее, чем заимствование многих других культурных элементов, так как он требовал коренной ломки старого образа жизни, смены прежней системы ценностей и овладения методами совершенно иной хозяйственной системы. В этом отношении весьма показательны отношения к заимствованию земледелия со стороны традиционно настроенных аэтов. Они считают свой образ жизни предпочтительнее земледельческого, так как земледелие отнимает слишком много времени и труда, привязывает к постоянному обитанию на одном месте, урожай имеет сезонный характер и требует защиты от многочисленных диких животных, птиц и насекомых. Кроме того, определенное значение имеет отождествление этноса с определенными культурой и образом жизни: аэты видят свое основное отличие от соседних земледельцев в бродячем образе жизни и стремятся сохранить его во имя этнической автономии. Поэтому интересы земледелия отступают у них на второй план по отношению к интересам охоты и собирательства, и они покидают поля накануне сбора урожая, оставляя его гнить. То же встречалось и у ряда других охотников и собирателей, например, у пуананов и пигмеев³⁰.

Мелким общинам охотников и собирателей было трудно переходить к земледелию и потому, что примитивное земледелие не могло снабдить их всем необходимым для жизни, а рабочих рук в общине не хватало для того, чтобы успешно совмещать занятия земледелием с охотой и собирательством. В этих условиях источники пищи, находившиеся вблизи огородов, быстро истощались, а использование иных, более отдаленных ресурсов вступало в противоречие с земледельческой тенденцией к оседлости. Поэтому некоторые негритосы (семанги) Малаккского п-ова, попытавшись заняться земледелием, вскоре отказались от него³¹.

Хозяйственная система у охотников и собирателей была более гибкой и подвижной, чем у земледельцев, и давала им более разнообразное и сбалансированное питание. Поэтому во многих случаях контакты охотников и собирателей с земледельцами не влекли автоматического возникновения у первых земледелия, хотя они и были знакомы с ним, получая от соседей его продукцию и помогая им обрабатывать поля. Ведь одно только стремление к более оседлой жизни, отмечавшееся у многих охотников и собирателей, не являлось достаточно серьезным стимулом, способным на чаше весов перевесить те трудности, которые неизбежно возникали у них в связи с переходом к производящему хозяйству. Переход к земледелию в контактной ситуации происходил, как правило, тогда, когда он становился насущной потребностью, т. е. в условиях кризиса прежней системы хозяйства.

Интересно, что переход к возделыванию клубнеплодов, требовавших меньшей заботы и менее регулярного труда, являлся для населения с присваивающим хозяйством более легким, чем переход к рисоводству и, видимо, вообще к возделыванию культурных злаков. Выращивание клубнеплодов позволяло в значительной мере сохранить привычный образ жизни и не приводило к резкому отказу от прежней культурной традиции³². Поэтому в ряде районов прослеживалась постепенная эволюция от охотничье-собирательского хозяйства к выращиванию таро и ямса, а затем — путем медленных плавных переходов — к становлению более интенсивного земледелия, связанного уже с выращиванием злаков.

²⁹ *Herskovits M. J. Man and his Work*. N. Y., 1949, p. 553.

³⁰ *Garvan J. M. Op. cit.*, p. 76; *Nicolaisen J. The Negritos...*, p. 422, 423; *Ichikawa M. The Residential Groups of the Mbuti Pygmies*.— *Senri Ethnological Studies*, 1978, № 1, p. 135.

³¹ *Carey I. Orang Asli. The Aboriginal Tribes of Peninsular Malaysia*. Kuala Lumpur, 1976, p. 77, 78.

³² См., например: *Nicolaisen J. The Negritos...*, p. 422—424; *Carey I. Op. cit.*, p. 77.

Именно этим путем шло развитие земледелия у сеноев Малаккского п-ова³³, айнов о. Хоккайдо³⁴ и некоторых других народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

В определенной ситуации охотникам было легче заимствовать домашних животных, чем переходить к земледелию. В первую очередь это касалось охотничьих и транспортных животных, которые безболезненно интегрировались в охотничью культурную систему, так как, с одной стороны, они не требовали большого ухода, а с другой — улучшали возможности ведения традиционного хозяйства³⁵. Однако с развитием товарно-денежных отношений в обстановке тесных контактов с земледельцами охотники могли заимствовать и других животных с целью использования скотоводческой продукции для расширения рыночных связей. Это отмечалось, например, у ченчу и кадаров, которые в небольшом количестве начали разводить коров, буйволов и коз. Такое скотоводство составляло незначительный уклад в общей хозяйственной системе, велось крайне примитивными экстенсивными способами и не противоречило основным принципам традиционного охотничье-собирающего образа жизни. И ченчу, и кадары сами не потребляли продуктов своего скотоводства, а полностью их продавали³⁶. В подобного рода случаях следует говорить, по-видимому, лишь о развитии определенных скотоводческих элементов, а не о сложении скотоводческой системы хозяйства.

Займствование скота и скотоводческих навыков отличается от заимствования земледелия еще и тем, что первое может происходить в условиях враждебных отношений, а второе, очевидно, требует исключительно мирных контактов. Известно множество случаев, когда охотники отбивали скот у скотоводов и начинали использовать его в интересах своего хозяйства в обстановке бесконечных военных набегов и столкновений (индейцы Америки, чукчи и др.). Однако для перехода к земледелию, невозможного без относительной оседлости и регулярного тяжелого труда, была необходима более стабильная ситуация.

Переход к земледелию требовал от охотников изменения прежних представлений и отношений между людьми. Прежде всего это касалось отношений собственности, которые неизбежно должны были трансформироваться, хотя и далеко не сразу. Если в отношении к собственности у охотников доминировал уравнилельный принцип, то у земледельцев происходило становление частной собственности: коллективизм у них постепенно все более сменялся индивидуализмом³⁷. Это имело прямые последствия для развития земледелия. Если опытные земледельцы создавали запасы пищи, заботились о будущем, вели сложные расчеты, то охотники, недавно перешедшие к земледелию, в силу своих прежних понятий выказывали к нему иное отношение. Так, у аэта после сбора урожая в одной общине собирались многочисленные родственники, соседи и друзья и устраивали расточительный пир, в результате чего через месяц здесь оставался запас, едва хватавший для новой посадки³⁸. Охотники, обладавшие крайне бедной материальной культурой, не придавали большого значения материальным ценностям и не понимали стремления земледельцев копить богатство³⁹. Поэтому даже после перехода к земледелию материальные ценности, в частности скот, далеко не сразу получили у них то высокое социальное значение, которое они имели у соседей-земледельцев. Например, у ченчу скот еще не являлся главным символом богатства, не использовался непосредственно в брачной церемонии, в выплате штрафов, не связывался ни с какими религи-

³³ Dentan R. K. The Semai. A Nonviolent People of Malaya. N. Y., 1968, p. 46—47.

³⁴ Hilger M. I. Together with the Ainu. A Vanishing People. Oklahoma, 1971, p. 35—37.

³⁵ Подробно см. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980.

³⁶ Furer-Haimendorf C. von. Op. cit.; Ehrenfels U. Op. cit.

³⁷ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — В сб.: Становление классов и государства. М., 1976.

³⁸ Garvan J. M. Op. cit., p. 77, 78; Peterson J. T. Op. cit., p. 83—85.

³⁹ Peterson J. T. Op. cit., p. 82, 83.

озными и социально-престижными ритуалами, хотя его появление и привело к некоторым изменениям в системе собственности⁴⁰. В лидеры ченчу выбирали авторитетного, заслуженного человека, а вовсе не того, кто имел много скота⁴¹. Выше похожая картина уже отмечалась у сандаве.

Даже после перехода к производящему хозяйству у бывших охотников и собирателей долгое время отмечалось прежнее неразборчивое отношение к питанию, в котором весьма заметное место продолжало принадлежать продуктам охоты и собирательства. Охотничьи сюжеты сохраняли свою большую роль в их фольклоре и мифологии. Целью инициаций еще долго оставалась подготовка мальчиков к жизни взрослых охотников.

Со временем такие группы начали сближаться с соседними земледельцами и скотоводами по культуре и ценностным ориентациям. Определенной модификации подвергалось и их этническое самосознание. Если до перехода к производящему хозяйству они противопоставляли себя более развитым соседям, прежде всего делая упор на образ жизни и окружающую природную среду, то в новой обстановке на первый план выступили второстепенные детали культуры, которые ранее не имели существенного значения: манера держаться, походка, прическа и т. д.

Рост продуктивности хозяйства и усложнение социальной структуры могли и у охотников породить изменения в традиционном отношении к богатству. В условиях неземледельческого пути развития это происходило у некоторых групп айнов, подвергавшихся сильному влиянию со стороны японцев, с которыми у них установились весьма тесные отношения обмена. Получая от японцев собак, железные орудия, крепкие рыболовецкие сети и т. д., айны существенно повысили эффективность своего хозяйства в основном за счет усиленного развития рыболовства. В обстановке развития товарно-денежных отношений рост прибавочного продукта породил у них социальное расслоение, которое уже не вязалось с прежней системой ценностей, основанной на равенстве и коллективизме. Японские вещи (парча, драгоценные камни, украшения, мечи и т. д.) начали служить символом богатства, товарным эквивалентом, выкупом за невесту, платой за кровь, т. е. получили социально-престижное значение. Параллельно шел процесс возвышения руководителей отдельных поселков, упрочения их могущества и расслоение прежде единой этнической культуры⁴². Сходная картина наблюдалась и у других народов в подобной ситуации, например у народов Сибири в условиях развития торговых контактов с русскими в ранний период.

Таким образом, с одной стороны, переход к земледелию далеко не сразу вел к существенным структурным изменениям в социальной системе, а с другой — такие изменения могли возникнуть и, видимо, нередко возникали в условиях высокоразвитого присваивающего хозяйства, т. е. в обществах высших охотников, собирателей и рыболовов.

⁴⁰ *Fürer-Haimendorf C. von. Op. cit., p. 164—165.*

⁴¹ *Ibidem., p. 119—122.*

⁴² *Takakura Sh. Op. cit., p. 13—19.*

Дж. Р. Шарма*

НОВОЕ О КУЛЬТИВАЦИИ РАСТЕНИЙ И ДОМЕСТИКАЦИИ ЖИВОТНЫХ В ИНДИИ

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени первобытная история долины Ганга была известна археологам главным образом по подъемным материалам, и попытки ее реконструкции изобиловали спекуляциями, часто далекими от истины. В последние годы ситуация качественно изменилась. Систематические археологические работы в долине Ганга выявили целую серию археологических культур, древнейшие из которых восходят к началу голоцена. Уже первые раскопки в этом районе показали несостоятельность прежних представлений о культурной отсталости местного населения в древности, а между тем подобного рода взгляды до сих пор встречаются в индологической литературе. Раскопки последних лет позволили установить три кардинально новых факта, резко меняющих представления о месте долины Ганга в мировом историческом процессе. Во-первых, неолит, как оказалось, здесь развился в значительной мере конвергентным путем и связан своими корнями с ранним голоценом. Во-вторых, что не менее важно, в неолитическое время в долине Ганга обитали древнейшие культиваторы риса, и Северо-Восточную Индию теперь с полным основанием можно включать в первичный очаг доместикации этого важнейшего злака. Наконец, в-третьих, неолит долины Ганга входил в зону распространения шнуrowой керамики, охватывавшую в раннем и среднем голоцене огромные пространства Восточной и Юго-Восточной Азии, а так же, как теперь выяснилось, и часть Южной Азии. Эти факты подтверждают все более укрепляющуюся в науке идею об общем древнем пласте, заложившем основу культурного развития в отмеченных трех регионах. Вместе с тем следует обратить внимание на оговариваемый Дж. Шарма факт резких различий в характере обнаруженных в разных областях каменных орудий. Если в долине Ганга орудия изготовлялись из пластин, что находило аналогии в западном мире, то в Юго-Восточной Азии и в Южном Китае преобладала восходящая к хоабинь техника отщепов. Поэтому Дж. Шарма прав, указывая, что появление шнуrowой керамики в обоих этих регионах ставит важную проблему.

Все отмеченное выше свидетельствует об огромном значении последних археологических работ для решения этногенетических проблем, связанных с северо-востоком Индии.

Верхняя часть гор Виндхья (округа Аллахабад и Мирзапур штата Уттар Прадеш), ограниченная с севера р. Гангом, а с юга р. Сон, делится на две части — плато Виндхья и хребет Каймур. Плато Виндхья — равномерно всхолмленное, его наибольшая ширина 88 км, высота от 120 до 195 м. Хребет Каймур расположен к югу от плато и к северу от р. Сон, высота его от 420 до 510 м. Плато обводняется двумя реками — Карманасом и Беланом (притоком р. Тонс), истоки которого находятся вблизи Робертсганджа. Белан протекает по обоим округам — Мирзапур и Аллахабад — и имеет много притоков, главнейшие из них Адва, Сеоти, Чундаригхат, Лоханда, Надох, Тундияри и Гурма. Все они обводняют район площадью свыше 5200 км².

* Дж. Шарма — директор Института археологии при Аллахабадском университете (Индия). В основу его статьи положены материалы многолетних полевых исследований, в которых автор принимал самое непосредственное участие. Редакция сочла целесообразным предпослать статье небольшое введение и снабдить ее комментариями. Введение, комментарии и резюме к статье написаны сотрудником Института этнографии АН СССР В. А. Шнирельманом. Перевод статьи на русский язык сделан Н. Р. Гусевой.

Конец плейстоцена отмечен существенными изменениями в климате и природных условиях региона. Долины Белана и Ганга хранят достаточно свидетельств этих перемен. Верхние слои в долине Белана накапливались в условиях растущей засушливости. Русло реки постепенно углублялось и сужалось в неширокий канал. Послеплейстоценовая пойма Белана представлена речными террасами на довольно низких уровнях — последняя из них на 5 м ниже поздних отложений прежнего русла.

Свидетельства подобных же изменений отмечаются на Ганге, который постепенно отодвигается к югу, оставляя на месте прежнего русла (в штатах Уттар Прадеш и Бихар) много подковообразных и овальных стариц.

Недавние раскопки в районе Белана, которые проводил Департамент древней истории, культуры и археологии при Аллахабадском университете, вскрыли однородную стратиграфию. Разрезами на берегах Белана выявлены три слоя сцементированного гравия и шесть слоев осадочных пород. Все слои, кроме одного — осадочного между I и II слоями сцементированного гравия, исключительно богаты орудиями и окаменелостями. Древнейший — I слой сцементированного гравия — отличался большим количеством орудий нижнего палеолита (аббевильско-ашельский комплекс и галечные орудия).

Материал, собранный в III слое сцементированного гравия, можно определить как индустрию пластин и резцов верхнепалеолитической традиции. Залегающие над этим слоем чернозем, золотые и перекрывающие их отложения содержали последовательно комплексы негеометрических микролитов без керамики и геометрических микролитов с керамикой.

Снизу доверху в разрезе оказались представленными все каменные индустрии от аббевильско-ашельской до позднемезолитической, включая средний и верхний палеолит и ранний мезолит.

Количество окаменелостей здесь тоже очень велико и разнообразно. В III слое сцементированного гравия и в трех вышележащих слоях содержалось много окаменелых и полуокаменелых костей животных современных видов.

Образцы из III слоя сцементированного гравия датируются по ^{14}C 23 840 г. до н. э. ± 830 лет (PRL 86) и 17 765 г. до н. э. ± 340 лет (TF 1245).

СТОЯНКА ЧОПАНИ-МАНДО

Стоянка Чопани-Мандо расположена на последней террасе, образованной Беланом в его ранней излучине (округ Аллахабад). Общая площадь стоянки около 15000 м². Культурные отложения достигают 1,55 м толщины, включая 10 слоев, которые можно разделить на три фазы.

1. *Эпипалеолитическая*¹ (слой 10). Комплекс состоит из верхнепалеолитических орудий (20%) и микролитов архаического типа (80%). В нем представлены пластины с притупленной спинкой и пластины с параллельными сторонами, скребки, сверла, резцы из сланца. Эти орудия по сравнению с мезолитическими гораздо крупнее.

2. *Раннемезолитическая (субфаза А)*. Два следующих слоя (9 и 8) содержат не связанные с керамикой негеометрические микролиты: пластины с параллельными сторонами и пластины с притупленной спинкой, скребки, острия и резцы. Большая часть орудий сделана из сланца и лишь около 5% их — из халцедона. К субфазе А относятся и два круглых в плане жилища (диаметром около 3,8 м).

Раннемезолитическая (субфаза Б), слои 7—4. Обнаружено четыре круглых жилища. Полы в них покрыты кусками камня, микролитами,

¹ Термины «эпипалеолит» и «мезолит» разные специалисты понимают по-разному. В данном случае дефиниция основана на чисто техническом критерии: архаические комплексы, содержащие как крупные верхнепалеолитические орудия, так и ранние типы микролитов, автор относит к эпипалеолиту, а более поздние комплексы, характеризующиеся исключительно микролитической техникой, — к мезолиту. В индийской археологии такой подход к классификации археологических данных встречается не так уж редко. Примеры его можно найти и в советской археологической литературе.

комками обожженной глины с отпечатками тростника, фрагментами костей животных и кусочками древесного угля. Микролиты из сланца и халцедона представляют собой пластины с параллельными сторонами, пластины с притупленной спинкой, сегменты, острия, скребки и треугольники. Важно отметить появление геометрических форм и увеличение (до 10%) числа халцедоновых орудий.

3. *Фаза развитого мезолита, или протонеолита.* К ней относятся орудия из слоев 3—1. Здесь найдено также 13 круглых или овальных жилищ диаметром в 2,5—4,5 м. Полы в них усеяны большим количеством микролитов, кусками камней, отбойниками, «наковальнями» различных размеров с оббитой поверхностью и костями животных. Микролиты стали меньших размеров. Они представлены пластинами, остриями, сегментами, наконечниками стрел, пилками, шильями, треугольниками и трапециями. Число орудий из халцедона возросло до 20%.

Третья фаза характеризуется появлением керамики, сделанной вручную. Это, во-первых, слабо обожженные сосуды (зеленоватые и охранокрасные) и, во-вторых, хорошо профилированные сосуды. Из других предметов, представляющих интерес, отметим терочки, отбойники, пули для пращи и «наковальни». На одном из комков глины обнаружены отпечатки зерен риса (видимо, дикой его разновидности).

Недавние раскопки и исследования позволили изучить миграции первобытного человека с гор Виндхья в долину Ганга. Начало миграций совпадает с первой фазой — эппалеолитической, насколько можно судить по сравнительному изучению орудий регионов Виндхья и долины Ганга. Наиболее раннюю миграцию следует датировать эппалеолитической фазой Чопани-Мандо.

Два главных места мезолитических захоронений — Сараи-Нахар Раи и Махадаха — относятся, как показывает анализ их каменной индустрии, ко второй фазе (субфазе Б) Чопани-Мандо, т. е. к периоду геометрических микролитов без керамики. Миграция в долину Ганга продолжалась вплоть до халколита.

МЕЗОЛИТ. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ ГАНГА

Наши прежние исследования в разных районах округов Пратапгарх, Аллахабад и Варанаси охватывают территорию протяженностью около 10 500 км. Они выявили во многих местах свиту аллювиальных отложений Ганга мощностью до 10 м. Разрез содержал четыре слоя: песок, мягкую глину, черную глину и желтую землю, богатую известняком. Верхний, песчаный слой, венчающий эти отложения, отмечает конец эпохи активности Ганга. Нижний слой желтой земли с известняком был предварительно синхронизирован с III слоем сцементированного гравия долины Белана, слой черной глины — со слоем чернозема, а слой мягкой глины — с верхней частью эоловых отложений долины этой реки.

Область интенсивного изучения лежала к северу от Ганга и к югу от р. Саи в округе Пратапгарх. На берегах стариц в районе древнего аллювия обнаружено около 100 стоянок, 95 из них занимают площадь в 600 км² вокруг Сараи-Нахар Раи.

Наши последние работы велись в районе между реками Саи и Гомати, включающем округа Пратапгарх, Султанпур и Джаунпур. Площадь изученного района — 1036 км². Здесь было выявлено 128 первобытных стоянок. Основная их часть расположена по берегам стариц на древнем аллювии. Эти стоянки относятся к следующим культурным комплексам: а) поздний верхний палеолит (стоянки Мандах, Сулеман, Шалхипур); б) мезолит; в) халколит.

Каменные орудия двух первых культурных комплексов свидетельствуют о трех стадиях развития.

1. *Переходная* (от позднего верхнего палеолита к раннему мезолиту). Орудия: широкие и длинные пластины и резцы позднего верхнепалеолитического комплекса, пластины с параллельными сторонами и пластины с притупленной спинкой, острия, скребки, сегменты, нуклеусы и отщепы. Все орудия сделаны из сланца.

2. *Стадия негеометрических микролитов*. Их типы: пластины с параллельными сторонами и пластины с притупленной спинкой, острия, скребки и сегменты.

3. *Стадия геометрических микролитов* (включая треугольные и трапециевидные формы).

На халколитических стоянках обнаружены главным образом короткие пластины и керамика, изготовленная на гончарном круге. Были найдены также пластины, высокие в сечении. Керамика относится к двум типам — черная ангобированная и красная. Виды ее — чаши, блюда, кувшины, вазы и т. д. — в основном аналогичны найденным на плато Виндхья (раскопки в Какория и Кольдихва). На черных ангобированных горшках обнаружены и следы окраски белым пигментом.

РАСКОПКИ В САРАИ-НАХАР РАИ

Территория, обжитая населением Сарай-Нахар Раи, составляла 1800 м². Этот комплекс содержал погребения и очажные ямки. Раскопано 11 погребений и обнаружено еще четыре, но они не исследованы. Из 11 зафиксированных очагов раскопано восемь.

Мертвых хоронили в вытянутом положении в неглубоких продолговатых могилах, ориентируя их в направлении запад — восток (головой на запад). Ни одного отклонения от этого правила не обнаружено. Под головой насыпалась земляная подушка, а в могилу клали орудия — микролиты и раковины особого типа. Во всех случаях одна рука была вытянута вдоль тела, а другая лежала на животе. В одной могиле было четыре скелета: справа два скелета мужчин, а слева два скелета женщин.

Все скелеты, кроме одного, относятся к возрастной группе 16—30 лет. Средний рост мужчин 1,8 м, рост женщин немного меньше. Из 10 скелетов, пол которых удалось установить, было пять мужских и пять женских.

Найденные в очагах и на жилых поверхностях обожженные и не обожженные кости принадлежат таким видам животных, как зебу (*Bos indicus*), буйвол (*Bos bubalus*), гаур (*Bos gaurus*), овца, коза, слон, черепаша. По мнению Алура, они все относятся к диким видам. Обнаружены также кости рыб.

Из древних орудий следует отметить микролиты и костяные орудия.

Мезолитический комплекс в Сарай-Нахар Раи датируется по ¹⁴C 8395 г. до н. э. ± 110 лет (TF 1104).

РАСКОПКИ В МАХАДАХЕ

Место раскопок находится в 5 км к северу от района Патти в округе Патапгарх на западном берегу высохшего озера. Оно имеет вид неровного круга с диаметрами 62,5 и 63 м, общей площадью в 3937 м². Жилой холм лишь слегка приподнят над современным уровнем почвы.

Комплекс делится на три части — поселение, могильник и бойня. Площадь поселения — 61,5 × 31 м, могильника — 35 × 14 м, бойни — 47 × 15 м.

Могильник расположен на правом берегу древнего русла между бойней и поселением. В узких продолговатых могилах обнаружено 28 захоронений. Скелеты лежали в вытянутом положении, с руками вдоль тела, головой на запад. Черепя были повернуты налево. В одном случае встречено скорченное захоронение. Два скелета принадлежали детям. В двух могилах были парные захоронения мужчины и женщины. Возраст погребенных 17—35 лет (лишь одна женщина старше 50 лет), детей — от 4 до 6 лет. Средний рост мужчин — 1,83 м, женщин — 1,78 м. Всего найдено 13 мужских и 12 женских скелетов. Для всех захороненных характерна долихоцефальность.

Погребальный инвентарь являет нам самые ранние на территории Индии образцы украшений из кости (подвески, серьги и ожерелья),

причем на мужчинах их обнаружено больше, чем на женщинах. Встречены также кости животных, костяные наконечники стрел, микролиты.

На бойне, расположенной восточнее могильника, на западном берегу озера, найдено много костей животных, в частности оленей. На костях видны следы разделки туш. В юго-западной части озера для исследования стратиграфии вырыты траншеи глубиной до 2,9 м. В них выявлено 10 слоев, из которых слои 8 и 9 связаны с мезолитом. В последних обнаружены микролиты, костяные наконечники для стрел, зернотерки и терочники, обожженные куски глины, кости животных: быков (*Bos* sp.), буйволов, слонов, гиппопотамов, носорогов, оленей, свиней, черепах, а также кости рыб и птиц.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МАХАГАРА НА р. БЕЛАН

Несколько неолитических поселений было расположено в районе гор Виндхья: Кольдихва на левом берегу Белана, Махагара и Панчох на правом его берегу и Кунджхун на правом берегу р. Мон. Из них Кольдихва, Панчох и Махагара раскопаны.

Поселение Махагара расположено в 85 км к юго-западу от Аллахабада, у соединения нового и старого русел Белана. Старое русло огибало поселение с запада, образуя излучину, тогда как новое идет по прямой с востока на запад. Поселение имеет форму неправильного овала, окруженного холмами. Его площадь — 8 тыс. м². Пологие склоны холмов образуют котловину, в которой располагается поселение. Морфологические черты местности, безусловно, являются результатами раннеголоценовых процессов эрозии, в силу чего остатки деятельности неолитического населения широко рассеяны по разным склонам холмов. Холмы могли служить для защиты и от ветра и от диких животных.

Поселение раскапывалось «горизонтально», т. е. по всей его площади. В первые два сезона было раскопано 1655 м². Работа велась в основном в южном секторе, который был разбит на 53 квадрата по 5×5 м.

Стратиграфический разрез, доведенный до материка, выявил культурные слои мощностью до 3,3 м. Из них слой в 2,9 м относится к неолиту, а слой в 40 см содержал случайные находки и смещенные остатки селений железного века. В основном поселение представляет единую неолитическую культуру. В стратиграфическом раскопе обнаружены три последовательных уровня полов и три ямы, связанные с разными слоями.

Два раза поселение размывалось водой, по-видимому, во время наводнений. Об этом свидетельствуют прослойки песка и круглые конкреции с раковинами и улитками, встреченные в некоторых слоях ранней фазы.

В других квадратах работы проводились только в самой верхней части неолитических отложений.

Раскопки позволяют хорошо представить характер домостроительства. На площади в 1655 м² сохранились остатки полов 21 хижины; большая часть их (18) относится к самой верхней фазе неолита. Полы круглые или овальные в плане, их площадь от 6,7×6,25 до 5,0×3,5 м. Количество ям для столбов по окружности полов колеблется от 6 до 9, их средний диаметр 12 см. Следов вымосток, глиняной обмазки, трамбовки и т. д. на полах пока не встречено, однако употребление глиняной обмазки подтверждается обгоревшими кусками глины с отпечатками соломы и плетенки. На полах жилищ найдены обломки сосудов и домашняя утварь, кости животных и т. д.

В юго-восточной части поселения обнаружен загон для скота размером 12,5×7,5 м. В плане загон представляет собой неправильный прямоугольник. Контур его определяется 28 ямками от столбов разных размеров (от 10 до 15 см в диаметре).

На территории поселения найдены керамика, каменные орудия, кости и т. д.

Керамика представлена тремя типами: 1) лепная шнуровая, 2) лепная нешнуровая, 3) лощеная и ангобированная. Сосуды двух первых типов тускло-желтого цвета, изготовлены вручную, грубые, плохо обожжены. Глина для них недостаточно отмучена, в ней попадают частички кварца, шелуха риса и даже обугленный рис. Формы сосудов просты — глубокие и узкие чаши баночного типа с плохо выраженным венчиком, кувшины для хранения продуктов, вазы и т. п. Среди лощеной и ангобированной посуды есть краснолощенная и чернолощенная. Она частично лепная, а частично изготовлена на круге медленного вращения. К краснолощенной керамике относятся узкие чаши баночного типа, кувшины, маленькие вазы и другие мелкие сосуды, сосуды с носиками, а к чернолощенной — только чаши. Орнамент ограничивается шнуровыми отпечатками, узором, нанесенным на пояс сосуда ногтем большого пальца, и крестовидными насечками. Раскраски нет.

Каменные орудия сделаны из халцедона, сланца, агата, сердолика и кварца. Среди них пластины с параллельными сторонами, пластины с притупленной спинкой, заостренные ножевидные пластины, острия, сегменты, треугольники, трапеции, скребки и транше. Пластины высокого сечения отсутствуют. Пластины составляют 49,47%, острия — 12,63, сегменты, треугольники и трапеции — 12,63, скребки — 17,9, отщепы — 7,37%.

Другие орудия представлены малыми базальтовыми изделиями округлой формы, прямоугольными и овальными в сечении. Кроме них встречены седловидные зернотерки, куранты, пули для пращи, точила, отбойники и терочники, а также костяные наконечники для стрел, глиняные бусы, керамические диски с отверстиями, обожженная глина с отпечатками тростника, длинные пластинчатые отщепы и т. д.

Кости принадлежат одомашненным и диким животным: быкам, овцам или козам, оленям и др. Есть также кости черепах, рыб и птиц.

На многих черепках керамики обнаружены отпечатки риса, рисовой шелухи и соломы. Встречены и обугленные зерна риса. В другом поселении — Кольдихва было обнаружено также несколько зерен ячменя или овса.

Находки риса в разных его видах не оставляют сомнений в том, что он стал основным источником питания. По мнению Вишну Миттра из Института палеоботаники Бирбала Сахни (г. Лакнау), а также Т. Т. Чжана из Международного института по исследованиям риса (г. Манила, Филиппины), рис из Кольдихвы является древнейшей известной науке разновидностью культивируемого риса. Это индийская разновидность риса (*Oryza sativa*).

Данные радиоуглеродного анализа (^{14}C) позволяют отнести переходную от неолита к халколиту фазу (Кольдихва) к периоду, имеющему две даты: 5440 г. до н. э. ± 240 лет (PRL 1975) и 4530 г. до н. э. ± 185 лет (PRL 1974).

НАХОДКИ В III СЛОЕ СЦЕМЕНТИРОВАННОГО ГРАВИА В МАХАГАРЕ

В Махагаре основания хребтов, окружающих неолитическую деревню, сложены из геологических пластов, последним из которых является III слой сцементированного гравия.

Стратиграфический разрез выявил отложения мощностью до I м, состоящие из восьми слоев различной толщины. Они образовались из кальциевых и железистых конкреций, обломков кварцита, латеритов, скоплений песка и грубой глины.

В отложениях были найдены раковины древних пресноводных моллюсков, а также широкие пластины комплекса пластинчатых резцов, сделанные только из сланца, окаменелых костей животных и раковин.

ИНДИЯ И ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

Материалы, полученные в ходе исследований в долине Белана, обнаруживают близкие параллели с материалами из Западной Азии. Там история начинается с эппалеолитических охотников, у которых мосте-

пенно вырабатывалось новое отношение к природе и связанным с нею пищевым ресурсам как растительного, так и животного происхождения.

Еще накануне голоцена некоторые из групп охотников предприняли попытки выращивания растений (это были первые шаги к земледелию), а также приручения отдельных животных. Так совершился переход к неолиту, к периоду раннего земледелия. В течение следующего тысячелетия освоенная технология распространилась очень широко, а около 7000 г. до н. э. (6000 до н. э. по радиоуглеродным датам) неолитические общины встречались уже повсюду, от юго-восточной Европы до пустынных окраин Центральной Азии и от Кавказа до Южной Палестины.

Последовательность развития каменной индустрии плато Виндхья — эпипалеолит, ранний мезолит и поздний мезолит — находит близкие параллели в Западной Азии (Кебара, Нахаль Орэн, Йерихон, Зави Чеми, пещера Шанидар, Мурейбит, Бейдха и Франчти)².

С точки зрения хронологии керамический неолит плато Виндхья сопоставим с Чатал Гуюком, Рас Шамрой и т. п.

ЗНАЧЕНИЕ РАСКОПОК НА ПЛАТО ВИНДХЬЯ В ОБЩЕАЗИАТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Результаты раскопок, охарактеризованных в статье, очень важны для исследования культур Азии. Три главных культуры — хоабинь (Таиланд)³, дземон (Япония) и культура нуклеарного района Северного Китая — возникли в одно время, в последлениковый период. Радиоуглеродные датировки относят хоабинь к XI—VIII тысячелетиям до н. э., дземон — к X тысячелетию до н. э. и культуру нуклеарного района Северного Китая — тоже приблизительно к X тысячелетию до н. э.⁴ Аналогичны и меняющиеся экологические условия в названных регионах. Неолит Виндхья имеет общую с этими регионами черту — шнуровую керамику. Последняя была введена не только в районе Виндхья (Центральная Индия), но, возможно, и в Даоджали Хадинг в штате Ассам (северо-восточная Индия). Выяснение причин широкого распространения шнуровой керамики в Индии, Юго-Восточной Азии, Китае и Японии является одной из важных проблем археологии.

Установление факта выращивания риса (*Oryza sativa*), которое датируется, по приведенным данным, не позднее VI тысячелетия до н. э., подтверждает известное высказывание Н. И. Вавилова (Избранные произведения. Л., 1967, т. I, с. 364): «Индия определенно является родиной риса, сахарного тростника, большого числа зерновых и бобовых, многих тропических плодовых растений, включая манго и множество цитрусовых (напр., лимон, апельсин, некоторые виды мандаринов)».

Ассам, в частности, особенно богат цитрусовыми.

И хотя тропическая Индия может считаться второй страной после Китая по числу видов культурных растений, именно ее рис был ввезен в Китай и стал там главной пищевой культурой за последние тысячи лет, а это усиливает значение тропической Индии в глобальном процессе развития земледелия. Тот факт, что Индия является родиной риса, подтверждается наличием в ней как ряда видов дикорастущего риса, так и одичавшего риса, произрастающего без культивации, как сорняк, и подобно всем дикорастущим травам осыпающего зрелые семена. Здесь можно найти и промежуточные виды — звенья между дикорастущим и культивируемым рисом.

² Автор допускает неточность. Пещера Франчти расположена не в Западной Азии, а в Южной Греции.

³ Культура хоабинь распространена не только в Таиланде, но и в большинстве районов Юго-Восточной Азии, Южном Китае и даже в восточных районах Индии (Ассам).

⁴ Автор не совсем точен в датировках. Культура дземон появилась в начале голоцена и существовала до конца I тысячелетия до н. э., но еще до нее в Японии была известна культура с керамикой, которая по ¹⁴C датируется XI тысячелетием до н. э. Для древнейшей шнуровой керамики Северного Китая радиоуглеродных датировок еще нет, и появление ее там в начале голоцена пока что не выходит за рамки предположений, хотя и весьма вероятных.

Видовое разнообразие культивируемого риса в Индии самое богатое в мире. Для нее особенно типичны примитивные сорта риса с грубыми зернами. Индия отличается от Китая и других вторичных очагов земледелия в Азии тем, что доминантные гены превалируют в ее разновидностях риса.

Вопрос о распространении риса и его возможном проникновении из Индии в Юго-Восточную Азию и Китай заслуживает пристального внимания. Индийские данные подтверждают факт культивации риса в VI тысячелетии до н. э., тогда как самые ранние образцы из Нон-Нок-тха (Таиланд) относятся к середине IV тысячелетия до н. э. Кстати, Т. Т. Чжан высказал сомнения по поводу того, что характер поверхности зерен риса из Нон-Нок-тха свидетельствует о диком его состоянии. Наиболее ранние образцы риса из Северного Китая датируются III тысячелетием до н. э. Таким образом, археологические материалы служат доказательством того, что Индия была первичным центром культивации риса⁵.

⁵ Вопреки желанию автора, как бы ни были сенсационны изложенные им данные, пока что нет оснований считать долину Ганга тем единственным первичным очагом, откуда культурный рис будто бы распространился по всему свету. Область диких сородичей культурного риса в настоящий момент занимает обширный район, раскинувшийся от берегов Ганга до Южного Китая и северных областей Юго-Восточной Азии. Теоретически рис мог быть введен в культуру в любом месте этой территории. И современные археологические материалы как будто бы это подтверждают. Так, за пределами очерченной территории древнейшие находки культурного риса сейчас известны в устье Янцзы (культура хэмуду). Они относятся ко второй половине V тысячелетия до н. э., что заставляет предполагать появление рисоводства южнее в еще более раннее время. Древнейшие известные сейчас рисоводческие культуры Юго-Восточной Азии (банчненг в Таиланде и фунгнгуен в Северном Вьетнаме) действительно датируются только IV тысячелетием до н. э. Но, судя по их облику, носители этих культур были уже не самыми ранними рисоводами. Кроме того, есть основание связывать их предков с пришлым населением, проникшим сюда из предгорьев Гималаев, где, следовательно, рис выращивался не позднее первой половины V тысячелетия до н. э. Для неолита Ганга сейчас имеются две даты: середина V тысячелетия до н. э. и середина VI тысячелетия до н. э. По единичным датам трудно судить о приоритете того или иного района. Поэтому сейчас правильнее, на наш взгляд, говорить о гималайском очаге domestikации в широком смысле, включая в него некоторые области Южного Китая, Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Индии.

Ю. И. Семенов

КОЧЕВНИЧЕСТВО И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВА

В недавно опубликованной статье Г. Е. Маркова справедливо отмечается недостаточная разработанность систематики и классификации многих явлений этнографии и истории первобытного общества¹. Это находит свое выражение, в частности, в том, что одними и теми же терминами обозначаются совершенно разные явления, а одни и те же явления обозначаются разными терминами. В результате исследователи нередко не понимают друг друга, и дискуссии между ними приобретают характер спора о словах.

Поэтому нельзя не отметить крайнюю своевременность публикации статьи Г. Е. Маркова, в которой предпринимается весьма плодотворная, по нашему мнению, попытка упорядочить термины, относящиеся к скотоводству и кочевничеству. Хотелось бы надеяться, что вслед за ней в журнале появятся статьи, посвященные анализу и уточнению терминов, применяемых в других разделах этнографии и истории первобытного общества.

I

Г. Е. Марков начинает статью с определения понятий «животноводство» и «скотоводство». По его мнению, первое понятие шире второго. Исключая из рассмотрения звероводство и оленеводство, автор все остальное животноводство делит на «оседлое животноводство земледельцев» («стойловое животноводство») и «скотоводство» (с. 84, 91, 92). В свою очередь последнее он подразделяет на два типа: «подвижное скотоводство» и «кочевое скотоводство», или «кочевничество» (с. 84).

Предложенное Г. Е. Марковым деление представляется нам в общем правильным. На наш взгляд, в него следует внести лишь одну поправку: все три выделенные им типа должны рассматриваться как вполне самостоятельные и равные по значению. Но дав в целом правильную классификацию, Г. Е. Марков в то же время не выполнил одного из главных, по нашему мнению, требований логики к классификации: не выявил в достаточной степени убедительно ее реальное основание.

Говоря об отличии скотоводства от оседлого животноводства земледельцев, он отмечает экстенсивный характер скотоводства и отношение к определенному культурно-хозяйственному типу (с. 84). Когда же он переходит к обоснованию выделения кочевого скотоводства, то подчеркивает, что это трудно сделать «только по облику хозяйственной деятельности», ибо сущность кочевничества заключается «не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры» (с. 86; см. также с. 84, 87). Но, утверждая это, Г. Е. Марков приходит в противоречие с тем, что им сказано ранее. Ведь им же самим скотоводство было определено как вид хозяйственной деятельности, как форма хозяйства, а кочевничество как разновидность скотоводства (с. 84). Нам представляется, что эти неясности в статье Г. Е. Маркова связаны с недостаточной разработан-

¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография, 1981, № 4, с. 83. В дальнейшем все ссылки на эту статью даются в тексте.

ностью в нашей литературе таких понятий, как «виды хозяйственной деятельности», «формы хозяйства», «отрасли хозяйства» и т. п.

Термин «хозяйство» имеет множество значений. Мы остановимся лишь на тех из них, которые прямо связаны с рассматриваемой проблемой. Бесспорно, что в одном из своих значений термин «общественное хозяйство» совпадает с термином «общественное производство»². Однако термины, в состав которых входит слово «хозяйство», чаще всего используются для обозначения не общественного производства в целом, а лишь одного из его аспектов.

Общественное производство представляет собой необычайно сложное и многогранное явление, к которому можно подходить с разных сторон. Производство всегда существует в определенной общественной форме, которую образует система производственных отношений определенного типа. Подход к производству с этой стороны приводит к выделению типов общественного производства, известных под названием способов производства. К числу основных способов производства обычно относятся первобытнообщинный, античный (рабовладельческий), феодальный, капиталистический и коммунистический. Все они являются не только типами общественного производства, но и ступенями его исторического развития.

Производство невозможно без определенных технических средств труда, которые в разные эпохи были далеко не одинаковыми и по-разному использовались. Подходя к производству с данной стороны, К. Маркс выделял такие его типы, как, например, ремесленное, мануфактурное, машинное производство. Эти типы производства, так же, как и виды, выделенные по признаку общественной формы, К. Маркс именовал способами производства³. В советской литературе такого рода способы производства принято называть техническими или технологическими. Что же касается типов общественного производства, то их именуют либо общественными способами производства, либо, чаще, просто способами производства.

И наконец, возможен такой подход к производству, при котором прежде всего принимается во внимание характер создаваемого продукта и обусловленные этим характером особенности процесса создания продукта. Результатом является выделение таких типов производства, как собирательство, охота, рыболовство, земледелие, скотоводство, промышленность. Классики марксизма применительно к разным условиям называли их по-разному. Земледелие, животноводство, промышленность К. Маркс называл и отраслями производства, и определенными производствами, и крупными родами производства⁴. Ф. Энгельс именовал охоту, рыболовство, скотоводство, земледелие отраслями производства, а охоту также и отраслью труда⁵. В определенном контексте использовали классики марксизма для их обозначения и термин «способ производства». Так, например, Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 8 декабря 1882 г. характеризовал охоту и рыболовство у тлинкитов и переходящее в земледелие кочевое скотоводство у древних германцев как два разных способа производства⁶. И. К. Маркс в одной из своих работ говорил о пастбищном скотоводстве у монголов как об их способе производства⁷.

Хотя данный аспект общественного производства и не может рассматриваться как самый главный, однако и он важен для понимания и его функционирования, и развития. И именно для характеристики общественного производства с этой стороны как в экономической, так и этнографической литературе чаще всего и используются термин «хозяйство» и производные от него.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 381; т. 2, с. 218—219; т. 3, с. 185, 191, 493; т. 4, с. 36—37; т. 33, с. 26; т. 39, с. 15, 271—272 и др.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 248; т. 4, с. 330; т. 18, с. 265; т. 23, с. 344, 393—395, 439, 453—455, 460; т. 26, ч. 3, с. 280.

⁴ Там же, т. 12, с. 711, 733; т. 23, с. 363.

⁵ Там же, т. 21, с. 29; т. 35, с. 110.

⁶ Там же, т. 35, с. 110.

⁷ Там же, т. 12, с. 724.

Первым шагом на пути анализа общественного производства в этом плане может быть только подразделение производственной или хозяйственной деятельности людей на виды по признаку различия создаваемого или добываемого продукта и обусловленных этим различием особенностей самой деятельности при отвлечении от всего остального, в частности от их роли и значения в общем целом. Эти формы можно было бы именовать просто *видами хозяйственной деятельности*.

При обращении к самой ранней эпохе истории человечества прежде всего называются такие виды хозяйственной деятельности, как собирательство и охота. При этом иногда забывают, что видом хозяйственной деятельности бесспорно является и деятельность людей по изготовлению орудий, одежды, жилищ и т. п. Нельзя не отметить, что в отличие от двух первых видов хозяйственной деятельности последний не имеет общего названия, хотя необходимость в нем существует. И найти обозначение для него не так просто. Термин «ремесло» явно не подходит, ибо предполагает наличие работников, для которых данный вид деятельности стал профессией. Не годится и термин «индустрия», ибо с ним связано представление о более высоком уровне развития, хотя археологи иногда и говорят о каменной индустрии. То же самое относится и к термину «промышленность». Более или менее подходящим нам представляется лишь термин «мастерство». Им мы и будем пользоваться. Еще одним видом хозяйственной деятельности, существовавшим на ранних стадиях эволюции первобытного общества наряду с мастерством, охотой и собирательством, было рыболовство.

Все эти виды хозяйственной деятельности осуществлялись в рамках первобытной общины, которая была не только социальным организмом, но одновременно и единственной хозяйственной ячейкой⁸. В результате все они выступали как неразрывно связанные части, моменты единого хозяйства первобытной общины. Не все виды хозяйственной деятельности играли в этом едином комплексе одинаковую роль. Одни из них определяли облик хозяйства первобытной общины в целом, другие такого значения не имели. На разных стадиях в различных первобытных общинах доминировали, а тем самым и определяли качественную характеристику всего хозяйства не одни и те же виды хозяйственной деятельности. Следствием было существование на стадии первобытного общества несколько разных *форм хозяйства*. В силу совпадения первобытной общины с хозяйственной ячейкой в каждом из первобытных социальных организмов могла существовать только одна форма хозяйства.

В большинстве ранних первобытных общин решающую роль играли охота и собирательство. Соответственно и хозяйство этих общин в целом характеризуется как охотничье-собирательское. Хозяйство тех общин, в которых доминировали охота и рыболовство, соответственно является охотничье-рыболовецким, а тех, в которых первенствующую роль играло одно лишь рыболовство,—рыболовецким.

Все эти формы хозяйства обычно объединяются под общим названием *присваивающего* хозяйства и в таком качестве противопоставляются *производящему* хозяйству, под которым понимаются земледелие и животноводство. Термины «присваивающее хозяйство» и «производящее хозяйство» настолько прочно вошли в научный обиход, что вряд ли имеет смысл протестовать против их применения. Однако при использовании этих терминов необходимо иметь в виду их крайнюю условность. Понимая их буквально, можно прийти к выводу, что общественное производство началось лишь с появлением земледелия и животноводства. Некоторыми авторами такой вывод и сделан⁹.

⁸ Об этих понятиях см: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.—Вопр. истории, 1966, № 8; *его же*. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества.—Философские науки, 1976, № 3.

⁹ См., например, Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ.—В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968, кн. 1, с. 52—53.

В действительности, «присваивающее хозяйство», во-первых, всегда включало в себя в качестве необходимого момента мастерство, которое безусловно было производственной деятельностью в самом узком смысле слова. Термин «присвоение» может быть использован лишь по отношению к охоте, собирательству, рыболовству, причем и здесь со значительной степенью условности. Данное присвоение совершается при помощи созданных, произведенных орудий и поэтому неразрывно связано с мастерством. Во-вторых, все эти виды хозяйственной деятельности — моменты единого комплекса, в который входят кроме этих видов хозяйственной деятельности и мастерства, также распределение, обмен и потребление всех продуктов, созданных и добытых членами социального организма, и который не может быть охарактеризован иначе как производство в самом широком смысле слова. Как показал К. Маркс, производство включает в себя собственно производство, распределение, обмен и потребление¹⁰. В свете всего этого охота, собирательство, рыболовство выступают как составные части собственно производства, а значит, и производства в широком смысле. Тем самым они представляют собой не что иное, как своеобразные виды собственно производства, причем такие, которые входят в подразделение общественного производства, носящее название производства средств потребления. Именно такого взгляда придерживались основоположники марксизма, неоднократно подчеркивавшие, что охота и рыболовство представляют собой виды производства¹¹.

Слова «присвоение» и «производство» в том их значении, в котором они фигурируют в терминах «присваивающее хозяйство» и «производящее хозяйство», имеют отношение только к деятельности людей, непосредственно направленной на обеспечение их пищей. Реальный их смысл состоит в противопоставлении деятельности, в ходе которой они *добывают пищу*, созданную природой без их вмешательства, той деятельности, в ходе которой они сами, используя силы природы, *создают пищу*, увеличивая ее массу. Но так как деятельность, непосредственно направленная на обеспечение людей пищей, определяла в ту эпоху весь облик их хозяйственной деятельности, то ее характеристика неизбежно распространялась на хозяйство в целом. Это закономерно, но во избежание недоразумений лучше было бы говорить не о «присваивающем» и «производящем» хозяйствах, а о «пищедобывающем» и «пищепроизводящем».

С превращением первобытного общества в предклассовое и особенно с переходом от последнего к классовому обществу социальные организмы перестали быть одновременно и хозяйственными ячейками. Каждый из них стал включать в свой состав множество более или менее самостоятельных хозяйственных ячеек. В том случае, когда во всех хозяйственных ячейках доминировали одни и те же виды хозяйственной деятельности, в социальном организме существовала лишь одна форма хозяйства. Однако в других случаях в различных хозяйственных ячейках могли доминировать и тем самым определять общий облик их хозяйства разные виды хозяйственной деятельности. А дальнейшее развитие разделения труда между хозяйственными ячейками могло привести к появлению ячеек, в которых тот или иной вид хозяйственной деятельности мог стать не только ведущим, но и безраздельно преобладающим и даже единственным. Результатом такого процесса было появление в социальном организме нескольких разных форм хозяйства. Последние выступали в этом случае как разные отрасли единого хозяйства социального организма. На наш взгляд, термин «отрасль хозяйства» (или «отрасль производства») применим к форме хозяйства лишь тогда, когда она является одной из нескольких таких форм, существующих в социальном организме. Если же это единственная в социальном организме форма хозяйства, то ее лучше именовать способом хозяйства.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 719—726.

¹¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 192; т. 35, с. 103, 110 и др.

Наличие в социальном организме нескольких отраслей хозяйства ни в малейшей степени не исключает возможности общей характеристики его хозяйства как единого целого. Обычно одна из отраслей хозяйства является ведущей, господствующей. Именно она обуславливает характер хозяйства социального организма в целом, а значит, и самого социального организма. «Каждая форма общества,— писал К. Маркс,— имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях»¹². Общества, в которых господствующей отраслью хозяйства является земледелие, обычно характеризуются как земледельческие, аграрные, хотя им присуща и такая отрасль хозяйства, как ремесло. Страны, в которых преобладает промышленность, характеризуются как промышленные, индустриальные, хотя в них развито и земледелие.

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, подвести под предложенное Г. Е. Марковым деление животноводства на три основных типа достаточно прочное и в то же время единое основание.

«Стойловое животноводство» есть вид хозяйственной деятельности, который существует в составе земледельческой формы хозяйства в качестве более или менее важного дополнения к основному виду деятельности. «Подвижное скотоводство» есть отрасль хозяйства, бытующая в социальном организме наряду с другими отраслями, из которых господствующей является земледелие. И наконец, «кочевое скотоводство», или «кочевничество» есть способ хозяйства, т. е. единственная имеющаяся в конкретном обществе форма хозяйства. Таким образом, чтобы отделить «кочевое скотоводство» от «подвижного скотоводства» нет необходимости ссылаться на специфику социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры.

II

Переходя к социально-экономическим отношениям, прежде всего поставим вопрос об их связи с формами хозяйства. Некоторые исследователи пытаются вывести производственные отношения прямо из форм хозяйства, непосредственно связать определенные производственные отношения с определенными формами хозяйства. На наш взгляд, такого рода попытки обречены на неудачу. Характер производственных отношений определяется вовсе не спецификой формы хозяйства, а уровнем развития производительных сил.

Это отнюдь не означает, что между формами хозяйства и производственными отношениями нет никакой связи. Она, безусловно, есть, но носит опосредованный характер. При тех или иных конкретных формах хозяйства рост производительных сил возможен лишь до определенного уровня. В результате, пока существуют только такие формы хозяйства, возникновение производственных отношений, требующих более высокого уровня производительных сил, невозможно. Например, пока хозяйство остается охотничье-собираТЕЛЬСКИМ, не может возникнуть классовое общество. Оно может появиться лишь после перехода к земледелию и животноводству. Но это вовсе не означает, что есть какие-то специфические охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ или земледельческие социально-экономические отношения. Не существует, на наш взгляд, и никаких специфических кочевнических социально-экономических отношений.

При разных формах хозяйства, но при одном и том же уровне производительных сил в обществе возникают одни и те же производственные отношения. В скотоводческих обществах существовали те же производственные отношения, что и в земледельческих социальных организациях с тем же уровнем развития производительных сил. Другое дело

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 733.

что кочевое скотоводство делало невозможным развитие производительных сил общества выше определенного уровня, значительно меньшего, чем тот, который мог быть достигнут при земледельческой форме хозяйства. В результате этого в скотоводческих обществах не могли возникнуть социально-экономические отношения, которые сложились в земледельческих обществах после того, как они перешли этот предел. После достижения определенного уровня дальнейшее развитие кочевых обществ с неизбежностью должно было прекратиться. Им оставалось, пока они сохранили свой способ хозяйства, «топтаться на месте». Г. Е. Марков совершенно прав, когда пишет об ограниченности возможности социально-экономического развития кочевых обществ и о застойности их социальных отношений (с. 87).

Но не все высказывания Г. Е. Маркова о социально-экономическом строе кочевых обществ отличаются достаточной четкостью. Он пишет, что «в зависимости от политических и военных условий общественные отношения кочевников могли быть военно-демократическими или патриархальными, но в любом случае они включали одновременно элементы рабовладельческого, феодального, капиталистического и других укладов, т. е. были многоукладными» (с. 88).

По нашему мнению, термин «военная демократия» и все производные от него в принципе не могут использоваться для обозначения и характеристики социально-экономических отношений. Можно спорить о том, насколько широко была распространена военная демократия в эпоху предклассового общества, или даже о том, существовала ли она вообще, но несомненно, что этот термин может относиться только к организации власти в обществе, но не к его социально-экономической структуре. И термин «патриархальные отношения», взятый сам по себе, без каких-либо разъяснений и уточнений, также, на наш взгляд, ничего не дает и не может дать для понимания существа социально-экономических отношений какого бы то ни было общества.

Переходя к вопросу об общественно-экономических укладах и многоукладности общества, необходимо затронуть одну принципиальную проблему. Некоторые исследователи практически исходят из того, что наличие в обществе тех или иных производственных отношений равнозначно наличию в нем соответствующего общественно-экономического уклада. Признать такой подход правильным нельзя. Общественно-экономический уклад есть целостная система производственных отношений определенного типа. Но те или иные производственные отношения могут в данном обществе и не образовывать уклада, а существовать в качестве придатка, дополнения к системе социально-экономических отношений иного типа, т. е. в неукладной форме. В социальном организме могут сосуществовать производственные отношения нескольких разных типов, но оно при этом может оставаться одноукладным, если отношения только одного типа образуют систему, а все остальные существуют в качестве дополнения к ней.

Слова Г. Е. Маркова о том, что общественные отношения кочевников «в любом случае» включали в себя «одновременно» элементы капиталистического, феодального, рабовладельческого укладов, являются, несомненно, всего лишь неудачной формулировкой. Если кочевничество возникло 3 тысячи лет назад, то совершенно ясно, что по крайней мере в течение первых 2,5 тысяч лет его существования элементов капиталистического уклада в нем заведомо быть не могло. Но, на наш взгляд, весьма сомнительно наличие в кочевых обществах не только капиталистического уклада, но вообще капиталистических отношений и в более позднее время. Обычно в качестве довода приводят факты бытования у кочевников наемного труда. Однако это ничего не доказывает. Наемный труд существует не только в капиталистической, но и в некапиталистической форме. И некапиталистическая форма наемного труда возникла задолго до появления зачатков капитализма¹³. Не существовало в

¹³ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 281—282; т. 46, ч. 1, с. 454—459.

ковом обществе ни феодального уклада, ни даже просто феодальных отношений. Сам Г. Е. Марков в работе «Кочевники Азии» (М.: Изд-во МГУ, 1976) очень убедительно, на наш взгляд, показал всю несостоятельность концепции «кочевого феодализма». Остается, таким образом, одно лишь рабство, которое, как отмечают все исследователи, хотя и имело место у кочевников, но никогда не играло существенной роли в системе их производственных отношений.

Характеризуя кочевое общество, Г. Е. Марков нигде не дает ему формационной характеристики. Он лишь неоднократно подчеркивает, что оно не было первобытнообщинным. И это не случайно. Кочевые общества, по нашему мнению, действительно не принадлежат ни к одной из известных общественно-экономических формаций. Все они, на наш взгляд, должны быть отнесены к обществу, лежащему между первобытнообщинной формацией, с одной стороны, и классовым обществом — с другой. Такое переходное общество в нашей литературе принято называть предклассовым.

Предклассовое общество не представляет собой чего-то единого. Существует множество его типов, которые до сих пор сколько-нибудь четко не выделены. Однако общим для всех предклассовых обществ является наличие в них формирующегося крестьянско-общинного уклада. Не были в этом отношении исключением и кочевые общества. Конечно, применение к кочевникам термина «крестьянин» идет в разрез со всей традицией его употребления. Но в чисто социально-экономическом отношении между объединенными в общины мелкими земледельцами, каждый из которых самостоятельно вел свое хозяйство, используя прежде всего собственный труд и труд членов семьи, и объединенными в общины же рядовыми кочевниками, каждый из которых также вел свое хозяйство прежде всего силами собственной семьи, нет никаких принципиальных различий. Конечно, рассматриваемый общественно-экономический уклад можно применительно к кочевым обществам называть, скажем, номадо-общинным, но при этом необходимо всегда иметь в виду, что последний является не каким-то особым укладом, отличным от крестьянско-общинного, а лишь разновидностью последнего.

В недрах крестьянско-общинного уклада в кочевых обществах зарождались отношения эксплуатации, которые в дальнейшем могли образовать особый уклад или уклады. Бесспорно, эти отношения эксплуатации ни на одном этапе эволюции кочевых обществ не ограничивались одним лишь рабством. Именно это обстоятельство в условиях, когда все формы эксплуатации сводились к трем: рабовладельческой, феодальной и капиталистической, неизбежно толкало исследователей к выводу о существовании в кочевых обществах и феодализма и капитализма. В действительности за феодальные и капиталистические принимались отношения, которые таковыми не были. В предклассовых обществах вообще, в кочевых в частности, существовали многообразные формы эксплуатации, отличные от трех классических способов угнетения человека человеком.

Выявление этих ранних форм эксплуатации, создание их типологии является одной из важных задач науки. В свою очередь ее решение открывает путь для выявления основных типов предклассового общества. И, на наш взгляд, только выявление социально-экономической структуры предклассовых обществ и создание их типологии сможет помочь проникнуть в сущность тех происходивших в кочевом обществе изменений, которые Г. Е. Марков характеризует как переход из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое» и обратно (с. 89).

III

Как уже указывалось, Г. Е. Марков категорически возражает против отнесения кочевых обществ к первобытнообщинной формации. Соответственно, он считает, что такие термины, как «род», «родо-племенная организация», «родо-племенной строй», «родо-племенные отношения» со-

иершенно непригодны для характеристики общественной организации ючевников. Однако он тут же с определенными оговорками делает исключение для термина «племя», без которого, по его мнению, обойтись невозможно. И это имеет весьма серьезное основание.

Социальные организмы, в которых совсем не было государственной власти или же она еще окончательно не оформилась, и социальные организмы, в которых существовала подлинная государственная власть, отличаются не только тем, что их основу составляли разные производственные отношения. Далеко не одинаковыми были производственные отношения в первобытнообщинных и предклассовых обществах. Разные производственные отношения лежали в основе рабовладельческих (античных), феодальных и капиталистических обществ. Коренное различие существует между всеми антагонистическими классовыми обществами, с одной стороны, и социалистическими — с другой. Однако, несмотря на различия между классово-антагонистическими социальными организациями и социалистическими, не говоря уже о различиях между классовыми социальными организациями, относящимися к разным формациям, в основе их организации лежит один и тот же принцип, который качественно отличен от принципа, лежащего в основе организации безгосударственных и предгосударственных социальных организмов.

Различие принципов организации безгосударственных и предгосударственных социальных организмов, с одной стороны, и социальных организмов с государством — с другой, давно уже было подмечено исследователями. Одним из первых обратил на это внимание Г. Мейн. В ряде своих работ он проводит различие между обществами, основой которых являются родственные отношения, и обществами, основой которых является территория, земля¹⁴. Более глубоко эта мысль была разработана Л. Морганом. Он достаточно четко выделяет два плана (т. е. типа) общества, которые «совершенно различны в своих основаниях»¹⁵. «Первый по времени, — писал он, — основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (*societas*)... Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (*civitas*). Политическое общество организовано на территориальных началах, и его отношение к собственности и личности определяется территориальными отношениями... В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Появление его составляет пограничную линию между древним и современным обществом»¹⁶.

Эта идея была разработана Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»¹⁷. Однако в дальнейшем в нашей литературе ей не было уделено достаточно внимания. И понималась она обычно очень односторонне. Для большинства исследователей она существовала лишь как указание на подразделение граждан государства по территории как на важный его признак. Во многом такое положение было связано с недостаточной разработанностью одного из важных понятий исторической и этнографической наук — категории «социальный организм».

Утверждение, что социальные организмы только второго из выделенных двух типов основаны на территории, нередко вызывает возражение. Первобытная община, являвшаяся на протяжении всей истории первобытного общества единственным социальным организмом, бесспорно всегда была связана с определенной территорией. Столь же несомненно, что и более сложный социальный организм, возникший с переходом к предклассовому обществу и именуемый обычно племенем, тоже всегда

¹⁴ Maine H. S. Ancient law. L., 1861, p. 103; *idem*. Lectures on the early history of the institutions. L., 1875, p. 72—73.

¹⁵ Морган Л. Г. Древнее общество. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1934, с. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.

имел свою территорию¹⁸. Понятие племенной территории или территории племени повсеместно употребляется в исторической и этнографической литературе. Важно, однако, подчеркнуть, что социальные организмы названных двух типов отличаются вовсе не отсутствием или наличием территории, а принципами, лежащими в основе их организации, что предопределяет и разный характер их связи с территорией.

Общество всегда состоит из людей. Однако оно никогда не является простой их совокупностью. Люди образуют общество постольку, поскольку они включены в определенную систему отношений. Поэтому общество прежде всего есть определенная система отношений, в которой живут люди. Основу этой системы образуют производственные, социально-экономические отношения.

Каждый социальный организм есть конкретное, единичное общество, т. е. определенным образом ограниченная система отношений, существующая рядом с другими такими же ограниченными системами. Вполне понятно, что каждая такая система включает в свой состав лишь ограниченное число людей. Эти люди, чтобы составлять один социальный организм, должны жить вместе, на одной ограниченной территории. Таким образом, бытие любого социального организма с необходимостью предполагает существование ограниченной системы отношений, ограниченного круга людей и ограниченной территории.

Общественные отношения людей в отличие от самих людей и территории, на которой они живут, не вещественны, не имеют физического бытия. Поэтому система общественных отношений не может иметь границы, которая не была бы одновременно границей либо совокупности людей, которых она связывает, либо территории, на которой они живут.

Границами социального организма второго, более позднего типа, служат границы территории, которую он занимает. Никаких других границ, кроме пространственных, у него нет. Соответственно в его состав входят все люди, которые живут на этой территории. Территориальными являются и границы между частями, единицами, на которые делится социальный организм. Все эти части занимают определенные места в пространстве. Пространственным будет порядок их расположения. Короче говоря, социальные организмы такого типа всегда пространственно организованы, имеют фиксированную пространственную структуру.

Неотделимость социального организма такого типа от территории, которую он занимает, наглядно выражается в том, что его название может быть только территориальным (Франция, Италия, Болгария и т. п.). Поэтому такие социальные организмы в литературе обычно именуются странами или государствами. Мы их будем называть в дальнейшем *геосоциальными организмами*.

Совершенно иным является характер социальных организмов первого, более раннего типа. Хотя каждый такой социальный организм всегда занимал определенную территорию, однако границы этой территории не были его границами. Границы территории племени не были границами самого племени. Границей такого социального организма была граница круга людей, входивших в его состав. Этот круг был четко фиксирован. Существовали правила, определявшие принадлежность человека к данному кругу, а тем самым и социальному организму. Тот или иной человек входил в состав этого круга в силу определенной связи между ним и человеком, уже принадлежащим к нему. Когда социальный организм был небольшим, существовавшие правила непосредственно определяли принадлежность человека к нему.

Крупный социальный организм был обычно подразделен на меньшие единицы или даже на целую их иерархию. Число единиц и их взаимные отношения также были в достаточной степени четко фиксированы. Существовавшие в такой общности правила определяли принадлежность человека к той или иной структурной единице, а тем самым и его принадлежность к этому организму.

¹⁸ Термин «племя» имеет несколько значений. Здесь и дальше под «племенем» понимается только так называемое позднее племя.

Единицы, на которые делился социальный организм, могли быть локализованными. Однако пространственные отношения между ними не составляли структуру социального организма, частями которого они являлись. Социальные организмы такого типа были организованы по принципу формального членства: членства людей и членства групп. В результате такой социальный организм выступал просто как определенная организованная совокупность людей. Следствием этого было совпадение названия социального организма с названием совокупности людей: сенека, тускарора и т. п. По отношению к этим социальным организмам нельзя говорить об их населении как о чем-то отличном от них самих. Каждый из таких организмов есть не что иное, как само, особым образом организованное, население. Поэтому их можно было бы назвать *демосоциальным организмом*.

Всегда занимая определенную территорию, демосоциальные организмы обладают большой степенью самостоятельности по отношению к ней. Это выражается, в частности, в том, что подобного рода социальный организм может покинуть одну территорию и занять другую, причем в данном случае происходило не просто переселение людей, входящих в состав социального организма, а передвижение социального организма как единого целого. Демосоциальные организмы в отличие от геосоциальных являются подвижными, мобильными.

Если совпадение демосоциального организма с совокупностью образующих его людей оборачивается известной его самостоятельностью по отношению к территории, то неотделимость геосоциального организма от определенной территории обуславливает известную самостоятельность составляющих его людей по отношению к нему самому. Конечно, и геосоциальный организм состоит из людей, однако он в отличие от демосоциального непосредственно не совпадает с их совокупностью. В геосоциальном организме совокупность людей, которые входят в его состав, совершенно отчетливо выступает как один из сравнительно обособленных его элементов, как его население. Нет страны, государства без населения, но сама страна и ее население отнюдь не одно и то же. Выделение совокупности людей, составляющих социальный организм, в качестве относительно самостоятельного элемента связано с тем, что основа социального организма — система отношений — получила свою собственную организацию, отличную от организации непосредственной совокупности людей, — пространственную, территориальную.

Различие между демосоциальным и геосоциальными организмами столь велико, что одни и те же термины в применении к ним имеют далеко расходящиеся значения.

Величина демосоциального организма определяется числом людей, входящих в него. Чем больше людей составляет такой социальный организм, тем он крупнее. Конечно, демосоциальный организм занимает территорию определенной величины. Существует и определенная зависимость между величиной социального организма и размерами территории, которую он занимает. Как правило, более крупный организм занимает и большую территорию. Однако величина демосоциального организма и размеры занимаемой им территории — не одно и то же.

Что касается геосоциального организма, то его величина есть величина территории, которую он занимает. Чем больше его территория, тем он крупнее. Конечно, каждый такой организм включает в свой состав определенное число людей. Но это число определяет лишь плотность населения социального организма, а не его размеры. Величина геосоциального организма и численность его населения — разные вещи, что, разумеется, не исключает существования определенной зависимости между ними, разной в различные эпохи.

Так как величина демосоциального организма определяется числом людей, входящих в его состав, то возрастание этого числа с неизбежностью означает увеличение размеров организма. До поры до времени увеличивающийся в размерах социальный организм мог оставаться в границах своей первоначальной территории. Однако рано или поздно

ему становилось на ней тесно, и он начинал занимать новые территории, вытесняя с них другие социальные организмы. Занятие социальным организмом новых территорий совершенно не обязательно предполагало включение в его состав социальных организмов, ранее их занимавших. Увеличение размеров демосоциального организма могло привести к разделению его на два новых, которые в одних случаях оставались жить по соседству, а в других — оказывались далеко друг от друга. Демосоциальные организмы способны были не только разделяться, но и сливаться, части одного могли переходить в состав другого и т. п.

Увеличение геосоциального организма может идти только путем расширения его территории. Вместе с новыми территориями в его состав входит и население этих территорий. Таким образом, увеличение того или иного геосоциального организма происходит за счет соседних социальных организмов. Эти последние либо полностью входят в состав первого, либо от них отрываются куски, которые становятся частями увеличившегося социального организма. Возрастание числа людей, составляющих геосоциальный организм, не означает увеличения его размеров. Растет лишь его население, но не он сам.

Значение терминов «переселение», «миграция» в применении к демосоциальному организму существенно отличается от значения этих терминов, когда они используются по отношению к геосоциальным организмам. В первом случае речь идет о перемещении с одной территории на другую самих социальных организмов, целых обществ. Именно такой характер носило так называемое «великое переселение народов». Во втором — речь идет о перемещении отдельных людей или групп людей либо по территории одного социального организма, либо из пределов одного социального организма в пределы другого. Двигаются люди, но не социальные организмы. Особым случаем является выселение за пределы одного социального организма большой группы людей, которая образует новый социальный организм, относящийся к тому же самому типу. Примером может служить древнегреческая колонизация.

Совершенно разные значения имеет термин «народ» в применении к демосоциальным и геосоциальным организмам. В первом случае под народом понимается либо один определенный социальный организм, либо целая группа родственных социальных организмов. Во втором термин «народ», если исключить те его значения, которые не имеют прямого отношения к рассматриваемой проблеме, может употребляться в двух основных смыслах. Один из них — вся совокупность людей, объединенных принадлежностью к тому или иному социальному организму, независимо от существующих внутри ее различий. Так, например, говорят о народе Франции, народе Югославии, индийском народе, пакистанском народе и т. п. Другой смысл — совокупность людей, имеющих общую культуру, говорящих, как правило, на одном языке и осознающих как свою общность, так и отличие от людей, принадлежащих к другим таким же совокупностям. Такого рода совокупности людей принято именовать этническими общностями или этносами. Люди, принадлежащие к одной этнической общности, могут жить в пределах как одного, так и нескольких социальных организмов, составлять как все население того или иного социального организма, так и часть его. Общее между двумя последними значениями слова «народ» состоит в том, что оба они относятся не к социальному организму в целом, а лишь к его населению.

О населении как особом явлении, отличном от самого социального организма, можно говорить только после перехода от демосоциальных организмов к геосоциальным. Соответственно лишь начиная с этого времени можно говорить и об этнических общностях как самостоятельном явлении. В предшествующую эпоху этническая общность существовала только как аспект, сторона социального организма или их совокупностей.

Люди, входившие в состав племени, обычно имели общую культуру, говорили на одном языке или диалекте одного языка. Если добавить к этому, что они осознавали свою общность и свое отличие от людей, при-

наследовавших к другим такому же рода группам, то становится ясным, почему племя нередко характеризуется как этническая общность. Племя действительно в определенном смысле было, как правило, и этнической общностью. Однако не в этом заключалась его сущность. Племя прежде всего было социальным организмом. И сознание племенной общности было в своей основе сознанием принадлежности не к культурно-языковой общности, а к социальному организму, к определенному организованному целому. Это особенно наглядно выступает как в тех случаях, когда в состав племени входили группы людей, отличавшиеся культурой и языком от основного его ядра, так и в тех, когда люди с одной культурой и языком образовывали несколько племен.

Поскольку в применении к первобытному и предклассовому обществу термин «народ» означает не собственно этническую общность как особую группировку населения, а либо социальный организм, либо группу социальных организмов, то в данном контексте вполне правомерно говорить о социально-экономическом и вообще общественном строе тех или иных народов: андаманцев, ирокезов, тлинкитов и т. п. Но только в данном контексте.

Применительно к обществу, каким оно стало после возникновения классов и государства, говорить о социально-экономическом, политическом и вообще общественном строе тех или иных народов нельзя, ибо термин «народ» означает здесь не социальный организм, а ту или иную группировку его населения. Не может быть речи о социально-экономическом строе немцев, французов, чехов и т. п. Можно говорить лишь о социально-экономическом строе ГДР, ФРГ, Франции, ЧССР и других геосоциальных организмов. Нельзя говорить о социально-экономическом строе жителей той или иной страны, можно говорить о социально-экономическом строе страны, в которой они живут. Исключение из этого правила имеет место лишь тогда, когда в пределах того или иного геосоциального организма сохраняются демосоциальные организмы.

На первобытнообщинной стадии существовали одни лишь демосоциальные организмы. Для классового общества характерны геосоциальные организмы. Эпоха предклассового общества являлась в целом временем превращения демосоциальных организмов в геосоциальные. Специфичным для этого периода было существование социальных организмов, обладавших одновременно как демосоциальной, так и геосоциальной структурами. Примером могут служить так называемые «вождества». В эволюции таких переходных социальных организмов иногда имело место и попятное движение: разрушение геосоциальной структуры и переход ведущей роли к демосоциальной. Однако в общем их развитие шло по линии превращения в подлинные геосоциальные организмы.

Исключение составляли социальные организмы кочевников. Кочевые общества, пока они оставались кочевыми, представляли собой только демосоциальные организмы. Именно необходимость подчеркнуть данную особенность социальных организмов кочевников побудила Г. Е. Маркова, в целом выступившего против применения для характеристики общественного строя кочевников терминов «родо-племенная организация», «родо-племенной строй» и т. п., настаивать на необходимости использования слова «племя». Но племя кочевников было, как правило, довольно крупным социальным организмом, поэтому оно делилось на определенное число социальных единиц, которые нередко образовывали целую иерархическую структуру. Термин «родо-племенная организация» и ему подобные как раз и обозначают эту внутреннюю структуру данных социальных организмов, которую мы выше обозначили как демосоциальную. Эти термины действительно (и в этом Г. Е. Марков совершенно прав) не очень удачны, ибо они нередко употребляются как синонимы первобытнообщинного строя. Но других пока не существует, и поэтому исследователи ими пользуются. Необходима разработка новой терминологии, которая заменила бы старую.

М. Ф. Чигринский

ПУТЕШЕСТВИЕ ПАУЛЯ ИБИСА НА ТАЙВАНЬ

В 1877 г. немецкий географический журнал «Глобус» опубликовал работу офицера русского корвета «Аскольд» Пауля Ибиса, посвященную его путешествию к аборигенам Тайваня¹.

Поскольку ни в «Глобусе», ни в других журналах о самом Пауле Ибисе ничего не сообщалось, пришлось обратиться к архивным материалам. Согласно имеющимся данным, Пауль (Павел Иванович) Ибис родился 16 июня 1852 г. в Везенберге (Раквере) в Эстонии. Происходил из крестьянской семьи, лютеранского вероисповедания. В 1868 г., по окончании штурманского училища, произведен в кондукторы. Плавал на корвете «Воевода» и фрегате «Адмирал Лазарев». В октябре 1872 г. в связи с подготовкой «Аскольда» к кругосветному путешествию², был переведен на этот корабль, где в декабре 1873 г. произведен в прапорщики. В июне 1876 г. Ибис тяжело заболел и был помещен в госпиталь во Владивостоке. Лечение не дало результатов, и Ибис направили в Австрию, надеясь на скорейшее выздоровление. Ибис, однако, предпочел поехать в Германию, а затем в Италию, где и умер в г. Пизе в 1877 г. Единственным родственником П. Ибиса оказался брат Фридрих — тоже моряк³. Таким образом, Ибис скончался в год издания в «Глобусе» его труда, и нам неизвестно, знал ли путешественник о выходе в свет своей работы. Никаких других сведений о научных интересах Пауля Ибиса найти пока не удалось.

О его личных качествах можно судить по высказываниям контр-адмирала И. И. Бутакова, считавшего, что «Ибис соединяет в себе прекрасные качества и способности морского офицера... при отличном поведении и нравственности».

Единственным источником, характеризующим Пауля Ибиса как человека и исследователя, остаются путевые записи в «Глобусе». Они стали вместе с тем памятником человеку, посетившему Тайвань, когда ему было 23 года и умершему в 25 лет.

По словам Ибиса, его интерес к Тайваню был вызван японской военной экспедицией 1874 г.⁴, а побудительными мотивами к путешествию стали два обстоятельства: первое — желание узнать, что собой представляют туземцы — «народ, пользующийся такой дурной славой», второе — стремление установить, обитает ли на Тайване «черная раса папуасов», как утверждал этнограф Ф. Мюллер. Воспользовавшись тем, что «Аскольд» в начале 1875 г. стоял в Гонконге, и на корабле могли обойтись

¹ Упоминание о работе П. Ибиса можно найти только в работе известного ориенталиста Т. де Лякупри: *Lacouperie T. De Formosa Notes MSS. Races and Languages.* — *Journal of Royal Asiatic Society*, 1887, v. 19, p. 417; *Ibis P. Aus Formosa.* — *Globus*, 1877, t. XXXI (далее ссылки на эту работу будут даваться в тексте).

² В действительности же «Аскольд» совершил полукругосветное путешествие. (см. Центральный государственный архив военно-морского флота; далее ЦГАВМФ — ф. 410, оп. 2, ед. хр. 3382, л. 4).

³ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 3, ед. хр. 812, л. 35; ЦГАВМФ, оп. 3, ед. хр. 2489, л. 117—119; л. 222—223.

⁴ В июне 1872 г. жители прибрежного с. Куарут перебили потерпевших крушение рыбаков с о. Мяко. Японское правительство использовало это как предлог для нападения на Тайвань в 1874 г.

без него, П. Ибис отправился на Тайвань, где пробыл два месяца — январь и февраль. Это сухой и жаркий период, когда Ибис мог относительно спокойно передвигаться по острову. Путешествию способствовала и известная политическая стабильность. Японцы отвели войска, и аборигены, напуганные, по словам П. Ибиса, японским оружием, не нападали на иностранцев (с. 149) ⁵.

Захватив циркуль, линейку, книги и «как можно меньше другого багажа», П. Ибис прошел Тайвань с юга на север и побывал в тринадцати туземных общинах, которые не вполне точно называл племенами.

Карта Тайваня, на которой П. Ибис обозначил маршрут своего путешествия, и составленный им небольшой словарь местных диалектов позволяют сделать вывод, что он встречался с гаошань: пайванами, ами, рукай, паюма, бунун, пинпу ⁶. Названия деревьев, которые посещал П. Ибис, установить трудно, так как они давно заменены китайскими, и, несмотря на точные картографические данные П. Ибиса, можно только предполагать их истинное местонахождение.

Описанию путешествия П. Ибис предпослал обзор географии и истории Тайваня. В первом он касается особенностей физической и экономической географии острова, прежде всего геологического строения, вулканической деятельности конфигурации береговой линии, бухт, портов, а также флоры, фауны и климатических условий. Большое впечатление на путешественника произвели камфарные леса, «подобные которым едва ли есть еще где-нибудь» (с. 151), и западная равнина острова — одна из самых плодороднейших местностей, виденных П. Ибисом. Подробно перечислив все произрастающие в этом районе сельскохозяйственные культуры и субтропические растения, Ибис дал детальную характеристику животного мира Тайваня, указав, «что фауна Формозы богата и имеет собственные виды, например, формозский олень, енот, фазан» и что там очень много летучих мышей и летучих собак (с. 151).

Пристальное внимание Ибиса привлекла экономика острова, включая и внешнюю торговлю. Он приводит сведения по внешнеторговому обороту Тайваня, правда, без ссылки на источник (с. 151).

Обзор истории Тайваня, данный Ибисом, во многом совпадает с картиной, рисуемой китайскими и европейскими авторами. Пауль Ибис особо подробно останавливается на появлении там в начале XV в. волны китайских поселенцев, встретивших «добрый народ, который охотно предоставил им землю и вступил с ними в оживленную торговлю». Однако, — пишет далее путешественник, — «дружеские отношения между ними продолжались недолго: слишком большой наплыв иностранцев, их жадность, самонадеянность и дерзость вызвали раздоры, которые легли в основу ожесточенной расовой вражды, продолжающейся по сей день» (с. 167).

Рассматривая развитие отношений китайцев и аборигенов, Ибис замечает, что китайские власти, исходя из сложившейся на острове обстановки, «не спешили объявить его своей колонией» и легко уступили голландцам (начало XVII в.) в обмен на освобождение последними архипелага Пэнху (с. 167).

Охарактеризовав голландскую политику противопоставления туземцев китайцам, П. Ибис остановился на деятельности китайского полководца Чжэн Чэнгуна (Коксинги), изгнавшего голландцев с Тайваня (во второй половине XVII в.). В противоположность официальным цинским хронистам и большинству буржуазных историков, рассматривавших Чжэн Чэнгуна как пирата, Ибис характеризовал его как отважного, энергичного человека (с. 167) ⁷.

⁵ Об истории Тайваня этого периода см. *Тодер Ф. А. Тайвань и его история* (XIX в.). М.: Наука, 1978, с. 123—146.

⁶ Всех индонезийцев Тайваня китайцы называют гаошань (горцы) и подразделяют на собственно гаошань — жителей горных районов и пинпу — обитателей равнины. См. *У. Чжуанда. Тайвань*. М.: Изд-во иностр. лит., 1959, с. 96.

⁷ См. *Фомина Н. И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая* (середина XVII в.). М.: Наука, 1974, с. 108—144; 156—161.

Касаясь сложившейся в его время на Тайване политической ситуации, Ибис указывал, что ее важнейшей чертой является не расовая вражда китайцев и туземцев. Будучи невысокого мнения о вооруженной фетильными ружьями и копьями, недисциплинированной, состоящей из «ворюшек и бродяг» китайской армии, П. Ибис считал ее негодной для борьбы с аборигенами (с. 169). Не подходил для этого и косный государственный аппарат.

Говоря о сложившейся после ухода японских войск обстановке, П. Ибис пишет об убийстве туземцами двух китайских солдат. Местное начальство само не приняло мер, а вступило по этому поводу в переписку с высшими инстанциями. Не получив ответа, островитяне убили еще девяносто китайцев и сожгли военный лагерь. Тогда на Тайвань была направлена десяти тысячная армия. Карательный поход провалился, — китайцы так и не приспособились к операциям в горах и джунглях, где преимущество оставалось за партизанами-туземцами (с. 169).

Путешественник писал и о деятельности миссионеров, с которыми лично познакомился. Он сообщает о двух пресвитерианских миссиях и одной католической.

Пресвитериане создали на Тайване школы, где обучали детей географии, истории, счету, китайскому языку. Их учебники, библия, псалтирь были напечатаны латинизированным китайским шрифтом.

Миссионерами в большинстве были молодые, образованные китайцы. Будучи человеком воспитанным в европейской культурной традиции, П. Ибис сравнивал пение местного церковного хора «из китайцев и малайцев» с кваканьем и визгом, что, по его мнению, «обоснованно вызывало на лица нехристей... насмешливые улыбки». Он также отмечал напряженные отношения между миссионерами, с одной стороны, и властями и китайским населением, с другой (с. 170).

Само путешествие Пауля Ибиса началось 23 января 1875 г. из г. Дагоу (Гаосюн). В сопровождении двух китайских носильщиков, рекомендованных миссионерами, захватив подарки для туземцев, подобранные немецким купцом Маннихом, Ибис двинулся на юг к Ланцзяо (Чечену).

Первую остановку он сделал в Дунцзяне, где наблюдал за заготовкой рыбы. Здесь он обратил внимание на дома, сплетенные из бамбука. Частые наводнения не позволяли жителям строить более прочные жилища, несмотря на относительную прохладу.

Южнее Дунцзяна Ибис встретился с туземцами «племени» паюма — высокими, сильными людьми, которых путешественник сумел зарисовать. Однако провести антропологические измерения не удалось. Аборигены боялись циркуля, считая его, вероятно, орудием вредоносной магии. Только когда Ибис выдал себя за врача, он добился некоторых результатов. Путешественник хотел проникнуть в район обитания паюма, но не получил приглашения.

Больше ему повезло с пайванами из общины Сапрек, решившими проводить его к себе в село как «брата». За это он обещал угостить всю деревню. Через джунгли и горы, по едва заметным тропам Ибис с одним из китайцев, сопровождаемые сапреками, добирались до их поселения. Спутники Ибиса несли на себе сосуды из стволов бамбука длиной в человеческий рост, наполненные угощением — рисовой водкой. Туземцы и их жены легко поднимались по крутизне, в то время как Ибис и его носильщик еле переводили дух. Перед входом в село Паулю Ибису предстояло испытание — он должен был попасть из пистолета в бамбуковую палку с расстояния тридцати шагов, с чем он успешно справился, завоевав всеобщее уважение.

Ибис рассказал о церемонии братания с вождем сапреков, о быте и материальной культуре этой общины. В одном из дворов он встретился с вождем, перед которым шел мальчик с желтым флагом и колчаном, натертым воском. Положив атрибуты власти к ногам главы общины, который уселся в деревянное кресло, ребенок удалился. Путешественник поднес подарки таурангу (вождю), после чего тот положил руку на плечо Ибиса, а Ибис в свою очередь положил руку на плечо вождя. За-

тем оба пригубили рисовой водки из чаши, и братание состоялось. После этого началось возлияние, во время которого вождь, забыв о своей значительности, «заорал во всю глотку так, что взвыли все собаки в деревне» (с. 184). Пиршество продолжалось в доме тауранга, где П. Ибис впервые увидел насколько сильна у гаошань власть стариков. Он также познакомился с приниженным положением женщин, питавшихся остатками мужской трапезы, и с порядком эквивалентного обмена, коснувшимся его самого. В ответ на его подарки туземцы преподнесли П. Ибису сушеную оленью ногу, которую взвалили на китайца, согнувшегося под тяжестью подношения. В сопровождении эскорта воинов, помогавших нести этот и другие дары, Ибис вернулся в Ланцзяо, откуда неоднократно совершал дальние походы по острову. Во время одного из них он встретился с каваланами (кваянами), «грязными, вызывающими подозрение людьми», напугавшими спутников П. Ибиса. Угощение табаком сделало их, однако, доброжелательными, и одного из туземцев П. Ибис зарисовал (с. 185).

Поскольку большинство аборигенов района Ланцзяо не видело европейцев, Ибиса однажды приняли даже за японца, а объяснить, кто он такой, путешественник не мог.

Покинув как-то раз Ланцзяо, П. Ибис добрался до Сабари — крупного села, где жило «племя» ами. Вождь Иссэк, произведший на Ибиса впечатление зажиточного крестьянина, и без всяких подарков принял его гостеприимно. Ибис отметил сильное китайское влияние в убранстве жилищ сабари, в их хозяйстве и быту.

Отсюда он дошел до с. Таусок, вождь которого Тоуток (Тукток) возглавил конфедерацию из восемнадцати племен против империи Цин. П. Ибис считал, что конфедерация существовала номинально. Побеседовать с Тоутоком П. Ибису не удалось, так как тот «был совершенно пьян и страшно ругался со своей половиной» (с. 186).

Возвращаясь обратно, П. Ибис хотел идти до с. Куарут, жители которого в июле 1872 г. перебили потерпевших крушение рыбаков с о. Мияко (архипелаг Рюкю), что и вызвало нападение на Тайвань японцев в 1874 г.

По пути П. Ибис вышел к дер. Бакурут. Местные ами приняли его за потерпевшего кораблекрушение, но к себе не пустили и отправили к морю. Идти пришлось через территорию куарутов. Здесь П. Ибис видел остатки разбитых японских судов, в том числе корабля, из-за которого власти в Токио организовали военную экспедицию на остров. Ибис квалифицировал ее как попытку «прекратить волнения в японском народе и... избежать революции» (с. 186).

Вернувшись в Сабари, он наблюдал охоту, отличавшуюся от европейской отсутствием «элегантных господ и грациозных дам» и участием «грязных, полуголых малых», устроивших «жуткую оргию» (с. 186).

Попытка П. Ибиса проникнуть к «племен» бунун не удалась, ибо у него началась лихорадка. Его нашли туземцы и проводили до знаменитых каменных ворот, в районе Шимэнь, где в 1874 г. они сражались с японцами (с. 186, 187)⁸. Отсюда Ибис добрался до китайского поселка, где пришел в себя.

О туземцах южного Тайваня Ибис пишет с исключительной теплотой, отзываясь о них как о честных и добрых людях, несправедливо называемых «дикарями» и превосходящих по своим моральным качествам многих из тех, кто считает себя «цивилизованными» (с. 149, 185).

С уважением говорит путешественник и о китайских крестьянах. Их трудолюбие, порядочность, гостеприимство резко контрастировали с нравами компрадоров, по которым европейцы судили обо всем китайском народе (с. 215).

9 февраля Пауль Ибис начал обследовать центральную часть острова. Здесь он встретился с этнической группой хакка (кэцзя), относящейся к ханьцам. В XIX в. многие исследователи считали их окитаившимися

⁸ У. Чжуанда. Указ. раб., с. 315.

потомками индийцев. П. Ибис разделял этот ошибочный взгляд. Он даже пытался противопоставить хакка китайцам антропологически (с. 216).

Интересные страницы своих записей Ибис посвятил племенам группы пинпу, в том числе «племени» сэдек. Они в то время быстро китаизировались. Однако старики еще помнили родной язык. П. Ибис слышал их песни «на малайском языке». В них рассказывалось о подвигах предков и вождей, о сиянии солнца и луны, о лесах и травах.

Большое впечатление на П. Ибиса произвели танцы пинпу в лунную ночь. Он побывал в храме пинпу. Это была хижина, на алтарной стороне которой висели олени рога, рядом стояли два копия, а по соседству с ними виднелись водруженные на шестах головы животных. На полу находились сосуды с рисовой водкой и арековые ветки. Молящийся, набрав в рот водки, выпускал ее на алтарь, кланялся, хлопал в ладоши, и складывал дары (с. 230). Внутреннее убранство храма П. Ибис зарисовал.

Недалеко от г. Чжунхуа П. Ибис встретился с «племенем» сэдек, оказавшим ему самый радушный прием. От своих соседей сэдек отличались более светлым цветом кожи и круглой формой глаз. П. Ибис писал, что они «отходят от малайского типа», и предположил, что среди предков сэдек могли быть голландцы, женившиеся на туземках⁹. К тому же у сэдек хранились голландские книги и документы (с. 230).

Обратный путь, который Ибис проделал по северному Тайваню, был очень труден. Бесперывный дождь, порывистый ветер заставляли его проходить по двадцать миль в сутки, чтобы как-то согреться. Ночевать приходилось под открытым небом. С трудом путешественник добрался до Даньшуй, откуда 7 марта 1875 г. отбыл в Гонконг.

Подводя итоги своего пребывания на Тайване, Пауль Ибис писал, что он стремился привлечь внимание ученых к «этому... такому красивому уголку Восточной Азии» (с. 234), давал советы будущим исследователям, как это целесообразнее сделать.

Касаясь вопроса о «папуасах», П. Ибис указывал, что, хотя китайцы и аборигены о них ничего не знали, чернокожие племена могли обитать в центральной, не исследованной им части острова (с. 234)¹⁰. Ибис считал, что у отдельных тайваньских племен есть негроидные признаки — результат смешения аустронезийцев с австралоидами. Эту точку зрения высказывают и некоторые современные ученые (с. 234)¹¹.

П. Ибис затрагивал и проблемы миграции на Тайвань со стороны Тихого океана, что также совпадает с мнением позднейших исследователей (с. 234)¹².

Записи Пауля Ибиса свидетельствуют, что это был тонкий наблюдатель, самоотверженный, честный и гуманный человек, обладающий редкой эрудицией и любивший науку; они, несомненно, представят интерес для исследователей, занимающихся историей этого региона.

⁹ В одном из китайских источников сообщалось о туземной общине, считавшей голландцев своими предками. См. Хуан Цин чжигунгу/Альбом данников династии Цин (б. м.), 1751, т. 2, ч. 3, с. 266 (на кит. яз.).

¹⁰ *Дин Шаои*. Дунинчжилюе (Краткое описание Тайваня). Даньшуй, 1875, ч. 6, с. 8-а (на кит. яз.).

¹¹ *Chen Kang Chai*. Taiwan Aborigines. Cambridge (Mass.), 1967, p. 33.

¹² *Кюнер Н. В.* Народы острова Формозы (Тайвань). — Архив ЛОИЭ, ф. 8, оп. 1, л. 22.

З. П. Соколова

БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ У ХАНТОВ И МАНСИ В XVIII—XIX ВВ.

Сведения о свадебном обряде и брачном возрасте хантов и манси в этнографической литературе очень немногочисленны¹. В отношении брачного возраста есть указания лишь на то, что мужчина считался возмужавшим к 20 годам², а девушки вступали в брак с 12—13³ или с 13—14 лет⁴. Впрочем, известны случаи и более раннего замужества. Так, М. А. Кастрен, описывая северных хантов, сообщает, что отец купил сыну жену — девочку 6 лет⁵.

Расширить и уточнить наши знания по этому вопросу могут помочь церковные метрические книги Духовной Консистории⁶ и ревизские сказки Казенной палаты⁷, хранящиеся в филиале Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске. В настоящей статье нами использована часть этих архивных данных.

К сожалению, в своих выписках из метрических книг, хранящихся в Тобольском архиве, мы в свое время не везде фиксировали брачный возраст брачащихся, так как собирали материалы о браках для иной цели. В частности, все выписки из записей браков за XVIII в. оказались без указания возраста брачащихся. Поэтому данные табл. 1 не абсолютно точны: они выполнены не по записям браков, а по исповедным росписям метрических книг и ревизским сказкам. Как известно, в этих документах указан возраст всех значащихся в них на момент переписи, — мужей, их жен и детей. Мы определяли брачный возраст супругов условно: по возрасту мужа и жены за вычетом возраста старшего ребенка в семье и еще одного года (условно — на беременность). Однако известно, что у хантов и манси в прошлом была очень высокая смертность, в том числе и детская. Поэтому старший ребенок в семье, записанный в росписи или сказке, не всегда был первенцем. Он мог быть и вторым и третьим ребенком, что и определяет условность наших расчетов брачного возраста супругов.

В росписях и сказках нередко встречаются указания на супругов, не имеющих детей (речь идет о молодых супругах). В этих случаях мы определяли их брачный возраст также условно: из возраста супругов вычитали по одному году.

Данные ревизской сказки 1782 г. по Сургутскому уезду, касающиеся брачного возраста женщин, более точны, так как в них часто указан возраст, в котором девушек выдали замуж.

¹ Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980, с. 36—42.

² *Беляевский Ф.* Путешествие к Ледовитому морю. М., 1833, с. 117.

³ *Воронов А. Г.* Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии. — Зап. Русск. географич. о-ва по отд. этнографии, Спб., 1900, т. XVIII, с. 7.

⁴ *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки. Томск: Краеведческий музей, 1931, с. 11.

⁵ *Кастрен М. А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). — В кн.: *Собрание старых и новых путешествий*. Ч. II. М., 1860, с. 182.

⁶ Государственный архив Тюменской области, филиал в Тобольске (ГАТОТ), ф. 156. См. характеристику этих источников в статье: *Соколова З. П.* Проблема рода, фратрии и племени у обских угров. — Сов. этнография, 1976, № 6, с. 14—15.

⁷ ГАТОТ, ф. 154 (Казенная палата), оп. 8, св. 19, № 44, св. 30, № 72.

Уезд, волость, время	Число и % браков, в которых мужчины:				
	12—16 лет	17—20 лет	21—25 лет	26—30 лет	свыше 30 лет
1. Березовский уезд, 1794, 1795, 1797, 1801 гг. ¹	72(5%)	384(28%)	577(43%)	288(21,5%)	30(2,5%)
2. Сургутский уезд, 1782 г. ²	48(22,5%)	70(33%)	73(34,5%)	20(9,5%)	1(0,5%)
3. Сургутский и Тобольский уезды, Селияровская, Салымская, Темличеева и Тарханская волости, 1794, 1798 гг. ³	7(7%)	23(23%)	41(41%)	24(24%)	5(5%)
4. Тобольский уезд, Верхнедьяновская, Нарымская, Назымская, Самаровская волости, 1788, 1790, 1794, 1798 гг. ⁴	35(8,5%)	117(29%)	158(39%)	85(21%)	9(2,5%)
5. Тобольский и Туринский уезды, Верх-Кондинская, Большекондинская, Меньшекондинская, волости, 1788, 1794, 1796, 1798 гг. ⁵	25(6%)	90(22%)	169(41,5%)	109(26,5%)	17(4%)
6. Тобольский и Туринский уезды, Кошутская и Табаринская волости, 1789 г. ⁶	17(10,5%)	52(32,5%)	48(30%)	27(17%)	16(10%)
По всем уездам:	204(7,5%)	736(28%)	1066(40,5%)	553(21%)	78(3%)

¹ Государственный архив Тюменской области, филиал в Тобольске (далее — ГАТот), ф. 156 (Духовная Консистерия), оп. 20, св. 461, № 702, 703, 705, св. 462, № 709. Исповедные росписи в метрических книгах за 1794, 1795, 1797, 1801 гг. Ввиду того, что за один год данных мало, пришлось объединить материалы за несколько лет.

² ГАТот, ф. 154 (Казенная палата), оп. 8, св. 19, № 44. Ревизская сказка за 1782 г.

³ ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 22, № 52. Исповедные росписи в метрических книгах за 1794, 1798 гг.

Сведения о брачном возрасте хантов и манси в XVIII в. представлены в табл. 1.

Наиболее высокий процент ранних браков отмечен по данным ревизской сказки 1782 г. в Сургутском уезде. В возрасте 12—16 лет здесь вступили в брак 38% женщин и 22,5% мужчин⁸, а в возрасте 17—20 лет — около половины (45%) женщин и 33% мужчин. Таким образом, в возрасте 21 года в брак вступили 83% женщин и более половины (55,5%) мужчин.

По неполным данным ревизской сказки 1795 г., не вошедшим в табл. 1, в Обдорской волости Березовского уезда вступили в брак в возрасте до 17 лет 87% девушек и 50,5% юношей⁹. Это говорит о том, что здесь ранних браков было еще больше. Особенно часто выдавали замуж девочек, однако это не всегда означало фактическое вступление в брак. Хотя малолетние невесты переезжали в семьи своих будущих мужей, что отмечено в ревизских сказках (выданные замуж малолетние девочки числятся уже в волости своего будущего мужа), в брак они вступали, очевидно, после наступления половой зрелости, а до этого были лишь

⁸ Эти данные менее точны, чем по Обдорской волости Березовского уезда, так как просчитаны не по всей ревизской сказке.

⁹ Из учтенных в ревизской сказке 124 девушек и 81 юноша вступили в брак в возрасте от одного года до 12 лет 84 женщины (около 68%) и 14 мужчин (17,5%); в возрасте 13—16 лет — 24 женщины (19%) и 27 мужчин (33%); в возрасте 17—25 лет — 15 женщин (12%) и 38 мужчин (47%); в возрасте свыше 25 лет — одна женщина (1%) и два мужчины (2,5%).

по материалам конца XVIII в.

всего	Число и % браков, в которых женщины:					всего
	12—16 лет	17—20 лет	21—25 лет	26—30 лет	свыше 30 лет	
1351(100%)	185(12%)	660(44%)	543(36%)	109(7,5%)	6(0,5%)	1503(100%)
212(100%)	115(38%)	136(45%)	47(15,5%)	47(15,5%)	4(1,5%)	302(100%)
100(100%)	25(21%)	46(38%)	32(27%)	17(14%)	—	120(100%)
404(100%)	50(11%)	164(36,5%)	189(42%)	45(10%)	3(0,5%)	451(100%)
410(100%)	78(14%)	227(40%)	181(32%)	69(12%)	10(2%)	565(100%)
160(100%)	16(11%)	43(29%)	58(39%)	24(16%)	7(5%)	148(100%)
2637(100%)	469(15%)	1276(41%)	1050(34%)	268(9%)	26(1%)	3089(100%)

⁴ Там же, ф. 156, оп. 20, св. 10, № 30, св. 17, № 45, св. 22, № 52. Исповедные росписи в метрических книгах за 1788, 1790, 1794, 1798 гг.

⁵ Там же, ф. 156, оп. 20, св. 22, № 52. Исповедные росписи в метрических книгах за 1794, 1796, 1798 гг. Св. 751 — исповедные росписи за 1788, 1794, 1798 гг.

⁶ Там же, ф. 156, оп. 20, св. 263, № 381. Исповедные росписи в метрических книгах за 1789 г.

сговорены родителями. Наиболее ранний возраст женщин, имеющих детей, зафиксирован ревизской сказкой 1795 г.: по одному разу в 12 и 15 лет, два раза в 13 лет¹⁰, остальные — чаще всего в 17—20 лет.

Показатели табл. 1, вычисленные по данным исповедных росписей церковных метрических книг, дают меньший процент ранних браков: от 5 до 10% женщин и от 11 до 21% мужчин (по ревизским сказкам соответственно 38 и 22,5%; см. табл. 1). Это объясняется, вероятно, тем, что, поскольку христианская церковь такие ранние браки не разрешала, священники их регистрировали лишь по достижении супругами определенного возраста либо с появлением у них детей.

В целом же сведения по разным уездам, где проживали различные этнографические и территориальные группы хантов и манси, существенно не отличаются друг от друга. По всем данным табл. 1, малолетних (от 12 до 16 лет) невест было в два раза больше, чем малолетних женихов: первых в целом по всем уездам было 15% (от 11 до 38% в разных группах), вторых — 7,5% (от 5 до 22,5% в разных группах); а невест в возрасте 17—20 лет соответственно в полтора раза больше, чем женихов (ср.: 41% невест и 28% женихов в данном возрасте в целом по всем уездам; от 29 до 49% невест и от 22 до 33% женихов в этом возрасте — в разных районах). Более половины женщин (56% в целом по всем уездам, от 40 до 83% в разных уездах) вступили в брак в возрасте от 12 до 20 лет, тогда как мужчин в этом же возрасте вступило в брак 35,5%

¹⁰ Но это могли быть и дети от первого брака мужей, более старших по возрасту.

Уезд, волость, время	Число и % браков, в которых мужчине				
	12—16 лет	17—20 лет	21—25 лет	26—30 лет	свыше 30 лет
1. Березовский уезд, Казымская, Сосвинская, Ляпинская волости, 1847—1897 гг. ¹	—	44 (12%)	136 (37%)	96 (26%)	94 (25%)
2. Березовский уезд, Куноватская волость, 1863—1905 гг. ²	—	15 (12%)	38 (29%)	24 (19%)	51 (40%)
3. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская, Юганская Подгородная волости, 1838—1847 гг. ³	—	20 (19,5%)	36 (35,5%)	20 (19,5%)	26 (25,5%)
4. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская, Юганская Подгородная, Балытская, Селияровская, Салымская, Аганская, Пимская, Тром-Юганская, Ваховская, Лумпокольская волости, 1839—1862 гг. ⁴	—	35 (19%)	54 (29%)	42 (22,5%)	55 (29,5%)
5. Сургутский уезд, Ваховская, Лумпокольская, Салтыковская волости, 1837—1867 гг. ⁵	—	27 (32%)	20 (24%)	19 (22,5%)	18 (21,5%)
6. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская, Юганская, Юганская Подгородная, Балытская, Салымская, Аганская, Пимская, Тром-Юганская, Лумпокольская, Ларьякская волости, 1863—1900 гг. ⁶	—	91 (17%)	191 (35,5%)	110 (20,5%)	146 (27%)
7. Сургутский и Тобольский уезды, Селияровская, Салымская, Верхнедемьянская, Нарымская, Назымская, Самаровская, Тарханская, Темличеева, Меньшекондинская волости, 1839—1875 гг. ⁷	—	16 (35%)	15 (32%)	9 (19%)	6 (13%)
8. Тобольский и Туринский уезды, Большекондинская и Меньшекондинская волости, 1815—1870 гг. ⁸	4 (2%)	55 (25%)	55 (25%)	40 (18%)	67 (30%)
9. Березовский уезд, Подгородная волость, 1869 г. ⁹	1 (1%)	15 (20%)	19 (25%)	26 (34%)	15 (20%)
По всем уездам:	5 (0,3%)	318 (18,3%)	564 (32%)	386 (22,2%)	478 (27,2%)

¹ Записи браков в метрических книгах Березовского загса. Казымская волость — за 1847—1876 гг. Сосвинская и Ляпинская волости — за 1847—1857, 1860—1876, 1876—1897 гг.

² Записи браков в метрических книгах Мужевского загса за 1863—1905 г.

³ ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 180, № 279. Записи браков в метрических книгах за 1838—1847 гг.

⁴ Там же, ф. 156, оп. 20, св. 745, № 1128, 1131. Записи браков в метрических книгах за 1839—1849, 1854—1862 гг.

⁵ ГАТот, ф. 706, оп. 1, св. 3. Записи браков в метрических книгах за 1837—1844, 1846, 1867 гг.

⁶ Сургутский загс. Записи браков в метрических книгах за 1863—1877, 1863—1900, 1876—1900 гг.

⁷ ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 167, № 244—246. Записи браков в метрических книгах за 1839—

по материалам XIX в.

всего	Число и % браков, в которых женщины					всего
	12—16 лет	17—20 лет	21—25 лет	26—30 лет	свыше 30 лет	
370(100%)	8(2%)	145(42%)	114(33%)	56(16%)	24(7%)	347(100%)
128(100%)	1(0,8%)	38(29,5%)	46(35,6%)	24(18,6%)	20(15,5%)	129(100%)
102(100%)	4(4%)	58(59,2%)	17(17,4%)	8(8,2%)	11(11,2%)	98(100%)
186(100%)	5(3%)	94(51%)	37(20%)	18(10%)	29(16%)	183(100%)
84(100%)	—	43(51%)	28(33,4%)	7(8,4%)	6(7,2%)	84(100%)
538(100%)	—	311(59%)	97(18,5%)	46(9%)	70(13,5%)	524(100%)
46(100%)	—	27(61,5%)	11(25%)	4(9%)	2(4,5%)	44(100%)
221(100%)	27(13%)	101(48%)	32(15%)	21(10%)	30(14%)	211(100%)
76(100%)	5(6%)	30(34,5%)	24(27,5%)	22(25%)	6(7%)	87(100%)
1751(100%)	50(3%)	847(50%)	406(24%)	206(12%)	198(11%)	1707(100%)

1857 гг.; св. 173, № 257, 258, 259 — за 1840—1866, 1875 гг.; св. 174, № 262 — за 1851—1860 гг. Данные записей браков (см. примечания 3—7) не повторяются, так как взяты из метрических книг разных церквей.

⁸ Там же, ф. 156, оп. 20, св. 751, № 1141. Записи браков в метрических книгах за 1815—1825, св. 748, № 1138 — за 1841—1870 гг.

⁹ Березовский загс. Исповедная роспись в метрических книгах за 1869 г.

Уезд, волость, время	Число и % браков,			
	муж старше жены			
	на 1—5 лет	на 6—10 лет	на 11—20 лет	свыше 20 лет
1. Березовский уезд, 1794, 1795, 1797, 1801 гг. ¹	780(50%)	420(27%)	237(15,5%)	116(7,5%)
2. Березовский уезд, Обдорская волость, 1795 г. ²	244(43%)	152(27%)	117(20,5%)	55(9,5%)
3. Сургутский уезд, 1782 г. ³	288(34%)	283(33%)	210(24,5%)	74(8,5%)
4. Сургутский и Тобольский уезды, Селияровская, Салымская, Темlicheва и Тарханская волости, 1794, 1798 гг. ⁴	55(48,5%)	21(18,5%)	27(24,5%)	10(9%)
5. Тобольский уезд, Верхнедьяновская, Нарымская, Назымская и Самаровская волости, 1788, 1790, 1794, 1798 гг. ⁵	179(53,5%)	75(22%)	58(17%)	25(8%)
6. Тобольский и Туринский уезды, Верх-Кондинская, Большекондинская, Большеюкондинская и Меньшекондинская, волости, 1788, 1794, 1796, 1798 гг. ⁶	184(45%)	113(28%)	70(17%)	39(10%)
7. Тобольский и Туринский уезды, Кошутская и Табаринская волости, 1789 г. ⁷	46(52%)	17(19%)	17(19%)	9(10%)
По всем уездам:	1776(45%)	1081(27,5%)	736(19%)	328(8,5%)

¹ См. прим. 1 к табл. 1. ² ГАТОН, ф. 154, оп. 8, св. 30, № 72. Ревизская сказка за 1795 г. ³ См.

⁷ См. прим. 6 к табл. 1.

(в разных районах — от 33 до 55,5%). Если же учесть еще и возрастную категорию 21—25 лет, то в возрасте от 12 до 25 лет вступили в брак 90% женщин и 76% мужчин.

Таблица 2 составлена по материалам XIX в. (это записи браков в метрических книгах и данные одной исповедной росписи). Она свидетельствует о том, что в XIX в. брачный возраст мужчин и женщин значительно повысился. Невест в возрасте 12—16 лет было всего 3%, женихов — 1%. Уменьшение числа малолетних невест и женихов объясняется главным образом тем, что под влиянием христианства у хантов и манси начал отмирать обычай заключать ранние браки. Об этом свидетельствует сопоставление данных за первую и вторую половины XIX в., приводимых в табл. 2¹¹. В первой его половине женщин, вступивших в брак в возрасте 12—25 лет, было 81,5%, мужчин — 56%; во второй — соответственно 74,1 и 48,6%. Для этого периода характерно увеличение числа брачащихся в возрасте старше 25 лет: женщин — с 18,7% (первая половина XIX в.) до 25,9% (вторая половина), мужчин — с 44 до 51,4%. Отметим также, что и в XIX в. ранние браки преобладали среди женщин. В возрасте от 12 до 20 лет они вступали в браки почти в три раза чаще мужчин (соответственно 53 и 18,6%). В XIX в. брачный возраст мужчин повысился больше, чем женщин: число мужчин, вступивших в брак в возрасте 12—20 лет, уменьшилось почти наполовину (с 35,5 в XVIII в. до 18,6% в XIX в.), а женщин — лишь на 3% (с 56 до 53%); в то же время количество браков, заключенных мужчинами в возрасте

¹¹ Данные первой половины XIX в. — №№ 3—5, второй половины — № 1, 2, 6, 7, 9

хантов и манси по материалам XVIII в.

в которых

всего	жена старше мужа				
	на 1—5 лет	на 6—10 лет	на 11—20 лет	свыше 20 лет	всего
1553(100%)	426(62,5%)	151(22%)	79(11,5%)	28(4%)	684(100%)
568(100%)	54(52%)	32(31%)	10(10%)	7(7%)	103(100%)
855(100%)	129(44%)	77(26%)	61(21,5%)	25(8,5%)	292(100%)
113(100%)	16(64%)	3(12%)	4(16%)	2(8%)	25(100%)
337(100%)	114(71,5%)	33(20,5%)	11(7%)	2(1%)	160(100%)
406(100%)	100(66%)	25(16%)	21(14%)	6(4%)	152(100%)
89(100%)	60(64%)	23(24,5%)	11(11,5%)	—	94(100%)
3921(100%)	899(59,5%)	344(22,5%)	197(13,5%)	70(4,5%)	1510(100%)

прим. 2 к табл. 1. ⁴ См. прим. 3 к табл. 1. ⁵ См. прим. 4 к табл. 1. ⁶ См. прим. 5 к табл. 1.

21—25 лет, уменьшилось почти на 8% (с 40,5 в XVIII в. до 32% в XIX в.), а женщинами — на 10% (с 34 в XVIII в. до 24% в XIX в.). Таким образом, число мужчин, вступивших в брак в возрасте 12—25 лет, уменьшилось на треть (с 76 в XVIII в. до 50,6 в XIX в.), число женщин — на 13% (с 90 до 77%; см. табл. 2).

И все же, опираясь на приведенные материалы, можно сделать вывод о том, что в XVIII—XIX вв. для хантов и манси было характерно заключение ранних браков. В возрасте до 16 лет выходили замуж от 40 до 87% девушек и, судя по нашим данным, от 20 до 50% юношей. Ранние браки больше были характерны для женщин; в XVIII в. в раннем возрасте девушек выдано замуж больше, чем юношей, на 14%, в XIX в. эта разница стала еще больше (26,5%). В то же время в XVIII—XIX вв. юноши женились в возрасте 21—30 лет значительно чаще, чем девушки (на 18%).

Исходя из материалов конца XVIII—XIX в., можно сделать вывод о том, что самым распространенным брачным возрастом женщин у хантов и манси были 17—20 лет. В Березовском уезде в этом возрасте вступило в брак от 29,5 до 44% женщин, в Сургутском — от 45 до 59%, в Тобольском и Туринском — от 29 до 48%. Нередки были браки женщин в возрасте 21—25 лет. В Березовском уезде таких браков от 33 до 36%, в Сургутском — от 15,5 до 33,4%, в Тобольском и Туринском — от 15 до 39% (табл. 1, 2).

Браков, заключенных мужчинами в возрасте 17—20 лет и 21—25 лет, меньше, чем заключенных женщинами тех же возрастов: в Березовском

Уезд, волость, время	Число и % браков			
	муж старше жены:			
	на 1—5 лет	на 6—10 лет	на 11—20 лет	свыше 20 лет
<i>По данным записей браков</i>				
1. Березовский уезд, Казымская, Сосьвинская, Ляпинская волости, 1847—1897 гг. ¹	151 (56,5%)	58 (21,5%)	44 (16,5%)	15 (5,5%)
2. Березовский уезд, Куноватская волость, 1863—1905 гг. ²	56 (55%)	28 (27%)	12 (12%)	6 (6%)
3. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская, Юганская Подгородная волости, 1838—1847 гг. ³	37 (47,5%)	20 (25,5%)	17 (22%)	4 (5%)
4. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская, Юганская Подгородная, Балытская, Селияровская, Салымская, Аганская, Пимская, Тром-Юганская, Ваховская, Лумпокольская волости, 1839—1862 гг. ⁴	54 (41,5%)	38 (29,5%)	20 (15%)	19 (14%)
5. Сургутский уезд, Ваховская, Лумпокольская, Салтыковская волости, 1837—1867 гг. ⁵	28 (48,5%)	16 (27,5%)	11 (19%)	3 (5%)
6. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская, Юганская Подгородная, Балытская, Салымская, Аганская, Пимская, Тром-Юганская, Лумпокольская, Ларьякская волости, 1863—1900 гг. ⁶	183 (46,5%)	91 (23%)	85 (21,5%)	34 (9%)
7. Сургутский и Тобольский уезды, Селияровская, Салымская, Верхнедемянская, Нарымская, Назымская, Самаровская, Тарханская, Темличеева, Меньшекондинская волости, 1839—1875 гг. ⁷	48 (51%)	24 (25,5%)	15 (16%)	7 (7,5%)
8. Тобольский и Туринский уезды, Большекондинская, Верх-Кондинская, Большеюкондинская, Меньшекондинская волости, 1815—1870 гг. ⁸	64 (40,5%)	47 (29,5%)	32 (20%)	16 (10%)
<i>По данным исповедных росписей</i>				
1. Березовский уезд, Подгородная волость, 1869 г. ⁹	29 (63%)	9 (19,5%)	6 (13%)	2 (4,5%)
2. Сургутский уезд, Большеюганская, Малоюганская и Юганская Подгородная волости, 1819—1847 гг. ¹⁰	149 (48%)	86 (27,5%)	57 (18,5%)	19 (6%)

у хантов и манси по материалам XIX в.

в которых					
жена старше мужа:					
всего	на 1—5 лет	на 6—10 лет	на 11—20 лет	свыше 20 лет	всего
268(100%)	60(87%)	6(8,5%)	3(4,5%)	—	69(100%)
102(100%)	16(84%)	2(10,5%)	1(5,5%)	—	19(100%)
78(100%)	7(41%)	4(23,5%)	6(35,5%)	—	17(100%)
131(100%)	24(56%)	10(28%)	5(9%)	4(7%)	39(100%)
58(100%)	14(66%)	5(24%)	1(5%)	1(5%)	21(100%)
393(100%)	67(60%)	26(23,5%)	16(14,5%)	2(2%)	111(100%)
94(100%)	22(71%)	6(19%)	3(10%)	—	31(100%)
159(100%)	31(66%)	9(19%)	7(15%)	—	47(100%)
46(100%)	13(72%)	4(22%)	1(6%)	—	18(100%)
311(100%)	67(55,5%)	36(29,5%)	14(11,5%)	4(3,5%)	121(100%)

Уезд, волость, время	Число и % браков			
	муж старше жены			
	на 1—5 лет	на 6—10 лет	на 11—20 лет	свыше 20 лет
3. Сургутский уезд, Аганская, Тром-Юганская и Ваховская волости, 1861, 1884 гг. ¹¹ По всем уездам:	80(49,5%) 879(49%)	35(21,5%) 452(25%)	41(25) 340(19%)	6(4%) 131(7%)

¹ См. прим. 1 табл. 2.

⁵ См. прим. 5 табл. 2.

⁹ См. прим. 9 табл. 2.

² См. прим. 2 табл. 2.

⁶ См. прим. 6 табл. 2.

³ См. прим. 3 табл. 2.

⁷ См. прим. 7 табл. 2.

⁴ См. прим. 4 табл. 2.

⁸ См. прим. 8 табл. 2.

уезде соответственно от 12 до 25% и от 37 до 43%, в Сургутском — от 17 до 33% и от 24 до 41%, в Тобольском и Туринском — от 25 до 32,5% и от 25 до 41% (табл. 1, 2).

В возрасте 26—30 лет мужчины в среднем заключили от 9,5 до 26—34% браков (больше всего их было в Подгородной волости Березовского уезда во второй половине XIX в., а также в Тобольском и Туринском уездах). Женщин в этом возрасте вступило в брак от 1,5—7,5 до 18,5% (наибольшее число таких браков в Куноватской и Подгородной волостях Березовского уезда во второй половине XIX в.). Наши данные о вступлении в брак мужчин в возрасте свыше 30 лет не очень точны, среди них могли быть и вступившие в брак второй раз. Женщины в этом возрасте выходили замуж редко, таких браков от 0,5—2 до 5—16% (табл. 1, 2).

Интересны также данные о соотношении возраста вступающих в брак мужчин и женщин. А. Г. Воронов указывал на частые случаи большой разницы в возрасте мужа и жены, при этом жена нередко была старше мужа, так как ее брали в семью в качестве работницы¹². Мы проверили это положение на тех же материалах и составили соответствующие таблицы (см. табл. 3, 4).

Ни территориально, ни во времени эти данные существенно не различаются. Если суммировать данные обеих таблиц (№ 3, 4) в целом по всем уездам, в XVIII в. муж был старше жены в 67% браков, в XIX в. — в 71%; браки, где муж и жена одногодки, составили в XVIII в. 7%, в XIX в. — 5,5%; наконец, браков, в которых жена старше мужа, в XVIII в. было 26%, в XIX в. — 23,5%. В XVIII—XIX вв. в 68% семей мужа были старше жен, в 7% — мужа и жены — одногодки и в 25% семей жены были старше мужей. В XVIII в. мужей старше жен было на 4% меньше, чем в XIX в.

Отметим, что в XVIII—XIX вв. в разных волостях Березовского уезда браков, в которых муж старше жены, было заключено от 64 до 80%, Сургутского — от 60,5 до 78%, Тобольского и Туринского — от 45 до 73%. Браков, в которых муж и жена одногодки, в это же время в разных волостях Березовского уезда было заключено от 5,5 до 11%, Сургутского — от 3,5 до 6,5%, Тобольского и Туринского — от 5,5 до 10%, а браков, в которых жена старше мужа, соответственно в первом случае — от 14,5 до 28%, во втором — от 16 до 34%, в третьем — от 21,5 до 48%.

Мужья были старше жен чаще всего на один — пять лет (такие браки в XVIII в. составили 45%, в XIX в. — 49%). Мужей старше жен на 6—10 лет в XVIII в. было 27,5%, в XIX в. — 25%; мужей старше жен на 11—20 лет и в XVIII и XIX вв. было 19%, а мужей старше жен более чем на 20 лет в XVIII в. отмечено 8,5%, в XIX в. — 7%.

Довольно высок процент браков, в которых жена старше мужа, иногда на много лет. Так, в XVIII в. в 59,5% брачных пар жена была старше мужа на 1—5 лет, в XIX в. таких пар было 64,5%. В XVIII—XIX вв.

¹² А. Г. Воронов. Указ. раб., с. 7.

в которых

всего	жена старше мужа				всего
	на 1—5 лет	на 6—10 лет	на 11—20 лет	свыше 20 лет	
162(100%) 1802(100%)	59(64%) 380(64,5%)	23(25%) 131(22,5%)	9(10%) 66(11%)	1(1%) 12(2%)	92(100%) 589(100%)

¹⁰ ГАТОН, ф. 156, оп. 20, св. 180, № 279. Исповедные росписи в метрических книгах за 1819, 1829, 1839, 1847 гг.

¹¹ ГАТОН, ф. 493. Исповедные росписи метрических книг за 1861, 1884 гг.

жены были старше мужей на 6—10 лет в 22,5% браков; на 11—20 и более лет в 18% брачных пар в XVIII в. и в 13% в XIX в. (табл. 3, 4).

Жены старше мужей встречаются реже: в Березовском от 14,5% до 28%, в Сургутском — от 16 до 34%, в Тобольском и Туринском — от 21,5 до 48%. Больше всего подобных браков было заключено жителями Тобольского и Туринского уездов в XVIII в., Сургутского уезда — во второй половине XIX в. В целом же в XVIII в. таких браков было на 2,5% больше, чем в XIX в.

Среди браков, где жена старше мужа, нередки случаи, когда мужу 29 лет, жене 63 года, мужу — 58, жене — 81, мужу — 29, жене — 63 и т. д. По всей вероятности, эти браки чаще всего были вызваны обычаем левирата. Данное предположение подтверждается тем, что подобные браки (до 40%) ¹³ заключались со вдовами.

В тех случаях, когда жена старше мужа более чем на 5 лет, браки чаще всего заключались со вдовами. Из 117 подобных браков таких 81 (69%). Из 142 браков со вдовами в 61 случае (43%) жена старше мужа менее чем на 5 лет, в 38 случаях (26,5%) — на 6—10 лет, в 37 (26,5%) — на 11—20 лет, а в 6 случаях (4%) — более чем на 20 лет. Таким образом, в 57% браков, заключенных со вдовами, жена старше мужа более чем на 5 лет.

Некоторое уменьшение числа браков в XIX в. по сравнению с XVIII в. (на 3%), в которых жена старше мужа, позволяет высказать предположение, что в XIX в. обычай левирата стал соблюдаться меньше. Вероятно, он не соблюдался тогда, когда младший брат, обязанный в случае смерти старшего жениться на его вдове, к этому времени был уже женат. Церковь была против многоженства и такие браки не регистрировала.

В прошлом двоеженство и даже многоженство было, вероятно, распространено довольно широко в семьях хантов и манси, особенно северных, так как было связано с обычаем левирата. Естественно, церковные метрические книги не содержат данных о двоеженстве. Ревизская перепись 1795 г. по Обдорской волости, зафиксировавшая часть некрещеного населения, дает некоторое представление о распространении среди северных хантов многоженства. Так, среди 465 браков жителей шести городков Обдорской волости (Войтвасского, Воксарковского, Ворважского, Вылпосединского, Обдорского и Полуйского) в 391 случае (84%) было по одной жене, в 64 (13,8%) — по две, в 9 (2%) — по три и лишь в одном (0,25%) — четыре жены. Отметим, что некрещенные ханты были тесно связаны брачными узами с ненцами (видимо, это были оленеводы). В семьях, где было две жены, одна была ненкой, таких случаев оказалось 56 из 128 (44%); в семьях, где было больше двух жен, жен-ненок было 18 из 27 (66%) ¹⁴. Поэтому можно предположить, что ненцы оказывали влияние на развитие многоженства у северных хантов-оленеводов.

¹³ Речь идет не о всех браках, где жена старше мужа, а лишь о тех, где удалось выявить жен, которые, овдовев, вторично вступили в брак.

¹⁴ ГАТОН, ф. 154, оп. 8, св. 30, № 72.

Таким образом, архивные материалы подтверждают литературные данные о наличии ранних браков у хантов и манси в прошлом, вызванных обычаями сговора и уплаты калыма (чаще всего это касается невест), о распространении у них двоеженства и многоженства (по большей части, вероятно, у северных хантов, живших в тесном соседстве с ненцами), а также обычая левирата. Наличие большого числа браков, в которых жена старше мужа, возможно, объяснялось и тем, что в семьи брали девушек-работниц.

Наши материалы позволяют высказать предположение, что обычаи заключения ранних браков и многоженства ранее всего стали отмирать среди южных хантов, южных и западных манси, которые раньше других групп были христианизированы и подверглись влиянию пришлого населения.

И. Мухиддинов

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ,
СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ.
КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.
(Материалы к Историко-этнографическому
атласу народов Средней Азии
и Казахстана) ***

В высокогорных долинах Западного Памира на террасах и конусах выноса р. Пянджа и его притоков располагаются селения памирских таджиков (язгулемцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев, ваханцев, ишканинцев), или, как их называют нередко в специальной литературе, припамирских народностей¹.

Планировка и способы постройки традиционного жилища памирских таджиков получили значительное освещение в литературе², однако обычаи и обряды, связанные с ним, недостаточно изучены. Между тем в прошлом они строго соблюдались и исполнялись. Многие из них можно рассматривать как пережитки анимистических верований, магии, культов огня и очага, культа предков. Впоследствии все эти обычаи и обряды в той или иной степени испытали влияние более поздних религий, особенно исмаилизма³.

* В основу данной статьи положены полевые материалы автора, собранные на Западном Памире в 1965, 1968—1969, 1972—1976 гг.

¹ О них см.: *Моногарова Л. Ф.* Современные этнические процессы на Западном Памире.— Сов. этнография, 1965, № 6; *ее же.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 86—94; *ее же.* Эволюция национального самосознания припамирских народностей.— В кн.: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980, с. 125—135.

² См. библиографию: *Биснек А. Г., Зельдович Н. М.* Этнография народов Памира.— Сов. этнография, 1940, III; *Писарчик А. К.* Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958, в. 2; *ее же.* Припамирские таджики.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 673 (серия Народы мира. Этнографические очерки); *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев.— В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 37—50 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XLVII); *Мухиддинов И.* Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления.— Сов. этнография, 1964, № 2, с. 108—115.

³ Среди памирских таджиков ислам распространился в форме исмаилизма. См. *Дохудоев Х.* Очерки философии исмаилизма. Душанбе: Дониш, 1976.

Отдельные элементы жилища: пять деревянных опорных столбов-колонн, две балки-прогоны, сводчатый потолок (*чорхона*), светодымовое отверстие (*руз*) в нем, дверь и очаг — считались священными, обладающими сверхъестественной силой.

Главный опорный столб (*шасатан*, *шокастин*) — «царская» колонна — олицетворял бога-творца Муртузо-Али, колонна (*чипрезаксетан*) напротив него — пророка Мухаммада, колонна (*сартекисетан*) у очага — Фотимаи-Зухро (дочь Мухаммада, жена Муртузо-Али), а две колонны, образующие входной проем жилого помещения, соединенные деревянной планкой (*бучкигидж*) с резным орнаментом, чаще всего с изображением солярных знаков, — Хасана и Хусейна, сыновей Муртузо-Али и Фотимы, внуков пророка Мухаммада. По поверью, балки-прогоны были формой (*колаб*) жилища и тоже олицетворяли пророка Мухаммада, а главный опорный столб-колонна — душой (*джон*) жилища, олицетворявший, как отмечалось выше, Муртузо-Али. Все эти балки и опорные столбы-колонны составляли ядро жилища, т. е. Муртузо-Али. Именно он, по словам наших информаторов, «управлял домом», на нем «держался дом». А. К. Писарчик пишет: «...был обычай в момент установки этого столба резать барана, кровью которого смазывали прогоны „вус“. Одна ножка зарезанного животного закапывается под „ха-сетан“. В богатых хозяйствах по одной ножке барана закапывают под все четыре столба, чтобы обеспечить обитателям дома благоденствие и богатство»⁴. Одушевляя главный столб, ему приносили жертвы, оказывали почтение, около него и над ним совершали различные магические и связанные с культом предков обряды. По нашему мнению, это свидетельствует о связи столбов-колонн, особенно главного столба, с культом предков. Под влиянием исмаилитской идеологии несущие кровлю основные конструкции, в том числе и опорные столбы-колонны, стали считаться олицетворением бога-творца и святых пророков. Это очень яркий пример переосмысления древних анимистических верований.

Следует отметить, что аналогичные представления были и у древних индийцев. Так, по сведениям Б. А. Литвинского, «в древнеиндийских космогонических представлениях вообще особое место занимает жертвенный столп (космический столп)... Жертвенный столп обеспечивал связь между миром людей и миром богов, тем самым приобретая космический смысл... Микрокосмос, имеющий одинаковую структуру с макрокосмосом — Вселенной, также снабжен центральным столпом или колонной. Подобно Вселенной, жилище человека содержит этот элемент»⁵.

Главному столбу придавалось особое значение. Во время землетрясения подходили к столбу и, обняв его, молились, прося отвести беду, спасти дом от разрушения. У всех памирских таджиков в прошлом было принято, не застав в доме хозяев, подойти к колоннам, олицетворяющим Хасана и Хусейна, и оттуда поздороваться с главным столбом. Культ его особенно ярко проявлялся в дни празднования Нового года, в торжественный день первой пахоты и в первый день жатвы зерновых культур⁶. К мусульманскому Новому году — Навруз (у памирских таджиков Шогуни боор) на стены и столбы-колонны, прежде всего на шасатан, наносили рисунки бобовой мукой. Для этого опускали руку в муку и, вынув, тут же прикладывали ее к каждой из четырех сторон (граней) столбов-колонн на высоте 100—120 см от пола. При этом столб-колонну поздравляли с Новым годом, говоря: «Шогуни боор мубарак!» (Поздрав-

⁴ Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев..., с. 445.

⁵ Литвинский Б. А. Памирская космология. — В кн.: Страны и народы Востока, в. XVI — Памир. М.: Наука, 1975, с. 257.

⁶ Ср.: Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. — Сов. этнография, 1970, № 3, с. 117; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей,

ямы с весенним праздником!). Кроме того, горстями бросали муку на стены, получая определенные изображения.

В кишлаках Сипондж (Бартаг) и Вомар (Рушан) на все опорные столбы-колонны налепляли по только что испеченному блину и оставляли его на неделю и более. В день празднования Дня первой пахоты специально выпеченные ритуальные лепешки и немного семенного зерна клали в мешочек, привязывали его к шасатан на трое суток в надежде на ниспослание благодати семье. Нередко первые созревшие колосья ячменя или пшеницы нового урожая привязывали к верхней части главного столба-колонны и оставляли там вплоть до предновогодней уборки жилища. Надо сказать, что эти столбы выделяются богато орнаментированными капителями⁷.

К магическим обрядам относится и обряд опоясывания (*камарбандон*) мужской половины дома⁸ с целью особого выделения этой части жилища. Камарбандон по смыслу аналогичен «опоясыванию» конусообразной кучи очищенного зерна на току, символизировавшей «тело» патрона земледелия, Деда-Земледельца⁹. Весь дом, как было отмечено выше, считался одушевленным существом, олицетворением мужчины.

Об обряде опоясывания мужской половины дома мы впервые услышали в 1976 г. во время полевых работ на Западном Памире. По народным представлениям, этот обряд — богоугодное дело. Он заключался в следующем: на мужской половине дома во время сооружения кровли или установки опорных пристенных столбов в продольную стену закладывали на высоте 80—100 см от поверхности суфы деревянную обструганную доску* (*марза*) толщиной в 10 и шириной в 20 см. Часть этой доски (8—10 см), не заделанная в стену, служила полкой. Приступая к опоясыванию (к закладыванию доски в стену), читали молитву, прося благополучия семье в новом доме, большого количества детей, счастья. В праздник Нового года на этой полке устанавливали выпеченные из ржаной муки ритуальные хлебцы в виде фигурок барана, козла, быка, лошади, дикого козла, куропатки и т. п., считая, что это обеспечит семье в Новом году обильный урожай, увеличение поголовья скота, надоев молока, удачную охоту. В этом обряде ярко проявлялись пережитки как имитативной магии, так и анимистических верований (одушевление жилища).

Магические обряды сопровождали и вселение семьи в новый дом. Вселяющаяся семья должна была устроить праздник новоселья — *хонадароен*¹⁰, для которого хозяин заранее заготовлял муку, баранов, фруктов и т. д. Он обращался к халифа (помощнику пира — духовного наставника у исманлитов) с просьбой определить «счастливый день» и «счастливый час»¹¹ для вселения в новый дом. Этот день обычно приходился на четверг¹², а час — на послеобеденное время.

В долине Шахдары (кишлак Синдев) «счастливые» день и час зависели от местонахождения планеты Марс (Ситоран Миррих), которое

с. 89; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1975, с. 93 и сл.

⁷ Моногорова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 45—48.

⁸ В традиционном однокамерном жилище памирских таджиков вдоль трех стен устраивали нары (суфы). На одной из продольных нар (слева или справа от входной двери) находился очаг. Эта сторона считалась женской, а противоположная — мужской половиной дома.

⁹ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 104—108.

¹⁰ Этот праздник существенно отличался от аналогичного праздника у таджиков других регионов Таджикистана. Ср.: Писарчик А. К. Жилище. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. — Душанбе: Дониш, 1970, с. 48; Давыдов А. С. Жилище. — В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973, с. 126.

¹¹ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 93 и сл.

¹² А. К. Писарчик отмечает, что закладку фундамента производили в четверг (панджшанбе). См. Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев ..., с. 432. Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что закладку фундамента производили только в воскресенье, а в четверг праздновали новоселье.

халифá определял (как и других светил) по специальной книге «Соатнома» («Трактат об определении времени»). Например, для кишлака Снндив «счастливый день» и «счастливый час» бывают в момент нахождения Марса на Юге. Если же в этом кишлаке несколько семей должны были вселяться в новый дом, то новоселье они отмечали одновременно. Время, когда Марс был на Западе, Востоке или Севере, считалось неблагоприятным для вселения в новый дом.

В «счастливый день» и «счастливый час» халифá приходил в новый дом и читал молитву. Затем хозяин дома брал чашку ржаной или бобовой муки и, став между столбами, олицетворявшими Хасана и Хусейна, приветствовал главный столб-колонну, произнося: «Во имя аллаха милостивого и милосердного, [чтобы] размножилась основа семьи, [чтобы] старики дожили до глубокой старости, молодежь достигла своей цели». При этом он сыпал муку (так же, как в день Нового года) на шасатан и на другие опорные столбы-колонны, балки, стены и очаг (в Язгулеме, кроме того, зажигали светильники *нукча зезъм*, которые укрепляли по углам очага). Затем самая старшая из женщин семьи вносила в дом домашнюю утварь, а иногда палас, который стелила на суфе мужской половины. Она поздравляла хозяина дома, посыпая при этом его правое плечо бобовой мукой. После этого вновь в дом заходил халифá и читал молитву. Вслед за ним появлялись гости-старики. Всех угощали мучным киселем (*бат*), мясным супом (*шурбо*), кислым молоком, сыром (*курут*), сухими фруктами.

Далее приступали к исполнению обряда жертвоприношения животного, чаще всего барана. Тщательно вымытого барана хозяин вводил в дом, где халифá, не спуская глаз с животного, опять читал молитву. Затем барана поднимали на кровлю дома, поворачивали в сторону каабы (*киблы*) и резали так, чтобы кровь стекала по стене. Следы крови оставались на ней до тех пор, пока не исчезали под действием солнца, ветра и осадков. Ишкашимцы в кишлаке Рын резали барана перед очагом, который считался священным местом в доме. Кроме мясных блюд для угощения готовилось большое количество лепешек. По существовавшему издавна обычаю все женщины кишлака принимали участие в их выпечке. Муку для этого давал хозяин нового дома. Родственники, придя за мукой, узнавали у хозяина, в чем нуждается семья для проведения обряда. Он называл все необходимое (овцы, зерно, масло и т. п.).

В «счастливый час», обычно в полдень в четверг, собирались гости. Все поздравляли хозяина с новосельем, родственники дарили ему овец, паласы, зерно, масло — то, в чем нуждалась семья. Остальные гости — только выпеченные в их доме лепешки. После угощения наступало веселье, продолжавшееся до позднего вечера: все развлекались, слушали певцов и музыкантов (игру на бубне, на ребабе)¹³, танцевали; иногда устраивались борьба, козлодранье и т. п. В Рушане (в кишлаке Дех) родственники не спрашивали хозяина, в чем он нуждается, а сами окольными путями узнавали об этом и приносили необходимое.

В семьях бедняков, особенно в Язгулеме, резали на крыше дома не барана, а курицу. Если не было и курицы, то готовили *курутоб* (блюдо из овечьего сыра, разбавленного горячей водой), или *ширравган* (кипяченое молоко с маслом), либо *нонуравган* (размельченные лепешки, смешанные с маслом) или угощали горячими лепешками с маслом, молоком или кислым молоком. На новоселье приглашали всех близких родственников и двух-трех соседей-стариков. Близкие родственники приносили с собой кислое молоко, мясной суп и четное число лепешек.

В прошлом у памирских таджиков бытовал обычай «приглашение» — *даъват*. В Рушане и в долине Бартанга его связывали главным образом с жилищем, а не с началом или завершением сельскохозяйственных работ, как в других местностях Западного Памира. Через три-четыре года (но не более пяти лет) после вселения в новый дом хозяин должен был

¹³ Ребаб — струнный смычковый музыкальный инструмент.

устроить даъват. В течение нескольких лет он готовился к этому: собирал нужное количество голов скота, заготавливал продукты — зерно, масло, сыр, сухие фрукты и др., приобретал подарки для гостей — отрезки тканей, платки и т. п. Незадолго до проведения даъват хозяин обсуждал этот вопрос со старейшими членами своей патронимии (*каум, гру, авлод, тухм*). Если они считали, что продуктов и вещей заготовлено достаточно, то обращались к халифá. Если и халифá находил подготовку законченной, он сообщал пиру о намерении такого-то человека устроить даъват и о количестве заготовленного. Если, наконец, и пир соглашался с мнением халифа, то разрешал провести этот обряд, обещая присутствовать на нем со своими мюридами¹⁴, или же поручал халифá руководить обрядом. Были случаи, когда пир, не удовлетворенный количеством заготовленных продуктов и вещей, переносил проведение этого обряда на следующий год.

После согласия пира устраивали даъват в «счастливый день», названный халифá, обычно в четверг. Все мужчины — родственники хозяина дома, принадлежавшие к той же патронимии, принимали самое активное участие в подготовке даъват, ибо проведение его считалось большой честью для всей патронимии.

В четверг, с утра до полудня, две-три соседки выпекали у себя лепешки, получив необходимое количество муки от хозяина дома. Утром совершалось и ритуальное омовение трех-четырех животных (крупных баранов и быков), предназначенных для заклания. Их мыли, тщательно вытирали чистой хлопчатобумажной тканью (*карбос*). При этом с жертвенными животными обращались ласково, ибо считалось, что они обладали сверхъестественной силой, и если их обидеть, то можно разгневать бога. Животных после ритуального омовения не кормили. Перед закланием их осторожно, всячески подчеркивая уважительное к ним отношение, вводили в дом, ставили между суфами головой в направлении каабы. Быка приветствовали (как и в праздник Нового года)¹⁵ и посылали ему лоб бобовой мукой, чтобы в доме был достаток и счастье, а баранам сурьмой подводили глаза, ресницы, брови, на носу от бровей до верхней губы проводили черту, придавая морде барана сходство с лицом человека, голову повязывали чалмой (*сала*) из белой хлопчатобумажной ткани (в этом обряде баран олицетворял человека)¹⁶. Затем, после прочтения халифá молитвы, животных уводили и в «счастливый час» резали: быка в наиболее чистом месте усадьбы, например в саду, а баранов в доме, возле очага. Предварительно баранам связывали ноги веревкой, сплетенной из шерсти этих баранов после их ритуального омовения (другую веревку использовать не разрешалось).

Кровь жертвенных баранов собирали в таз, она считалась ритуально чистой, ей приписывались целебные свойства¹⁷. Бычью кровь не употребляли, а выливали в том месте, где резали животное. Из мяса жертвенных животных готовили обильное угощение и обязательно суп.

После трапезы халифá вновь читал молитву и наступало веселье. Все пели, танцевали и развлекались до 10—11 часов вечера. Потом люди, чувствуящие себя усталыми и неспособными далее участвовать в обряде, расходились по домам. Среди оставшихся обязательно были пир и его мюриды, почитаемые старики и старухи, а также музыканты и певцы; двери дома были открыты для всех желающих. Пир читал молит-

¹⁴ Мюриды читали и пели религиозные повествования о божетворце Муртузо-Али, его сыновьях и о Шах-Носири-Хусрав (Носири Хисрау).

¹⁵ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 96.

¹⁶ В одном из преданий, записанных нами в Рушане, рассказывается, почему в жертву вместо человека стали приносить барана. Аналогичное предание известно и в Язгулем. См. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 74.

¹⁷ Бездетные женщины мазали ею живот в надежде родить ребенка, старики и старухи пили ее как лекарство. Этой кровью слегка смазывали стволы плодовых деревьев, поливали их корни, «обеспечивая» этим хороший урожай плодов. Оставшуюся часть бараньей крови высушивали и впоследствии использовали в разных целях, например посыпали ею пашню — считалось, что это повышает урожай зерновых культур.

бу и объявлял начало основной части обряда — радений, которые продолжались с 10—11 часов вечера до наступления утра. Мужчины сидели на суфе мужской половины, женщины — на противоположной, женской, у очага, а пир — на почетном месте. Певцы из числа мюридов (четыре — шесть человек) со своими музыкальными инструментами *ребалами* и *дугарами* стояли между суфами и, аккомпанируя себе, исполняли религиозные повествования о святых. Когда они произносили имя того или иного святого, мужчины, держась одной рукой за ворот халата, другой били себя в грудь, и при этом плакали, стонали, доводя себя до истерики; женщины же, держась за воротник, молча раскачивались, наклоняясь вперед и откидываясь назад. На заре пир читал молитву, после него каждому из присутствующих хозяин дома давал его долю (*насиба*)¹⁸ — кусок мяса (от 200 до 400 г) и лепешку.

Утром односельчане расходились по домам, а пира с мюридами, приехавшими издалека, угощали завтраком; каждому вновь давали насиба и ценные подарки: пиру и наиболее знатным мюридам — баранов, остальным — по отрезу материи. После этого пир читал молитву, завершая обряд даъват. Теперь дом и все, что в нем находилось: дети, рожденные в доме, приготовленные продукты, предметы домашнего обихода — было ритуально чистым. Если же в доме не совершался обряд даъват, он считался «поганим», «скверным» (*харом*). Его сравнивали с невенчанной невесткой или с незаконнорожденными детьми. Поэтому в прошлом каждая семья, построившая новый дом, вынуждена была обязательностроить этот обряд.

Особым почитанием у памирских таджиков пользуется очаг (*кцор*)¹⁹. Покровителем огня (*алов*) считался Мухаммад-Али, он же Муртузо-Али, а покровительницей (*пири пухта*) очага — Фотимаи-Зухро. В очаг (вообще в огонь) нельзя было бросать отбросы. Если женщина, подозреваемая в совершении дурного поступка, клялась «Ба акки алов», «Ба акки пири пухта», ее считали невиновной. Все это свидетельствует о пережитках древнего культа огня.²⁰

Очень торжественно отмечалось первое разжигание огня в новом очаге. В Ишкашме (кишлак Рын), долине Бартанга (кишлаки Басид, Сипондж), Шугнани (в долине Шахдары) «счастливым часом» для разжигания огня в новом очаге считался момент вселения в новый дом. Зажигала огонь почитаемая старуха, обычно хозяйка дома. В котле варили *бодж* — блюдо из пшеничной крупы с мясом (ноги, голова, тушка зарезанного барана). Бодж ели все члены семьи и по чашке относили соседям, которые после еды читали молитву и благословляли хозяина дома.

Следует отметить, что снаружи на боковых стенках очага (иногда только на одной из них) делали специальные углубления (*дзунгак арзон* в Рушани, *лангари дегдон* в Ишкашме — кишлак Рын) диаметром 10 и глубиной 5 см для священного курения (*страхм* — трава рута). Эти углубления считались священными, в них зажигали священное курение в честь духов-предков и недавно умерших, а также в дни праздников. Наступить ногой на эти углубления было большим грехом. Если кто-либо из членов семьи отправлялся в дальний путь, он перед выходом из дома целовал это священное место и насыпал себе в сапоги немного золы из очага. Такие действия обеспечивали удачу в пути, покровительство пири пухта и благополучное возвращение домой. Священное курение зажигали в углублениях очага во время свадьбы, перед выходом из

¹⁸ Мясо жертвенных животных, нарезанное кусками, варили в котле до готовности. Переложив куски мяса на большое деревянное блюдо или в мешок, хозяин оделял ими всех собравшихся, при этом он должен был давать не выбирая любой попавшийся в руки кусок (*насиба*).

¹⁹ О способах устройства очага см.: Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев ..., с. 455 и сл.; *ее же*. Жилище, с. 37 и сл.; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре, с. 90; ср. Давыдов А. С. Жилище, с. 91 и далее, и с. 129.

²⁰ О культе огня у памирских таджиков см. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 54—55.

родного дома жениха и невесты. В Ишкашме жених, прежде чем отправиться за невестой, ладонями касался сначала правой, затем левой стороны этих углублений, потом лба и глаз (что означало целование очага), а в сапоги клал немного золы из очага, чтобы поездка была удачной и его сопровождал пири пухта. Невеста совершала те же действия перед выходом из дома своего отца. Аналогичные обряды исполнялись в Рушане и Бартанге²¹. Когда молодая впервые входила в дом своего мужа, она прежде всего подходила к очагу, приветствовала его и повторяла обрядовые действия, совершаемые у очага перед выходом из дома своего отца. Этот обряд — приобщение к очагу мужа — имел символическое значение клятвы молодой в том, что она будет служить этому дому верно, честно, будет уважать мужа и всех членов его семьи; в противном случае ее накажут пири пухта и покровительница очага Фотимаи-Зухро.

В Ишкашме постороннему человеку, входившему после наступления темноты в дом, где был младенец до полутора лет, по обычаю клали под ноги немного раскаленных углей и золы из очага. Считалось, что, наступая на огонь и золу, он «очищал свой след». После этого он мог пройти на суфу. Если этого не сделать, то тяжесть и усталость гостя могли перейти на младенца, семью и принести им несчастье.

В этих обрядах отчетливо проступают пережитки культа огня и домашнего очага.

С дверью и светодымовым отверстием в кровле у памирских таджиков связаны разные поверья. Через дверь в дом «проникали» злые духи (джины, шайтаны), а через «чистое» светодымовое отверстие — ангелы и святые. Таким же путем все они покидали дом. Чтобы изгнать из дома злых духов, зажигали священное курение для ангелов и святых. Считалось, что им приятно вдыхать этот аромат и они за это пошлют семье благополучие. Когда зажигали священное курение, в доме нельзя было кричать, ссориться, так как находившиеся здесь в это время ангелы и святые могли обидеться и уйти, и тогда в этом доме не будет благополучия.

Известны и некоторые запреты, связанные с жилищем. В Ишкашме (кишлак Рын), Шугнане (долина Шахдара), Бартанге (Басид и Сипондж), в Рушане (Вомар) нельзя было стоять между столбами Хасан и Хусейн, т. е. под планкой *бучкигидж*, потому что там, якобы, обычно находятся джины (*аджина*). Если человек будет долго стоять между этими столбами, джины нашьют на него болезнь. По обычаю, только согрешивший человек (например, девушка, потерявшая честь, или юноша, согрешивший с девушкой, и т. п.) должен стоять между этими столбами до тех пор, пока хозяин дома не простит его. Нельзя было бросать между столбами кости, грязные вещи и т. п. Нельзя было также выходить из дома, не вымыв рук после жирной еды, так как злые духи могли причинить вред.

У памирских таджиков горный козел был священным животным. Поэтому на планку *бучкигидж* всегда ставили его рога, служившие, по народным представлениям, оберегом: дурной глаз входящего попадет на рога горного козла и они устраним злые намерения человека. Такую же магическую роль оберега, по поверью, играет и солярный орнамент²² на планке *бучкигидж*. Он воспринимался как олицетворение самих святых, охраняющих дом и его обитателей от вредоносных сил и стихийных бедствий.

В первые два дня Нового года и в последний день каждого месяца до 16—17 часов первого дня следующего месяца лунного календаря в кишлаке Рын (Ишкашим) нельзя было принимать в доме посторонних. Считалось, что хозяин не знает, хороший или плохой человек пришел в

²¹ См. *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей, с. 140 и сл.

²² Об орнаменте см. *Писарчик А. К.* Примечания и дополнения к кн.: *М. С. Андреев* ..., рис. 104, с. 448.

дом, какой «принес след» (*пай мерасад*), не станут ли из-за этого несчастными на весь месяц или даже год члены семьи.

На основании вышеизложенного можно прийти к заключению, что в традиционных обычаях и обрядах, связанных с жилищем, у памирских таджиков прослеживались пережитки древних анимистических представлений, культа предков, магии, культов огня и очага. Общеизвестно, что вне обычая обряда не существует. Обычаи и связанные с ними обряды на протяжении исторического развития народа переосмысливаются, особенно под влиянием позднейших религий, возникших в классическом обществе. Дать их четкую классификацию трудно, потому что один и тот же обряд часто может быть выражением и магии оберега, и культа предков, и культа очага. У памирских таджиков анимистические верования проявлялись во всех обрядовых действиях, связанных с жилищем, но особенно в одушевлении как жилища в целом, так и отдельных элементов его конструкции.

Обряды, совершавшиеся во время опоясывания (*камарбандон*) мужской половины дома, новоселья (*хонадароен*), обряд приглашения (*даъват*), а также новогодние обряды несомненно связаны с магией оберега, плодородия и имитативной (например, выпекание и выставление на полке хлебцев в виде домашних и промысловых животных).

Пережитки культа предков, с помощью которых надеялись достичь благополучия семьи, обильного урожая и большого приплода в стаде, проявлялись в обычаях принесения жертв балкам-прогонам и столбам-колоннам, в «кормлении» их.

Былая роль древних культов огня и очага в жизни памирских таджиков прослеживается в обрядовых действиях при вселении в новый дом, первом разжигании огня в новом очаге, при прощании невесты с очагом родного дома и приобщении к очагу дома жениха, но особенно в клятве огнем. В «очищении следа» постороннего человека раскаленными углями и золой из очага проявляются как пережитки культа огня и домашнего очага, так и магии оберега.

Почти все обычаи и обряды, рассмотренные в статье, в той или иной мере испытали влияние исмаилитской идеологии. Яркий пример этого — олицетворение балок-прогонов и опорных столбов-колонн с богом-творцом и святыми, а также руководящая роль исмаилитского духовенства, присвоившего себе функции жрецов (шейхов) в проведении семейных и общественных обрядов. Следует отметить, что у памирских таджиков нередко семейные обряды тесно переплетались с общинными, например в обрядах *хонадароен* и *даъват*.

И. Л. Кызласов

ГОРА-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА В ФОЛЬКЛОРЕ ХАКАСОВ

*Когда впервые выросла на черной земле трава,
Крепкие деревья покрылись листьями,
Вершины хребтов покрылись снегом,
Появились истоки больших рек,
Растворились золотые двери гор...*

(Из хакасского фольклора)

В июне 1974 г. в улусе Райкове бабушка Домна Кызласова, родившаяся в 1896 г., рассказала нам немногословную легенду о происхождении названия Сахсарского хребта. «Сахсар — женщина была. Когда пришла ей пора умирать, она подошла к горе, постучала и сказала: „Вот я и пришла“. Гора расступилась и женщина вошла в нее. Поэтому и зовут теперь гору — Сахсар».

В произведениях устного народного творчества хакасов, особенно в эпосе и волшебных сказках, упоминания о скале со входом или пещере о живущих внутри гор людях и похожих на людей духах обычных. Испокон веков, живя в горной стране, изобилующей отвесными скалами пещерами, гротами, творцы хакаского фольклора, естественно, не могли не отразить столь характерные черты окружающей их природы. В различных ситуациях упоминаются в сказаниях пещеры, однако можно заметить ряд внутренних связей, объединяющих подобные сюжетные элементы разнообразных произведений.

Первую сюжетную группу (I) составляют сказания о рождении эпических героев внутри горы. Таково, например, сказание «Алтын Арыг» о народной заступнице Алтын Арыг и покровительнице ее рода — старухе Хуу-иней. Сюда же отнесем и повествования о рождении человека из камня (богатыри Алтын Ман в «Сказании о храбром Айдолае» и Белый Лунь в «Поэме о шамане Баламоне») ¹.

Возможно, связан с мотивом рождения в горе и другой сюжет (II), получивший самостоятельное развитие — в пещере прячутся от опасности и вырастают богатырские дети (в сказке «Кунари» дети рождены скрывающейся матерью уже в пещере). В «Предании о роде Сарыглар» связь пещеры с идеей сохранения рода очевидна: в пещере скрывается женщина, продолжившая существование рода. Иной вариант сюжета встречаем в сказании «Похта Крис»: девушка скрывается в специально выкопанной на «родной горе» яме ².

В следующей группе сюжетов — скала или пещера выступает как жилище эпического персонажа (III). В скале живут предок и покровитель рода старец Алып Хан (или Ах Тас) и молодая девица Алтын Сабах. Сюда можно отнести и рассказы о бедном богатыре Коре Сарыге, живущем в таежной глухомани в пещере, и о скрывающемся в пещере разбойнике Самохвале. Богатыри (обычно союзники врага) живут и на вершинах гор под отдельными камнями ³.

К группам I—III, возможно, примыкает серия сюжетов (IV) о пребывании внутри горы душ различных героев эпоса. Проникнув в недра такой скалы, легко погубить непобедимых богатырей и воительниц ⁴.

Герои богатырских сказаний умирают, уходя в скалу (V) (Ах Тас или Алтын Тас в сказании «Айдолай», Ах Чибек Арыг, женщина Сахсар), или их тела хоронят внутри горы (Хыс Хан). К этой же сюжетной группе отнесем и рассказы о гробе богатыря, оставленном на вершине скалы (Ах Хан). В хакаском фольклоре известен и мотив гибели внутри горы за нарушение запрета входить в нее (Хуу-иней, мать-старушка в легенде «Шестиногая Гора Лось»). Другая вариация сюжета встречается в «Предании о Пуга Мёке, племяннике его и двух его сыновьях». Здесь уже после смерти богатырь и его оружие превращаются в)

¹ Майногашева В. Е. Образ Хуу-иней в хакаском героическом эпосе. — Исследования по языку и фольклору. В. 1. Новосибирск: Наука, 1965, с. 211; Сказание о храбром Айдолае/Сказитель Добров М. К., перевод Волобуевой И. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1962, с. 56; Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар. — Вестник Русского географического общества (далее — РГО). Ч. 15. Спб., 1855, с. 122—123, 126, с. 146, прим. 37. Порядок перечисления вариантов внутри выделяемых групп, как нам представляется, отражает ступени типологического развития сюжетных мотивов.

² Хакаские народные сказки/Перевод и литературная обработка Балтера Б. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1955, с. 17, 19—22; Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов/Тексты, собранные и переведенные Катановым Н. Ф. Спб., 1907, № 288; Золотая чаша. Хакаские народные сказки и предания/Составитель и переводчик Трояков П. Красноярск: Крас. кн. изд-во, 1975, с. 18.

³ Майногашева В. Е. Указ. раб., с. 211; Трояков П. А. К вопросу об историко-генетическом изучении ранних форм эпоса. — Сов. этнография, 1977, № 3, с. 128; Сказание о храбром Айдолае, с. 27, 28; Коре Сарыг на Буланом Коне. Хакаские народные сказки, предания и легенды/Составитель Трояков П. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974, с. 75, 89; Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар. — Изв. РГО. Т. XX. в. 6. Спб., 1884, с. 656; Золотая чаша, с. 23.

⁴ Алтын Арыг. Алыптыг ныхахтар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958, с. 91—103; Палах Алтын, ездаящая на бело-буланом коне/Записано Д. А. Сазанакowym. — Рукописный фонд Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее — Хак. НИИЯЛИ), инв. № 105, с. 214—217.

гору⁵. Не развигитие ли подобных представлений приводит к мотиву окаменения героя (Хулатай, Хара Моос, девушка-лебедь — в сказании «Албынжи» и др.), в который привносится и идея божьей кары? ⁶ К первоначальным сюжетам о гибели в горе, очевидно, восходят рассказы об опасностях и муках, испытываемых героем, попавшим туда чудом («Мальчик и Черный человек»). К этой группе сюжетов, вероятно, следует отнести и топонимическую легенду, объясняющую происхождение названия оз. Баланкуль⁷.

Внутри горы до поры до времени живет конь богатыря, хранятся его походное снаряжение, доспехи и оружие («Алтын Хус, вскормленный орлами», «Сказка о чародее Кан Кылысе», «Албынжи»). Это VI сюжетная группа⁸. Пещеры часто выступают тайниками, в которых герои прячут свои сокровища (VII)⁹.

Следующий цикл сказочных сюжетов (VIII) связан с представлениями о пещере в скале как входе в подземный мир (например, «Глупый сын и волк». В сказке «Бай и охотник» «тот свет» находится в самой пещере). Позднее так начали восприниматься любые отверстия в земле, даже глубокие ямы. В этой сюжетной группе (аналогично группе III) гора подчас заменяется отдельным камнем: под ним находится вход под землю¹⁰.

В сказках, пожалуй, более всего распространен мотив о лесных духах, живущих в горах и пещерах (IX). Они и называются «хозяевами гор» (таг ээзи). Встречи с ними могут быть и неприятны, но обычно заканчиваются благодеянием для охотника. «Хозяйка горы» часто предстает в облике девушки. Иногда природа этих существ неясна (Сарыг Хан в сказке «Стеклянный шарик»), а иногда это оборотень — царь змей («Золотая чаша»). Но в любом случае человек приглашается в жилище, оказывающееся внутри горы (пещера или двери служат туда входом), всегда находит там богатство, получает его или волшебные предметы, приносящие удачу и достаток. Иной раз находит там и суженую¹¹.

Внутри скал или под отдельными камнями (как полагаем, в видоизмененных со временем сюжетах) живут злые «ведьмы», являющиеся в виде обнаженных женщин и старающиеся погубить охотников¹².

Во многих сказках перед героем стоит задача убить «огненно-рыжую» или «огненно-черную лисицу», живущую в скале или пещере (X). Это священные звери, и добычка ждет или тяжкая кара или же вечная охотничья удача¹³.

В некоторых произведениях персонажи в пещерах прячут угнанный скот (XI). Это делают то мифические существа, то простые конокрады.

⁵ Каратанов И., Попов Н. Качинские татары Минусинского округа/Предисловие Потанина Г. Н. — Изв. РГО. Т. XX, в. 6. Спб., 1884, с. 617; Трояков П. А. Указ. раб., с. 128—129; Ах Чибек Арыг/Записано Тачеевой Т. Г. — Рукописный фонд Хак. НИИЯЛИ, инв. № 1; Ай Хуучын/Записано Майногашевой В. Е. — Рукописный фонд Хак. НИИЯЛИ, с. 82—90, 171—172; Два бело-буланных жеребенка. — Рукопис. фонд Хак. НИИЯЛИ, инв. № 31, с. 32; Майногашев В. Е. Указ. раб., с. 215; Коре Сарыг на Буланом Коне, с. 55—58; Образцы народной литературы..., № 569, с. 499.

⁶ Албынжи. Хакасское героическое сказание/Сказитель Кадышев С. П. Лит. перевод Кычакова И. Абакан: Хаг. кн. изд-во, 1951, с. 15, 30, 76; Образцы народной литературы..., № 406, с. 216, № 305, с. 360—361. К этим представлениям примыкает традиционное восприятие древних изваяний как окаменевших героев прошлого (Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар. — Изв. РГО. Т. XX, в. 6. Спб., 1884, с. 644).

⁷ Коре Сарыг на Буланом Коне, с. 72—74, см. и с. 55—60; Образцы народной литературы..., № 593, с. 531—532; Каратанов И. Указ. раб., с. 644.

⁸ Трояков П. А. Указ. раб., с. 128; Образцы народной литературы..., № 164, с. 261; Албынжи, с. 65—67.

⁹ Каратанов И. Указ. раб., с. 635, 639.

¹⁰ Образцы народной литературы..., № 398, с. 213; № 538, с. 467; № 185, с. 276—279; № 375, с. 387; Коре Сарыг на Буланом Коне, с. 51; Хакасские народные сказки, с. 51; Титов В. Указ. раб., с. 139, 140; Золотая чаша, с. 58.

¹¹ Образцы народной литературы..., № 126, с. 244—246; № 547, с. 475; № 438, с. 451; № 556, с. 482; Коре Сарыг на Буланом Коне, с. 109; Золотая чаша, с. 51, 52.

¹² Образцы народной литературы..., № 452, с. 426; № 558, с. 486; № 410, с. 218.

¹³ Золотая чаша, с. 10; Коре Сарыг на Буланом Коне, с. 24—26.

В сказании «Алла Картыга — Белый Соколыч» в пещере держат волшебных собак, освобождение которых грозит концом света ¹⁴.

Два сюжета стоят обособленно. «Предание о шаманах Топчане и Кечоке» повествует о «желтой меди бубне» бабушки Топчана, хранящемся в горе за восемью дверями (XII); «Сказка о собаке Кубай Кус из турпаньего яйца» — о птичьем гнезде в пещере (XIII). Из одного найденного там яйца вывелась удачливая охотничья собака ¹⁵.

Какие древние представления послужили основой для создания отмеченных сюжетных групп хакасского фольклора? В интересной работе В. Е. Майногашевой «Образ Хуу-иней в хакасском героическом эпосе» говорится: «В идее скалы, получившей отражение в героическом эпосе, запечатлелись, по-видимому, древние представления хакасов о скалах как священных тотемических центрах, с которыми древние родовые общины связывали свое происхождение» ¹⁶. Это справедливое замечание не исчерпывает, однако, всего богатства традиционных народных воззрений на скалу и пещеру.

К названным представлениям, несомненно, восходят все сюжеты группы I. Но употреблять по отношению к связанным с ними скалам термин «колыбель» мы, вслед за В. Е. Майногашевой, не будем. Гора сама выступает как прародитель человеческих существ, и все приводившиеся фольклорные сюжеты базируются на представлениях о существовании в горе некоего плодоносящего центра. Понимание горы как плодородной утробы не ограничивается представлениями о происхождении первого человека той или иной общины. Фольклор дает примеры рождения в скале многих героев, даже представителей разных поколений (например, Хуу-иней и Алтын Арыг). Вероятно, по первоначальным воззрениям, в нутре горы зарождался каждый новый член рода.

Яркие подтверждения этому находим в специфической области устного творчества — шаманских молитвах. В одной из них шаман, обращаясь к горе, произносит: «Драгоценную (букв. золотую) жертву я приношу ради детей, происходящих от твоей печени» ¹⁷. Общеизвестно, что, по представлению многих тюркоязычных народов, печень — орган, прямо связанный с плодородием человека, с зачатием детей. Следовательно, в молении прямо указывается, что хакасы, молящиеся на родовой горе как представители одной общины (сöбк), являются детьми, «зачатыми» печенью этой горы. Эти воззрения отразились и в словах другой молитвы: «О владыко, отец наш (хребет) Чалбарт» ¹⁸.

О некогда существовавшей удивительной цельности таких представлений свидетельствуют пережиточные явления в быту хакасов — таежников. У представителей сагайских сеоков Ичеге, Таг Харга, Сибиджин, Хобый еще в начале века на родовую гору распространялся обычай избегания. Женщинам запрещалось произносить названия гор (они употребляли по отношению к ним термин «свекор»), в виду горы им нельзя было появляться простоволосыми. В условиях экзогамного отцовского рода подобные представления привели к запрету женщинам участвовать в жертвоприношениях на родовой горе, которой шаманы специально «сообщали» об отсутствии замужних женщин среди молящихся ¹⁹.

Создается впечатление, что изучаемые воззрения отразили многие особенности, характерные для идеологии эпохи отцовского рода. Однако ряд черт, сохранившихся в хакасском фольклоре, свидетельствует о более раннем формировании подобных взглядов на гору, восходящих к периоду так называемого материнского рода. Анализ образа Хуу-иней В. Е. Майногашевой показал изначальность эпических образов жен-

¹⁴ Хакасские народные сказки, с. 35; Коре Сарыг на Буланом Коне, с. 116; *Титов В. Указ. раб.*, с. 199.

¹⁵ *Образцы народной литературы...*, № 196, с. 284; № 165, с. 270.

¹⁶ *Майногашева В. Е. Указ. раб.*, с. 212.

¹⁷ *Образцы народной литературы...*, № 109, с. 593.

¹⁸ Там же, № 17, с. 555.

¹⁹ Там же, № 91, с. 589—590; № 50, с. 572; *Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях.* — Зап. РГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. Спб., 1909, с. 272.

шин-прародительница, вышедших из горы. Метитим также, что часть фронимов Хакасии сопоставима с получаемой по фольклору картиной. Прежде всего обращают на себя внимание объекты, называемые Иней-тас (каменная старуха). Таков утес на р. Кюг (бассейн р. Аскиза), скала с нишей на р. Нине, которым приносились ежегодные жертвы²⁰.

Исследуя западноевропейские палеолитические материалы, А. Леруа-Гуран отмечает: «Мы имеем некоторые основания считать, что пещеру воспринимали как женщину, по крайней мере, в некоторых ее частях»²¹. М. М. Бахтин писал, что у многих народов средневековой Европы пещеры, наряду со множеством различных связанных с ними представлений, воспринимались и как женский детородный орган²². Пережитки подобных воззрений прослеживаются и у народов Саяно-Алтая (особенно ярко — в шаманских молитвах тувинцев)²³. Вероятно, аналогичные взгляды в былые времена имели широкое распространение — следы близких воззрений сохранились и далеко на востоке, например, у на-йацев²⁴.

Не исключено, что эти представления о пещерах в древности привели к появлению каких-то происходивших в них обрядов, обозначавших акт оплодотворения горы, совершаемый с использованием символов мужского производящего начала (не потому ли в одной из Бирюсинских пещер найдены «os penis медведя и собаки и кости, отделанные в виде os penis»?²⁵). Пережитками подобных пещерных ритуалов, возможно, являлись шаманские моления хакасов в ряде пещер по рекам Узунжу-лу, Нине и Базе²⁶.

Сказанное подтверждает, что далекими предками хакасов родовая гора воспринималась как женское начало, причем скальные ниши, гроты и пещеры конкретизировали эти представления — непосредственно с ними связывался акт мифических родов. С развитием патриархальных воззрений мать-гора — прародительница всего рода — превратилась в каменного отца всей общины, свекра молодых жен каждой семьи.

Уже для VIII в. известны и иные, типологически более поздние мифологические видоизменения представлений о происхождении народа от горы. Хронисты сообщают, что кыргызы-гянгунь (этническое ядро средневековых хакасов) «утверждали, что они появились в результате соединения бога с коровой в горной пещере»²⁷. Существование у современных хакасов группы (сеока) Хызыл Хая (красная скала), видимо, также можно связывать с описанными древними представлениями.

Народной культуре средневековья, как показал на западноевропейском материале М. М. Бахтин, присуще представление о нерасторжимости понятий рождения и смерти, при котором смерть рассматривается как процесс переработки неунничтожаемого человеческого «материала» для новых рождений. С этим связано восприятие детородных органов и женского чрева не только как символов рождения, но и как смерти-перерождения. Подобные воззрения достались средневековым народам в наследство от глубокой древности и на определенной стадии существования общества были едва ли не всеобщими. Во всяком случае, нет сомнения, что они были известны и далеким предкам хакасов.

²⁰ Материалы, собранные Д. А. Клеменцем при экскурсиях в верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск, 1890. — Зап. Западно-Сибирского Отдела РГО. Кн. XI. Омск, 1891, с. 27.

²¹ Леруа-Гуран А. Религии доистории. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971, с. 89.

²² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965, с. 409.

²³ Образцы народной литературы..., № 549, 608, 666, 1023, 1349 — 5, 12 на с. 67, 73, 79, 120, 163, 164.

²⁴ Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934, с. 21.

²⁵ Еленев А. О Бирюсинских и Караулинских пещерах. — Древности. Т. 15, в. 2. М., 1894, протоколы, с. 72.

²⁶ Каратанов И. Указ. раб., с. 633, 643.

²⁷ Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkeley and Los Angeles, 1963, p. 73.

Все многообразие эпических сюжетов VI группы восходит к древним представлениям о родовой горе как центре, вбиравшем в себя умерших соплеменников. Такая гора, судя по всему, представлялась не просто источником, но и местом нахождения всей жизненной силы рода, ресурсов его воспроизводства. Воплощаясь в конкретных людях, жизнетворная сила рода выходила из священной горы в окружающий мир небольшими частями. По истечении срока пребывания в нем отдельные представители рода, являясь элементами единого целого, неизбежно возвращались в скалу, с тем, чтобы вновь слиться с этим «родовым единством» и послужить материалом для создания новых людей. Такой круговорот мыслился неизбежной и непрерывной основой вечного существования рода. Именно будучи источником рода, священная гора являлась и могилой его членов. Так осознавалось реальное социально-экономическое единство древнего коллектива. В хакасском фольклоре пережитки этих представлений сохранились в повествовании о судьбе ряда персонажей (таких, как Ах Чибек Арыг и Хуу-иней), родившихся в родовой скале и внутри нее же умерших.

Представления о перерождении умерших сородичей в новых членов общины в видоизмененной форме еще недавно бытовали у хакасов, проявляясь в уверенности, что «души умерших маленьких детей могут снова родиться в виде людей. Этим объясняется особый обряд, которым сопровождается вынос тела умершего ребенка. В чашку наливают молока, и какая-нибудь пожилая женщина обносит это молоко вокруг тела три раза со словами: „не уходи совсем, возвратись!“ После этого молоко дают выпить матери. Смысл обряда ясен: хотя бы зазвать душу ребенка, чтобы она вновь родилась от той же матери»²⁸. Однако есть данные, позволяющие предполагать, что прах и душу умершего некогда полагалось возвращать не чреву реальной матери, а нутру матери-горы. Совсем недавно умерших детей (до полугода), выкидыши и плаценту хакаски хоронили только в расщелинах скал²⁹.

В связи с этим следует упомянуть гротовые средневековые погребения Хакасии. В них встречаются останки не только детей, но и взрослых: мужчин и женщин³⁰. Следы потревоженных человеческих погребений, датировка которых сложна, — очень частая находка в южносибирских пещерах³¹. Однако представляется, что саяно-алтайские захоронения — отражение воззрений, изначальный смысл которых был уже давно утрачен, и современники умерших вершили полузабытый и, возможно, не до конца осознаваемый обряд.

При обсуждении нашего доклада о гротовых погребениях в Институте археологии АН СССР Н. Н. Велецкая обратила внимание на то, что подобный средневековый обычай может восходить к некогда практиковавшемуся умерщвлению стариков. Некоторые основания для такого предположения есть. Это прежде всего широкая распространенность подобного способа избавления от нетрудоспособных членов общины на определенной стадии развития общества, а также отмеченные нами следы былой связи с родовой горой представлений саяно-алтайцев об уходе в загробный мир. Исходя из фольклорных материалов, можно было бы говорить даже о «добровольной смерти», принимаемой ради спасения рода, возрождения новых его членов (Хуу-иней в «Алтын

²⁸ Майногашев С. Д. Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края. — Живая старина, 1915. в. III, с. 292.

²⁹ Благодарю за сообщение Л. Р. Кызласова, наблюдавшего такие погребения в 1958—1959 гг. в расщелинах скалы Хара хая в верховьях р. Аскиза.

³⁰ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследование замка в дельте Уйбата. — Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977; Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. — Сов. археология, 1978, № 1, рис. 1, I, B, 57—74.

³¹ См., например: Бранденбург Н. Е. Заметка о костеносных пещерах в Сибири. — Древности, 1886, т. II, в. 2, с. 83; Проскуряков П. С. Июские пещеры (письмо). — Изв. Восточно-Сибирского Отдела РГО, 1889, т. XX, № 2, с. 32—33; его же. Отчет о предварительных исследованиях Июских пещер. — Там же, 1890. Т. XXI, № 4, с. 20—25; Цыкин Р. А., Цыкина Ж. Л., Добровольский М. Н. Пещеры Красноярского края. Красноярск: Крас. кн. изд-во, 1974, с. 15, 74.

Арыг»), а также и по достижении стариками определенного возраста, выраженного социальной зрелостью детей (Ах Хан и Ах Аланхо — «Ай-долай», старушка в сказке «Волшебный стрелок»). Эпос «Ах Чибек Арыг», возможно, сохранил воспоминание о длительном коллективном празднике, предшествовавшем такому уходу³².

Вероятно, с подобными обычаями связаны эпические сюжеты, в которых горы раскрываются только перед стариками и старухами. Молодым персонажам удается проникнуть в скалу, лишь подражая голосу престарелых («Алтын Арыг») или ударяя по ней колотушкой со словами: «Не я ударил, мой отец тебя ударил»³³.

С течением времени смысл «ухода» умерших в родовую гору, видимо, начал забываться. Отрыв идеи о горе-«могиле» от идеи о горе — средоточии производящей силы рода привел к формированию представлений о находящемся в горе потустороннем мире. В результате этого пещеры стали рассматриваться как входы на тот свет. Отражением подобных воззрений, очевидно, и явились фольклорные сюжеты группы VIII. Как мы видели, мотив о потустороннем мире, расположенном внутри горы, мало распространен в произведениях устного творчества, в то время как рассказы о пещере — входе в подземный мир бытуют широко, подвергаясь определенному развитию и усложнению. Произошло и неизбежное совмещение персонажей — жителей подземного мира с образом самой пещеры. Так, в некоторых легендах появились горы с нутром, заселенным царями змей, и пещеры, при входе в которые герою встречаются чудовища и пресмыкающиеся (группа IX).

Вернемся к восприятию родовой горы как средоточия производящих сил рода. С нашей точки зрения, к пережиткам подобных взглядов восходит III группа фольклорных сюжетов. Именно в повествованиях о горном нутре — обиталище, в котором до поры до времени живут персонажи сказаний (и мужчины, и женщины), можно видеть отзвуки былых представлений о том, что в горе находится единая жизнотворная субстанция, материализующаяся в выходящих из горы новых членах рода. В силу переработки именно этих представлений и возникают позднее эпические сюжеты о душе богатыря, хранящейся в том или ином обиталище внутри родовой горы (группа IV). Не сохранились ли в фольклорных мотивах убийства богатырских душ внутри гор и пещер воззрения древних коллективов о возможности разом покончить с неприятелем, «проникнув» к «душе» враждебной общины, находящейся в сердцевине ее родовой горы?

Есть основания предполагать, что жизнотворные силы рода, находящиеся внутри священной горы, воспринимались не только как источник новой жизни, но и как постоянный хранитель существующей. Горные недра содержали в себе все необходимое для ежедневного существования коллектива. По нашему мнению, пережитки подобных представлений наиболее полно воплотились в образе таг-ээзи — хозяина горы, тайги и всех ее обитателей, от воли и покровительства которого зависело благосостояние охотника. Звери и дичь, воспринимаемые как «скот» таг-ээзи, согласно фольклорным источникам, находятся внутри горы и выгоняются в лес или даруются таежнику хозяином³⁴. Прямые отзвуки этих представлений, перешедших от охотников к скотоводам, находим в обращенных к горе словах шаманских молитв хакасов: «Драгоценную (букв. золотую) жертву я приношу ради детей, происходящих от твоей печени; ради мелких стад, лежащих в твоей пазухе...»³⁵. Видимо, с пережитками этих воззрений связаны и символические изображения скота в

³² Майногашева В. Е. Образ Хуу-иней в хакасском героическом эпосе, с. 206, 215; Сказание о храбром Айдолае, с. 26—28; Золотая чаша, с. 9; Рукописный фонд ХАК. НИИЯЛИ, инв. № 1.

³³ Майногашева В. Е. Указ. раб., с. 205, 215; Сказание о храбром Айдолае, с. 27.

³⁴ Возможно, своеобразным средоточием и переработкой этих представлений служит сказка об охотничьей собаке, вылулившейся из «пещерного» яйца турпана. От этой собаки не может скрыться ни один зверь, ни одна птица (группа XIII).

³⁵ Образцы народной литературы..., № 109, с. 593.

тех пещерах и у тех скал, где еще недавно происходили шаманские мочения хакасов³⁶.

Вполне вероятно, что первоначальные воззрения ставили охотничью удачу, жизненно важную для первобытного коллектива, в зависимость от «воли» родовой горы. С этих позиций становятся ясны обращаемые к горе шаманские восклицания: «Ты — хранитель черной головы (так часто называют себя в разговоре хакасы. — И. К.), ты оберегатель пасомых (стад)!». Такое покровительство казалось изначальным — в другой молитве говорится о горе: как только возник мир, «с тех пор ты оказываешь защиту черным головам и помощь пасомым стадам!»³⁷.

Со временем, в ходе развития реконструируемых представлений, видимо, формируются образы антропоморфных покровителей эпических родов, рождающихся и погибающих (как Хуу-йней) или живущих (как Ах Тас или Алтын Тас) в священной горе. От этого остается один шаг до многочисленных горных духов, имеющих вид мужчин или женщин, встреча и общение с которыми неизменно приносят благосостояние герою сказок (группа IX).

Изменение представлений людей о благосостоянии, в которых идея обеспеченности пищей перестает главенствовать безраздельно, вероятно, приводит к восприятию священной горы и как средоточия всего принадлежащего роду имущества. Таким образом, скала предстает средоточием и биологических, и экономических потенций коллектива. В хакасском фольклоре эти воззрения отразились в мотивах одновременного зарождения и совместной гибели в родовой горе как героя повествования, так и его коня и обитания там их «душ» (группы I, IV, V). Сюда же, видимо, следует отнести те повествования группы IX, персонажи которых живут внутри гор вместе со скотом, домами и всем другим имуществом, необходимым для жизни (впоследствии на эти представления, вероятно, наслонились воззрения о потустороннем мире, отражающем все многообразие действительной жизни). К таким воззрениям восходят и сюжеты группы VI. Ждущие своего часа внутри горы богатырский конь, воинское снаряжение и оружие — это, по нашему мнению, результат трансформации архаичных фольклорных сюжетов. Но и эпический материал рисует все это первоначально как имущество рода, передававшееся по наследству новому поколению по достижении им физической и социальной зрелости, а с приходом старости и немощности вновь возвращавшееся в гору. Устное творчество хакасов сохранило уже в значительной степени переработанные мотивы этих сюжетов (на архаичность их, возможно, указывает своеобразная «матрилейность», отразившаяся в группе XII)³⁸. Довольно полно рассматриваемый мотив отражен в ряде героических сказаний тувинцев — здесь в родовой горе сохраняется и наследство женщин: одежда, украшения, предметы для рукоделия и пр.³⁹

Дальнейшая эволюция представления о горе как средоточии богатства, обусловленная экономическим развитием общества (выделение семейного имущества), послужила основой для создания сюжетов группы VII. Об устойчивости подобных представлений свидетельствуют не раз слышанные нами современные предания о пещерных кладях, спрятанных в период гражданской войны и коллективизации представителями байских фамилий.

Вероятно, пережитки описанных воззрений о родовой горе породили и сюжеты группы XI. Содержание угнанного скота в пещере также, на наш взгляд, восходит к вере о концентрации в горе всех богатств рода, к которым следовало приобщать все вновь приобретаемые материальные ценности.

³⁶ Каратанов И. Указ. раб., с. 643; Материалы, собранные Д. А. Клеменцем..., с. 27.

³⁷ Образцы народной литературы..., № 2, с. 547; № 50, с. 571.

³⁸ Каратанов Н. Ф. Предания присаянских племен..., с. 275—276.

³⁹ См., например, Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос. — М.: Изд-во Вост. лит., 1960, с. 17, 36; Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. Тувинское народное сказание/Пер. Л. Гребнева. — Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1969, с. 14—15, 17, 18—19, 22.

Рассмотрим последнюю группу образов, некогда тесно связанных с представлениями о родовой горе. Фольклорные сюжеты группы II, повествующие о роли пещеры в сохранении погибающего рода, как бы о втором его рождении, конечно же, тесно связаны с идеей не только о горе-покровительнице рода, но и о горе-источнике рода (в цепи сказанного легко находит место мотив родов в пещере — сказка «Кунари»). Бытование подобного мотива еще в фольклоре раннесредневековых тюркоязычных народов зафиксировано китайскими хрониками VI в. как известное генеалогическое предание рода Ашина⁴⁰. Обнаруживаемая здесь связь не только с пещерой, но и с волчицей не случайна. Насколько известно, сюжет спасения детей волчицей обычно объясняется как пережиток тотемических взглядов той или иной группы народов, в которых волк играл роль первопредка. При упоминании генеалогической легенды тюрков-тугов традиционно следовало ее сопоставление с волчьей флювой на их боевых знаменах и родами Пүүр (волк), донныне существующими у их многочисленных потомков. Возможно, дело обстоит сложнее.

В упоминавшемся исследовании В. Е. Майногашевой убедительно показана связь образа хозяйки родовой горы и покровительницы рода Алтын Хана, родившейся и погибшей внутри скалы Белой старухи — Хуу-иней с образом белой волчицы. Совершенно справедлив вывод исследовательницы: «Хуу-иней в данном сюжете довольно отчетливо представлена существом двойной природы — зверем-женщиной. Образ белой волчицы, вероятно, является исконной природой Хуу-иней»⁴¹. В. Е. Майногашева подкрепила предположение о первоначальном животном облике хозяйки горы рядом тонких наблюдений (хырна хулах, чаба хулах — голоухая, вислоухая). Добавим и свое объяснение одного из имен-эпитетов этого персонажа — Піс тумзух, пілõ харын — Шилий нос, брусковатый живот⁴². С нашей точки зрения, острый нос и брюхо бруском — не случайные черты «устного портрета» существа, способного превращаться в остромордого и поджарого волка.

Итак, тесная, нерасторжимая связь одного из основных персонажей хакасского фольклора, символизирующего хозяйку родовой горы и покровительницу богатырского рода, с образом волчицы представляется нам доказанной. Не такова ли и природа волчицы, выкармливающей в горной пещере будущих родоначальников тюркоязычных племен Саяно-Алтая?

Заметим, что в одном из вариантов сказания «Алтын Арыг» Хуу-иней превращается и в лисицу. Возможно, это и более позднее (как полагает В. Е. Майногашева) привнесение⁴³, но довольно соблазнительно признать близость внешности волчицы и лисицы. Отмечая определенное единство этого образа, получаем возможность объяснения сюжетной группы X. Становится ясной и отмеченная в ней святость «огненно-рыжей» или «огненно-черной лисицы» и ее связь с пещерой, скалой или утесом.

На фоне убедительно прослеженных В. Е. Майногашевой изменений, претерпеваемых образом Хуу-иней на пути превращения из доброго гения рода во враждебного людям представителя потусторонних сил⁴⁴, становится понятной и связь в сказаниях волков и лисиц с подземным миром. Особенно важно, что на новой стадии бытования образа Хуу-иней в народных произведениях связь его с этими животными сохраняется. По словам Н. Ф. Катапова, из сорока Хуу-хат, живущих на том свете, «самая младшая ведьма превращается в черную лисицу и обманывает богатырей, находящихся под землею. Превратившись в короткохвосто-

⁴⁰ Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 211.

⁴¹ Майногашева В. Е. Указ. раб., с. 207—209.

⁴² Там же, с. 207. Предлагаемые на с. 210 объяснения эпитета не кажутся убедительными.

⁴³ Там же, с. 207 сл.

⁴⁴ Там же, с. 215—222.

го волка, она погибает»⁴⁵. Такова на наш взгляд природа всех этих лисьих, волчьих, собачьих образов — представителей биологически единого семейства Canidae, причиняющих множество бед и горя героям хакасского фольклора и тесно связанных с подземным миром, горами и пещерами⁴⁶. Возникнув как ипостаси горного духа-покровителя, они, вслед за трансформацией его образа в злое существо, также превратились во враждебные людям силы.

Остается отметить, что став чудищем, Хуу-иней не потеряла своей связи ни с горой, ни с пещерой. В хакасских сказаниях «место, где живет страшная ведьма, есть скала с раковым кустом»⁴⁷. И голые женщины, стремящиеся известить охотников и скрывающиеся в гору или под камень (группа IX), — это тоже Хуу-иней в новой своей ипостаси.

Подведем итоги. Имеющиеся фольклорные и этнографические данные позволяют утверждать, что древние предки хакасов имели развитые и очень сложные представления о родовой горе и пещере как источнике происхождения рода, центре, концентрирующем все его биологические и экономические потенции, вместилище душ умерших. Глубокую древность, исконность подобных представлений подчеркивают народные воззрения на появление этих гор в период становления земли: «Когда впервые выросла на черной земле трава, крепкие деревья покрылись листьями, вершины хребтов покрылись снегом, появились истоки больших рек, растворились золотые двери гор...». Теперь мы можем не согласиться с Н. Ф. Катановым, объяснявшим последние слова шаманской молитвы: «т. е. стало добываться золото»⁴⁸, и с полной уверенностью сказать: «т. е. когда появились на земле первые люди, возникли необходимые условия их существования и благосостояния»⁴⁹. Теперь становится понятной вся глубина представлений, некогда стоявших за обращенными к родовой горе словами хакасского шамана: «Драгоценную жертву я приношу ради детей, происходящих от твоей печени; ради мелких стад, лежащих в твоей пазухе; ...ради привратников, стоящих у дверей (твоих); ради серебряных дверей твоих, освещаемых солнцем; ради золотых твоих дверей, освещаемых луною! Открой золотые двери свои, — я желаю пройти через все твои двери»⁵⁰.

Фольклористы, этнографы, археологи и языковеды могут расширить и углубить полученные нами многообразные, но, конечно, еще неполные представления об этом важном элементе духовной культуры наших далеких предков. Их невозможно не учитывать при анализе многих сюжетов устных народных произведений, при исследовании религиозных воззрений и обрядов, генеалогических преданий, при археологических раскопках в пещерах и гротах, анализе наскальных изображений, дешифровке древних надписей на горах и в пещерах.

Описанные воззрения были присущи всему населению Саяно-Алтайского нагорья: хакасам, тувинцам, тофам, алтайцам, шорцам. И в материальной, и в духовной культуре этих народов можно найти много пережиточных и видоизмененных черт, позволяющих прояснить реальную картину подобных воззрений на горы и пещеры. Необходимое сравнение с народной культурой других районов мира позволит создать полную характеристику выявленного интересного и широко распространенного явления древней духовной культуры.

⁴⁵ Образцы народной литературы..., № 410, с. 219.

⁴⁶ См., напр.: Образцы народной литературы..., № 412, с. 220—221; № 538, с. 467; Титов В. Указ. раб., с. 139—140; Золотая чаша, с. 58, 59.

⁴⁷ Образцы народной литературы..., № 410, с. 218.

⁴⁸ Там же, № 50, с. 571.

⁴⁹ В этом мы мало расходимся с народной традицией. Выявленный комплекс древних представлений, вероятно, возник в палеолите. В истории человечества не было другой эпохи, когда связи с горой и пещерой были бы столь тесными, сложными и жизненно важными для людей. Эту гипотезу автор намерен проверить особо.

⁵⁰ Образцы народной литературы..., № 109, с. 593—594

Тбилисский музей игрушки был создан в 1937 г. по инициативе И. И. Туманишвили, педагога, автора ряда детских книг, большого знатока народной грузинской культуры. С первого дня существования музея его создатели ставили две задачи: 1) собирание народной грузинской игрушки и материалов по традиционным играм грузин, 2) создание профессиональными художниками новых игрушек, отражающих своеобразие народной культуры. В дальнейшем обе стороны деятельности музея успешно развивались. В настоящее время здесь экспонируется более 2000 разнообразных игрушек, в том числе кукол.

Благодаря экспедиционным поездкам в различные районы Грузии сотрудники музея в течение ряда лет собрали значительную коллекцию (500 экз.) народных игрушек и кукол, огромное значение которых в воспитании детей — нравственном, эстетическом, физическом в полной мере сохраняется и в наше время.

С раннего возраста дети приобретали навыки самостоятельного изготовления игрушки, не только подражая взрослым, но и проявляя творческую фантазию. Вместе с тем собранные сотрудниками музея игрушки отражали особенности исторического прошлого локальных групп грузинского народа. Так, игрушки, многие из которых сохранились в детском быту грузин-горцев и до настоящего времени, тесно связаны с прошлым военным бытом и особенностями хозяйства этой части Грузии. Особенно популярными здесь были такие игрушки для мальчиков, как лук и стрелы. Судя по представленным в музее материалам, лук делали из кизила, рябины, орешника, березы, граба, а стрелы — из веток кизила, сливы, шиповника. Для тетивы использовались жилы животных, шпагат. Среди экспонатов музея есть стрелы с несколькими «крыльями» из куриных перьев. Представлены также образцы самодельных ружей, которыми играли грузинские мальчики. Эти игрушечные ружья делались следующим образом. Из ствола черной бузины извлекали сердцевину. В полость вставляли палку соответствующей толщины, обмотанную тряпками. Иллюзия выстрела достигалась громким звуком, который получался при сильном и быстром нажатии на палку:

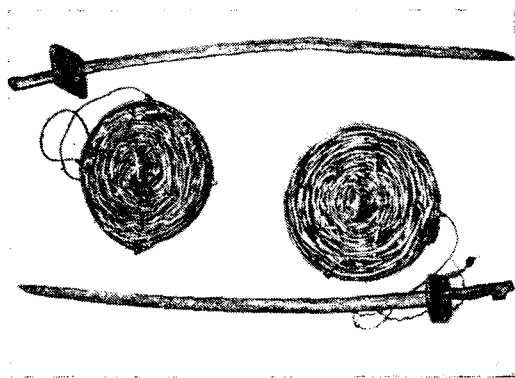

Рис. 1. Народная игрушка «Щит и меч»

Любимым спортивным упражнением горских мальчиков, особенно в Хевсурети, было фехтование с «мечами» и «щитками». Образцы их имеются в фонде музея. Мечи сделаны из веток ивы, а щиты сплетены из тонких гибких прутьев и покрыты древесной корой (рис. 1).

В музее есть экспонаты очень распространенной детской мальчиковой игрушки, которая делается по принципу метательного оружия типа пращи. В образце из Сванети был использован кусок расщепленного дерева, в который вкладывался камень. Пущенный из такой игрушки камень обычно мог пролететь довольно большое расстояние. Этнографические данные свидетельствуют, что иногда подобная праща использовалась и в практических целях: для сбивания с деревьев орехов, диких груш, для охоты на птиц.

В фондах музея представлены и другие традиционные игрушки: разнообразные мячи, сделанные из тряпок или валяной коровьей шерсти, волчки, ловушки, глиняные фигурки лошадей, коров, быков, изображения игрушечных сельскохозяйственных орудий, предметов домашней утвари.

Во всех странах мира кукла является самой любимой игрушкой детей. Работниками музея в экспедициях были собраны многочисленные

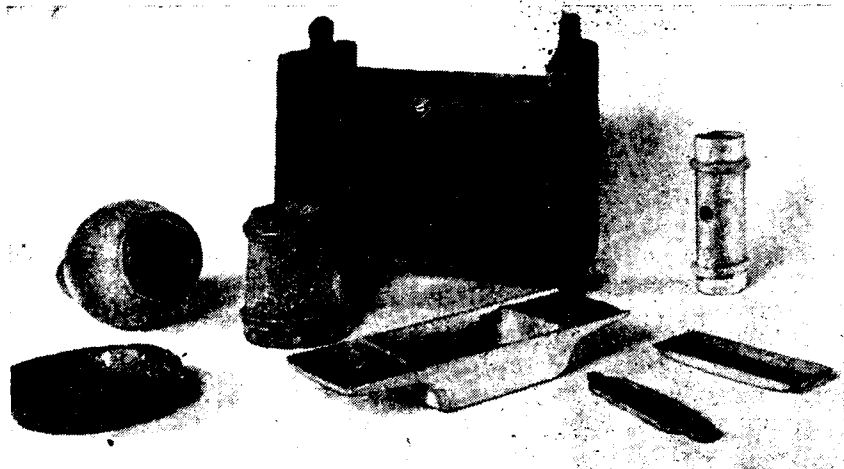

Рис. 2. Народная игрушка «Посуда»

образцы кукол из разных областей Грузии, относящихся как к современной эпохе, так и к более отдаленному времени. Для изготовления кукол традиционно используют палочки, карандаш, куски досок, ткани, глину, листья, стебли, почки, тыкву. Изображение лица куклы обычно вышивалось цветными нитками; волосы делались из шерсти, кукурузных волокон, ниток. Одежда и прическа куклы может многое сказать о внешнем облике жителей различных этнографических областей Грузии. Особенно интересны в этом отношении куклы из горных районов Восточной Грузии. Можно распознать даже «семейное положение» кукол. Так, у «замужних» прическу укладывали в два локона, у «незамужних» заплетали четыре косы. Соответственно различались и головные уборы. Для кукол девочек строили «дома» согласно традициям, принятым в данной этнографической области, из листьев, травы, палочек, ягод шиповника, белены, желудей, коробочек мака делали «мебель» и «посуду». Все эти интересные экспонаты, отражающие традиционную грузинскую культуру, также представлены в фондах музея (рис. 2).

Среди экспонатов музея большую ценность представляют игрушки и куклы, созданные художниками-профессионалами. Это куклы, отражающие образы грузинского фольклора и литературы, одежда, игрушки, воспроизводящие сельский и городской быт прошлого, жилище, интерьер и т. п. Художники используют в своей работе традиционный материал: дерево, тыкву, шишки, ветки, листья, шерстяную пряжу, в последние годы стали использовать поролон. Помимо неподвижных создаются также подвижные и механические игрушки, которые приводятся в движение в основном при помощи магнита. Игрушки, сделанные профессиональными художниками, представляют собой своеобразные творения современных мастеров и отражают этнические традиции и колорит народной жизни (рис. 3, 4).

Первыми экспонатами этой группы стали куклы «Луарсаб» и «Дареджан», выполненные художницей Н. Т. Беляевой по мотивам одноименных произведений И. Чавчавадзе. Помимо названных кукол художница создала галерею кукол — образы грузинских женщин («Тасо», «Нато», «Мзия»), «Пастух Гурам» и др. Некоторые из них в 1939 г. в

Москве на Всесоюзном конкурсе игрушки были отмечены премиями. Куклы «Манана», «Эка» и «Резо» сделаны художницей Н. П. Браилашвили, создавшей для музея с большой этнографической достоверностью множество кукол и игрушек. Н. П. Браилашвили является также автором движущихся кукол, например куклы из тыквы «квахура», которая приводится в движение с помощью пальцев. Из шерстяной пряжи сделаны движущиеся куклы-животные. С большим знанием этнографического

Рис. 3. «Грузины из Картли». Худ. Н. Антадзе

материала художница из дерева создала игрушку «дарбази»¹ с характерным для грузинского быта интерьером. В последнее время Н. П. Браилашвили использует в качестве материала поролон, из которого ею созданы композиции «Маленькие грузины», кукла «Михо» и др. Игрушки Н. П. Браилашвили неоднократно удостоивались премий на разных выставках игрушек в Тбилиси и в Москве; некоторые из них подарены зарубежным музеям.

В. И. Мирианашвили, большой знаток народной грузинской культуры, сумела придать своим куклам национальный колорит. Она автор целого ряда интересных кукол — «Нестан», «Грузинка-мать с ребенком», «Чонгуристки», «Фехтование», «Карачогели», «Дудукисты», «Аджарец» и др.

В экспозиции музея имеются также механические игрушки, сделанные конструктором Р. Г. Бектабегшвили. Первая его работа «Пограничник с собакой» относится к 1936 г. В течение двух лет Р. Г. Бектабегшвили работал над композицией «Ансамбль чонгуристок». Перед зрителями предстали красавицы-чонгуристки, исполнявшие популярные песни «Сулико» и «Светлячок». Известный театровед проф. Д. Джанелидзе, увидев эту композицию, сказал: «Это целая пьеса, целый спектакль, театр, национальный театр, с любимыми мотивами, лицами, одеждой, движениями», Р. Г. Бектабегшвили, а также

Рис. 4. «Хевсуры». Худ. Н. Антадзе

¹ Традиционное грузинское жилище.

И. Т. Франгуловым были созданы движущиеся куклы «Пиримзе», исполнявшие грузинский национальный танец, «Грузинский танец «Клоуны» и др.

Помимо игрушек, отражающих этническую специфику грузинской культуры, часть коллекции составляют куклы, в которых воплощены сказочные, фольклорные и литературные образы разных народов Советского Союза и всего мира. Такова композиция «Счастливое детство» (художница Л. К. Гильчевская), включающая куклы разных народов, композиции Н. А. Антадзе «Красная шапочка», «Свадьба сов» (по мотивам произведения грузинского писателя Важа-Пшавела), «Сон в летнюю ночь» (по Шекспиру) и др., куклы — персонажи «Сказки о царе Салтане» и др. В последнее время в экспозиции музея появились стилизованные куклы Д. Ш. Чубабрия, работы по дереву — типажи старого Тбилиси (художник Э. Цинцадзе), миниатюры из слоновой кости — «Аробщик», грузинский женский танец «Самана» и другие экспонаты, автором которых является Г. И. Александров.

Значительное место в творчестве художников занимает и современная действительность. Таковы, например, композиции Л. К. Гильчевской «Строим города и села», ее же подвижные игрушки «Лыжный спорт», «Автогонки», «Детский оркестр» и др.

В музее имеется также коллекция игрушек из зарубежных стран — ГДР, Италии, Ирландии, Швейцарии, Японии, часть которых передана в дар музею академиком Е. Харадзе.

Экспонаты Тбилисского музея игрушки неизменно вызывают огромный интерес посещающих его детей и взрослых. Об этом свидетельствуют также многочисленные записи в книге отзывов. Хочется пожелать, чтобы деятельность музея нашла еще большую поддержку общественности Грузии и соответствующих организаций.

Г. А. Меновщиков

О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ НАЗВАНИИ АЛЯСКА

Название «Аляска» на русских географических картах впервые появилось в середине XVIII в. в связи с великими русскими открытиями в Северной Америке. Открытие и освоение русскими землепроходцами и мореплавателями Аляски и Алеутских островов вызвало необходимость всестороннего географического описания их, что было весьма актуальным для установления более кратких и безопасных морских путей от тихоокеанского побережья России к ее новым владениям.

Русскими мореплавателями во главе с В. Берингом в 1728 г. было установлено, что Азия «не сошлась» на севере с Америкой, а в 1732 г. И. Федоров и М. Гвоздев подтвердили, что против «Чукотского мыса» находится американский берег, «не остров, но земля великая»¹. После второй экспедиции В. Беринга и А. Чирикова (1741—1742) последним была подписана карта, на которой американский берег впервые был отмечен как «часть Северной Америки»².

К наиболее ранним известиям о названии «Аляска» следует, по-видимому, отнести название «остров Аляска», а точнее, как тогда писали, «остров Алакшак». Именно такое название было зафиксировано в 1763 г. в отчете экспедиции на Алеутские острова (1759—1763), возглавлявшейся мореходом С. Г. Готовым на судне «Иулиан»³. М. В. Ломоносов в

¹ Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии конец XVIII века — 1867 г. М.: Наука, 1971.

² Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII — первая половина XVIII в. М.: Географгиз, 1950, с. 192.

³ Глушанков И. В. Секретная экспедиция Креницына — Левашова. Магадан: Книжное изд-во, 1972.

тексте «Прибавления второго» к составленной им «Полярной карте» широко использовал свидетельства об Алеутских островах и Аляске членов экспедиции С. Г. Глотова и отметил, что у берегов Америки имеется «лесной остров», называемый «Алахшак». Тогда же он высказал предположение, что «остров» Алахшак может быть мысом Северной Америки⁴.

Снаряженное иркутским купцом И. Бечевиним судно «Гавриил» с командой промышленных людей в 1762 г. зимовало в Исаночном проливе. Члены команды этого судна западную часть полуострова Аляска приняли за остров, назвав его «Аласка» или «Алакшак»⁵. Правительственная экспедиция П. К. Креницина и М. Д. Левашова 1764—1771 гг., посланная в целях открытия, исследования и точного нанесения на карту восточных Алеутских островов, фактически впервые научно установила полуостровное положение Аляски, хотя в материалах этой экспедиции, доставленных в Петербург, и на итоговой карте Аляска по-прежнему продолжала называться островом «Аляска»⁶. Островом Аляску продолжали называть и в более позднее время. Так, Г. И. Шелихов, совершивший в 1783—1786 гг. плавание из Охотска к берегам Северной Америки, полуостров Аляска также назвал «островом Аляска»⁷. Аляска как полуостров «Аласка» впервые была показана на карте мореплавателя Дж. Кука во время третьей английской экспедиции 1778—1779 гг., посетившей северную часть Тихого океана⁸. В Атласе Г. А. Сарычева в первой половине XIX в.⁹ Аляска была названа мысом, а несколько позже в трудах Ф. Литке¹⁰ и в Атласе М. Д. Тебенькова¹¹ Аляска называлась уже полуостровом.

В «Словаре местных названий Аляски» Д. Орта¹² в статье «Полуостров Аляска» приведена серия разнонаписаний этого географического названия, относящихся к разным историческим периодам фиксации его во многих письменных памятниках и на картах XVIII—XIX вв. В этой статье в латинской транскрипции перечислены следующие варианты этого названия: Alachschak, Aleaksu, Alakhshhak, Alaksa, Alakshak, Alaksu, Alaska, Alaschka, Alashka, Alayeksa, Alaxa, Alaxsu, Aliaksa, Aliakshka, Aliaska, Aljaska, Alyaksa, Alyaska.

Если учесть тот факт, что все эти варианты написания топонима 'Аляска' восходят к различным по времени русским и иностранным письменным источникам и по-разному транскрибируются при перенесении их на разноязычные карты, то в русской транскрипции адаптированное алеутское название *Алах'сах'* (и другая его форма *Алах'сх'а/Алах'сх'ах'*) на ранних картах, документах и в научной литературе передается гораздо меньшим числом вариантов написания, основными из которых являются Аляска, Аляска, Алакшак, Алахшак, Алаксса¹³. Это объясняется тем, что языки и диалекты коренного населения Алеутских островов и Аляски (алеуты, эскимосы, индейцы) оказались исключительно

⁴ Ломоносов М. В. Собр. соч., Т. 6. Л.—М.: Изд-во АН СССР, 1952; Полевой Б. П. О раннем варианте второй полярной карты М. В. Ломоносова.—Известия АН СССР. Сер. геогр., 1977, № 2, с. 127, 130.

⁵ Orth D. Dictionary of Alaska place names. Washington, 1967.

⁶ Глушанков И. В. Указ раб., с. 161, 164; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.

⁷ Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам/Под редакцией, с предисловием, послесловием и примечаниями Полевого Б. П., Хабаровск.: Книжное изд-во, 1971.

⁸ Федорова С. Г. Указ. раб., с. 7; Соух J. A. Voyage to the Pacific Ocean, 111, London, 1785.

⁹ Сарычев Г. А. Атлас северной части Восточного океана. СПб., 1826.

¹⁰ Литке Ф. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—29 гг., 2 изд. М., 1948.

¹¹ Тебеньков М. Д. Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес и островов Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточных берегов Азии. 1852.

¹² Orth D. Op. cit.

¹³ Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв./Сост. Ефимов А. В., Белов М. И., Медушевская О. М., М.: Наука, 1964, карты №№ 97, 153, 157, 161, 164, 166, 174, 177, 180—182, 194.

сложными в отношении артикуляции для русских землепроходцев и их следователей, поэтому и местные (в данном случае алеутские) географические названия транскрибировались по фоно-морфологическим моделям русского языка. Так, например, в XVIII—XIX вв. исконные алеутские названия островов и других географических объектов наносились на карты в формах, значительно отличающихся от исходного звучания ср.:

алеутское название	русская транскрипция
Амчигтах'	Амчитка
Ауадах'	Адак, Адах, Алвазак
Самидас	Семичи
Акатух'	Агатту
Атах'	Атту
Саг'угамах'	Сегуам
Ауан алах'сх'а	Уналашка и т. д.

Вполне закономерно, что увулярные звуки *х'*, *г'* алеутского языка в процессе русской адаптации заменялись близкими им по звучанию задненебными *х*, *г* или опускались совсем (особенно увулярный *х'* в финальной позиции). Чаше всего для благозвучия алеутские названия географических объектов в русской транскрипции передавались с конечными гласными в финальной позиции (типа Атту, Агатту) или же с добавлением словообразовательных морфем русского языка, как в названиях Амчитка, Аляска. Таким же образом, например, образовалось название «Чукотка», в основе которого лежит исконное чукотское слово чаучу — 'оленевод'.

Подобные звуковые изменения при адаптации и транскрипции алеутских названий происходили и в ряде других лексических образований, характерных для морфологической системы русского языка. Не удивительно, что название 'Аляска', восходящее к алеутскому слову *алах'сах'* / *алах'сх'а* / *алах'сх'ах'*, получило такое неадекватное обозначение на географических картах, а на современных картах и атласах мира оно утвердилось в одной из адаптированных форм (Аляска, Aliaska, Alaska).

Выдающийся русский просветитель на Алеутских островах и Аляске И. Е. Вениаминов, хорошо изучивший грамматический строй алеутского языка, дал одно из точных названий Аляски на диалекте уналашкинских алеутов в форме *Алахсхак'ъ*¹⁴. К этому написанию следует добавить, что конечный знак *к'* в структуре алеутских слов означает увулярный щелевой *х'*, на что указывает и сам И. Е. Вениаминов: «*к'* состоит из *к* и *х* и произносится в горло»)¹⁵. При этом срединный щелевой *х* в слове *Алахсхак'* также является увулярным щелевым *х'* не получившим точного изображения в трудах И. Е. Вениаминова по типографским причинам того времени. Это же название, но в косвенной грамматической форме И. Е. Вениаминов повторяет в алеутской грамматике¹⁶: *Алахсхимъ нуг'иганъ* — «на Аляске». Несколько отличающееся, но более близкое к исходной форме название Аляски на аткинском диалекте дал миссионер русской церкви на алеутских островах Я. Е. Нецветов, креол по происхождению. Алеутский язык был для него родным, а русский он хорошо знал. В составленном им Русско-алеутском словаре¹⁷ топоним Аляска представлен в форме *Алаг'сах'*, которую мы и принимаем за исходную. В данной форме слово *алаг'сах'*, где срединный *г'* соответствует *х'*, четко разделяется на две морфемы — корневую *алаг'алах'* и суффиксальную *-сах'*. Это же слово в форме *алах'сх'а* представляет собою притяжательную грамматическую форму слова *алаг'сах' / алах'сах'*, в

¹⁴ Вениаминов И. Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846; *его же*. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. I. СПб., 1840.

¹⁵ Вениаминов И. Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка, с. 5.

¹⁶ Там же, с. 117.

¹⁷ Нецветов Я. Е. Русско-алеутский словарь, копия рукописи 1840. ЛОИЯ АН СССР, Л.

которой в результате стяжения согласных происходит их частичная ассимиляция — *алаг'сх'а* или *алах'сх'а*, где суфф. *-сах'* получает форму *-сх'*, а конечный *-а* означает притяжательность (-его), что указывает на связь данного объекта с другим объектом. Следовательно, исходное название *Алаг'сах'* или *Алах'сах'* (в срединной позиции глухой увулярный *х'* в аткинском диалекте имеет тенденцию к озвончению) употреблялось одновременно с производным названием *Алах'сх'а*, которое в уналашкинском диалекте в притяжательной форме сочеталось с каким-то указательно-пространственным словом, постепенно утратившимся, а слово *алах'сх'а* субстантивировалось и приняло форму *алах'сх'ах'* (*алахсхак'ъ*), зафиксированную И. Е. Вениаминовым¹⁸. Образование слова *алах'сх'а* как притяжательной формы от слова *алах'сах'* в сочетании с указательным местоимением подтверждается образованием топонима *ауинъ алахсха* или *наганъ алахсха* (Уналашка) — «вот это Аляска», отмеченного И. Е. Вениаминовым¹⁹ и Я. Е. Нецветовым²⁰, где местоименно-указательное слово *ауин/науин* означает «близ», «около» или «сходное с ним указательное значение. Таким образом, транскрибированный русскими топоним Уналашка восходит к составному алеутскому топониму *ауин алах'сх'а* (уналашкинский диал.) или *науин алаг'сх'а* (аткинский диал.), что в переводе означает «близ Аляски» или «около Аляски». В результате русской адаптации и последующей транскрипции этого сложного алеутского топонима произошло усечение начального форманта *на-* местоименно-указательного слова *науин*, а следующий формант этого слова *-уин/-win/* в сочетании с *алаг'сх'а* получил усеченную форму *ун-*, что и дало слово *уналашка*. Из сказанного следует, что топоним Уналашка является производным от Алашка/Аляска, который в свою очередь восходит к исконным алеутским формам *Алаг'сах'/Алаг'сх'а*.

Что же лексически означает алеутская основа *алах'*-, от которой посредством суффикса *-сах'*, придающего словам значения собирательно-сти или множественности однородных предметов в их совокупности, образовалось название *Алаг'сах'* с его производной формой *Алаг'сх'а* и адаптированное русским языком в форме Аляска (Алашка и др.)?

И. Е. Вениаминов отмечает, что «Предание алеутов — прежними стариками воспеваемое в одной старинной песне — говорит, что здешние алеуты пришли от запада с большой земли (разрядка моя. — Г. М.), называемой *Аяхсхак'ъ* или *Танам ангуна*, которая была местом их происхождения, и что они оттуда перешли на здешние острова, и потом, мало-помалу распространяясь к востоку, наконец, достигли нынешней Аляксы и далее»²¹. Для нашего изыскания весьма существенно, что И. Е. Вениаминов здесь приводит два названия Аляски: *Алахсхакъ* и *Танамъ ангуна* (*танам ан'уна*). Первое название образуется от основы *алах'*- и суфф. *-сах'* (притяжательно *алах'сх'а* см. выше), второе название образуется из притяжательного сочетания слов *танах'* — «земля» и *ан'унах'* — «большой»: *танам ангуна* — «замли огромность-ее», иначе «большая земля». Следовательно, И. Е. Вениаминов четко разграничил эти два названия «большой земли»: собственное *Алахсхак'ъ* и нарицательное *танамъ ангуна* — «большая земля» «земли огромность-ее». Он нигде в своих комментариях к слову *алахсхак'ъ* не прибегает к этимологии его в лексическом значении «большая земля», и это вполне понятно, поскольку в алеутском языке не было и нет слов с корнем *алах'*, которые бы означали понятия «земля» или «большая — земля», «материк» и т. д. Такие понятия, как «земля» «материк», «континент», «страна», выражаются одним словом — *'танах'*, от основы которого

¹⁸ Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела, с. 2, 109, 220.

¹⁹ Вениаминов И. Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка, с. 158.

²⁰ Нецветов Я. Е. Русско-алеутский словарь.

²¹ Вениаминов И. Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка, с. 109.

образуются производные имена нарицательные типа *танадах'* — «земля» (*-дах'* — уменьшительный суфф.), *танг'их'* — «остров», *танг'идах'* — «островок», *танатукух'* — «обширное пространство», *танауг'усих'* — «селение» и др. Таким образом, основы *танах'* и *алах'* имеют различное лексическое значение, и ни в одном алеутском словаре, ни в одном тексте нет слова *алах'* или *алах'сх'ах'* со значением «земля» или «большая земля». Толкование слова *алах'сх'ак'* в значении «большая земля» стало возможным в этнографических и ономастических источниках только вследствие того, что комментаторы из приведенного выше определения И. Е. Вениаминова после сочетания слов «большая земля» взяли первое *алах'сх'ак'*, являющееся собственным названием, восходящим к основе *алах'*, и опустили действительное обозначение этого понятия *танам ан'уна* — «земли огромность-ее», «большая земля». Именно это обстоятельство послужило ошибочному толкованию топонима Аляска, по традиции повторяющемуся от одного источника к другому. Если при этом учесть, что ни один из комментаторов не является специалистом в области алеутского языка, то недостоверность этимологии слова *алах'сх'ах'* как «большая земля» становится очевидной. Так, Г. Р. Стюарт в статье «Название Аляска»²² прямо говорит, что это название происходит «от алеутского корня, означающего 'большая земля', 'материк', 'континент'». Этой же версии придерживается и составитель словаря местных имен Аляски Д. Орт²³. В топонимическом словаре В. А. Никонова слово *a-la-as-ka* трактуется как «Большая земля»²⁴; в данном случае топоним Аляска разделен, как видим, на отдельные морфемы, ничего общего не имеющие с морфемами исконного алеутского слова *алах'сх'ах'*/*алах'сах'*.

Основанием для написания данной статьи автору послужили упомянутые выше труды по алеутскому языку И. Е. Вениаминова, Я. Е. Невцетова, а также К. Бергсланда²⁵, и собственные исследования грамматического строя и лексики алеутского языка²⁶.

Вероятной первичной производной основой, от которой образовалось географическое название «Аляска», является алеутская основа *алах'*. В алеутском языке слово *алах'* означает родовое (общее) понятие «кит», а производное от этой же корневой основы — слово *алаг'ух'* — «море». Если принять во внимание, что понятия «кит», «море» в представлении протоалеутов в известной степени могли ассоциироваться друг с другом и обозначать первоначально какое-то предметно-пространственное значение, то и слова *алах'*, *алаг'ух'* могли образоваться от единого корня *ала/x'*, а затем коренным образом дифференцироваться в значениях.

Название *Алах'сах'* (адаптированное в форме Аляска) образовалось, таким образом, от первичной основы *ала/x'* и словопроизводного суффикса *-сах'*. Если слово *алах'* в современном алеутском языке означает родовое название «кит», то слово *алах'сах'* (или *алаг'сах'*) по аналогии с другими словами собирательного значения с суффиксом *-сах'* могло выражать понятия «китовое изобилие» или «место скопления китов», «китовое место». Такое собирательное значение слов с суффиксом *-сах'* обнаруживается, например, в таких словах, как *к'асак'* — «семя» (от *к'а*, *к'ах'* — «еда»), *нусах'* — «каменистое место» (от *нух'* — «камень»), *чугсах'* — «песчаное место» (от *чугсух'* — «песок»), *к'аг'анасак'* — «игрище» (от *к'аг'ана* — «играть») и т. д.

Алеуты островов Унимак, Уналашка на западном побережье полуострова Аляска контактировали с отдаленно родственными им по языку и культуре аляскинскими эскимосами, одним из основных занятий ко-

²² Stewart G. K. The name Alaska.— Names, California, Berkely, 1956, v. 4, № 4.

²³ Orth D. Op. cit.

²⁴ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

²⁵ Bergsland K. Atkan Aleut — English Dictionary. Anchorage, Alaska, 1980.

²⁶ Меновицкий Г. А. Алеутский язык.— В сб.: Языки народов СССР, т. 5, Л.: Наука, 1968; его же. Алеутско-русский словарь.— В кн.: Языки и топонимия. Томск.: Гос. пед. ин-т, 1977.

торых с древнейших времен была охота на кита. Как об этом свидетельствуют археологические, этнографические и лингвистические данные, кит в изобилии водился в водах этих широт. Островных обитателей — алеутов, как и эскимосов, несомненно, привлекали обильные китом охотничьи угодия вблизи побережья Аляски, а также песчаные отмели, куда выбрасывало морем мертвых китов. Сюда устремлялись жители ближайших Алеутских островов за китовым жиром, мясом и усом. Именно по этому важному признаку алеуты могли назвать эту часть полуострова *Алах'сах'* (Аляска), что означает «китовое место», «китовое изобилие». Впоследствии в иноязычной адаптации, а также в сложных сочетаниях самого алеутского языка это название получило серию вариантов, по-разному отмеченных на географических картах, на что указано выше.

И. Е. Вениаминов отмечает²⁷, что древним алеутским названием моря на уналашкинском диалекте было слово *инудак'* — «гибкий», «гнувшийся». Это также свидетельствует о более позднем происхождении современного названия моря — *алагих'* от другой первичной основы *'алах'*. Древнее название моря словом *инудак* «гибкий», «гнувшийся» восходит, возможно, к табуированному обозначению морской стихии (волнение, шторм), тогда как устойчивое название моря *алаг'их'*, производное от *алах'*, отражает уже постоянную зависимость алеутов от окружающей среды, связано с условиями их жизни. От основы *алах'* образовались такие названия как *алах'* — «кит» (родовое понятие, см. указанные выше алеутские словари), *аладах'* — «китеныш» и «дельфин», *алалих'* — «морской зверь», *аламах'* — «кит-полосатик»²⁸. Кроме этих названий у И. Е. Вениаминова, К. Т. Хлебникова²⁹, К. Бергсланда, Г. А. Меновщикова отмечено еще несколько названий китов различных пород, но эти названия (их более 10) восходят к другим основам. Родовым названием кит во всех источниках выступает алеутское слово *алах'*.

Сходные внешне по корневой морфеме алеутские слова *алаках'* — «тополь», «береза», *алагнас* — «малина», *алайах'* — «доска» не имеют, по-видимому, лексико-семантической общности с основой *ала(х')*, от которой образовалось слово *алах'* — «кит» и производное от него слово *алах'сах'* — «китовое место», «китовое изобилие». Между тем второй, но менее вероятной этимологией названия «Аляска» могла бы быть основа *алаках'* — «тополь», «береза», поскольку полуостров Аляска, по мнению алеутов, была землей, где много стоячего леса³⁰, а лес для жителей безлесных островов имел жизненно важное значение. Указания на обилие леса на Аляске имелись и в ряде других источников XVIII в., полученных русскими землепроходцами от алеутов³¹, однако следует полагать, что сведения об аляскинском лесу касались внутренних областей полуострова, поскольку побережье его было безлесным, если не считать кустарниковых видов тальника, ольховника и стланика, произрастающих как на побережье Аляски, так и на ближайших к ней островах³².

Если слово *алах'сах'* (*алах'сах'ах'*) могло бы означать «лесистое место», то оно должно было бы иметь форму *алаках'сах'* (производное от *алаках'*), однако такого слова в алеутском языке не обнаруживается, а потому подобная этимология оказывается невозможной.

Можно было бы предполагать, что слово «Аляска» имеет эскимосскую языковую основу; но тщательный анализ слов с корневыми элементами на *ал-* — в эскимосских словарях исключил такую возможность.

²⁷ Вениаминов И. Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка, с. 33.

²⁸ Bergsland K. Op. cit., p. 9.

²⁹ Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова/Составление, введение и комментарий Ляпуновой Р. Г. и Федоровой С. Г. Л. Наука, 1979.

³⁰ Глушанков И. В. Указ. раб., с. 25.

³¹ Там же, с. 112.

³² Вениаминов И. Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка, с. 48—50.

Родовым названием к слову «кит» в эскимосских языках является слово *аг'вык'*, а названия различных видов китов образуются как от этой же основы, так и от других основ, но ни одно из них от основы *ал-* или *ала(х')*.

Что же касается названия 'большая земля' (по-алеутски *танам ан'-уна*), то этим сложным географическим термином жители малых островов могли называть не только материк или полуостров, но и остров больших размеров в сравнении с тем, на котором они жили сами. Так, например, один из Четырехсопочных островов, по свидетельству И. Е. Вениаминова, алеуты называли '*Танамъ ангуна*' или '*танамъ ангунак'ѳ*' — «большая земля» в сравнении его с тремя соседними³³. Совершенно очевидно, что нарицательное именование Аляски «большой землей» не относилось к ее географическому, т. е. собственному, названию *Алах'сах'* (*Алах'сх'а/Алах'сх'ах'*), а употреблялось как русскими, так и алеутами для обозначения размера земли, видимой со стороны островов. Известно, что современные жители островов, полуостровов или даже отдаленных окраин материка центральную часть своей страны также называют «большой землей». Так, жители Чукотки, Камчатки и других районов Севера «большой землей» называют центральную часть России, однако это не значит, что собственное имя Россия этимологизируется как «большая земля».

Таким образом, этимология алеутского названия *Алах'сах'* (*алах'сх'а/алах'сх'ах'*) со значением «китовое место», «китовое изобилие», от которого через русскую адаптацию, а затем и транскрипцию образовалось название Аляска, представляется наиболее вероятной. Возведение этого названия к значениям «большая земля», «континент» «материк», как показано выше, не имеет лингвистического обоснования поскольку алеутская основа *ала(х')* и производное от нее слов *алах'сах'* не содержит лексического значения «большая земля».

³³ Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела, с. 109—111.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Т. А. Михайлова

НЕДУГ УЛАДОВ — ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ирландский героический эпос, будучи как хронологически, так и стадияльно древнейшим среди известных нам памятников западноевропейской эпической словесности, представляет несомненный интерес не только для филолога, но и для историка и этнографа, занимающихся древними социальными институтами, религиозными представлениями, и обрядами. В составляющих его основу мотивах и образах ясно просматриваются реликты древнекельтского мифологического субстрата, своеобразно трансформированного по законам героической эпикки; задача исследователя в данном случае состоит в том, чтобы увидеть и понять, какой именно элемент мифологических представлений древних кельтов стоит за тем или иным эпическим сюжетом и каким образом он воплотился в данную форму, какие изменения произошли с ним в ходе возникновения и дальнейшего развития ирландского эпоса.

В этой статье мы попытаемся проанализировать происхождение одного из мотивов, проходящего через все саги уладского цикла, — мотива странной болезни, недуга, которому подвержены все мужчины-улады.

Знаменитый герой ирландцев Кухулин погибает, сражаясь в одиночку против целого войска; это вызвано тем, что все остальные воины племени, пораженные некоей странной магической болезнью, не в силах сражаться. Эта же странная болезнь упоминается и в самой известной саге ирландского эпоса — «Похищение быка из Куальнге». Враги уладов, которые хотят похитить чудесного быка, выбирают для нападения на Ульстер именно тот момент, когда все взрослые мужчины не способны воевать, и лишь Кухулин, в силу своего божественного происхождения, не подвержен этому недугу.

Что же это за странная болезнь? Каково ее происхождение? Возникновение этого необычного недуга описано в небольшой, но очень важной для понимания всего ирландского героического эпоса саге, носящей соответствующее название — «Недуг уладов». Сага эта была записана впервые, видимо, в IX—X в., но возникновение самого сюжета, несомненно, восходит к гораздо более древнему периоду формирования ирландцев как этнической общности и зарождения их героического эпоса; поскольку ирландские средневековые хроники, относя смерть Кухулина ко 2 г. н. э.¹, события, описываемые в саге, должны были происходить в I в. до н. э.

Основное содержание саги сводится к следующему.

К крестьянину Крунху в дом неожиданно приходит сида, женщина-фея, по имени Маха и становится его женой, взяв при этом с него обещание не говорить никому об их браке. Проходит время, Маха должна уже скоро родить. Крунху отправляется на праздник и там, глядя на состязания колесниц, забывает о данном им обещании и говорит, что его жена бежит быстрее белых королевских коней. Король требует не-

¹ См. *Анналы Тигернаха* (XI в.) в издании: *Revue Celtique*, 1895, v. 16, p. 407.

медленного подтверждения этого; Маху, несмотря на ее состояние, заставляя бежать, она побеждает коней, но затем падает и умирает, произведя на свет близнецов — мальчика и девочку, в честь которых затем была названа столица уладов — Эмайн Маха (буквально: «близнецы Махи»). Умирая, она произносит проклятие: «Это пятно позора навсегда останется на вас за то, что вы подвергли стыду мою честь. Всякий раз, как вашему народу придется тяжко, на всех вас, сколько ни есть вас в королевстве, будет нападать болезнь, подобная родовым мукам»².

В примечании к переводу саги А. А. Смирнов пишет, что «...постигающий уладов странный недуг... несомненно, является отражением какого-то древнего магического обряда»³. К такому же выводу приходит при анализе саги и известный исследователь кельтской мифологии и фольклора Ян де Фриз: «Легенда представляет собой эхо какого-то древнего обычая, давно минувшего»⁴.

Нам представляется несомненным, что этот «древний магический обряд» — кувада, один из наиболее распространенных обычаев, связанный с поведением отца при рождении ребенка.

Словом «кувада» (от французского глагола *couver*, что значит «вынашивать», «высиживать», «опекать») в этнографии обозначается ряд норм и правил поведения отца ребенка в период до, во время или после родов. Следуя этому обычаю, отец на определенное время должен был воздерживаться от действий, которые якобы могут принести вред новорожденному — тяжелой работы, переправы через реки, ношения тугих повязок на теле и пр. Нередко при родах жены муж сам ложился в постель, изображая родовые муки, стонал, иногда даже переодевался в женское платье. Порой ему приходилось подвергаться строгой диете, в отдельных областях длящейся более полугода (например, у карибов — индейского населения Вест-Индских островов), и тяжелым физическим испытаниям. Что же касается самой роженицы, то после родов она должна была вести себя так, будто с ней самой ничего не произошло: заниматься обычными хозяйственными делами и часто еще и ухаживать за лежащим в постели мужем.

Обычай кувады очень интересен тем, что он распространен почти у всех народов, во всех частях света, однако до сих пор он до конца не объяснен. Этот странный обычай упоминается еще античными авторами — Диодором Сицилийским, Страбоном, Аполлонием Родосским; он подробно описан в вышедшем в 1784 г. труде М. Добрицхоффера «История абипонов»; в наши дни ученые располагают обширным материалом о формах, которые принимает обычай кувады у разных народов. Но в какие бы правила и нормы поведения ни воплощался этот обычай, неизменной всегда остается основная его черта: все они относятся не к матери, а к отцу ребенка, именно отец несет ответственность за его благополучие, именно его действия направлены на сохранение новорожденного.

Таким образом, мы можем сказать, что имеем дело в данном случае с обычаем сугубо индивидуальным, поскольку он распространяется не на все племя, а лишь на отца ребенка.

Кроме того, обычай этот акционален, так как совершается только в связи с рождением ребенка.

Все разнообразные действия, совершаемые отцом ребенка, якобы направлены всегда на то, чтобы облегчить роды его жене и, главное, сохранить новорожденному жизнь и здоровье. Таким образом, ясно видна присущая куваде во всех ее формах неременная направленность на благо.

И наконец, подобно другим обычаям кувада, хотя и считается неременным условием благополучия матери и новорожденного, совершается

² Цит. по: Ирландские саги. М.: Academia, 1933, с. 80.

³ Там же, с. 76.

⁴ De Vries J. La religion des Celtes. Paris, 1977, p. 147.

отцом ребенка в физическом смысле добровольно, как результат его осознанной деятельности. Он ложится в постель и стонет не потому, что действительно испытывает родовые муки, а потому, что считает для себя необходимым изображать их, потому, что так делали его предки.

Безусловно, говорить о добровольности кувады, как и о добровольности древнего обряда вообще, не совсем точно. Первобытный человек не был свободен в своем поведении. Он искренне верил в то, что выполнение определенных ритуальных действий есть неперемное условие сохранения благополучия как его самого и его семьи, так и племени в целом. Кроме того, находясь в постоянном контакте со своими соплеменниками, он должен был усвоить определенные нормы поведения и строго придерживаться их, чтобы не оказаться вне данного социума. Называя куваду «добровольной», мы имеем в виду лишь ее чисто физическую добровольность, лишь то, что в данном случае имеет место ритуальная имитация родовых мук, пусть и воспринимаемая как необходимость, а не реальное их ощущение.

Не пытаясь в данной статье дать объяснение происхождения самого обычая, что до сих пор является предметом дискуссий, постараемся показать, как кувада отразилась в ирландском эпосе, как трансформировались основные ее черты в ходе его развития.

В результате проклятия Махи те же самые действия — имитация мужчиной родовых мук — приобретают совершенно другой смысл и имеют уже другой характер. Из индивидуальных они становятся коллективными; так как распространяются на всех мужчин племени. В ходе дальнейшего развития эпической традиции «недуг» начинает носить уже не окказиональный характер, а календарный. Кроме того, то, что в момент нападения врагов воины племени теряют свою силу и не могут сражаться, безусловно, приносит племени вред, а не благо. И наконец, здесь речь идет уже не о добровольной имитации родовых мук, а о действительном их ощущении независимо от воли самих уладов, что позволило В. Р. Даусону назвать это «насильственной кувадой» (*enforced couvade*)⁵.

Попытаемся, остановившись последовательно на трансформации основных черт кувады в ирландском эпосе, показать истоки этой трансформации, а также место недуга в системе мотивов сага.

Как мы уже говорили, из индивидуального обычая становится коллективным; действительно, муж Махи, Крунху, непосредственный отец близнецов, как бы отступает на второй план. «Когда собравшиеся мужчины услышали крик этой женщины, они почувствовали, что силы в них не больше, чем в женщине, рожающей ребенка»⁶, — говорится в саге, т. е. нормы поведения, приписываемые в традиционных проявлениях кувады отцу ребенка, в данном случае распространяются на всех мужчин племени. Чем это вызвано?

Как нам кажется, это может найти свое объяснение, если мы обратим внимание на то, что Маха рожает не просто ребенка и даже не просто близнецов, что у кельтов было символом изобилия и всегда приветствовалось (в отличие от некоторых других народов, где рождение близнецов считалось следствием супружеской измены). Как уже говорилось, близнецы в саге дают имя главному городу уладов — символу их чести и независимости⁷. Таким образом, рождение близнецов в саге придает ей некоторый мифологический характер. Маха производит на свет сам город, тем самым как бы оформляя всех уладов в племя, при этом она сама, видимо, начинает носить функции богини-матери, прародительницы. Это подтверждается еще и тем, что Маха соревнуется в

⁵ Dawson W. R. *The Custom of Couvade*. Manchester, 1929, p. 6.

⁶ Ирландские саги, с. 80.

⁷ Характерно, что сага о смерти Кухулина кончается тем, что уладам предстает чудесное явление: «Колесница Кухулина в воздухе, над Эмайн-Махой, и, стоя в ней, Кухулин, мертвый, пел:

О, Эмайн-Маха, о, Эмайн-Маха!

Великое, величайшее сокровище!» (Там же, с. 223).

беге с белыми конями короля, что ставит ее как бы в один ряд с ними, сообщает ей лошадиную ипостась. Известно, что древнекельтская богиня «магна-матер» осознавалась одновременно женщиной и лошадью и изображалась в виде женщины, сидящей верхом на лошади. В Галлии она носила имя Эпона, поэтому подобные изображения принято называть «эпоническими». На это обращал внимание и известный исследователь кельтского эпоса Жан Маркаль. Он пишет, что «существует странная связь между той ролью которую исполняет Маха, соревнуясь в беге с конями, и тем, что она рождает затем прямо у ног этих коней»⁸.

Таким образом, Маха в саге предстает и как коллективная мать всех уладов, мать их столицы, и одновременно их общая жена. Тем самым рождение близнецов символизирует рождение и самого города, Эмайн-Махи, за который несут ответственность все члены племени, все мужчины. И поэтому система правил, согласно кувате предписываемая лишь одному отцу ребенка, в данной ситуации, естественно, должна распространяться на всех мужчин племени, а следовательно, и на всех отцов Эмайн-Махи.

Согласно проклятию Махи, странный недуг должен был охватывать уладов каждый раз, как им приходилось отражать нападение врагов. Однако с течением времени в ходе дальнейшего развития эпической традиции причина и следствие здесь как бы меняются местами. Уже не нападение врагов вызывает приступ недуга, а напротив, враги уладов выбирают этот момент для нападения. Таким образом, окказиональное состояние трансформируется в календарное. Если судить по «Похищению быка из Куальнге», это оказывается приуроченным к Самхену, 1 ноября, считавшемуся у кельтов днем Нового года и отмечавшемуся наиболее торжественно. Тем самым этот праздник для уладов становится еще и днем рождения Эмайн-Махи. Интересно, что срок, определенный Махой, «пять дней и четыре ночи или пять ночей и четыре дня» постепенно забывается сказителем и в «Похищении» Кухулин отражает нападение ирландцев уже «с Самайна до Бельтина», т. е. с 1 ноября до 1 мая.

В сцене родов Махи сосуществуют одновременно два разных, в чем-то даже противоположных друг другу аспекта: рождение близнецов и смерть самой Махи, причем смерть почти прямо насильственная, поскольку вызвана она требованием бежать, несмотря на ее состояние. И если при трансформации индивидуальности и окказиональности куваты для нас в первую очередь был важен первый аспект, то в переходе к действиям вынужденным и приносящим вред явно большую роль играет второй аспект. Обратим внимание и на то, что Маха — это не просто женщина, а сида, т. е. женщина неземная, происходящая из чудесного племени богини Даны (Туата де Даннан), кроме того, как мы уже говорили, в саге она как бы выполняет функции богини-матери. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с мотивом оскорбления божества и нанесения ему ущерба, и родовые муки, которые испытывают улады каждый год, есть не что иное, как месть оскорбленной богини, что, впрочем, ясно и из самого текста саги. Интересно, что у скифов, по свидетельству Геродота, существует сходная легенда, согласно которой оскорбленная богиня высылает на всех мужчин племени «болезнь женщины», возможно, и здесь идет речь о родовых муках⁹.

Остается выяснить, почему месть Махи выглядит именно так, почему она принимает форму куваты. По этому поводу существует мнение, что «...кувада, которая ранее практиковалась у коренного населения Ирландии, должна была своей необычностью удивить и насмешить кельтов»¹⁰. К такому же выводу приходит и Смирнов: «Весьма вероятно, что он (обычай куваты) существовал у первобытного населения

⁸ Markale J. L'Épopée Celtique d'Irlande. Paris, 1971, p. 59.

⁹ См.: Vendryès J. La Couvade chez les Scythes.— In: Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions, 1934, p. 329—339.

¹⁰ Ibidem, p. 336.

Британских островов и что кельты, застав его там, если не переняли, то своеобразно осмыслили его в своих сказаниях»¹¹.

Полностью согласиться с этим, как мне кажется, довольно трудно, так как известно, что обычай кувады был широко распространен и в Европе (его отголоски и сейчас еще сохранились у басков). Знали куваду и древние греки, и фракийцы, и скандинавские племена. Обычай отца ложиться в постель и имитировать родовые муки отмечал Страбон и у кельтов Испании. Таким образом, ирландские племена не могли не знать об этом обычае. Более того, своеобразные отголоски кувады существовали на Британских островах вплоть до недавнего времени. Так, например, на северо-востоке Шотландии существовала примета, что если в первое утро после свадьбы муж проснется первым, именно он будет испытывать муки во время рождения первого ребенка¹². В Ирландии считалось, что повивальная бабка при помощи особого колдовства может облегчить муки роженицы, частично перенеся их на ее мужа¹³. Но при этом ясно, что уже ко времени складывания ирландского эпоса этот обычай в чистом виде не сохранился и в основном остался в национальной памяти скорее в отрицательном значении, как странное, ничем не обоснованное поведение, недостойное мужчины, которое может быть объяснено лишь проклятием божества.

Подобная оценка и «переоценка» кувады встречается и в других памятниках западноевропейского эпоса. Так, например, в «Старшей Эдде», в песне «Перебранка Локи», Один в ответ на упреки Локи говорит:

Беды нет великой,
Коль женщина делит
Ложе с мужчиной.
Хуже, что ас
Женовидный, рожавший,
На пир наш пришел.¹⁴

Видимо, с этим же явлением мы сталкиваемся и в эпизоде из романа «Окассен и Николлет», когда Окассен попадает в страну, король которой собирается родить ребенка, в то время как его жена ушла на войну. Об отношении к реликту кувады в данном случае можно ясно судить по реакции героя: «— Черт побери! — вскричал Окассен. — Жалкий ублюдок! Я убью вас, если вы не поклянетесь мне, что больше никогда ни один мужчина не будет рожать детей в вашей стране»¹⁵.

Переоценка, трансформация и приобретение вторичных мотиваций обряда в фольклоре более позднего времени — явление очень распространенное, проявляющееся часто настолько сложно, неоднозначно и многоступенчато, что те или иные мифологические представления уже просматриваются в сюжете с заметным трудом. В настоящей статье мы попытались показать, какие именно трансформации претерпел обычай кувады в ирландском героическом эпосе, преобразившись в сюжетный мотив странного недуга, истинные корни которого, наверное, были уже неизвестны ни самим исполнителям древних преданий, ни их слушателям.

¹¹ Ирландские саги, с. 335.

¹² Rorie D. Scottish Folk Medicine.— Caledonian medical Journal, 1926, v. XIII, p. 91.

¹³ Mooney J. The medical mythology of Ireland.— Proceedings of the American Philological Society, 1923, v. XXIV, p. 146.

¹⁴ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: БВЛ, 1975, с. 230.

¹⁵ Средневековый роман и повесть. М.: БВЛ, 1974, с. 251.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АН ГРУЗИНСКОЙ ССР

ГЕОРГИЯ СПИРИДОНОВИЧА ЧИТАЯ

(К 90-летию со дня рождения)

- Рад. на кн.: *Max Tilke*. Orientalische Kostüme in Schnitt und Farbe (Verlag Ernst Wasmuth A.—G. Berlin, 1923).— Чвени мецниереба, 1924, № 2, с. 134—136 (на груз. яз.).
- Археологические раскопки в Земо-Авчала.— Мецниереба да техника, 1925, № 3, с. 10—11 (на груз. яз.).
- Этнологические заметки. 1. Сванский сакурцхил.— Вестник музея Грузии, 1925, т. II, с. 87—110 (на груз. яз.).
- Рец. на кн.: *М. Церетели*. Страна хеттов, ее народы, языки, история и культура (Константинополь, 1924).— Цигнис мегобари, 1925, № 1—2, с. 162—167 (на груз. яз.).
- Рец. на кн.: *O. G. von Wesendonk*. Über georgisches Heidentum. Verlag der «Asia Major», Leipzig, 1924.— Чвени мецниереба, 1925, № 3—4, с. 181—185 (на русск. яз.).
- Крестьянский дом в Кваблиани (дарбазный тип).— Мимомхилведи, 1926, т. I, с. 137—156 (на груз. яз.).
- Грузинская этнология (1917—1926 гг.).— Там же, с. 247—261 (на груз. яз.).
- Надгробные камни Питарети и Гударехи.— Вестник музея Грузии, 1927, т. III, с. 109—128 (на груз. яз., резюме на нем. яз.).
- Рец. на Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махач-Кала, 1926, в 47.— Там же, с. 245—247.
- Из этнографического путешествия в Агбулагский район.— Там же, 1928, т. IV, с. 203—234 (на груз. яз., резюме на нем. яз.).
- Материалы по истории пахотных орудий Грузии.— Там же, 1930, т. V, с. 269—286 (на груз. яз.).
- Хевсурский сацерули.— Там же, с. 293—299 (на груз. яз.).
- Составление серии открыток на тему: Народы Кавказа в национальных костюмах. Художник М. Тильке. М.: Гознак, 1936, I—XXXVI.
- The Svanian sakurtskhil.— Georgica (A Journal of Georgian and Caucasian Studies). London, 1936, v. 1, № 1, p. 89—100.
- Рачинское пахотное орудие.— Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры. Тбилиси: Изд-во Груз. филиала АН СССР, 1937, т. 1, с. 247—294 (на груз. яз., резюме на франц. яз.).
- Имеретинская экспедиция (Багдадский район). Отчеты этнографической экспедиции 1937 г.— Там же, т. II, в. 3, с. 334—342.
- Грузинский народный орнамент. Хевсурский орнамент. Тбилиси: Изд-во Груз. филиала АН СССР, 1939, 130 с., XXXIV табл. (Введение на груз., русск. и франц. яз.); (в соавторстве с В. Бардавелидзе).
- Аджарский деревянный замок.— Вестник Гос. музея Грузии, 1940, т. X—B, с. 307—326 (на груз. яз.).
- Ксанское горное пахотное орудие.— Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры. Тбилиси, 1940, т. V—VI, с. 479—508 (на груз. яз., резюме на русск. и франц. яз.).
- Этнография Грузии за советский период.— Сов. этнография, 1940, № 3, с. 207—213.
- Этнографические параллели. 1. Грузинская обувь с «носом».— Сообщения Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940, т. 1, № 4, с. 309—316 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Мотив «древо жизни» в лазском орнаменте.— Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры. Тбилиси, 1941, т. X, с. 303—322 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

- Краткий отчет о работе Тианетской этнографической экспедиции.— Там же, 1941, т. XI, с. 57—66 (на груз. яз.).
- Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в ущельях Малой Лиахви и Меджуды.— Там же, с. 49—56 (на груз. яз.).
- Овальная подошва рачинского пахотного орудия.— Тр. Тбилисс. гос. ун-та, 1941, т. 18, с. 185—196 (на груз. яз., резюме на русск. и нем. яз.).
- Вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий.— Сообщ. АН ГССР, Тбилиси, 1941, т. II. Сообщение первое: № 3, с. 293—299; сообщение второе: № 4, с. 373—378 (на груз. яз., резюме на нем. яз.).
- Краткий отчет о Лечхумской экспедиции. Вестник Гос. музея Грузии, 1944, т. XII-B, с. 259—268 (на груз. яз.).
- Цивилизация шумеров (вопросы истории, культуры).— Литература да хеловнеба, 1947, 23 ноября, с. 2 (на груз. яз.).
- Сене [кладовая хевсурского дома].— Аналеби.— Тр. Ин-та истории АН ГССР, Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1947, т. I, с. 145—162.
- Этнографические исследования в Грузинской ССР.— Сов. этнография, 1948, № 4, с. 176—188.
- Академик С. Н. Джанашиа и проблема происхождения грузинского народа.— Мимомхилвели, 1949, т. I, с. 1—13 (на груз. яз.).
- Предварительный отчет о Картлийской этнографической экспедиции 1948 г.— Там же, с. 361—388 (на груз. яз.).
- Новый быт в колхозе им. К. Н. Чарквиани с. Тортиза Горийского района.— Там же, 1951, т. II, с. 349—368 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); (в соавторстве с М. Гешидзе и И. Чкония).
- Грузинская торня.— Там же, с. 368—385 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Грузинская советская этнография за годы послевоенной Сталинской пятилетки.— Сов. этнография, 1952, № 3, с. 181—186.
- Грузины.— Большая Советская Энциклопедия, М., 1952, т. 13, с. 107—109.
- Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии.— В кн.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1952, с. 99—111; табл. (1 л.).
- Тип поселения в Мтиулетн.— Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1953, в. 6, с. 201—216 (на груз. яз.).
- Лазы.— Большая Советская Энциклопедия, М., 1954, т. 24, с. 229.
- Этнонимические народные предания.— Тр. Ин-та истории АН ГССР, 1955, т. I, с. 387—394 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- О задачах кавказской советской этнографии.— Там же, с. 375—385.
- Заметки по вопросам общей этнографии. I. Понятие «культура».— Материалы по этнографии Грузии, 1955, в. VII, с. 75—83 (на груз. яз.).
- Этнографическая выставка Грузии.— Сов. этнография, 1956, № 2, с. 106—110.
- Мтиульский киборджи.— Материалы по этнографии Грузии, 1957, в. IX, с. 35—42 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Некоторые итоги полевой работы в Грузии за 1954 г.— Там же, с. 211—222.
- Принципы и методы полевой этнографической работы.— Сов. этнография, 1957, № 4, с. 24—30.
- Хевсуры.— Большая Советская Энциклопедия, М., 1957, т. 46, с. 107.
- Nackbau in westlichen Georgien (Kolchis).— Agrarethnographie. Berlin, 1957, B. 13, S. 82—99 (Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Volkskunde).
- Грузинская советская историческая наука к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— Тр. Ин-та истории АН ГССР, 1958, т. III, с. 7—43 (на груз. яз.); (в соавторстве с А. Апакидзе и Э. Хоштариа).
- Мотыжная культура в Западной Грузии (в Колхети).— Там же, 1959, т. IV, в. 2, с. 147—162 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Грузинский этнографический атлас (цель, принципы и методы).— Вестник Отд. обществ. наук АН ГССР, 1960, № 1, с. 207—216 (на груз. яз.).
- Горное земледелие на Кавказе (предварительное сообщение).— Материалы по этнографии Грузии, 1960, в. XI, с. 53—64 (на русск. яз.).
- Некоторые итоги экспедиционной работы 1957 г. Отдела этнографии Ин-та истории АН ГССР.— Там же, с. 189—196.
- Пахотные орудия и системы земледелия в Грузии. М.: Изд-во АН ГССР, 1960, 18 с. [Доклад на XXV Междунар. конгрессе востоковедов]; переведен на нем. яз.

- Hegyi földművelés a Kaukázusban.— В кн.: Műveltség és Hagomány.— Studia ethnologica Hungariae et centralis ac orientalis Europae. Tankönyvkiado, Budapest, t. 1—2, 1960, s. 313—329 (на венг. яз., резюме на нем. яз.).
- Sur l'agriculture de montagne en Géorgie. Communications de la délégation soviétique au VIe Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. M., 1960, 14 S.
- Народы Грузинской ССР. Поселения и жилища.— В кн.: Народы Кавказа (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. 2, с. 281—296.
- Цель, принципы и методы составления Кавказского этнографического атласа.— Тр. Ин-та истории АН ГССР. Тбилиси, 1962, т. VI, в. 2, с. 5—14.
- Научная деятельность Тедо Сахокия.— В кн.: Тедо Сахокия. Тбилиси, 1964, с. 3—24 (на груз. яз.).
- Из истории виноградарства и виноделия в Грузии (старинные легенды).— В кн.: Хозяйственный быт и материальная культура грузинского народа. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1964, с. 121—133 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- О некоторых чертах древнеколхской культуры. М.: Наука, 1964, 9 с. [Доклад на VII Междунар. конгрессе антрополог. и этнограф. наук. Москва, август, 1964 г.].
- VII Всемирный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 1964, 3—10 августа).— Мацне, 1965, № 2, с. 212—233 (на груз. яз.).
- О некоторых основных чертах древнеколхской культуры.— В кн.: Europa et Hungaria. Congressus Ethnographicus in Hungaria. (16—20 X, 1963, Budapest). Akadémiai Kiadó, Budapest, 1965, s. 375—389.
- Евфимий Такаишвили и грузинская этнография.— В кн.: Академик Евфимий Такаишвили. Тбилиси, 1966, с. 131—138.
- Акакий Шанидзе (к 80-летию со дня рождения).— Мацне, 1967, № 6, с. 394—400 (на груз. яз.).
- Лазский орнамент.— Дзеглис мегобари. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1967, № 12, с. 71—79 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Этнография Грузии к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.— В сб.: Исторические записки. Тбилиси, в. I, 1968, с. 71—92 (на груз. яз.).
- Бытовые реалии в «Витязе в тигровой шкуре».— В сб.: Шота Руставели. Тбилиси: Мецниереба, 1968, с. 89—98 (на груз. яз.).
- О грузинской народной земледельческой системе.— Тр. Ин-та экономики и права, посвящ. члену-корр. АН ГССР проф. П. В. Гугушвили к 60-летию со дня рождения и 40-летию педагогической и общественной деятельности. Тбилиси: Мецниереба, 1968, т. 15, с. 251—259 (на груз. яз.).
- Древнейшие легенды о происхождении культуры виноградной лозы.— Дзеглис мегобари, 1968, № 16, с. 9—11 (на груз. яз.).
- Древнейшие жатвенные орудия и их роль в развитии земледелия. [Доклад на VIII Междунар. конгрессе антрополог. и этнограф. наук. Токио, сент. 1968]. М., 1968, 11 с. (на англ. яз.).
- Колхидское жатвенное орудие «шнакви».— В сб.: Восточная философия. Тбилиси, 1969, с. 15—20 (на груз. яз.).
- Гелази [О маслوبيном круге, существовавшем в Грузии].— Дзеглис мегобари, 1970, № 20, с. 19—21 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Этнографические параллели. Сила и лага [термины единиц измерения в Западной и Восточной Грузии].— Материалы по этнографии Грузии, 1970, в. XV, с. 69—73 (на груз. яз.).
- Основные принципы устройства музея под открытым небом в г. Тбилиси.— Дзеглис мегобари, 1971, № 25, с. 40—51 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Ив. Джавахишвили и вопросы этногенеза грузин. Сборник к 100-летию со дня рождения Ив. Джавахишвили. Тбилиси, 1977, с. 20—28 (на груз. яз.).
- Грузинское ярмо.— Материалы по этнографии Грузии, 1978, в. XIX, с. 45—49 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Принципы и методы организации музея под открытым небом.— Дзеглис мегобари, 1978, № 48, с. 10—16 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Этнография.— Грузинская советская энциклопедия, 1979, т. 4, с. 54—58 (на груз. яз.). В кн.: Историко-этнографический атлас Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1980 разделы: Введение, с. 3—13 и Шнакви, с. 74—77 (на груз. яз.).
- Die ältesten Erntegeräte und ihr Einfluß auf die Entwicklung des Ackerbaus.— Georgica-Iena — Tbilissi, 1980, S. 55—59.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ «XXVI СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР»

XXVI съезд КПСС уделил большое внимание проблемам, связанным с развитием наций и национальных отношений в СССР¹. Для обсуждения задач, вытекающих из решений съезда, 25—30 мая 1981 г. в Баку собрались этносоциологи и специалисты других общественных наук, работающие по смежным проблемам. Сессия была организована Советом по социологическим исследованиям при ЦК КП Азербайджана и Секцией этнической социологии Советской социологической ассоциации при содействии Научного совета по национальным проблемам при Президиуме АН СССР во главе с акад. Ю. В. Бромлеем.

Работа сессии освещалась центральными и республиканскими средствами массовой информации. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиев принял ведущих ученых — участников сессии. Внимание, которое проявил к работе сессии ЦК Компартии Азербайджана, повысило авторитетность данного научного форума. На сессии с вступительным словом выступил секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Гасанов. Он остановился на значении научного осмысления проблем национальных отношений и от имени первого секретаря ЦК КП Азербайджана передал участникам совещания пожелания успешной работы.

Первое заседание сессии было посвящено теоретическим и методологическим проблемам изучения национальных отношений.

С докладом «XXVI съезд КПСС о национальных отношениях в СССР и задачах изучения национальных и интернациональных процессов» выступил заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КП Азербайджана А. Ф. Дашдамиров. XXVI съезд КПСС, отметил он, поставил задачу дальнейшего приближения научно-теоретических разработок к практическим задачам социального управления. Важнейшая задача исследователей, сказал он, состоит в том, чтобы предвидеть социальные последствия процесса интернационализации, проявляющиеся в структуре национальных отношений и образе жизни, в изменении форм межличностного общения, а также материальных и духовных потребностей. Остановившись на структуре национальных отношений, А. Ф. Дашдамиров подчеркнул, что в условиях развитого социализма общение между трудящимися различных республик и различных национальностей внутри республик становится все более активным фактором развития экономики и культуры. Учет исторических особенностей развития нации позволяет найти путь решения общих интернациональных задач в специфических условиях жизни республик и народов.

Ю. В. Бромлей (Москва) в докладе «Некоторые теоретические проблемы изучения этноса» коснулся прежде всего концептуальных вопросов соотношения социального и этнического в национальном и остановился на соотношении понятий «нация» и «этнос». Докладчик обратил внимание на то, что многие конкретные вопросы, исследуемые этносоциологами, пока не нашли достаточно широкого теоретического осмысления; в то же время многие теоретические разработки философов и этнографов оторваны от реальной исследовательской практики.

В ходе обсуждения основных докладов заметно было возросшее стремление преодолеть этот разрыв. Так, М. В. Иордан (Москва) и Н. Р. Маликова (Баку) подчеркнули, что многие тенденции развития национальной жизни можно понять, исходя из принципа целостности этноса как системы.

Выступления в дискуссии по основным докладам показали значительно расширившийся диапазон тематики исследований. Это повысило информационную ценность конференции, хотя затрудняло порой проведение единой линии в дискуссии.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Изд-во политической лит-ры, 1981, с. 54—57 и др.

Н. А. Томилов (Омск) остановился на вопросах методологии и источниковедения исторической этносоциологии — направления, о необходимости развития которого уже давно говорится в научных кругах.

Проблематика конференции по традиции охватывала основные направления этносоциологических исследований: этносоциальная структура и демографические проблемы; национальная психология и межличностные национальные отношения; язык и культура; методика и проблемы источниковедения этносоциологических исследований. С докладами по специальным проблемам этносоциологии выступили Ю. В. Арутюнян, Л. А. Гордон, М. Н. Губогло, А. Ф. Дашдамиров, Л. М. Дробижева, И. С. Кон, А. Ф. Кочарли, В. И. Переведенцев.

В большинстве выступлений отмечалась возросшая роль национального момента в современном обществе в последние десятилетия. В. И. Пароль (Таллин) подчеркнул, что тенденции к углубленному изучению национальной специфики социальных процессов, межнациональных отношений в советском обществе связана с осознанием того факта, что развитый социализм — это «необходимый, закономерный и исторически длительный период в становлении коммунистической формации»², и поэтому стирание национальных различий в сфере социальных отношений также процесс длительный. И. К. Апине (Рига), К. С. Халлик (Таллин) высказали мнение, что возрастание социальной активности в сочетании с увеличением многонациональности городов не обязательно приводит к стиранию этнических различий; в ряде случаев эти факторы могут способствовать интенсификации национального самосознания. С попыткой теоретического анализа механизма взаимодействия общего и национально-особенного в советском образе жизни выступил В. Г. Бабак (Москва). В докладе А. Ф. Кочарли (Баку) содержалась информация об основных направлениях современных философских и социологических исследований в Азербайджанской ССР.

В решениях XXVI съезда КПСС значительное место было уделено региональным аспектам размещения производительных сил и встающим в связи с этим проблемам трудовой мобильности населения коренных национальностей ряда союзных и автономных республик. В той или иной степени эти проблемы были затронуты во всех докладах, а в некоторых заняли центральное место.

Доклад Ю. В. Арутюняна (Москва) «Этносоциология: проблемы и направления исследований» был посвящен главным образом анализу роли этнических факторов в социальном развитии и значению социальных процессов для этнических изменений. Докладчик, в частности, отметил, что различия в поселенческой структуре наций и в их социально-профессиональном составе в значительной степени определяют сохранность тех или иных элементов традиционной культуры и влияют на тенденции развития национального самосознания. Воздействие социального на этническое может порождать ряд проблем. Так, введение всеобщего среднего образования и повысившиеся в связи с этим социальные ожидания молодежи, при сохранении общественной потребности в неквалифицированном труде, особенно сильной в республиках с высокой долей сельскохозяйственного производства, требуют определенного социального регулирования с учетом национальных моментов. В свою очередь этнические традиции влияют на социальные изменения.

В докладе Л. А. Гордона (Москва) «Интернациональные черты в развитии рабочего класса» было показано, что во всех республиках увеличивается доля рабочего класса в населении и растет его многонациональность. Различия между республиками в настоящее время проявляются не столько в доле рабочего класса, сколько в доле представителей основной коренной национальности в его составе. Данные различия особенно заметны при сравнении социально-профессионального состава разных национальных групп рабочего класса. В значительной степени это связано с трудовыми традициями населения различных регионов.

К вопросам социальной структуры наций тесно примыкают этнодемографические проблемы, остро поставленные на XXVI съезде КПСС. Не случайно поэтому живейший интерес вызвал доклад В. И. Переведенцева «Этнические аспекты демографических процессов». Охарактеризовав демографическую ситуацию в стране, докладчик отметил, что в ближайшее время неизбежно сократится уровень естественного прироста в республиках Средней Азии, что уже произошло в Азербайджане, Армении и в ряде других республик. Однако, по мнению В. И. Переведенцева, этот процесс требует социального регулирования для поддержания оптимального режима воспроизводства.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 78.

Эффективное использование трудовых ресурсов связано не с их перемещением в центральные районы, а с развитием производительных сил на местах. Для этого необходимо дифференцировать политику по отношению к миграции по регионам, способствуя адаптации сельской молодежи в городах республик с повышенным уровнем естественного прироста. К таким мерам, по мнению докладчика, должны относиться: улучшение преподавания русского языка в средних школах, организация обучения «городским» профессиям на селе, создание сети небольших промышленных предприятий на селе.

Многие выступавшие поддерживали основные положения докладчика и раскрыли другие аспекты этнодемографической ситуации в стране. Однако в целом обсуждение докладов показало, что исследователи на местах не уделяют должного внимания трудовой мобильности коренного населения; специально этому вопросу было посвящено лишь одно выступление. Х. В. Дзугев (Орджоникидзе), присоединяясь к мнению докладчиков, отметил, что размещение промышленных предприятий в трудоизбыточных регионах создает условия для постепенной адаптации сельских жителей коренных национальностей к условиям индустриального производства и позволит в дальнейшем увеличить межрегиональную миграционную подвижность населения трудоизбыточных республик. При этом важно учитывать не только местные природные ресурсы, но и особенности традиционных занятий и бытового уклада населения.

Роли рабочего класса в процессах интернационализации образа жизни был посвящен доклад К. П. Катушова (Элиста).

Некоторые социально-этнические проблемы, связанные с увеличением доли лиц пожилого возраста, рассмотрел В. И. Козлов (Москва). Он подчеркнул, в частности, необходимость изучения их роли в передаче положительных и отрицательных этнических традиций, а также социального статуса пожилых людей у различных народов.

Одна из самых актуальных и в то же время мало разработанных сфер науки — этнические особенности психологии личности. Понятен поэтому интерес, вызванный докладом А. Ф. Дашдамирова «Некоторые методологические проблемы изучения национальной психологии», в котором анализировалась структура этнопсихологических явлений и намечались основные пути их конкретного изучения. А. Ф. Дашдамиров признает объективность существования психологических особенностей этноса и видит корни их возникновения в исторических и социально-экономических, а иногда и природных условиях формирования этноса. По мнению докладчика, нецелесообразно вести изучение культуры и самосознания этноса только как этнодифференцирующих факторов, следует учитывать и их этноинтегрирующую роль. Поэтому актуальной задачей является исследование механизма закрепления особенностей национальной психологии. В докладе рассмотрено также соотношение понятий «психический склад нации», «национальный характер», «национальное сознание», «национальное самосознание».

В докладе Л. М. Дробизевой (Москва), посвященном оптимизации условий развития дружественных межличностных национальных отношений в СССР, были выделены проблемы, недостаточно изученные в этносоциологии. Среди них — взаимодействие межэтнических отношений и этнического самосознания; влияние межэтнических отношений на этнокультурные процессы и этническое самосознание; взаимосвязь различных форм проявления межэтнических отношений, в частности отношений в производственной и семейной сфере. Развивая эту тему в своем выступлении, И. Р. Лоов (Грозный) на материалах сонометрических тестов, проведенных в многонациональных производственных коллективах, показал, что даже самые благоприятные установки на межнациональное общение в производственной сфере порой не влияют на склонность к межнациональным семейным контактам. Х. А. Ибрагимов (Махачкала) рассказал об одном из первых отечественных опытов изучения «взаимных» этнических стереотипов контактирующих этносов.

Этнопсихологическая проблематика тесно связана с другими разделами этносоциологических исследований. Так, Г. В. Старовойтова (Ленинград) на примере исследований в Абхазии показывала, что в зависимости от этнических традиций возникает социально-психологический климат, в котором оказываются люди преклонного возраста (социальный престиж, вовлеченность в семейную и общественную жизнь); именно он в значительной степени влияет на продолжительность периода их активной деятельности. Как показывают исследования, индивидуальные психологические особенности при этом сказываются мало. На отдельных аспектах этнопсихологической проблематики останавливались А. И. Тишин (Фрунзе), И. Б. Джафаров, Т. Л. Фаратов (Баку), Б. Н. Марказов (Улан-Удэ).

В связи с изучением этнопсихологических особенностей встает вопрос о механизмах социализации, способствующих сохранению этих особенностей. Возможностям исследований этой проблематики был посвящен доклад И. С. Кона (Ленинград) «Роль семейного воспитания в процессе воспроизводства этноса как группы». Докладчик отметил, что раскрытие этой темы предполагает рассмотрение двух основных проблем: образ ребенка в той или иной культуре; этнические особенности социализации и воспитания. Докладчик рассказал об основных методах и задачах изучения этих проблем в рамках исследования, организуемого Институтом этнографии АН СССР.

Как показали многие выступления, при исследовании этнокультурных изменений большое внимание уделяется языковым процессам. Проблемам двуязычия как важнейшего фактора развития и взаимодействия этносов был посвящен доклад М. Н. Губогло (Москва). По мнению докладчика, объектом социального регулирования должно стать не только знание языка межнационального общения, но и его использование в различных сферах социальной жизни. Это предложение вызвало дискуссию, в которой высказывались мнения как за, так и против возможности и целесообразности такого регулирования. Но в целом выступления по проблемам языка носили информационный характер. Так, А. А. Шевченко (Киев), Л. С. Христолюбова (Ижевск), Д. Г. Брагина (Якутск) рассказали о результатах конкретно-социологического изучения двуязычия в своих регионах.

Два выступления были посвящены социологическому анализу содержания массовой информации. Б. В. Попов (Киев) рассказал о возможностях исследования тезауруса основных социальных ценностей по материалам периодической печати. А. М. Мамедов (Баку) говорил о характере использования национальных языков различных народов и этнических групп, населяющих Азербайджан, средствами массовой информации республики. С сообщениями об изменениях структуры языка и его словарного запаса под влиянием взаимодействия языков выступили И. М. Грановская и Р. А. Бадалов (Баку).

На сессии не было специального обобщающего доклада об отечественном опыте этносоциологического изучения роли семьи в этнокультурных процессах, но эта тема была затронута во многих сообщениях. Значительное место было уделено национально-смешанным бракам, причем, как показали выступления, интересы многих исследователей в настоящее время перемещаются на изучение психологического климата в национально-смешанных семьях. Так, Р. А. Ачыллова (Фрунзе) высказала мнение, что не только национально-смешанные, но и однопациональные семьи могут выступать каналом межпоколенной трансмиссии интернациональных ценностей. Вместе с тем при изучении межнациональных браков она считает необходимым выявлять, всегда ли они дают позитивный опыт межнационального общения. Рассматривая частоту разводов как одно из проявлений социально-психологического климата в семьях, А. Г. Алиев (Баку) отметил, что, согласно данным исследований, проведенных в ряде городов Азербайджана, национально-смешанные браки распадаются с такой же частотой, как и однопациональные. В выступлениях С. И. Каракеевой (Фрунзе) и М. Я. Устиновой (Москва) были изложены результаты изучения роли семьи в передаче элементов этнической культуры от поколения к поколению. Однако основное внимание в этих исследованиях уделяется традиционной обрядовой культуре; значительно меньше анализируются материалы по соционормативной культуре (нормы взаимоотношения в семье, демографическое поведение, трудовые традиции). Это характерно для большинства работ социологов, посвященных роли семьи в этнокультурных процессах. В то же время из решений XXVI съезда КПСС со всей очевидностью вытекает необходимость более глубокого изучения национальных особенностей демографического поведения и трудовых традиций.

XXVI съезд КПСС был первым партийным форумом всесоюзного масштаба, на котором рассматривались проблемы социально-культурного развития этнических групп некоренных национальностей в союзных республиках. Однако лишь в двух выступлениях были затронуты отдельные аспекты этой проблемы. В. С. Зеленчук (Кишинев) показал на примере Молдавии, что может происходить не только ассимиляция таких групп более крупными этническими общностями, но и консолидация на их основе самостоятельных народностей. Г. В. Старовойтова рассказала о результатах этнопсихологических исследований татарского населения Ленинграда.

В выступлениях Б.-Р. Логашовой (Москва) и Г. В. Старовойтовой был затронут такой важный вопрос, как влияние конфессиональных традиций на современные этнические процессы.

С сообщениями о некоторых результатах изучения этнокультурных процессов в отдельных регионах выступили В. Н. Белявина (Минск), Р. В. Даниленко (Кишинев), Е. И. Клементьев (Петрозаводск).

На заседании «круглого стола», посвященного методике этносоциологических исследований, центральной была проблема унификации инструментария. Если на предыдущем совещании этносоциологов³ эта проблема была только поставлена, то на данной сессии (выступления В. А. Устинова, Ю. В. Арутюняна, Л. Г. Гафт, А. А. Сусоколова — все Москва) обсуждались конкретные пути ее решения. Как подчеркнул в заключительном слове Ю. В. Бромлей, без стандартизации методик невозможна координация программ — наиболее актуальная организационная задача. В выступлениях за круглым столом было высказано, в частности, предложение о публикации новых методических разработок и о периодическом выпуске бюллетеня Секции этносоциологии Советской социологической ассоциации, содержащего информацию о таких публикациях и об основных направлениях исследований в региональных исследовательских центрах. В ряде выступлений отмечалось, что недостаточный уровень координации значительно снижает эффективность исследований, приводит к дублированию и снижению качества некоторых работ.

Широко обсуждались за круглым столом проблемы источниковедения этносоциологических исследований. И. А. Мардоса (Вильнюс) информировал об опыте применения контент-анализа при изучении репертуара музыкальной самодеятельности Литовской ССР по заявкам, представленным на республиканские конкурсы. В упоминавшемся уже выступлении Г. В. Старовойтовой оригинально использовались материалы паспортных столов, финансовая отчетность мечетей и другие документальные источники.

Лишь одно выступление было посвящено применению статистических методов в этносоциологических исследованиях. Опыт разработки типологии этнических сред для всесоюзного исследования процессов двуязычия с помощью методов кластерного анализа осветил Я. З. Гарипов (Казань).

Успеху сессии в значительной степени способствовала большая работа, проведенная Оргкомитетом, в которой принимали активное участие сотрудники Совета по социологическим исследованиям при ЦК КП Азербайджана и Института философии АН АзССР.

На сессии были продемонстрированы значительные достижения этносоциологии. Вместе с тем выявились и некоторые трудности развития этого актуального научного направления, связанные прежде всего с недостаточной координацией исследований. В ряде выступлений, а также в заключительном слове Ю. В. Бромлея высказывалась мысль о целесообразности проведения конференции по более фокусированной тематике с концентрацией выступлений вокруг нескольких наиболее актуальных проблем.

А. А. Сусоколов

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРА И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НА I МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ БОЛГАРИСТИКИ

С 25 по 31 мая 1981 г. в Софии проходил I Международный конгресс болгаристики. Выделение этой области гуманитарных знаний явилось следствием одной из тенденций развития современной славистики — оформления внутри нее страноведческих комплексов научных дисциплин. Но в отличие от других подобных комплексов (русистики, богемистики и др.), объединяющих преимущественно филологические дисциплины, болгаристика оформилась как сфера взаимодействия наук, изучающих историю, этнографию, археологию, язык, разные стороны культуры болгарского народа. Являясь составной частью славистики, болгаристика в то же время входит в структуру балканистики, что придает ей дополнительный, региональный аспект. В этом отношении она не является исключением среди других страноведческих комплексов.

I Международный конгресс болгаристики принадлежал к числу мероприятий, связанных с празднованием 1300-летия Болгарского государства. Эта дата широко и торжественно отмечалась в Болгарии в течение всего 1981 г. 13 веков болгарской исто-

³ Сов. этнография, 1980, № 2, с. 152.

при символически были отмечены тринадцатую торжествами, посвященными историческим, культурным и моральным ценностям болгарского народа. Это были дни Земли болгарской, Труда, Революционных традиций, Болгарской коммунистической партии, Праздник красоты и силы (с массовыми выступлениями артистов, художественных коллективов и спортсменов), День болгарской семьи и др. Особо хочется отметить День наследства и преемственности, который был ознаменован наряду с другими интересными мероприятиями открытием в Софии грандиозной Национальной этнографической выставки, разместившейся на площади 4000 м² в Народном дворце культуры. Она явилась завершением смотра этнографических ценностей, проходившего по всей стране в течение двух лет и посвященного 1300-летию Болгарии: сначала в селах, затем в округах и, наконец, лучшие экспонаты были выставлены в столице. Открытие I Международного конгресса болгаристики было приурочено к традиционному для болгар Празднику славянской письменности и болгарской культуры 24 мая, связанного с именами Кирилла и Мефодия, который в рамках юбилейных торжеств был объявлен Днем науки и просвещения.

Конгресс отличался большой представительностью. Достаточно сказать, что среди более чем 1000 его участников было около 500 делегатов от 56 зарубежных стран. Наряду с учеными из Советского Союза и европейских социалистических стран (кроме СФРЮ), а также из США, ФРГ, Великобритании, Канады, Франции, Италии, Австрии, Греции, скандинавских и некоторых других государств, где существуют сложившиеся славистические центры, на конгресс прибыли делегаты из стран, в которых славистические, в том числе болгаристические, исследования еще сравнительно недавно не имели традиции. К их числу можно отнести МНР, СРВ, Индию, Японию, Новую Зеландию, ряд стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки. Наиболее многочисленной была делегация СССР, далее по численности следовали делегации США, ПНР, ГДР, ЧССР, ФРГ и т. д.

Работа конгресса протекала в рамках пленарных заседаний, семи секций, каждая из которых делилась на подсекции, четырех симпозиумов и трех дискуссий за Круглым столом.

Секции конгресса имели следующую тематику: 1) история болгарского народа — от ее ранних этапов до социализма; 2) проблемы болгарского языкознания и диалектологии, сравнительной лингвистики, перевода; 3) развитие болгарской литературы, ее современное состояние, взаимодействие с европейскими и мировыми литературами; 4) история рабочего, коммунистического и крестьянского движений и их место в мировом революционном процессе; 5) культура болгарского народа на всем протяжении его истории; в рамках этой секции работала подсекция «Этнография и фольклор»; 6) проблемы историографии; 7) вопросы развития науки и образования в Болгарии от периода феодализма до современности.

Симпозиумы были посвящены: 1) роли БКП в развитии теории и практики социалистической революции и строительства социализма; 2) характеру славянской и прото-болгарской культуры и их взаимодействию в процессе этногенеза болгар (преимущественно по археологическим данным); 3) значению деятельности Кирилла и Мефодия и их школы для болгарской и общеславянской культуры; 4) особенностям болгарской средневековой музыки.

За «круглыми столами» шел разговор о богомилстве; о культурной деятельности болгар, живших за пределами Болгарии, начиная с XIV в.; об организующей роли идеи восстановления национальной государственности в восстаниях болгар XVII в. против османского ига.

Уже из этого краткого перечня видна ширина проблематики I Международного конгресса болгаристики. Но он был примечателен и как реальный пример успешного междисциплинарного сотрудничества ученых. В связи с этим нельзя не сослаться на опыт, накопленный Центром болгаристики при Болгарской Академии наук, созданным при Президиуме БАН в 1971 г. Это не имеющее пока еще аналогов учреждение является одновременно научно-информационным и координационным центром, способствующим целенаправленному развитию болгаристики и пропаганде ее достижений за рубежом.

Конгресс открыл президент Болгарской Академии наук академик А. Балевский. Участники конгресса приветствовал Председатель Государственного совета НРБ, Генеральный секретарь БКП Тодор Живков. Он отметил, в частности, что важной миссией науки является создание «мостов доверия» между народами и выразил уверенность, что болгаристика успешно выполняет эту миссию.

На пленарных заседаниях с докладами по общим проблемам истории, языкознания, литературоведения, фольклористики, истории культуры выступили известные ученые НРБ Д. Косев, В. Георгиев, П. Зарев, П. Динев, советский ученый С. Лихачев, а также Р. Пикио (Италия), Р. Ленчик (США).

Специальному рассмотрению содержания и методологии болгаристики, ее месту в системе гуманитарных знаний был посвящен пленарный доклад Д. Ф. Маркова (СССР) «Болгаристика как комплекс научных дисциплин», а также ряд выступлений в Шестой секции, в том числе доклады К. Шаровой (НРБ) «Болгаристика: содержание, развитие, перспективы», А. С. Мыльников (СССР) «О месте болгаристики в системе славистических дисциплин» и др.

В настоящем обзоре мы подробнее остановимся на докладах по этнографии, фольклору и культуре болгарского национального Возрождения.

Период болгарского Возрождения (XVIII—70-е годы XIX в.) занимает важное место в истории культуры Болгарии. В это время в обстановке постепенного разложения феодализма и становления капиталистических отношений, в условиях нараставшей национально-освободительной борьбы против османского ига и формирования болгарской нации вырабатывалась система национальной культуры нового времени. Особенностью этого процесса было тесное взаимодействие и взаимопроникновение народной и профессиональной культур, до сих пор отличающее культуру Болгарии, а также направление основных культурных контактов в сторону Центральной Европы и России. (культурная ситуация той эпохи явилась поворотным пунктом в последующем развитии как профессиональной, так и народной культуры, чем и объясняется особый интерес к этой проблематике, которая составила содержание работы специальной подсекции «Культура Возрождения» (на ней было заслушано более 20 докладов) и затрагивалась в целом ряде выступлений вне ее.

Обобщающий, проблемный характер носил доклад Н. Генчева (НРБ), «Болгарское культурное возрождение», посвященный становлению национальной культуры. Подчеркнув высокий уровень духовного развития болгарского народа в ту эпоху, докладчик уделил внимание малоизученному вопросу об особенностях рецепции зарубежного опыта в этом процессе. В дискуссии польский славист Е. Скавронек выразил мнение о необходимости специального исследования механизмов культурных заимствований, учитывая, что болгарское общество усваивало из культуры других народов, в первую очередь то, что отвечало потребностям формирования нации, причем представления разных социальных слоев на этот счет не были идентичными.

Интересны наблюдения болгарского историка В. Паскалевой (доклад «Центральная Европа и культурно-просветительное движение болгар в период Возрождения») о том, что в XVIII—первой трети XIX в. по мере углубления этносоциальных процессов в болгарском обществе, а также у народов Центральной Европы происходила дифференция двухсторонних этнокультурных связей: болгаро-австрийские контакты обособлялись от болгаро-немецких, самостоятельное значение приобрели болгаро-чешские, болгаро-венгерские и другие связи.

Ряд вопросов генезиса культуры рассматриваемой эпохи был поставлен в докладах болгарских ученых: М. Коевой — «Формирование архитектуры болгарского Возрождения: типологическая характеристика и сходство с процессами европейского Возрождения», Р. Радковой — «Место духовенства в структуре болгарской интеллигенции эпохи Возрождения», М. Цончевой — «Художественные школы в искусстве Болгарии периода средневековья и Возрождения», западногерманского слависта В. Геземана — «Болгарское Возрождение: диахрония, синхрония, динамика» и др. Не имея возможности останавливаться на каждом из докладов, отметим лишь, что они, как и ряд других, внесли свой вклад в более полное понимание сложного и во многом еще недостаточно исследованного характера культуры этого яркого периода болгарской истории. В то же время по некоторым вопросам были высказаны различные точки зрения. Так, нет еще единого мнения о нижней хронологической границе периода болгарского Возрождения, о его типологических аналогах в истории культуры других народов. М. Коева, например, несколько прямолинейно отождествила болгарское Возрождение с итальянским Ренессансом, что вызвало возражения ряда участников дискуссии. В. Паскалева, в частности, обратила внимание на необходимость учитывать весь комплекс своеобразных черт этого явления как у болгар, так и у других народов. Интересные методологические положения, касающиеся системного подхода к проблеме, были выдвинуты в вышеупомянутом докладе В. Геземана.

В ряде докладов, посвященных развитию болгарского театра, живописи, скульптуры и пр., исследовалась тесная связь профессиональной культуры с народной. Так, искусствовед И. Любенова (НРБ) обратила внимание на отражение в скульптурного периода Возрождения образов народной фантазии, привела интересные примеры введения в иконопись XVIII—XIX вв. сюжетов или отдельных элементов из болгарского народного быта. О прямом воздействии традиций народного искусства на формирование эстетических норм эпохи болгарского Возрождения говорил В. Ангелов (НРБ), опираясь в основном на материал по художественной обработке дерева. Л. Парпулова (НРБ) остановилась на многоаспектном взаимодействии народной поэзии и литературы и на значении фольклора в развитии болгарской культуры этого периода.

Вопросам этнографии и фольклора болгарского народа, а также проблемам, находящимся на стыке этих и смежных с ними наук, было посвящено около 50 докладов и сообщений. Характерной чертой многих выступлений было отчетливое понимание генетических связей прошлого и настоящего болгарской культуры, роли традиций в процессе ее развития и обогащения. Было продемонстрировано значительное повышение теоретического уровня исследований. В их методологический инструментарий прочно вошло представление о культуре как известной системной целостности, связанной с другими общественными системами — экономической, социальной, демографической и др. Правда, некоторые докладчики подменяли понятие системы простой совокупностью явлений или предметов, на что было обращено внимание в дискуссии (З. Андонова — НРБ). Значительное место в докладах заняло раскрытие функций народной культуры, а также выявление ее субъективного аспекта: кто, какие слои являются ее носителями и активными проводниками. Сфера изучения народной культуры расширилась: к ней наряду с крестьянской подключилась и городская культура.

Некоторые проблемы — роль и соотношение народной и профессиональной культуры, этнические аспекты культуры, ее социорегулятивные функции — вызывают теперь интерес как у этнографов, так и у фольклористов. Не последнюю роль в частичном сближении проблематики двух наук играет, по-видимому, развитие в фольклористике направления (хорошо представленного, в частности, в НРБ), которое рассматривает в неразрывном единстве все виды народного творчества, а также сопутствующие им обыряды и обычаи.

Одно из центральных мест в докладах этнографов и фольклористов занял вопрос о качественных изменениях народной культуры на разных стадиях развития болгарского народа и о ее значении в культуре этноса. Методологически он, как правило, решался на основе сопоставления народной культуры с профессиональной как таксономически равноценных элементов одной системы. Фольклорист Т. Ив. Живков (НРБ) в докладе «Фольклор и история болгарской культуры» развил следующую концепцию. На стадии народности фольклорная, по его терминологии, культура играла доминирующую роль, а профессиональная в значительной мере приспосабливалась к ее эстетическим канонам. С развитием буржуазных отношений, когда центр социально-экономической жизни переносится из деревни в город, фольклорная и нефольклорная культуры уже противостоят друг другу; при этом первая постепенно разрушается, а вторая усваивает ее отдельные элементы. При социализме непреходящие ценности народной культуры становятся органической частью национальной.

Другие докладчики рассматривали проблему в более узких хронологических рамках, но более детально. Этнограф С. Генчев (НРБ) в докладе «Народная и национальная культуры в процессе формирования болгарской нации и утверждения капитализма» обратил внимание на то, что в эпоху Возрождения взаимодействие народной и профессиональной культур происходило через посредство региональных форм последней, которые неизбежно складывались в слабоиндустриальном обществе. Ценности мировой культуры воспринимались сквозь призму национальной. Народная культура количественно преобладала, но значение ее постепенно снижалось с нарастанием роли институционализированного сектора культурной жизни. С утверждением капитализма в освобожденной Болгарии народная культура как целостная система остается достоянием крестьянства, с которым теснее связывается ее социально-классовая функция.

В современной Болгарии, как отметила Р. Пешева (НРБ) в докладе «Болгарская народная культура на современном этапе», наблюдается активное отношение общества и его институтов к развитию народной культуры. Тенденция бережного сохранения ее этнической специфики не нарушается обогащением ее аутентичных форм инновациями, соответствующими социалистической действительности. Трансформация народной культуры на стадиях буржуазной и социалистической наций была раскрыта и на конкрет-

материале в интересных докладах М. Василевской (НРБ) о календарных праздниках и Я. Ройдевой (НРБ) о семейных обычаях и обрядах. Материал рассматривается в связи с эволюцией народного мировоззрения и системы ценностей.

Проблема судеб народной культуры получила дальнейшее развитие в этнографии года. Г. Георгиев (НРБ) в докладе «Болгарская городская культура при капитализме. Этническая специфика и общеевропейские элементы» охарактеризовал, в частности, отличия городской культуры изучаемого периода от сельской, которые прослеживаются в ее составе и структуре, в особенностях развития (динамичность, преобладание интеграционных процессов), в большей «открытости» внешним влияниям. Г. Симеонова (НРБ), рассматривая этнографические аспекты урбанизации, исходила из положения, что урбанизация представляет собой не простое воздействие города на деревню, является результатом общих социально-экономических процессов, в которых город играет ведущую роль. Важно учитывать поэтому способность деревенского населения в данный исторический период воспринимать культуру города. В докладе были показаны существенные различия в урбанизации при капитализме и социализме. Н. Велчева (НРБ) сопоставила современную культуру деревни и города, чтобы раскрыть процесс культурного приобщения сельских жителей, переходящих к индустриальному труду в условиях маятниковых миграций или при переселении в города, к рабочему классу.

В ряде докладов затрагивались вопросы этногенеза и этнической истории болгар. По данным народной культуры, археологии, языка. М. Велева (НРБ) использовала для этого материал по одежде, И. Манолов (НРБ) остановился на значении музыкальных традиций балканского субстрата в болгарской народной музыке, Д.-Х. Пердже (МНР) рассказал об изысканиях в области монголо-протоболгарских связей. В докладе языковедов М. Младенова и Х. Холиолчева (НРБ) «Этнолингвистическая ситуация в Болгарии в условиях социализма» языковое развитие было интересно увязано с этнокультурным на фоне динамичных социальных и демографических процессов. Докладчики постарались раскрыть механизм этнолингвистического развития, каналы связи литературного и разговорного вариантов языков, их взаимное влияние.

Во многих выступлениях обращалось внимание на этнические функции народной культуры, высказывались мысли о плодотворности их исследования в связи с эволюцией этнического самосознания. Проявлениям этнического самосознания у болгар США был посвящен доклад американского ученого И. Локлууда.

Характерной особенностью современной болгаристики является большое внимание к социальным аспектам народной культуры, включая фольклор. Это направление исследований было представлено разнообразными по содержанию докладами. С одной стороны, это изучение социальной обусловленности этнокультурного и этноязыкового развития. Отметим доклады Т. Боневой (НРБ) о социальных основах изменений в народной культуре болгар в XIX — начале XX в., вышеуказанный доклад Я. Ройдевой (НРБ) о современной семейной обрядности в плане ее социальной, демографической и культурной детерминированности; ярок этот аспект и в докладе М. Младенова и Х. Холиолчева.

С другой стороны, исследуются социорегулятивные свойства самой культуры. Т. Ив. Живков (см. выше) считает их одной из отличительных черт фольклора. Специально эту тему на материале традиционных трудовых обычаев разработала Р. Дражева (НРБ), показав их воздействие не только на производственную деятельность крестьян и ремесленников, но и на их бытовое поведение, формы общения и т. д. В ходе развития буржуазных отношений эти функции сужаются, видоизменяются — по-разному в деревне и в городе. В. Фролец (ЧССР) в докладе «Болгарское национальное Возрождение и народная культура» заострил внимание на взаимовлиянии общественно-идеологических и этнических функций народной культуры в период национально-освободительного движения XIX в. Он подчеркнул также противоречивый характер культуры города, вытекающий из социально-классового состава ее носителей. И. Минков (НРБ) рассмотрел разностороннюю деятельность болгарской интеллигенции в ту эпоху с точки зрения ее объективного содействия консолидации болгарского народа, формированию национального самосознания.

Л. В. Маркова (СССР) в докладе «К вопросу о проявлении социальной активности болгарского крестьянства в период перехода от феодальных отношений к буржуазным» старалась показать, как этнографические источники позволяют раскрыть субъективную сторону социальных движений крестьянства. В частности, в мотивировке и методах антифеодальной борьбы за землю крестьяне в значительной мере опирались еще в XIX в. на принципы общинного землевладения и землепользования.

Традиционным социальным аспектом в этнографии остается изучение семьи. К. Клес (ФРГ) в докладе «О задруге: аспекты исторического исследования» высказала мысль, что типы больших семей могут служить одним из критериев для культурно-исторического районирования Балканского полуострова. Своими наблюдениями над изменением болгарской семьи и свадебных обычаев за период с 30-х по 70-е годы XX в. поделился Р. Уайткер (США), частично на основе собственных полевых материалов. Большие изменения в семье он связал с социальными преобразованиями в Болгарии.

Проблемы развития отдельных направлений в этнографии и фольклористике были освещены в докладах о проекте Болгарского этнографического атласа (Б. Тумангелов — НРБ), об аграрной этнографии (В. Маринёв — НРБ), о задачах изучения детского фольклора (Е. Савова — НРБ).

В докладах по фольклору большое внимание уделялось рассмотрению особенностей фольклорного творчества. С. Стойкова (НРБ) посвятила свое выступление одной из важнейших проблем фольклористики — отражению исторической действительности в песенных фольклорных жанрах. Докладчица проследила, как меняются принципы отражения исторической действительности в разные эпохи, начиная от юнацкого эпоса и до антифашистских песен, рассмотрела содержание и художественные особенности разных песенных жанров, отметила явления их преемственности.

В ряде докладов говорилось об отдельных жанрах и сюжетах болгарского фольклора, их взаимосвязях с фольклорными жанрами других народов. И. Венедиков (НРБ) проанализировал легенду о медном гюмне, связанную с поверьями о змеях. Он проследил изменение ее смысла, начиная с XI в. (когда она отразилась в одном апокрифе) до XIX—XX вв. Доклад Г. Кулеманс-Бейнана (США) был посвящен болгарской легенде об Эдипе. Д. Бурхардт (Западный Берлин) говорила о чертах женственности в болгарских волшебных сказках и сказках о животных. Балладу о мнимой смерти влюбленных рассмотрел в сравнительном аспекте Ю. Манушевский (ПНР). Фольклор в связи с народными верованиями рассматривался в докладах А. Афанасьевой (НРБ) «Некоторые мифические элементы в болгарском эпическом творчестве» и Г. Шуберт (Зап. Берлин) «Болгарская самовила и ее балканские сестры». Р. Кацарова (НРБ) охарактеризовала особенности болгарского народного кукольного театра.

Элементом поэтики болгарского фольклора были посвящены доклады Г. Кличма: на (США) — «Трансформация символов в болгарском фольклоре и ее значение», Б. Керевской-Хелперн (США) — «Метафразия в современном болгарском устном языке».

Значительную группу составили доклады по этномузыковедению. Н. Кауфман (НРБ) выступил с докладом «Самобытность болгарского музыкального фольклора». Он показал жанровое и региональное разнообразие музыкального фольклора болгар — песенного и инструментального, его специфические особенности, выявил сохраняющиеся в музыкальном фольклоре архаические черты, в том числе протоболгарские и фракийские. С. Захариева (НРБ) затронула некоторые проблемы, касающиеся анализа музыкального фольклора. О влиянии народной музыки на творчество современных композиторов интересно и живо рассказал Д. Христов (НРБ).

У. Коллар (США) информировал о попытке возрождения и популяризации в США болгарского песенно-музыкального и танцевального народного творчества. Среди потомков болгар-переселенцев в этой стране его традиция заглохла и теперь восстанавливается в репертуаре фольклорных ансамблей, в которых состоят как болгары, так и коренные американцы. Группа энтузиастов, основавших в 1970 г. Институт народных искусств «Тамбурица» (название болгарского народного музыкального инструмента), способствует дальнейшему развитию этой формы фольклоризма, опираясь на литературные источники, музыкальные записи, а также непосредственные контакты с исполнителями музыкального фольклора в НРБ.

З. Андонова (НРБ) выступила с докладом об эстетических взглядах болгарского народа, отраженных в фольклоре.

Несколько докладов было посвящено историографии фольклористики. И. Коцева (НРБ) проанализировала труды славянских фольклористов, посвященных отдельным жанрам фольклорной прозы болгар. Г. Фредериксон (Швеция) говорила о вкладе известного болгарского фольклориста В. Стоина в развитие современного этномузыковедения. Н. С. Шумада (СССР) рассказала об изучении фольклора болгарского населения СССР в прошлом и настоящем. И. Моро (Канада) обрисовал состояние исследований болгарского фольклора в своей стране.

На заключительном заседании были подведены итоги работы I Международного конгресса болгаристики. Постоянный представитель СССР в ЮНЕСКО Л. И. Мирошников подчеркнул, что междисциплинарный подход к изучению болгарской культуры, продемонстрированный на конгрессе в Софии, соответствует методологическим принципам программы культурных исследований ЮНЕСКО. Работа конгресса, по его мнению, явилась также важным шагом на пути решения задач, поставленных Международной ассоциацией по изучению и развитию славянских культур (МАИРСК). На этом заседании было оглашено послание генерального директора ЮНЕСКО А. М. М'Боу участникам конгресса. От имени национальных делегаций выступили: Д. Ф. Марков (СССР), Х. Шалер (ФРГ), Й. Грозиенчик (ЧССР), Х. Вальтер (ГДР), С. Мьонесланд (Норвегия — от имени болгаристов скандинавских стран), Ф. Славейки (ПНР), П. Френч (США). В заключительном слове президент БАН акад. А. Балевицкий отметил, что конгресс, прошедший в деловой обстановке, продемонстрировал растущий международный интерес к болгаристическим исследованиям.

Вечером 31 мая в правительственной резиденции «Бояна» председатель Государственного совета НРБ, Генеральный секретарь ЦК БКП тов. Т. Живков устроил прием в честь делегатов конгресса.

Хочется отметить, что организаторы конгресса создали благоприятные условия для широких и плодотворных контактов его участников, а также позволили им познакомиться с жизнью современной Болгарии, с памятниками ее истории и культуры, с народными обычаями и образцами народного творчества. Были организованы две длительные тематические экскурсии по стране, два однодневных выезда к историческим памятникам болгарского народа (в Рильский монастырь и в г. Копривштицу), на фольклорный фестиваль в г. Брезник. Делегаты приняли живое участие в торжествах и культурных мероприятиях, совпавших со временем проведения конгресса и посвященных 1300-летию Болгарии. Они присутствовали в Софии на красочной манифестации 24 мая в Праздник славянской письменности и культуры, были свидетелями волнующих церемоний, проходивших по всей стране 2 июня по случаю Дня памяти героев, павших за свободу родины, в Долине роз увидели один из древнейших обычаев — шествие кукуеров, включенный в ритуал современного Праздника розы, посетили несколько музеев, в том числе этнографические, и т. д.

Работа конгресса широко освещалась средствами массовой информации, многие его участники выступали с интервью в периодической печати, по радио и телевидению.

Л. В. Маркова, А. С. Мыльников, Н. С. Шумада

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ СЛАВИСТОВ, ПОСВЯЩЕННАЯ 1300-ЛЕТИЮ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Многовековое развитие болгарской культуры в разных ее аспектах было рассмотрено на научной сессии, посвященной 1300-летию Болгарского государства и созданной по инициативе кафедры славянской филологии ЛГУ и Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики в апреле 1981 г. Среди почетных гостей сессии были: Генеральный консул НРБ в Ленинграде д-р Ангел Ст. Тодоров и вице-консул Цвятко К. Гагов; присутствовали также студенты и аспиранты из НРБ, обучающиеся в Ленинграде.

Открыл заседание председатель Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным вопросам славяноведения и балканистики А. С. Мыльников.

С огромным вниманием был заслушан доклад акад. Д. С. Лихачева «Слово о болгарской культуре». Он говорил об огромной роли славянских просветителей Кирилла и Мефодия и их последователей, дело которых на протяжении многих веков истории болгарского народа способствовало формированию и сохранению его этнического самосознания и культуры. Д. С. Лихачев отметил также значительное влияние средневековой болгарской литературы на литературу других славянских народов, в том числе Древней Руси.

Зародившиеся в глубине веков русско-болгарские связи получили новые могучие импульсы для своего развития в наши дни. Это было показано в докладе декана филологического факультета ЛГУ В. Д. Андреева «Итоги и задачи изучения совет-

ско-болгарских литературных связей, в котором был дан обзор трудов советских болгаристов — литературоведов послевоенного периода и рассмотрены основные этапы и направления в изучении русско-болгарских и советско-болгарских литературных взаимосвязей. Докладчик остановился также на методологических аспектах проблемы, связанных с процессом сближения литератур стран социалистического содружества.

Большое внимание было уделено вопросам изучения фольклора. Достижения болгарской фольклористики были освещены в докладе Б. Н. Путилова (Ин-т этнографии АН СССР) «Болгарская фольклористика сегодня». Большая работа проводится в Болгарии по собиранию, публикации и систематизации фольклора, включению его в современную национальную культуру. Разносторонние исследования фольклористов в наши дни характеризуются высоким теоретическим уровнем, поисками современных методов (в том числе изучение фольклора в этнографическом аспекте), соединением собственно теоретических задач с задачами практическими.

В. Е. Гусев (Ин-т театра, музыки и кинематографии) в докладе «Болгарский антифашистский фольклор как предмет исследования» осветил историю собирания и изучения партизанского фольклора в Болгарии, который явился новаторским продолжением богатых традиций фольклора прошлых веков. Докладчик назвал основные сборники текстов и мелодий и дал развернутую характеристику монографий: В. Романской-Вранской «Партизанский быт и фольклор» (1954 г.), Г. Керемидчиева «Современная болгарская народная песня» (1958 г.), Т. Ив. Живкова «Болгарский антифашистский песенный фольклор» (1970 г.). Высокую оценку получил в докладе вклад болгарских фольклористов в изучение национальной духовной культуры. В заключение В. Е. Гусев поделился личными впечатлениями о современном бытовании болгарского партизанского фольклора.

Выступление Н. М. Калашниковой (Государственный музей этнографии народов СССР) «Этнокультурные связи бессарабских болгар и молдаван» было посвящено вопросам устойчивости этнической традиции в культуре болгар-переселенцев и процессам культурных взаимодействий между болгарскими и молдаванами. Доклад основывался на материалах по народной одежде.

О работе, проводимой в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, по выявлению, описанию и изданию документальных источников, раскрывающих многообразие русско-болгарских связей в период болгарского Возрождения, сообщила Главный библиотекарь Л. И. Бучина в докладе «Русско-болгарские связи XIX в. в рукописях Публичной библиотеки». Коллектив сотрудников библиотеки подготовил два научных каталога, один из которых издан в НРБ.

В выступлении доцента ЛГУ Е. А. Захаревич было рассказано о научной конференции советских болгаристов, состоявшейся во Львове в январе 1981 г.

Участников научной сессии приветствовал А. С. Тодоров. «Мы, — сказал он, — сердечно благодарим за приглашение организаторов научной сессии. Нас искренне радует и волнует то, что она посвящена нашему юбилею. Связь с русским народом всегда была для нас поддержкой, опорой в трудной борьбе за свою национальную независимость».

Закрывая научную сессию, А. С. Мыльников еще раз подчеркнул, что она показала плодотворность комплексного изучения болгарской культуры специалистами различных славистических дисциплин. «Сегодняшнее заседание, — заключил он, — стало для всех нас новым свидетельством укрепления советско-болгарских отношений. Оно ярко продемонстрировало, что сама русско-болгарская дружба представляет собой удивительный историко-культурный феномен, который продолжает существовать и развиваться и в наши дни».

Н. К. Жакова

ДВЕНАДЦАТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АВСТРАЛОВЕДОВ И ОКЕАНИСТОВ

14—15 мая 1981 г. в Москве состоялась очередная (двенадцатая) ежегодная встреча советских австроловедов и океанистов¹. Председатель конференции К. В. Малаховский во вступительном слове отметил, что интерес к Австралии и Океании во

¹ О предыдущих конференциях см.: Сов. этнография, 1968, № 6; 1969, № 5; 1970, № 6; 1971, № 5; 1974, № 3; 1975, № 5; 1976, № 3; 1978, № 4; 1979, № 6; 1980, № 6.

мире неуклонно растет. Австралия — это континент, который к началу будущего десятилетия может стать еще одним экономическим центром мирового значения. Немалые перспективы экономического роста раскрываются перед Океанией. Процессы, происходящие в Австрало-Океанийском регионе, сложны и противоречивы, и требуется поэтому комплексный, междисциплинарный характер исследований с участием историков, экономистов, специалистов по международным отношениям, этнографов, литературоведов. Многие конференции австраловедов и океанистов отвечают этой потребности — они объединяют ученых разных профилей и позволяют создать целостную картину экономической, политической, социальной и культурной жизни в Австрало-Океанийском регионе.

Н. Б. Лебедева (Ин-т востоковедения АН СССР) в докладе «Океания на рубеже 1980-х годов: новая волна интереса империалистических держав» показала возросшее значение Океании как источника сырья в мировой экономике. Известно, что сырьевые запасы на суше ограничены, и начинаются поиски нефти, меди, железа и т. д. в Океании. Недавно были внесены изменения в морское право. Теперь молодые государства Океании малы только по размерам суши — право на 200-мильную прибрежную зону обеспечило им большие водные владения. Государство Тонга стало обладателем большего морского владения, чем Япония. Государство Кирибати (47 крошечных островков) имеет в своем владении более 2,5 млн. км² морского пространства. Не случайно США недавно подписали договор с государством Тувалу (девять маленьких островков с общей площадью суши в 25 км², но с огромными водными владениями), предусматривающий консультации сторон по вопросам безопасности и морских ресурсов. Не случайно и то, отметила Н. Б. Лебедева, что Австралия собирается открыть восемь дипломатических представительств в Океании, а в госдепартаменте США и Министерстве иностранных дел Японии имеются ныне специальные отделы Океании.

Большое внимание на конференции было уделено проекту Тихоокеанского экономического сообщества (ТЭС). В. И. Иванов (Ин-т востоковедения АН СССР) в докладе «Тихоокеанское сообщество и будущее международных экономических отношений в Тихоокеанском регионе» обстоятельно проанализировал планы создания ТЭС и факторы, замедляющие их реализацию. Развитые капиталистические страны этого региона (США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия), учитывая активизацию интеграционных экономических процессов между ними, собираются создать консультативный механизм для регулирования экономических связей; при этом в определенных кругах вынашивается идея экономической, а возможно, и политической изоляции СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В противовес этому Советский Союз, социалистические страны Индокитая и КНДР усиливают экономические связи с Австралией, Новой Зеландией и Японией, и заинтересованность в них является взаимной. Этот объективный фактор, если он будет в достаточной мере учтен всеми странами, даст возможность снизить напряженность в регионе. В русле этой проблематики прошли также доклады В. А. Вревского (Ин-т востоковедения АН СССР) «Военно-политическая обстановка в бассейне Тихого океана и ее влияние на интеграционные процессы»; В. Б. Амирова (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР) «Австрало-японские экономические отношения»; А. В. Чуйко (Ин-т востоковедения АН СССР) «Основные тенденции экспорта сырья и продовольствия из Австралии в Японию» и ряд других. Вся эта проблематика связана множеством нитей с живой практикой, с реальными нуждами экономического, социального и культурного развития стран Тихоокеанского региона. Ведь одной из задач ТЭС является удержание молодых независимых государств Океании в системе «рыночной экономики», т. е. в системе капитализма.

Важные вопросы экономики, внутренней и внешней политики Австралии и Новой Зеландии в прошлом и настоящем были рассмотрены в докладах А. Ю. Сучкова (Ин-т востоковедения АН СССР) «Перспективы развития минерального сектора экономики Австралии»; Б. Б. Рубцова (Московский финансовый ин-т) «Особенности финансового капитала Австралии»; О. В. Жаровой (Ин-т востоковедения АН СССР) «Политика „нового федерализма“ в Австралии и лейбористское правительство Э. Г. Уитлема (1972—1975)»; А. И. Дмитриева (Ин-т международного рабочего движения АН СССР) «Послевоенная иммиграция и проблема единства рабочего класса Австралии»; В. Я. Выборнова (Ин-т востоковедения АН СССР) «Военные базы в Австралии»; В. Б. Якубовского (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР) «Политика Австралии в отношении стран АСЕАН»; А. И. Мартынова (Ин-т всеобщей истории АН СССР) «Эволюция внешней политики Новой

Зеландии после второй мировой войны» и др. Н. И. Плуженко (Ин-т Дальнего Востока АН СССР) выступил с докладом «Тихоокеанская стратегия Японии: борьба за Латинскую Америку».

К сожалению, на конференции было мало докладов, посвященных анализу экономических процессов, происходящих в молодых океанийских государствах. Доклад Н. П. Челинцевой (Ин-т востоковедения АН СССР) «Социально-экономическое развитие Французской Полинезии в 1970-е годы» был посвящен событиям, происшедшим во Французской Полинезии после того, как там была создана база ядерных испытаний и исследований (на атолле Муруроа). Прибытие французского персонала с семьями (более 10 тыс. чел.) вызвало большие перемены. Резко возросло число занятых в строительстве, общественных работах и сфере обслуживания. В середине 1970-х годов «атомный бум» прекратился, и это вновь породило серьезные социальные проблемы. Местные жители, оторванные от своих традиционных занятий, не могут, как правило, приспособиться к таким резким переменам в жизни. Некоторое внимание экономическим процессам, происходящим в молодых океанийских государствах, было уделено в докладе В. П. Николаева (Ин-т востоковедения АН СССР) «К проблеме изучения политических систем независимых государств Океании», но в целом его доклад, как видно из названия, был посвящен характеристике форм государственного устройства. По мнению докладчика, в колониальной Океании имелось три основных типа общественных систем: общинно-родовая, племенная и сословно-кастовая. В колониальный период сложились различные политические структуры, причем традиционные уклады и институты существуют не сами по себе, а включены в качестве составных частей в единое целое. В значительной мере по этой причине политические системы независимых океанийских государств отличаются большим разнообразием: конституционная монархия на Тонга, аристократическая республика в Западном Самоа, президентская республика в Науру и Кирибати, вестминстерская государственная система в Папуа Новой Гвинее, на Фиджи, Соломоновых островах, Тувалу. В разработке конституции для океанийских государств участвовали буржуазные ученые и юридические советники; руководствовавшиеся европейскими образцами, но им пришлось учесть и отразить в конституциях стадиальные и этнические особенности океанийской жизни.

Л. Г. Стефанчук (Ин-т востоковедения АН СССР) выступила с докладом «Высшее образование в странах Океании (70-е годы)». Сейчас в Океании имеется четыре высших учебных заведения: Университет Папуа Новой Гвинее (создан в 1966 г.); Технологический институт в Лаз (создан в 1967 г.); Южнотихоокеанский университет в Суве (создан в 1968 г.); Гуамский университет (создан в 1968 г.). Имеются также специализированные учебные заведения: медицинский колледж в Суве, административный колледж в Бороко и ряд других. Расходы на высшее образование в океанийских государствах значительны, но зато оно, подчеркнул докладчик, уже приносит свои плоды.

Доклад Е. В. Говор (Ин-т культуры, Минск) был посвящен анализу первых русских публикаций об Австралии и Тасмании (XVIII — первая половина XIX в.). Она отметила, что к середине XIX в. в русской печати появилось около 200 публикаций, полностью или частично посвященных Австралии и Тасмании, причем сведения об этих странах занимают в общей сложности (не считая переизданий и учебников) 2300 страниц. Часть этих публикаций и теперь представляет определенный интерес для географов, историков и этнографов. Почти в каждой публикации говорится об аборигенах, их хозяйстве, обычаях, причем отвергаются расистские взгляды и осуждается бесчеловечное отношение колонизаторов к аборигенам.

А. Ю. Рудницкий (МГУ) в докладе «Первые шаги австралийской историографии» на конкретном материале показал, что интерес к самостоятельной истории своей страны зародился в Австралии лишь в 1930-х годах. До этого история Австралии трактовалась как часть истории Англии.

А. Я. Массов (Кораблестроительный ин-т, Ленинград) предметом своего доклада избрал факт передачи Британской Новой Гвинее (Папуа) Австралийскому Союзу. Передача затянулась на 8 лет (1898—1906 гг.). В эти годы австралийский капитал еще не ощущал серьезной потребности в выходе за пределы своей страны. Правящие круги Австралии уделяли Папуа мало внимания. По существу они заботились лишь о том, чтобы удержать эту часть Новой Гвинее в состоянии колониальной зависимости.

Т. В. Сеньюта (Донецкий гос. ун-т) в докладе «Австралийское племя» дала характеристику племени у австралийских аборигенов. Племя у них никогда не выступало как единое целое, племенное самосознание было слабым. Тем не менее уже можно, по

мнению, говорить о наличии племени как территориальной и языковой общности. Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) рассмотрел вопрос о племенах и племенных территориях о. Пасхи в связи с нерасшифрованной еще письменностью *кохау ронгоронго*. Он показал, что понятие «племя» передано на дощечках знаком «звезда». Ему удалось прочесть названия племен, имевшихся на о. Пасхи, на дощечках Ленинградская большая, Ленинградская малая, Тахуа и Чилийская большая. При этом выяснилось, что одно из племен (Хити-Уира) на двух дощечках не упомянуто, потому что владельцы этих дощечек считали его не племенем (мата), а частью племени (уре); отсюда второе его название — Уре-о-Хеи.

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) рассказала о том, как использованы материалы по религии коренного населения Австралии и Океании в недавно открывшейся в музее экспозиции «Религия первобытного общества». До религиозный период, возникновение религии и ее начальные формы показаны на археологических материалах, тогда как последующие этапы развития религии широко иллюстрируются этнографическими данными (тотемизм — на примере австралийских аборигенов; культ предков — по меланезийским данным; политеизм — по полинезийским материалам). Эти и другие формы религии, уходящие своими корнями в первобытность, в преобразованном виде вошли ныне в христианство, навязанное аборигенам Австралии и океанским миссионерами, а нередко продолжают существовать независимо от него и вопреки ему.

Шесть докладов были посвящены литературоведческим проблемам: А. С. Петриковская (Ин-т востоковедения АН СССР) раскрыла мировоззренческие основы творчества Патрика Уайта; О. В. Зернецкая (Ин-т языка и литературы АН УССР) охарактеризовала творчество Вэнса Палмера; В. И. Котлярова (Ин-т инженеров ж.-д. транспорта, Ростов) выступила с докладом «Австралийское общество и положение женщины (по романам XX в.)»; Л. А. Шевалдин (Пед. ин-т, Воронеж) посвятил свой доклад австралийской поэзии 1930-х годов, а Н. Г. Наниташвили (Сектор информации по общественным наукам АН ГрузССР) — ранней новозеландской прозе; И. В. Головня (МГУ) рассказала о творчестве Маркуса Кларка.

Хотя повестки утренних и вечерних заседаний были весьма насыщенными (до девяти докладов на одном заседании), по многим докладом состоялся оживленный обмен мнениями. Дискуссия показала наличие общих сфер интересов у специалистов разных профилей. Выступавшими было отмечено большое положительное значение ежегодных встреч советских австраловедов и океанистов.

В заключительном слове К. В. Малаховский указал на необходимость дальнейшего исследования интеграционных процессов в Тихоокеанском регионе. Значение Австралии и Океании в мировой экономике и политике, отметил он, неуклонно возрастает; опыт этих стран (в частности, в деле индустриализации севера Австралии, перестройки экономики Новой Зеландии) заслуживает того, чтобы его изучать. Надо учитывать также, подчеркнул он, этническую специфику молодых океанийских государств, и в этой связи он высоко оценил участие этнографов в ежегодных конференциях.

Тезисы докладов участников конференции были опубликованы до ее начала². В публикацию вошли и те тезисы докладов, авторы которых по разным причинам не смогли выступить на конференции.

Положительно оценивая итоги очередной ежегодной научной встречи океанистов и австраловедов, хотелось бы высказать пожелание, чтобы в будущих конференциях этнографы принимали более активное участие.

М. С. Бутинова

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ (Поездка в США советской рабочей группы)

В 1977 г. в рамках Комиссии по советско-американскому сотрудничеству в области гуманитарных наук были начаты совместные советско-американские исследования в области этнографии по проблеме «Взаимодействие культур народов мира» (руково-

² Двенадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. М., 1981, 267 с

дители с советской стороны академики Ю. В. Бромлей, а с американской профессор Д. Ван-Стоун)¹. В качестве первоочередной была избрана тема «Сравнительное этнографо-антрополого-археологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки».

В сентябре 1981 г. в США состоялось очередное заседание советско-американской рабочей группы по этой теме².

В программу работ группы входила оценка проводящихся обеими сторонами исследований по указанной проблеме, обсуждение планов дальнейших исследований и совместных изданий. Предполагалось также заслушать ряд докладов по теме «Происхождение и развитие народов бассейна Берингова моря».

Обмен мнениями, состоявшийся на заседаниях рабочей группы, показал, что советско-американское сотрудничество в этой области привело к значительным результатам. Оживились разнообразные исследования. Американскими учеными изданы материалы I советско-американского симпозиума «Население Нового Света», состоявшегося в 1977 г. в Вашингтоне³. Советские ученые опубликовали материалы II симпозиума «Северные культуры. Этнографо-археологические аспекты», проходившего в Москве, Ленинграде и Якутске в 1979 г.⁴ Американская сторона предполагает издать эти материалы в 1982 г. на английском языке.

Начаты двусторонние исследования в области антропологии аборигенного населения Берингоморья. Совместная монография готовится В. С. Лафлином (США) и В. П. Алексеевым (СССР). Ученые обеих стран проводят интенсивные архивные изыскания по истории и этнографии Русской Америки. Начата работа по сравнительному изучению фольклора Северо-Востока Сибири и Северной Америки.

Участниками встречи было высказано пожелание расширить совместные исследования по сопоставлению данных, относящихся к первоначальному заселению Американского континента, реконструкции процесса сложения американского аборигенного населения, а также по исследованию проблемы адаптации коренного населения Северо-Восточной Азии и Северной Америки к окружающей среде. Отмечалось, что весьма результативно широкое сопоставительное изучение традиционной материальной и духовной культуры народов Северной Сибири и Северной Америки, результаты которого могут пролить свет на древние миграции и культурные связи в этом обширном регионе.

Предлагалось также продолжить и усилить сравнительные исследования фольклора указанного региона и включить в планы совместной разработки тему «Отражение в фольклоре народов Северной Азии и Северной Америки миграций, обменных и торговых связей». В этой связи отмечалась желательность публикации ценнейших фольклорных материалов (хранящихся в архивах СССР и США), собранных классиками этнографии, русскими учеными В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном. Был поставлен вопрос о подготовке совместных публикаций по истории и этнографии Русской Америки, а также музейных материалов.

Советско-американская рабочая группа одобрила проведенную работу по сравнительному этнографо-антрополого-археологическому изучению аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки и решила провести следующее заседание рабочей группы в 1982 г. в СССР, имея в виду обсудить ход ведущихся исследований, отредактировать подготовленные к печати материалы и утвердить программу III советско-американского симпозиума «Древнейшие аборигенные индейские и эскимосские культуры Северной Америки и их азиатские связи», который должен состояться в 1983 г.

Несколько заседаний рабочей группы было посвящено обсуждению проблемы первоначального заселения Америки человеком и связей древнейших культур Северной Азии и Северной Америки.

В. С. Лафлин (США) в своем докладе обратил внимание на тот факт, что на Алеутских островах в результате археологических изысканий удастся выделить ком-

¹ Гурвич И. С. Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки. — Сов. этнография, 1978, № 6.

² Советская делегация состояла из руководителя — ректора Новосибирского университета А. П. Деревянко, заместителя директора Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР Р. С. Васильевского, заведующего отделом этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР И. С. Гурвича (координатор названной выше исследовательской группы), сотрудника Ленинградской части Института этнографии АН СССР Р. Л. Ляпуновой.

³ Arctic Anthropology, 1979, v. XVI, № 1.

⁴ Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981.

плекссы, дающие возможность проследить последовательность развития культуры Алеутов (стоянки Анангула, Вилиджсайт, Чалука). По мнению докладчика, 15—14 тыс. лет назад на азиатской стороне произошло разделение древнейших популяций на индейцев (атапасков) и алеутов-эскимосов, а 4—5 тыс. лет назад — разделение эскимосов на две группы.

Согласно материалам, находящимся в распоряжении докладчика, большую роль в формировании хозяйственного уклада и антропологических особенностей населения Аляски и Алеутских островов играли экологические условия.

К. Г. Тэрнер (США) остановился на результатах сравнительного анализа одонтологических данных по древним памятникам Сибири и Аляски и показал, что они имеют между собой значительные несоответствия. Поэтому пока невозможно указать, походы какой группы древних людей Азии проникли в Новый Свет.

Д. В. Кларк (Канада) значительное внимание в докладе уделил проблеме миграций периода позднего плейстоцена и раннего голоцена в северной части Тихоокеанского бассейна. Он остановился на анализе двух ведущих этнических традиций, характерных для культур Аляски: 1) традиции наконечников типа Кловис; 2) традиции микропластин.

По мнению Д. В. Кларка, носители традиции микропластин мигрировали из Азии в конце плейстоцена. На Американском континенте они встретили носителей традиции наконечников. Некоторое время они сосуществовали, но затем, судя по материалам стоянок Аляски, традиция наконечников исчезает, а традиция микропластин развивается и совершенствуется.

Докладчик считает, что было несколько миграций из Азии в Америку, но произошло это, по его мнению, не раньше 11 000 лет назад.

Доклад В. Б. Воркмана (США) был посвящен развитию древних культур Аляски (Денби, Нортон, Такли, Качемак, Оквик) и их связям с культурами Северной Азии. Он подчеркнул, что древние памятники Северной Америки должны рассматриваться в контексте материалов Северо-Восточной Азии.

В докладе А. П. Деревянко (СССР) отмечалось, что в последние 10—15 лет на территории Сибири и Дальнего Востока открыты такие памятники, как Улалинка на Алтае, Кумары 1, Филимошки, Усть-Ту на Дальнем Востоке, возраст которых 100—150 тыс. лет. Среди комплексов старше 40—25 тыс. лет имеются памятники на Алтае, в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке. Все это дает основание утверждать, что человек заселял южные районы Северной Азии в среднем и верхнем плейстоцене, а это в свою очередь позволяет по-новому подойти к решению вопроса о первоначальном заселении человека Америки. Ставшие известными в последние годы комплексы ранних памятников в Сибири и на Дальнем Востоке не исключают, а предполагают, что первооткрывателем Нового Света был даже не *Homo sapiens*, а существо более древнее, на стадии палеоантропа, но уже с ярко выраженными сапиентными чертами, проникшее через существовавшую тогда Берингийскую сушу 30—40 тыс. лет назад или даже раньше.

Имеющиеся в распоряжении докладчика материалы позволяют утверждать, что наиболее благоприятным временем проникновения человека через Берингию в Америку был временной интервал в 28—22 тыс. лет назад. Сравнить каменные индустрии древнего человека Америки и Северной Азии, по мнению А. П. Деревянко, можно только в общих чертах, выявляя общие тенденции и закономерности.

Связям древнего населения Северной Азии и Америки в позднем плейстоцене был посвящен доклад Р. С. Васильевского (СССР). Он попытался свести воедино имеющиеся материалы по всем северным территориям Тихоокеанского бассейна. Материалом для его положений и выводов послужили результаты археологических раскопок в Приморье, на Сахалине, данные по памятникам Камчатки, Хоккайдо. При этом он хорошо аргументировал положение о важной роли палеолитических культур Азиатского континента в формировании ранних культур Берингоморья и Северной Америки. Основой для формирования культур Берингоморья (в частности, алеутской — стоянка Анангула) послужила культура техники пластин. Уникальным памятником для понимания этого положения является стоянка Устиновка, расположенная в Приморье. На этой стоянке сконцентрированы все характерные элементы: клиновидные нуклеусы, красивые сколы, резцы с диагональным сколом, которые в различных сочетаниях встречаются на Хоккайдо, Сахалине, Камчатке, Алеутских островах и Аляске. В докладе Р. С. Васильевского показана значительная роль южных влияний в формировании культур север-

ной части Тихоокеанского бассейна. Докладчик привел аргументы в пользу гипотезы множественности миграционных потоков, заселявших Америку.

Дискуссия по археологическим докладам показала, что на современном этапе важно выделить общие тенденции и закономерности в развитии каменной индустрии древнего человека Северной Азии и Северной Америки.

Доклад Р. Г. Ляпуновой (СССР) был посвящен этнической истории алеутов Командорских островов. На основе литературных, архивных и полевых этнографических материалов докладчик проследила историю этой группы алеутов со времени первоначального заселения Командорских островов (1825 г.) до настоящего времени. Р. Г. Ляпунова отметила особенности этнической судьбы алеутов, специфические черты их материальной и духовной культуры и отличия от остальных групп алеутов, а также остановилась на тех изменениях, которые произошли в этой группе за советский период, обусловили сближение алеутов на современном этапе их этнического развития с русскими и другими народами нашей страны.

И. С. Гурвич (СССР) посвятил доклад проблеме формирования оленных групп чукчей и коряков. Как известно, указал докладчик, характерной особенностью этнической культуры этих народностей было разделение каждой из них на две весьма различные хозяйственно-культурные группы — оседлых приморских жителей и кочевников-оленоводов. Переход к оленеводству части северо-восточных палеоазиатов был важным этапом в сложении чукчей и коряков.

В докладе отмечено, что оленные чукчи и коряки имели единое самоназвание и их языки характеризуются определенной близостью, между тем как глубина расхождений между диалектами оленных и береговых групп в ряде случаев более значительная. Автор показал, что хозяйство, а также материальная культура оленных чукчей и оленных коряков характеризуется значительным единством.

Традиционная культура оленных подразделений северо-восточных палеоазиатов, по мнению докладчика, представляет в значительной мере набор элементов, заимствованных из приморских культур и приспособленных к условиям кочевой жизни.

Доклады Р. Г. Ляпуновой и И. С. Гурвича, посвященные этнографической тематике, также вызвали оживленный обмен мнениями. Выступавшие отмечали большую работу, проводимую советскими этнографами на Крайнем Северо-Востоке Сибири, результативность методов подхода советских исследователей к анализу историко-этнографических данных.

Советская делегация имела возможность познакомиться с экспозициями нескольких музеев. Находясь в Анкоридже, группа посетила Анкориджский музей истории и изящных искусств, созданный в 1968 г., а в 1975 г. значительно расширенный. Сейчас он становится ведущим музеем истории и искусств и культурным центром Аляски.

В музее имеются залы со сменяющимися выставками по искусству, в том числе аборигенному. Основное же место в нем занимает постоянная экспозиция, посвященная истории Аляски и культуре ее коренного населения.

Раздел истории Аляски начинается со стенда, где рассказывается об открытии в 1741 г. Второй Камчатской экспедицией, возглавляемой Витусом Берингом, Северо-Западной Америки, а затем последующем открытии и освоении русскими многочисленных островов и территории Аляски. Здесь выставлены портреты деятелей Российско-Американской компании — Г. И. Шелихова, Н. П. Резанова, А. А. Баранова, старинные зарисовки видов Кадьяка, Уналашки, Ситхи и других мест Русской Америки. Тексты, рисунки, фотографии дают представление о деятельности русской православной церкви на Аляске, русских школ, миссий. Особенно подробно охарактеризована просветительская и миссионерская деятельность И. Вениаминова.

Экспонаты рассказывают также о жизни и быте золотоискателей в период золотой «лихорадки» на Аляске. Освещена история Аляски в период второй мировой войны. Завершается историческая экспозиция рассказом о современной нефтяной индустрии Аляски.

Экспозиция «Коренное население Аляски» открывается темой «Эскимосы». Дается схема последовательного развития древних культур эскимосов: от культуры Западного Туле до современности. При этом каждая стадия на этой схеме иллюстрируется характерными предметами из археологических раскопок. Большой интерес представляют богатые коллекции музея, характеризующие жизнь современных эскимосов.

Экспозиция по алеутам также начинается с показа материалов из археологических раскопок. Из этнографических материалов показаны орудия охоты и рыболовства, модели байдарок, плетеные изделия алеутов.

Часть экспозиции по атапаскам освещает их традиционную культуру, другая часть состоит из экспонатов, представляющих изделия XX в. и отражающих состояние современных национальных художественных ремесел. Здесь выставлена вышивка бисером на одежде, обуви, рукавицах, сумках; предметы домашней утвари, сделанные из бересты. Демонстрируются плетеные изделия, украшения из бисера.

Экспозиция по индейцам северо-западного побережья Северной Америки — тлинкитам, хайда и чимшиан — прежде всего показывает их традиционную культуру: орудия охоты и рыболовства, плетение, резные деревянные сосуды, монументальную деревянную скульптуру, тканые изделия. Хорошо представлено шаманство с его атрибутами: особой одеждой и головными уборами, деревянными резными масками, бубнами и погремушками. Вместе с тем большое впечатление производят современные изделия этих народов: резные деревянные изделия, плетение, ткачество, а также металлические и серебряные ювелирные изделия, украшения из бисера и раковин.

В целом экспозиция Анкориджского музея, посвященная аборигенному населению Аляски, особенно интересна богатыми коллекциями изделий аборигенов Аляски XX в. и особенно современных, показывающими пути развития традиционной культуры и искусства в современных условиях.

На о. Кадьяк, центром которого является теперь г. Кадьяк (выросший на месте старинного русского поселения Павловская гавань), советская делегация посетила музей А. А. Баранова — первого Главного правителя Российских владений в Америке (в 1790—1817 гг.), имя которого стало легендарным в истории Русской Америки. Каргопольский купец Александр Андреевич Баранов принял предложение «Колумба Российского» Г. И. Шелехова об управлении колониями в Америке и основал поселение на северо-востоке острова в Павловской гавани (Гавань Св. Павла) Чиниатского залива. До 1808 г. селение в Павловской гавани было столицей Русской Америки (после чего она была перенесена в крепость Новоархангельскую на о. Ситхи архипелага Александра).

Дом Баранова, «правительский» дом, — одна из самых старых деревянных построек на всем западном побережье Северной Америки. Он был заложен в 1792 г. Этот большой, рубленый из местных еловых бревен дом со вторым этажом-мансардой был построен как помещение для конторы правителя, склада пушнины и разных товаров, как место для собраний; имелись в нем и жилые помещения, кухня. В 1962 г. усилиями основанного в 1954 г. Кадьякского исторического общества дом был объявлен «объектом национального исторического значения», а в 1967 г. приобретен обществом и превращен в музей Баранова.

Экспозиция музея показывает историю пребывания на о. Кадьяк русских, знакомит с традиционной культурой и бытом аборигенов, эскимосов (конягмиутов). В экспозиции имеются: макет традиционного конягмиутского жилища, трехлучная байдарка, орудия охоты и рыболовства, модели байдарок и байдар, оружие, одежда из кишок сивучей, птичьих шкурок и меха, домашняя утварь. Экспонируются и предметы ритуального назначения: маски, бубны, погремушки.

Хорошо представлена в музее картина смешения конягмиутской и русской культур в быту: уголок жилища с орудиями из железа, приспособленными для местной охоты, ремесел, железные котлы, лампы, а также деревянная посуда, традиционная одежда, пища и т. п.

В прежней гостиной дома Баранова экспонированы предметы русской культуры конца XVIII — начала XIX в.: иконы, подсвечники, керосиновые лампы, балалайки, самовар, пианино, столы обеденный и карточный, кресла, книжные шкафы со старинными книгами и посудой, одежда. На стенах — копии со старинных зарисовок различных мест Русской Америки, документов Российско-Американской компании, печатей, штампов.

Дом-музей Баранова — живое свидетельство большого интереса научной и широкой общественности к тем страницам истории Кадьяка, которые неразрывно связаны с историей России, русскими людьми; к традиционной культуре аборигенов Кадьяка и истории влияния на нее русской культуры.

В г. Провиденс (штат Род-Айленд) советская делегация посетила также Музей антропологии при Брауновском университете.

Музей возник сравнительно недавно, 15 лет назад, на базе частной коллекции. Значительная часть коллекций этого музея посвящена равнинным индейцам и в основном характеризует конец XIX — начало XX в. В середине XX в. коллекция стала пополняться за счет экспонатов, привезенных экспедициями Брауновского университета.

На основной площади музея развернута экспозиция, показывающая культуру и быт равнинных индейцев конца XIX — начала XX в. Здесь представлены одежда, украшения, предметы быта и культа. Показано, что наряду с традиционной одеждой из замши, вышитой иглами дикобраза, бытовала одежда того же покроя, но сшитая уже из европейских тканей и вышитая бисером, а также рубахи, камзолы, платья из замши, сшитые по европейским образцам. Богато представлена рисунками на шкурах пиктография индейцев. В целом коллекция по равнинным индейцам показывает сложный процесс адаптации индейской культуры к условиям XIX—XX веков, смешения элементов культуры различных групп аборигенов Северной Америки.

В других небольших залах представлены коллекции, собранные отделом антропологии университета во время экспедиций на юго-запад США, в Месоамерику, Африку, Индию, в Мексику, Перу, Таиланд и т. д.

В музейных фондах университета хранятся археологические коллекции из раскопок известных аляскинских эскимосских стоянок — Акмак, Деббй, Чорис, Нортон, Ипиутак, а также с территории северных атапасков. Часть этих коллекций была продемонстрирована. Профессор Отдела антропологии Брауновского университета Л. Т. Блек познакомил с собранными ею в различных музеях Америки и Европы (Англия, Франция, Финляндия) материалами по традиционной культуре алеутов (коллекция слайдов). В этом большом собрании представлены деревянные головные уборы алеутов, маски, кожаные головные уборы, плетеные изделия, одежда, миниатюрная скульптура из кости, дерева и т. д. Работа была проделана ею по программе изучения алеутского культурного наследия, проводимой Ассоциацией Алеутских и Прибылова островов.

В антропологической лаборатории Аляскинского университета в г. Анкоридже делегация ознакомилась с ценнейшими археологическими коллекциями из стоянок Качемак I и II, Ойшен Бей I, II, III, IV и Нортон. Следует отметить, что эта лаборатория в настоящее время ведет раскопки мест старинных русских поселений. В результате получен весьма интересный материал о быте населения Русской Америки конца XVIII — начала XIX в.

При посещении о. Кадьяк, о-вов Уналашка и Умнак Алеутской гряды и о-вов Св. Георгий и Св. Павел о-вов Прибылова делегация имела возможность кратко ознакомиться с современным этнокультурным развитием эскимосов конягмиутов и алеутов⁵.

И. С. Гурвич, Р. Г. Ляпунова

⁵ Информацию об этой части поездки предполагается поместить в особой статье.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июне — июле 1980 г. на Кубе (провинция Матансас) работала советско-кубинская этнографическая экспедиция, организованная Институтом общественных наук АН Республики Куба и Институтом этнографии АН СССР в рамках Проблемно-тематического плана научного сотрудничества между АН СССР и АН Кубы на 1981—1985 гг. в области общественных наук и подготовки «Этнографического атласа Кубы». Поскольку работа такого рода на Кубе проводилась впервые, цель первого полевого сезона сводилась главным образом к определению объема и сфер этнографической информации с учетом возможности размещения этой информации на картах, схемах, таблицах и т. д.

С кубинской стороны в состав экспедиции входили: Хорхе Потрони (начальник экспедиции), Карелия Баррерас, Эрнан Тирандо, Ивонна Форкадо, Нанси Перес, Хуан Антонио Альварардо, Эдуардо Эрнан-

дес, Мариано де ла Ред (художник), сопровождавший экспедицию в качестве представителя народной власти провинции Матансас, Пабло де ла Кампа (шофер), с советской — В. В. Пименов (руководитель советской группы), А. В. Оськин, Э. Г. Александренков.

Большую часть времени экспедиция базировалась в городке Сан Мигель де лос Баньос муниципалитета Ховельянос, расположенном в центре провинции, откуда совершала ежедневные выезды в заранее намеченные населенные пункты. Одну неделю она располагалась в Плайя Ларга на южном побережье провинции, когда исследовался район Сапаты; два дня — в одном из пригородов г. Матансас (при исследовании самых западных районов провинции).

В качестве основных объектов исследования совместными усилиями кубинских и советских ученых были выделены: сельские поселения, жилища, хозяйственные

постройки, утварь, традиционные крестьянские орудия труда, тягловые средства и средства передвижения, упряжь, пища и напитки, одежда и украшения. Кроме того, собирались материалы еще по двум темам: «Семейные отношения», «Этнический состав и происхождение населения».

Работа проводилась в 11 из 14 муниципалитетов. Были обследованы в разной степени 37 населенных пунктов, в том числе отдельно расположенные (типа хуторов), поселки сельскохозяйственных рабочих, поселки при сахарных заводах, поселки рыбаков, углежогов.

Выбор рабочих зон обычно осуществлялся при помощи местных властей и интеллигенции, которым предварительно излагались цели экспедиции.

Информацию получали в ходе прямого опроса во время бесед, а также с помощью метода наблюдения. Полученные данные фиксировались в основном в полевых тетрадях, иногда записывались на магнитную ленту. Предметы материальной культуры зарисовывались Ивонной Форкадо и Мариано де ла Ред, а также фотографировались А. В. Оськиным, он же осуществлял киносъемку трудовых процессов.

В ходе работы экспедиции выявлены традиционные жилища и хозяйственные постройки, на возведении которых идут местные материалы — дерево и высушенные листья нескольких видов пальм, традиционные сельскохозяйственные орудия: деревянное рало, комбинированный плуг и пр., а также традиционная хозяйственная утварь, в частности деревянные ступы для очистки зерновых и приготовления некоторых блюд.

Была собрана значительная информация о традиционной пище и весьма скудная об одежде. Давняя связь сельских жителей с рынком привела к тому, что одежду крестьяне в провинции Матансас давно уже покупают в магазинах или шьют по «городским» стандартам.

По этническому происхождению сельское население провинции Матансас в основном потомки, в первом или втором поколениях, иммигрантов из разных частей Испании. Наблюдаются определенные различия в роде занятий иммигрантов. Выходцы с Канарских островов (на Кубе их зовут «исленьос» — *isleños*, от *isla* — остров) были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, галисийцы (*gallegos*) занимались рубкой леса, выжиганием угля и осушением болот, выходцы из Бискайи (одна из баскских провинций Испании) и с острова Майорка — морскими

перевозками, рыболовством и т. д. Среди наших информаторов преобладали потомки выходцев с Канарских островов и из Галисии, прибывших на Кубу преимущественно в начале века (встретились нам и несколько иммигрантов). Информаторы не раз отмечали, что выходцы с Канарских островов вступали в брак с кубинками чаще, чем галисийцы.

Среди мелких землевладельцев провинции Матансас очень мало негров. Объясняется это тем, что бывшие рабы после освобождения (1870—1880-е годы) не были наделены землей, в связи с чем начался их отток в города и крупные поселки. Оставшиеся в селе превращались в сельскохозяйственных рабочих, концентрируясь в поселках при крупных сахарных заводах — «батей».

В сельской местности этой провинции можно встретить небольшое число лиц китайского происхождения. Еще в 20-е годы на некоторых сахарных плантациях работали целые бригады китайцев, но после отработки контракта они обычно перебирались в города и пригороды, где занимались розничной торговлей, держали прачечные или разводили овощи. Как правило, китайцы приезжали без семей. В брак с белыми кубинками они вступали крайне редко, с черными — чаще. Дети от смешанных браков уже не знали языка отцов.

Выходцы с Гаити и Ямайки встречаются в сельской местности очень редко, выходцы из других стран — в единичных случаях.

Специальное внимание было обращено на выявление среди сельских жителей Матансаса знаний об индейцах — аборигенах этих мест. Оказалось, знают они очень мало, и то в основном из книг. Однако три информатора сообщили, что среди их отдаленных предков были индейцы.

Члены экспедиции посетили музеи городов Матансас, Карденас и Ховельянос, где есть некоторые материалы этнографического характера и в будущем предполагается развернуть этнографические экспедиции. Несколько дней члены экспедиции работали в историческом архиве города Матансас.

В заключение хочется сказать, что везде, в каком бы месте ни находилась наша экспедиция, она встречала дружелюбный прием и искреннее желание помочь.

Собранные советскими участниками экспедиции материалы будут храниться в архиве Института этнографии АН СССР. Их копии переданы в Институт общественных наук АН Кубы.

Фольклористы кафедры русской литературы Горьковского университета летом 1981 г. продолжили изучение фольклорной традиции правобережной части Горьковской области.

С 6 по 20 июля 1981 г. студенты под руководством К. Е. Кореповой и сотрудника лаборатории по изучению духовной культуры народов Поволжья Т. И. Белоус проводили полевую работу в Починковском районе. Так как там в последнее десятилетие уже неоднократно работали фольклористы ИРЛИ АН СССР и ГГУ, перед экспедицией 1981 г. стояла цель собрать лишь материалы по свадебной и календарной обрядности для последующего картографирования и сделать повторные записи для готовящегося к изданию II выпуска сборника «Традиционный фольклор Горьковской области» серии «Памятники русского фольклора», выпускаемой институтом русской литературы. Из необрядового фольклора записывались произведения лишь тех жанров, которые были недостаточно представлены в материалах предыдущих экспедиций (былички, бывальщины, детский фольклор, «малые» жанры).

Участники экспедиции работали в деревнях с русским и смешанным (русским и мордовским) населением, а также в селах, где проживают давние выходцы из западных областей («будаки»). Всего было обследовано 15 населенных пунктов: Никитино, Василев Майдан, Учув Майдан, Дивеев Усад, Маресево, Шишадеево, Криуши, Василевка, Наруксово, Ризоватово, Шагаево, Кочкурово, Ильинское, Дуброво, Серятино.

Записано 1052 текста, в том числе 18 описаний свадебного обряда, 45 свадебных песен, 142 свадебных причитания, 19 приговоров, 123 описания календарных обрядов, 85 календарных песен, 12 похоронных причитаний, 61 описание гаданий. Эпические жанры представлены небольшо-

численными записями исторических песен («Соловей кукушку уговаривал» — 5 вариантов, «Собирался Александра свою армию смотреть» — 1 вариант) и баллад («Монашка — мать ребенка» — 4 варианта, «В Таганроге случилась беда» — 2 варианта, «Казак жену губил» — 5 вариантов, «Дочка-пташка» — 3 варианта).

Кроме того, записано: 28 текстов лирических, 19 игровых, 29 плясовых песен; 118 частушек; 14 исторических и топонимических преданий; 58 быличек и бывальщин (о проклятых людях, русалках, покойниках, оборотнях, черте); 72 загадки, 27 пословиц; 73 произведения детского фольклора.

Киногруппа экспедиции (К. Е. Корепова, сотрудник Областного научно-методического центра народного творчества Е. М. Чивикина и работники Областного клуба кинолюбителей Р. И. Афанасьев и Е. Трифонов) по материалам полевого сезона 1979 г.¹ в с. Юрьево Гагинского района провела съемку этнографического фильма «Обряд свадьбы и похороны Кузмы-Демьяна», а в с. Мишуково того же района сняла сцену девичника традиционной свадьбы.

Как и в предыдущие годы, по заданию Областного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы (ОНМЦ) участники экспедиции ознакомились с состоянием фольклорных самодельных коллективов и оказали им практическую помощь в формировании репертуара.

Собранные материалы переданы в фольклорный архив кафедры русской литературы ГГУ, копии магнитофонных записей (101 текст) — в фонограммархив ОНМЦ.

К. Е. Корепова, Т. И. Белоус

¹ См. Сов. этнография, 1980, № 2, с. 157—158.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. К. Байбурин

ПРОБЛЕМА «ЛИЧНОСТЬ И ТРАДИЦИЯ» В ТРУДАХ Ю. ПЕНТИКЯЙНЕНА¹

В последние годы появилась серия работ известного финского этнолога, лингвиста и фольклориста Ю. Пентикяйнена, посвященных исследованию мировоззрения замечательной носительницы традиционной карельской культуры Марины Такало (1890—1970 гг.). Результаты почти десятилетней (1960—1969 гг.) интенсивной работы Ю. Пентикяйнена с Мариной Такало смело можно назвать уникальными. Пожалуй, впервые в мировой науке так подробно прослежено формирование картины мира, описаны культурный репертуар, механизм приобретения, хранения и передачи традиционной информации, процессы инкультурации, социализации и аккультурации одного человека. Кроме того, исследование финского ученого вызывает особый интерес на фоне наблюдаемого в последнее время увлечения методами массового опроса, статистическими данными этносоциологического характера, используемыми при изучении этнических процессов. Безусловно, на основе статистического материала можно получить представление об общих тенденциях этнокультурных процессов, однако многие, и притом весьма существенные содержательные характеристики этих процессов попросту не улавливаются с помощью статистических методов. Нет сомнения, что более пристальное внимание к этнофору (не среднестатистическому!), к его личности может не только выправить существующий крен, но значительно дополнить и обогатить наши представления о характере этнокультурных процессов.

Исследование личности этнографами и фольклористами, конечно же, нельзя отнести к числу совершенно новых сюжетов. В истории той и другой дисциплины (как в зарубежной, так и в отечественной науке) можно обнаружить несколько пиков внимания к проблемам личности. В отечественной фольклористике зарождение интереса к вопросам личности певца и сказителя датируется второй половиной XIX в. и связано с именами П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова, и в первую очередь А. Ф. Гильфердинга, статья которого «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» существенно повлияла на характер собирания и изучения фольклора в последующие десятилетия. Пристальное внимание к личности сказителя стало определяющей чертой русской и советской фольклористики. Носителю фольклорной традиции посвящены работы Б. М. и Ю. М. Соколовых, М. К. Азадовского, В. И. Чичерова, А. М. Астаховой, К. В. Чистова и ряда других исследователей. К сожалению, Ю. Пентикяйнен, как и большинство западных ученых, из

¹ Основные результаты исследования изложены Ю. Пентикяйненом в двух книгах и ряде статей. Первая книга вышла в 1971 г. на финском языке (*Marina Takalon uskonto. Uskontoantropologinan tutkimus*. Forssa, 1971); вторая — семь лет спустя на английском (*Oral Repertoire and World View. An Anthropological Study of Marina Takalo's Life History*.— FFC, № 219. Helsinki, 1978). Английское издание настолько существенно расширено, дополнено и переработано по сравнению с первой книгой, что его можно считать не просто новой книгой, но и основной работой по исследованию мировоззрения М. Такало. Из статей Ю. Пентикяйнена на эту тему см. прежде всего: *Depth Research*.— *Acta ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1972, t. 21 (1—2); *Repertoire Analysis. Folk Narrative Research*.— In: *Some Papers Presented at the VI Congress of the International Society for Folk Narrative Research*/Ed. Tuula Juurikka and Juha Pentikäinen. Pieksämäki, 1976; *Oral Transmission of Knowledge*.— In: *The Anthropological Study of Education*/Ed. Craig J. Calhoun, Francis A. J. Ianni. The Hague, 1976; *Structural Patterns of an Oral Repertoire*.— In: *Cahiers roumains d'études littéraires*, 1977, № 1; *Life History and World View*.— *Temenos*, 1979, № 13; *Folklore and Individual*.— In: *Congressus Quintus Internationalis Fenno — Ugristarum. Pars IV*. Turku, 1980.

всех многочисленных работ «русской школы» знаком лишь с небольшой монографией М. К. Азадовского, опубликованной в 1926 г. на немецком языке².

В зарубежной этнологии и фольклористике интерес к этой теме впервые, вероятно, возник как реакция на диффузионизм и эволюционизм. Вопросы, связанные с проблематикой «человек — общество», входили в число основных в разысканиях культурно-исторической школы Ф. Боаса и функционалистов (Б. Малиновский, А.-В. Рэдклифф-Браун и др.). Изучение певцов и сказителей фольклористами разных стран явилось своего рода фольклористической реализацией теоретических установок исторического и функционального методов. Вторая волна работ (и прежде всего в американской фольклористике), датируемая 60-ми годами нашего столетия (А. Б. Лорд, Р. Д. Абрахамс и др.). Причем сейчас уже не вызывает сомнений влияние «русской школы» на формирование интереса к вопросам изучения личности сказителя не только в европейской (И. Поливка, М. Мурко, Л. Дег и др.), но и в американской фольклористике (в частности, на разыскания А. Б. Лорда). Появление первых работ Ю. Пентикьяйна о Марине Такало не просто совпало по времени с новым этапом изучения личности носителя традиционной культуры, но и в известной мере было «спровоцировано» Ю. Пентикьяйном; однако теоретические посылы были уже существенно иными.

От всех перечисленных разысканий исследование Пентикьяйна отличается тем, что его нельзя назвать просто фольклористическим или этнографическим, психологическим или религиоведческим. Это комплексное междисциплинарное исследование, в котором личность Марины Такало рассматривается с самых различных точек зрения с применением методов, разработанных в разных областях научного знания.

Подход Ю. Пентикьяйна предполагает изучение личности этнофора в трех основных измерениях: культурный репертуар, мировоззрение, история жизни. При этом мировоззрение и культурный репертуар относятся друг к другу как план содержания к плану выражения, а история жизни является временной осью их формирования и изменений.

Под «культурным репертуаром» понимается вся та информация, которую Марина Такало восприняла в процессе инкультурации и социализации, сохранила, переработала и, будучи неграмотной, передала устным путем. Поэтому термины «культурный» и «устный репертуар» являются в этом случае синонимичными. Устный репертуар Марины Такало и послужили основным материалом исследования. Всего от нее было записано (начиная с 1957 г., когда ее творчество впервые попало в поле зрения фольклористов) 1592 фольклорных текста более 20 жанров (руны, плачи, песни, сказки, легенды, мемуары, пословицы и поговорки, описания обрядов, верований и т. п.). Кроме того, Пентикьяйн постоянно беседовал с Мариной Такало, используя сперва метод свободного (1960—1965 гг.), а затем направленного интервью по тщательно разработанным вопросам (этический, генеалогический, биографический, исторический и др.).

Интерпретируя огромный по своим размерам репертуар Марины Такало, Ю. Пентикьяйн уделял основное внимание вопросам формирования этого репертуара, динамике его изменений, соотношению активной и пассивной памяти исполнителя. При этом автор неоднократно подчеркивает первостепенную роль процесса социализации (и в первую очередь «вертикальной социализации», т. е. от предыдущих поколений) в усвоении традиции, в формировании структуры культурного репертуара, в отборе «активных» и «латентных» компонентов индивидуальной культуры Марины Такало. Однако как раз этот период (как, впрочем, и более поздние до 1957 г.) не документирован, а попытка его восстановления на основе поздних рассказов самой Марины Такало все-таки не может считаться достаточно надежной без привлечения сравнительных данных.

Другой важный комплекс вопросов, связанный с культурным репертуаром носителя традиции, относится к механизмам приобретения, обработки и передачи информации в традиционной культуре.

Поскольку Марина Такало была неграмотной, Ю. Пентикьяйн считает, что всю информацию она получила устным путем. Это, безусловно, не так. Любая культура в информационном смысле многоканальна. Более того, наличие нескольких каналов приобретения информации — необходимое условие существования любого биосоциального организма. Следует также учесть, что кроме словесного языка каждая культура создает целый комплекс других семиотических средств, с помощью которых перерабатывается

² Azadovskii Mark. Eine sibirische Märchenerzählerin.— FFC, № 68. Helsinki, 1926. Впрочем, эта книга весьма точно отражает основные позиции «русской школы» по проблемам изучения личности сказителя со всеми их достоинствами и недостатками, связанными, в частности, с переносом в область фольклора литературоведческих установок.

информация. Другое дело, что в иерархии семиотических систем естественный язык занимает, как правило, не просто ведущее, но совершенно особое место, являясь интерпретантом других семиотических систем³. Однако есть предположение и о своеобразной избирательности в использовании семиотических средств для кодирования той или иной информации. Например, у ряда народов для сообщений о рождении, свадьбе, похоронах, бедствии и других событиях, связанных с изменением социального статуса, использовался, как правило, визуальный опыт с применением символики одежды, прически и других средств, которые могли и не дублироваться акустически. Сконцентрировав все внимание на устном репертуаре Марины Такало, Ю. Пенттикийнен, по-видимому, существенно упростил общую картину культурного репертуара носителя бесписьменной традиции. В то же время безусловной заслугой автора является внимательное отношение к проблеме культурного контекста. Он не смешивает, как это нередко бывает, «устную традицию» и «фольклор», постоянно напоминая (вслед за А. Дандисом), что фольклорист имеет дело не только с *logos*, но и с *folk*, не только с текстом, но и с контекстом, ссылаясь при этом на слова Б. Малиновского о том, что текст, конечно, очень важен, но без контекста он остается безжизненным⁴. Эти установки, в частности, проявились в разработанной Ю. Пенттикийненом схеме многомерного подхода к изучению передачи традиции (с. 24—28), которая, по мнению автора, включает факторы, определяющие процесс функционирования традиции. К их числу относятся экологическая и социальная среда, индивидуально-психологические и социальные характеристики (запросы, эмоции, особенности восприятия, социальные роли и статусы, социальный контроль), особенности объективации традиции (языковая основа, стиль, структура), контекст традиционного сообщения, его функция, использование, значение и другие характеристики. Эта схема, подкупающая своей разработанностью (но отнюдь не строгостью), послужила основой при изучении личности Марины Такало с точки зрения ее участия в механизме функционирования традиции. При этом данная проблема рассматривается в непосредственной связи с историей ее жизни.

Марина Такало родилась в 1890 г. в приходе Оланга в Северной Карелии. Ю. Пенттикийнен подробно описывает экологическую среду, существенно повлиявшую на ее мировоззрение. При этом внимание уделяется и общей экологической системе так называемой Беломорской Карелии, включая климат, пути сообщения, основные занятия, принципы владения угодьями, административное управление и т. п. (с. 77—99).

В этническом отношении приход Оланга был смешанным. Здесь соседствовали представители четырех этносов: карелы, русские, лопари и финны. Среди религиозных групп доминирующее положение занимали старообрядцы, бежавшие от преследований официальной церкви. Семья Марины Такало также принадлежала к староверам.

В кратком, но очень содержательном очерке Ю. Пенттикийнен обрисовывает историю старообрядчества, церковную и государственную политику по отношению к староверам, их расселение в Северной Карелии (с. 100—106). Внимание привлекает описание внутренней структуры староверческой общины (иерархия ее членов и разделение труда, роль религиозных лидеров, статус члена общины и т. п.)⁵. Но особенно интересны страницы, посвященные староверческой этике (с. 114—120). Ю. Пенттикийнен строит типологию норм, правил и предписаний (а также их обоснований), отступление от которых вело к различного рода наказаниям. Ключевое понятие этой системы обозначалось карельским термином *reähkä* (финск. *räähä*, семантически сходным с русск. *грех*, а этимологически, по всей вероятности, к нему восходящим). Подробно рассматриваются система социального контроля, правила, регламентирующие самые различные аспекты поведения: ношение одежды, приготовление пищи и напитков, использование посуды и другой утвари. Особые предписания затрагивали и область фольклора.

Детство и юность Марины Такало прошли в большой семье (она была 11-м ребенком из 12), которая состояла из представителей нескольких поколений. Первые культурные навыки она усвоила от бабушки и тети (по отцу). Последняя, кроме того, была прекрасным рассказчиком, и именно от нее Марина Такало усвоила первые фольклорные тексты, в частности руны. Обучение религиозным нормам и ценностям вел ее отец, который также осуществлял общий социальный контроль в семье. От матери Марина Такало усвоила технику и технологию домашних работ, знания в области обрядовой жизни, осо-

³ Бенавист Э. Общая лингвистика. М.: Наука, 1974, с. 78—79.

⁴ Penttinen J. Oral Repertoire and World View..., p. 22. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте без указания названия.

⁵ Сама Марина Такало перестала быть старообрядкой в детстве после того, как, сказавшись на лодке во время шторма, выпила воду из «мирской чашки» (с. 110).

бенно окказиональные кризисные обряды, связанные с заболеваниями людей и эпизоотиями. Таким образом, в период социализации культурный багаж Марины Такало пополнялся за счет «вертикальной традиции» (от предшествующих поколений), в то время как в молодости преобладала «горизонтальная передача» (внутри своего поколения). В 1910 г. она вышла замуж и в последующие годы родила шестерых детей, из которых в живых остались трое. Позже судьба забросила Марину Такало с детьми в местечко Куисапо в Финляндии. Ю. Пентикяйнен обращает внимание на то, как это перемещение из гомогенной деревенской среды Северной Карелии в более урбанизированную финскую среду повлияло на ее устный репертуар, ценности, манеры, поведение. В Финляндии она стала представителем сразу нескольких «меньшинств»: «русская» по происхождению, карелка по самосознанию, языку, культуре и православная по вероисповеданию. Поэтому вопросы, связанные с аккультурацией и идентификацией (этнической, культурной, религиозной), принадлежат к числу наиболее интересных в данном исследовании.

Марина Такало — традиционно ориентированная личность. Не удивительно, что она всячески старалась сохранить свои первоначальные ориентации (хотя это и не вполне удалось). Проверая гипотезу И. Риндера о том, что строгая этническая идентификация типична для первого поколения эмигрантов, смешанная — для второго и третьего, и лишь четвертое строго идентифицирует себя с этническим большинством, Ю. Пентикяйнен ведет с этой целью наблюдения за следующими двумя поколениями семьи Марины Такало.

Позже Марине Такало удалось, хоть и на короткий срок, посетить родные места, и это дало мощный импульс к реактивации тех черт традиционной карельской культуры, того устного, и в частности фольклорного, репертуара, который она усвоила в первые периоды своей жизни. В связи с этим Ю. Пентикяйнен считает, что превращение Марины Такало из пассивного носителя традиции в активного, из «слушателя» в «рассказчика» произошло под влиянием возвращения в ту экологическую (и отчасти социальную) среду, в которой она «обучалась культуре». Наиболее продуктивным периодом передачи накопленной информации были для нее 1950-е годы, чему наряду с другими причинами способствовало, по-видимому, проживание в местности, очень похожей на ее родные места в Карелии (с. 72—73).

Эти и многие другие интересные выводы Ю. Пентикяйнена об устном репертуаре Марины Такало появились в результате применения методики, которую сам ученый называет глубинным исследованием личности носителя культуры (depth research) ⁶.

Изучение проблемы «личность — культура» издавна было направлено главным образом на рассмотрение личности как порождения культуры («человек как социальное существо»). Между тем не менее важно понимать, как человек сам мотивирует, понимает и интерпретирует культуру. С этой целью в культурологии и этнопсихологии ведется изучение «историй человеческих жизней» с применением методики глубинного интервьюирования. Своего рода погружение в жизнь информанта — это не простое выяснение подробностей его биографии, но вскрытие мотивов и закономерностей конкретных путей усвоения, интерпретации и передачи традиционных моделей культуры. Каковы характер и пределы варьирования жизненного пути, допускаемые традиционной схемой жизни, принятой в данном обществе? Что именно может варьироваться, а что не допускает изменений? Наконец, как все это связано с системой ценностей информанта, с его мировоззрением? Последнему вопросу отведено особое место в исследованиях Ю. Пентикяйнена ⁷. Всестороннее изучение мировоззрения одного человека («персональной картины мира»), пожалуй, наиболее существенная сторона работ Ю. Пентикяйнена, отличающая его от других работ по проблеме «личность — культура». Вместе с тем это и наиболее спорная часть исследования Ю. Пентикяйнена.

Марина Такало была глубоко религиозна. Это обстоятельство побудило автора рассматривать ее мировоззрение в рамках так называемого «религио-антропологического подхода». Такой подход по своей проблематике ориентирован на человека. Религия рассматривается в терминах представлений человека и его поведения в обществе. Определение «антропологический» употребляется в том смысле, что подобный подход стремится обрисовать религию целостно как часть культуры, в рамках которой она функционирует, как часть традиции, носителем которой является изучаемая личность. Центральной проблемой с этой точки зрения является механизм трансмиссии религиозной традиции (с. 37). Религио-антропологический подход базируется на первич-

⁶ См. подробнее *Pentikäinen J. Depth Research.*

⁷ См. также *Pentikäinen J. Life History and World View.*

материале, собранном во время интенсивной полевой работы, т. е. в данном случае: на устном репертуаре Марины Такало, полученном в результате применения методов глубинного исследования.

Ю. Пентикяйнен так формулирует основные пути поисков в этом направлении: 1) индивидуальная религиозная картина жизни и мира и их формирование; 2) персональная религиозная система образов, ее актуализация в сверхъестественном опыте интерпретация данного опыта; 3) ритуальное поведение в переходных ритуалах, ритуалах кризисов, календарных ритуалах; 4) религиозные группы, членом которых была Такало; 5) религиозное воспитание в этих группах; 6) религиозные роли М. Такало; 7) отношение индивидуального мировоззрения М. Такало к коллективной традиции ее родного прихода; 8) зависимость религиозных взглядов от экологической среды и ее времен; 9) изменение религиозных идей в течение жизни; 10) влияние религии на личность» (с. 39). В самом феномене религии Ю. Пентикяйнен выделяет пять уровней: когнитивный (система представлений), аффективный (религиозные чувства, переживания), конативный (религиозное поведение), социальный и культурный. В соответствии этой схемой Ю. Пентикяйнен группирует и анализирует имеющийся в его распоряжении материал.

Прежде всего он описывает так называемый аффективный уровень религиозности Марины Такало, реализующийся в ее представлениях о сверхъестественном и в соответствующих формах ритуального поведения. И здесь основным материалом послужил устный репертуар Марины Такало. В частности, оказалось, что для анализа ее представлений о сфере сверхъестественного особую ценность имеют мемораты, которые Ю. Пентикяйнен делит на четыре подтипа: личные мемораты, основанные на ее собственном опыте, семейные, общинные и мемораты, слышанные ею от финнов. В меньшей мере необходимая информация содержится в записанных от нее легендах и верованиях. В системе представлений Марины Такало о сверхъестественном Ю. Пентикяйнен выделяет и описывает ряд подсистем: предзнаменования и знаки *post facto* (с. 131—139); духи-хранители (с. 139—153); мертвые (с. 153—166), а также чудесные награды или наказания за те или иные поступки (с. 166—171). В этом описании особый интерес вызывает весьма разработанная система знаков, символов и предзнаменований, с помощью которых Марина Такало строила стратегию своего поведения. Любопытно, что иррациональная система прогнозирования жизни и основанная на ней программа поведения вела к весьма рациональным поступкам и действиям.

Конативный уровень религиозного сознания Марины Такало выражен в ее ритуальной практике. Для описания этого уровня Ю. Пентикяйнен предлагает типологию ритуалов, в соответствии с которой все они объединяются в три большие группы: кризисные, календарные ритуалы и обряды перехода (*rites of passage*). Под кризисными понимаются окказиональные ритуалы, действие которых направлено на преодоление кризисных ситуаций в жизни человека или коллектива (болезни, эпидемии, эпизоотии и т. п.). Календарные обряды в отличие от кризисных являются периодическими. Они регулируют временные и тесно связанные с ними хозяйственные циклы. Обряды перехода оформляют жизненный путь человека, его переход из одного возрастного и социального статуса в другой.

С такой типологией ритуалов можно было бы в целом согласиться при условии существенного расширения круга окказиональных обрядов, к числу которых следует, по-видимому, отнести не только «кризисные», но и так называемые «технологические», т. е. ритуалы, сопровождавшие, например, некоторые домашние работы, изготовление утвари, орудий труда, строительство дома, лодки, моста и т. п.

Ю. Пентикяйнен отмечает высокую степень синкретизма религиозного сознания Марины Такало, включающего элементы старовещерской идеологии, официальной церковной доктрины, дохристианских (локальных) представлений и верований. Ее ритуальный «репертуар» известен Ю. Пентикяйнену в основном из рассказов о том, «как это происходило» и «какое она принимали в них участие».

Наиболее полными оказались описания обрядов жизненного цикла: рождения (с. 176—181), похорон (с. 204—205) и особенно свадьбы (с. 182—204). Ритуал свадьбы Ю. Пентикяйнен рассматривает как серию *rites of passage*, в которых не только изменяется статус индивидуума, но и получают новое оформление многие другие социальные отношения. В частности, свадьба неизбежно влечет за собой изменения в структуре семьи, родственных групп, деревенской общины, половозрастных групп. Поэтому описание свадьбы как органического единства сразу нескольких переходных обрядов представляется методологически оправданным и плодотворным. Особый интерес

вызывает по обстоятельству, что Марина Такало принимала участие в свадебных рядах в различных ролях: в составе группы детей, группы девушек, родственников членов общины, как невеста и т. д. Поэтому ее описания позволяют «увидеть» свадьбу «изнутри» с самых различных точек зрения.

Календарный обрядовый цикл описан бегло (с. 209—217), зато очень подробно рассмотрены кризисные ритуалы. Так же, как концепция греха определяла этическую систему Марины Такало, концепция судьбы была ключевой в ее отношении к кризисным ситуациям. Причем, отмечает Ю. Пентикяйнен, для ее рационалистического мировоззрения было весьма характерно связывать концепцию судьбы с создателем, с одной стороны, и с духами-хранителями — с другой, объединяя их в одну систему (с. 218). В другую систему «участников» кризисных ситуаций входили знахари, колдуны, специалисты по остановке крови и т. п. Специальные главы посвящены характеристикам карельской этномедицинской традиции и корпуса заговоров (заклинаний) Марины Такало.

Мировоззрение автор связывает почти исключительно с когнитивным уровнем религии, определяя его как «целостный взгляд на природу, общество и человека» (с. 38). Когнитивные аспекты религии, говорит он далее, реализуются главным образом в мифах, народных верованиях, легендах, в то время как в меморатах — аффективные элементы, а в ритуалах соответственно представлен конативный уровень (с. 44). Следуя логике автора, картина мира воплощается в одних текстах культуры и имеет весьма отдаленное отношение к другим. Ошибочность такого подхода очевидна. Картина мира, видимо, ни на одном уровне не представлена, да и не может быть представлена в «чистом виде», поскольку является системой правил, «смыслов», определяющих поведение человека. И именно поэтому картина мира реализуется как в самом поведении, так и во всех продуктах этого поведения на всех перечисленных уровнях, в том числе и в мифе, и в меморатах, и в ритуале, и в формах социальной организации, и в других объективированных тем или иным способом формах культуры. Корни подобного рода смещений в неразличении «содержания» и «выражения», *langue* и *parole* культуры. При всей тривиальности такого разграничения, его забвение неминуемо влечет за собой цель некорректных допущений, искажающих в конечном счете результаты исследования.

Ю. Пентикяйнен изучал не просто традиционную картину мира, но мировоззрение одного человека. Естественно было бы ожидать, что автор попытается определить, что имеется в виду под постоянно употребляемым им термином «личное мировоззрение» (*personal world view*). Какие ограничения или, наоборот, расширения влечет за собой определение «личное»? К сожалению, в публикациях Ю. Пентикяйнена этого обнаружить не удалось.

Но пожалуй, наиболее слабым местом в исследовании мировоззрения как такового является его методика. По сути дела никаких специальных приемов при описании картины мира Марины Такало не применяется. Их заменяют собственные комментарии скандинавские к отдельным текстам ее устного репертуара и к фактам ее биографии. Спору нет, это очень интересный и редко встречающийся материал, способный пролить свет на весьма существенные параметры картины мира, но ни в коей мере не заменяющий исследовательской реконструкции мировоззрения. И применение методики глубинного исследования личности, на которую так уповаet Ю. Пентикяйнен, не может дать в этом случае ощутимого эффекта по той простой причине, что обрисовать свою модель мира сам человек не в состоянии. Для этого по меньшей мере необходимо занять внешнюю позицию, во-первых, и разработать соответствующие принципы описания, во-вторых. И уж, конечно, это задача не информанта, а исследователя. Нельзя сказать, что Ю. Пентикяйнен не справился с ней. Его типология отдельных жанров устного репертуара Марины Такало, многочисленные тонкие наблюдения над его формированием и изменениями, ряд выводов, непосредственно касающихся мировоззрения, безусловно, интересны и поучительны. Попытки применения Ю. Пентикяйненом в ряде случаев методов структурно-функционального анализа устного репертуара Марины Такало, например повествовательной (нарративной) части ее репертуара по модели В. Я. Проппа (с. 273—294), имеют самостоятельную ценность, но мало что дают для характеристики ее мировоззрения. Это и понятно, так как смысл подобного анализа — в постижении логики повествования, структуры текста, в то время как для целей, сформулированных Ю. Пентикяйненом, необходим в первую очередь анализ семантики текста. Именно такой подход, по-видимому, мог бы в конечном счете подвести исследователя к описанию той

ещей для всех текстов Марины Такало системы «смыслов», которую можно было бы назвать моделью мира Марины Такало.

Складывается впечатление, что проделана огромная предварительная работа по упорядочению результатов почти десятилетних исследований. Она уже принесла ощутимые и весьма интересные результаты, но достижение основной цели — описание модели мира именно как модели Марины Такало — еще впереди. Это предполагает, по-видимому, выявление полного набора абстрактных и конкретных классификаторов и их анализ на основании того обширного материала, которым располагает Ю. Пентикяйнен. Другими словами, необходимо выяснить, с помощью каких классификаторов Марина Такало ориентировалась в окружающем мире и определяла в нем свое место. Какова их иерархия и каково их семантическое накопление? Наконец, в чем проявляются индивидуальные особенности классификационной деятельности Марины Такало? А последний вопрос предполагает сравнительный анализ и, следовательно, развертывание работы по описанию индивидуальных картин мира.

Исследование Ю. Пентикяйнена открывает новые перспективы в изучении, казалось бы, традиционной проблематики личности носителя фольклорно-этнографической традиции. Уникальная полнота и глубина описания внутреннего мира одного человека, индивидуальных механизмов восприятия, хранения и передачи этнокультурной традиции ставят исследование финского ученого в один ряд с наиболее значительными трудами в области этнографии и фольклористики, представляя особую ценность для разработки общей теории культурной традиции.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

К НОВОМУ ИЗДАНИЮ «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ»

Джеймс Джордж Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Изд. полит. лит., 1980, 831 с. Редакция, послесловие и комментарий Токарева С. А. Перевод с англ. М. К. Рыклина.

Этнография — одна из самых молодых исторических наук, она значительно моложе археологии и несравненно моложе гражданской истории, если учитывать давность именно собственно научного периода развития этих дисциплин, а не преднаучный период появления их зачатков. Как это обычно бывает с молодыми науками, темпы ее развития особенно высоки, едва ли не каждое десятилетие нашего века знаменуется появлением новых школ, теорий и концепций. Однако есть произведения, относящиеся к золотому фонду науки, которые стареют, но не устаревают, хотя в них отчетливо отразилась специфика времени их создания, уровень научной мысли, идейное настроение породившего его времени; они тем не менее сохраняют непреходящую ценность и в ходе дальнейшего поступательного движения науки, интерес и свежесть восприятия для многих поколений людей. Естественно, подобные произведения должны время от времени перендизаваться и снабжаться новыми, соответствующими эпохе комментариями. К их числу относится и труд Фрэзера, новый перевод которого опубликован в серии «Библиотека атеистической литературы», уже много лет издаваемой Издательством политической литературы.

«Золотая ветвь» Фрэзера — религиоведческое исследование, однако характер этого произведения, основанного на кросс-культурном анализе и тесно связанного с проблематикой истории первобытности, по преимуществу этнографический. Перед нами одно из классических сочинений, лежащее в фундаменте этнографических знаний о формировании ранних религиозных представлений и до настоящего времени являющееся неиссякаемым родником фактов и наблюдений.

Перевод «Золотой ветви» на русский язык впервые вышел в 1928 г. Однако он был выполнен с французского издания, и поэтому не давал полного представления о языке и стиле автора. Нынешний перевод, осуществленный М. К. Рыклиным, сделан с последнего лондонского издания 1923 г. Это созданный самим Фрэзером сокращенный вариант полного издания «Золотой ветви» (1911—1915 гг.), мало популярного в силу своей громоздкости. Большинство ученых предпочитало и предпочитает использовать именно этот вариант.

Отправным пунктом труда Фрэзера является обычай, регулировавший замещение должности жреца Дианы Арицийской при ее храме у озера Неми, в окрестностях древнего Рима. Претендент на эту должность должен был, сорвав предварительно «золотую ветвь» священного дуба, убить в поединке своего предшественника, денно и ночью охранявшего этот дуб. Для объяснения генезиса этого обычая Фрэзер пред-

принимает сложнейший и разветвленный анализ сходных обычаев у множества народов, связанных с жертвоприношениями, ритуальными убийствами царей-жрецов и инкарнаций божества, и всевозможными магическими обрядами, что позволяет ученому дать гораздо более широкую картину истории человеческих предрассудков и заблуждений, выразившейся в многотысячелетней эволюции магических и религиозных представлений.

Не следует забывать, что Фрэзер жил и работал в викторианской Англии, и хотя вся его деятельность по существу была не только глубоко антиклерикальна, но и антирелиозна, он тем не менее не мог выступать с открыто атеистических позиций, и вынужден был свои разоблачения «святых» ценностей религии облекать в двусмысленную, туманную фразеологию, предоставляя самому читателю разоблащаться, какая из двух или даже нескольких альтернатив истинна, а какая ложна. Следует отметить, что исследовательскую манеру Фрэзера вообще отличает гибкость формулировок. Из текста книги видно, что сам он никогда не придавал своим идеям жесткой догматической формы, в которую они отливались в работах его последователей и в которой они часто излагались его критиками.

Что же делает труды автора викторианской эпохи интересными современному советскому читателю? Прежде всего, это необъятная эрудиция Фрэзера и огромное разнообразие использованных им этнографических и исторических источников. Фактологическая база его труда грандиозна, он привлек внимание ко многим редким или забытым явлениям или деталям, снабдил книгу выписками из малоизвестных сочинений античных авторов и путешественников нового времени, использовал этнографические материалы по самым разным сторонам духовной жизни первобытных обществ всех континентов, собрав колоссальное количество фактов. Нельзя не отметить, что в отличие от подавляющего большинства других западноевропейских авторов конца прошлого века Фрэзер достаточно широко использовал русскую этнографическую информацию и сослался на многие факты из архаического быта славян.

В 12-томном издании «Золотой ветви» содержатся исчерпывающие списки литературы по затронутым в тексте темам, дающие полное представление о замечательном арсенале фактических средств, которыми пользовался Фрэзер, создавая свое произведение. Строгая документация фактов и наблюдений позволяет осуществить в необходимых случаях их перепроверку.

Рассуждая об основных фазах духовного развития человечества, Фрэзер создает трехчленную формулу: магия — религия — наука, которая вызвала оживленные споры, острую критику одних и активную поддержку других, породила громадную литературу о соотношении этих форм духовной деятельности людей, особенно на ранних этапах человеческой истории. Без рассмотрения этой формулы не обходится ныне почти ни одно исследование по истории античной науки и философии; именно здесь можно с наибольшей полнотой наблюдать те предпосылки в идеологии общества, на почве которых вырастают первые побегі научного подхода к действительности.

Однако формула Фрэзера, ее приятие или неприятие, критика и использование актуальны не только в вопросах генезиса научного подхода, но и еще большее значение имеют они при анализе представлений о сверхъестественном. Вне зависимости от того, называть ли все проявления этой веры в сверхъестественное религией, или же терминологически разграничивать, как это делает Фрэзер, магию и религию в рамках более общего понятия, в любом случае подход и умозрительные построения Фрэзера относительно различения и соотношения между безличным ходом неведомых сил, на который должна воздействовать магия, и персонализированными образами этих сил, божествами — объектами религиозного культа и в наши дни не могут считаться устаревшими. Действительно, при конкретном анализе религиозного поведения носителей первобытных религий выделение личностного аспекта объектов культа или обезличенных сверхъестественных сил, направляемых посредством магии, как правило, очень существенно. Конечно, в реальной действительности, особенно в первобытном и раннеклассовом обществе, представления, понятия и действия, несущие магический, собственно «культуво-религиозный» и даже эмбрионально-научный характер, нередко тесно переплетены и лишь с трудом поддаются искусственному разграничению в ходе их научного исследования, но разграничение это необходимо, и в его проведении формула Фрэзера сыграла свою положительную роль. Разумеется, в свете достижений современного науковедения и религиоведения формула Фрэзера излишне схематизирует положение дел, имевшее место в действительности, но она стимулировала исследовательскую мысль на протяжении многих десятилетий, и при анализе определенных конкретных случаев, по-видимому, сохраняет известное значение и по сей день.

Помимо упомянутой выше общетеоретической идеи, рецензируемая книга ввела в науку ряд результатов, мимо которых не может пройти ни один современный исследователь. Тщательное освещение проблем, связанных с культом животных в охотничьих коллективах и культом деревьев в обществах земледельцев, обзор истории оргиастических культов как в архаических обществах разных континентов, так и в древнейших государствах и государственноподобных образованиях древнего Востока и античного мира, тесное переплетение собственно светской власти и жреческих функций первых царей, значение разнообразных жертв как выражение магии сопричастия, выявление и обстоятельный анализ форм первобытной магии — вот далеко не полный перечень достижений Фрэзера, сохранивших с теми или иными оговорками свое значение до настоящего времени. Как видим, многие страницы книги Фрэзера имеют силу научной доказательности до сих пор.

Фрэзер был одним из крупнейших представителей классического эволюционизма XIX в. и разделял с этим течением научной мысли как его сильные, так и его слабые

тороны. Нельзя не отметить его безудержного увлечения сравнительным методом, что приводит к сравнениям без учета пространственного происхождения фактов и их хронологической принадлежности, переоценке сакрального момента в происхождении государственной власти и многим другим недостаткам, отмеченным критиками «Золотой ветви».

Однако недостатки труда Фрэзера — это общие погрешности эволюционистской научной мысли соответствующей эпохи, и они имеют для нас исторический интерес, тогда как достоинства этого труда делают его действенным пособием и инструментом для современного исследователя. Поэтому выход в свет в новом переводе этого классического произведения служит прекрасным подарком советскому читателю.

Статья С. А. Токарева, кратко, но выпукло дающая как творческий образ английского мыслителя, так и обзор основных идей его книги, умело составленные географический, предметный и топонимический указатели, квалифицированные примечания повышают ценность этого издания.

С. А. Арутюнов.

ОБ ИСТОРИКО-РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ Дж. ФРЭЗЕРА

Фундаментальный двенадцатитомный труд Фрэзера стал составным элементом этнографической и религиоведческой классики. В различных объемных вариантах он переводился на разные языки мира, в том числе и на русский. В 1928 г. «Золотая ветвь» была издана на русском языке четырьмя выпусками в переводе с авторизованного сокращенного французского текста. В дальнейшем было предпринято новое издание с поправками и дополнениями; оно было рассчитано на два тома, но вышел только первый (1931 г.). Теперь опубликовано новое русское издание «Золотой ветви», причем перевод сделан с английского оригинала — с сокращенного издания 1923 г., обработанного самим Фрэзером. Необходимо отметить тщательность подготовленного Политиздатом современного издания, хороший перевод, содержательность комментариев и редакционных примечаний. В принадлежащем С. А. Токареву послесловии дан, с нашей точки зрения, ценный и правильный анализ значения научного творчества Фрэзера, причем вполне уместным представляется указание на наличие в литературе «явного преувеличения» этого значения, как и вывод, по которому «если даже откинуть эти явные преувеличения, то остается многое, что ставили в заслугу Фрэзеру вполне справедливо» (с. 802).

Укажем вместе с тем на отдельные погрешности в подготовке издания, которых следовало бы избежать. Перевод не обошелся без отдельных неточностей и вольностей. Фигурирующий в оригинале и общепринятый как в библистике, так и в религиоведении в целом термин «козел отпущения» (англ. Scapgoat) в ряде случаев заменен здесь словами «искупитель чужих грехов» или еще менее определенными выражениями; эта вольность особенно ощущается в заголовках. В рецензируемом издании нет ни одного заголовка «Козел отпущения», в оригинале же они фигурируют неоднократно. Столь же неправомерно выглядит перевод эпитета «греческая» в применении к церкви словом «православная». Это ведет даже к недоразумениям. Так, в тексте перевода мы читаем приводимую Фрэзером цитату: «На Страстную пятницу в православных церквях на всеобщее обозрение выставляют восковое изваяние мертвого Христа...» и дальше идет подробное описание сложнейших церемоний, связанных с этим изваянием (с. 384—385). Но в русских православных церквях ничего похожего нет! Недоразумение усугубляется тем, что к приводимой Фрэзером цитате, как и во всех других случаях, не дается ссылки на ее источник. Может быть, имело бы смысл привести эти ссылки, взяв их из других английских изданий «Золотой ветви».

Географический комментарий к изданию отличается богатством и точностью содержания. Можно предъявить некоторые претензии лишь к подстрочным примечаниям. В них попадаются неточности¹, многие из примечаний вообще не стоило бы давать в издании подобного профиля². Отвлечемся, однако, от этих частностей и воспользуемся

¹ Неверно, например, что «Иероним святой» перевел Библию с греческого языка (с. 385). Он перевел Ветхий завет с древнееврейского, а величать его самого следует не Святым, а Блаженным. Неточно следующее определение: «Анимизм ... вера в то, что во всех предметах и явлениях заключена таинственная душа» (с. 138); правильное было бы — «в некоторых (или „во многих“) предметах и явлениях». Не вполне точно дано определение понятия экзорцизма (автор примечания почему-то настаивает на греческой транслитерации — «экзоркизм» вместо принятого в русской научной литературе лат. «экзорцизм»): «закливание духов с целью заставить их служить человеку» (с. 64). Основная цель экзорцизма заключается в изгнании духов.

² Вряд ли, например, читателю подобного издания надо разъяснять, что Плутарх был «древнегреческий писатель и историк», Плиний Ст. — «римский писатель и ученый» (с. 26), а Аристотель — «древнегреческий философ и ученый» (с. 46).

счастье, чтобы высказать некоторые соображения к оценке значения научного наследия Фрэзера.

Каждое из произведений этого автора, и в особенности «Золотая ветвь», представляет собой прежде всего собрание колоссального количества сообщений о фактах и сюжетах истории религии. И очень трудно проследить в этом потоке материалов сквозные линии, которые их объединяют, и те научные идеи, которые из них вытекают. Иногда при чтении Фрэзера возникает впечатление, что вот, наконец, «поймана» идея, которую он хотел в данном случае выразить, поставив ее в связь с другими столь же значительными теоретическими обобщениями. Но тут же идея, во всяком случае, скоро автор дезавуирует сам себя и предостерегает читателя от возможной трактовки текста в том плане, который как будто прямо напрашивается. И опять движется поток фактов и по затрагивавшимся, и по другим вопросам, и опять кое-где мелькает та же или какая-нибудь новая идея и тут же исчезнет, задавленная новыми фактами. Тем не менее ценность и выразительность приводимого материала настолько высоки, что при вдумчивом его осмыслении можно прийти к плодотворным выводам, имеющим серьезное мировоззренческое значение, если даже сам автор и не делает этих выводов или возражает против них.

В предисловии Фрэзера к сокращенному изданию «Золотой ветви» он так формулирует задачу всего своего исследования. «Основной целью настоящей книги является объяснение любопытного правила, которое определяло порядок наследования должности жреца Дианы в Ариции» (с. 67). Порядок был таков, что претендент на эту должность мог удовлетворить свою претензию лишь тем, чтобы в поединке одолеть и убить прежнего жреца, предварительно сорвав ветку («золотую ветвь») с дуба, под которым тот обитает. Как ни «любопытен» этот порядок наследования, выяснение его сущности и происхождения представляется, однако, чересчур скромной задачей для многотомного научного исследования. В последней главе рецензируемого издания подтверждается, что целью исследования было раскрытие сущности обычая, связанного с наследованием должности арицийского жреца, но при этом сообщается, что в ходе изложения автор «сходил на множество других путей», а в общем оказывается, что в данной книге «его занимала печальная история человеческих заблуждений и безумия» (с. 790). Обычай убийства жреца на озере Неми оказывается, таким образом, лишь звеном целой печальной истории заблуждений и безумия. Речь идет о всей истории религии?

Тут же, однако, вопрос переводится в другую плоскость и тем снимается с обсуждения. Начинается разговор о соотношении религии и магии — на тему, к которой Фрэзер многократно возвращается в ходе изложения. По существу мы сталкиваемся здесь с наиболее широким теоретическим обобщением, фигурирующим в работах Фрэзера: с трехчленной схемой развития «общественного мышления».

Магия, религия, наука

Методологически эта схема связана с гегелевской триадой (тезис — антитезис — синтезис). Магия, по Фрэзеру, основана на представлении о железной закономерности явлений, в силу которой «одно природное событие с необходимостью неизменно следует за другим без вмешательства духовного и личного агента» (с. 61); воздействовать на какое-нибудь из этих явлений в свою пользу человек может, с этой точки зрения, лишь исходя из указанной закономерности. Религия же, наоборот, допускает возможность прямого вмешательства сверхъестественных существ в ход происходящих событий, так что человеку приходится обращаться к этим существам с умиловительными процедурами, в частности с молитвами и жертвоприношениями. В процессе прогрессивного развития общественного сознания магия сменяется религией. Наконец, третья стадия — научная — оказывается неким возвратом к первой — магической. Наука, как и магия, исходит из закономерности явлений природы и общества, хотя и трактует она эту закономерность по-иному, чем магия.

Обычно остается вне поля зрения комментаторов то обстоятельство, что Фрэзер не ограничивает свою схему интеллектуального прогрессивного движения человечества тремя стадиями. «Из того, — говорит он, — что научное воззрение является лучшим из до сих пор сформулированных представлений о мире, нельзя с необходимостью заключать, что оно является окончательным и всеобъемлющим» (с. 791). Научные теории суть лишь гипотезы, «и подобно тому как наука вытеснила своих предшественниц, в будущем на смену ей может прийти другая, более совершенная гипотеза» (с. 792). О возможном характере этой будущей, более совершенной, чем научная, формы мышления Фрэзер ничего определенного сказать, конечно, не может и ограничивается туманными фразами типа: «Возможно, это будет радикально иной взгляд на вещи, точнее, на их тени на экране ума, взгляд, у которого наше поколение не может составить себе ни малейшего представления» (с. 792). Пожалуй, нам нет надобности заниматься тем, о чем мы не можем составить себе ни малейшего представления, — займемся той трехчленной формулой, смысл которой со слов Фрэзера можно понять.

Ее логическая и фактическая несостоятельность не вызывают сомнений. Показательно уже то, что сам Фрэзер не выдерживает своего же принципа чередования стадий и признает, что в разные эпохи истории человечества рассматриваемые им три формы часто сосуществуют и смешиваются. «Антагонизм магии и религии на ранних стадиях существования общества вообще не заметен», он «появляется на сравнительно поздней стадии религии» (с. 65); у народов, «поднявшихся на более высокую ступень культуры», магия и религия тоже существуют в некоем «смешении», хотя и в виде пережитка (с. 65—66). Такие заявления встречаются у Фрэзера много раз, так что правило чередования начинает выглядеть как исключение, а исключение — как правило.

Почему это оказывается возможным? Только потому, что в действительности не много этого правила, оно является продуктом неверного теоретического обобщения. Представляется несколько непонятным, почему С. А. Токарев в своем послесловии фактически воздержался от критики «теории чередования». Изложив ее (с. 796—797), он решает в дальнейшем вернуться к ее оценке и это свое обещание выполняет (с. 800), но не для того, чтобы подвергнуть ее критике, а для того, чтобы прокламировать ненужность таковой критики. Выражается даже недовольство теми авторами, кто ею занимается, поскольку они сами «зачастую исходя из Фрэзеровской схемы классификации магических обрядов... не принимая только ее чисто психологического обоснования». Главное же — что «эта трехчленная формула вовсе не занимает главного места в концепции автора: в большинстве рассматриваемых Фрэзером проблем она попросту отсутствует». Приходится опровергнуть почти все приведенные здесь высказывания автора послесловия.

Вряд ли правомерно обосновывать ненужность критики Фрэзеровской теории взаимоотношений магии, религии и науки тем, что она «не занимает главного места в концепции автора» (с. 800). Такого главного места у этого автора не занимает ни одна теория, ибо, как, кажется, не отрицает и С. А. Токарев, в теоретическом плане Фрэзер был эклектиком, и в бесчисленном множестве приводимых в его работах фактов те или иные теории, иногда даже взаимно противоречащие, вполне мирно уживаются, так что о «главной» из них можно говорить лишь условно. Заметим, однако, что к «Золотой ветви» автор дал расшифровывающий подзаголовок: «Исследование магии и религии»; видимо, сам он рассматривал проблему соотношения этих двух понятий как центральную для своей работы. Не обязывает ли это нас уделить ей соответствующее внимание? И не так уж мало важно то обстоятельство, что она имеет весьма существенное мировоззренческое значение. И пусть даже безымянные «критики», которых упоминает автор послесловия, сами нередко пользуются Фрэзеровской классификацией видов магии, но вряд ли следует рассматривать этот факт как основание для отказа от критики теоретических основ «трехчленной» концепции.

В похвальном тоне отзывается С. А. Токарев о предисловии П. Ф. Преображенского к русскому изданию «Золотой ветви» 1928 г., как «обстоятельному и критическому», а о той критике, которой там подвергается трехчленная формула Фрэзера, сказано лишь, что П. Ф. Преображенский оценивает последнюю «очень сдержанно» (с. 803). Что это значит — не очень ясно. Но еще менее ясно, почему в предисловии С. А. Токарева обойдено полным молчанием русское издание «Золотой ветви» 1931 г. и предисловие к этому изданию В. К. Никольского, где как раз дана довольно обстоятельная критика концепции Фрэзера.

Трудно согласиться с утверждением о том, что Фрэзер не придавал большого значения своей концепции трехстадийного развития и не уделял достаточного внимания ее обоснованию. Он считал, в частности, необходимым «выяснить, в каком отношении она (магия. — И. К.) находится к религии» (с. 62). А до того, как приступить к выяснению этого отношения, он дал определение фигурирующих здесь понятий. Понятие религии определяется таким признаком: «Умилостивление и умиротворение сил, стоящих выше человека, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни» (с. 63). Это определение было бы непонятным и даже малопонятным, если оно тут же не дополнялось бы некоторыми расшифровывающими соображениями и замечаниями. «Силы, стоящие выше человека», суть, по Фрэзеру, сверхъестественные существа или просто боги. И в основе действий человека по их умилостивлению и умиротворению лежит вера в их существование. Это правильно, хотя и несколько односторонне: история религии знает и такие ее формы, когда человек старается не умилостивить высшее существо, а, наоборот, пригнать его, наказать или даже уничтожить. Но в данном контексте нас интересует другая сторона вопроса.

Фрэзер выключает магию из религии на том основании, что в ней нет веры в бытие сверхъестественных существ, которые можно умилостивлять, добываясь их произвольного воздействия на ход явлений в интересах человека. И на этом же основании он ставит магию в один ряд с наукой, как явления однотипные в том смысле, что и та и другая исходят из представления о безличном и закономерном ходе событий, который изменить невозможно, но к которому можно приспособиться, используя его в своих интересах. И оставляет Фрэзер в стороне ту решающую сторону дела, что магическую специфичность соответствующее действие приобретает лишь в том случае, если в указанной выше непреложной закономерности усматриваются некие сверхъестественные связи между явлениями, будь эти явления даже сами по себе естественными. Объяснение сути дела влиянием ассоциативного мышления не помогает выяснению вопроса. Возьмем простой пример.

Вид и звук льющейся воды в силу ассоциации может вызвать воспоминание о том, как человек некоторое время тому назад купался в реке, и даже желание повторить эту операцию. И совсем другое дело, если человек льет воду с крыши своей хижины для того, чтобы вызвать этим дождь. Ассоциация в этом случае тоже имеется, но она дает принципиально иные результаты, чем в первом случае. Здесь имеется в виду наличие некоей сверхъестественной связи между водой, которая льется с крыши, и водой, долженствующей протечь в виде дождя. Без признака этой сверхъестественной связи магическое действие теряет свою специфичность.

Совершенно очевидно, что признак веры в сверхъестественное является коренным и конституирующим и для понятия магии, и для понятия религии, так что, откинув его, мы упускаем сами эти понятия. А если это так, то нет оснований рассматривать их как взаимно чужеродные.

Религия есть вера в сверхъестественное, находящая свое выражение в определенных действиях; наиболее адекватным образом они могут быть обозначены как магические. Магия есть совокупность действий, основанных на вере тех, кто их совершает в сверхъестественное. Противопоставлять эти явления и обозначающие их понятия, как и рассматривать их в качестве чередующихся стадий развития «человеческого духа» неправильно.

Кстати сказать, механизм этого чередования изображен Фрэзером как-то уж очень просто и, прямо сказать, наивно. Занимались люди магией, потом наиболее умные из них увидели, что это бесполезное занятие. «Со временем проникательные люди, должны были заметить, что магические обряды и заклинания не приносят результатов, которые они рассчитаны» (с. 70). Тогда на смену представлению о безличной неотвратимой закономерности всего происходящего пришла вера в то, что все происходит так, как оно *должно* происходить само по себе, а так, как этого желают некие сверхъестественные существа, господствующие над миром: «Можно предположить, что так или примерно так самые прозорливые из людей совершили великий переход от магии к религии» (с. 72). Но на религии прозорливые люди не остановились и перешли к следующей стадии — научной. Потому ли, что убедились в бесплодности религиозных методов поведения? Сказать это прямо Фрэзер не решается и ограничивается по этому вопросу намеками, но вся логика его концепции ведет именно к такому решению. Очень, правда, сложно получается со сравнительной оценкой значения трех стадий развития общественного мышления.

Религия в концепции Фрэзера сильно выигрывает в своем значении по сравнению с тем, какова она в действительности. Очищенная от первобытной магической дикости от варварского колдовства, она предстает в виде благородной и утонченной идеологии достойной уважения. И все же на позициях апологии религии Фрэзер удержаться не может. Ведь религиозная стадия умственного развития сменяется научной, а почему? Потому, что «передовые умы человечества в своем стремлении глубже познать тайны природы отвергли как неверное религиозное представление о природном порядке» (с. 791). Своего мнения о том, истинно ли религиозное мировоззрение, автор не сообщает, но ссылая на передовые умы человечества имеет в этом отношении известное значение. Впрочем, тут же следует напоминание о родстве науки с магией, вытекающее из того, что и та, и другая признают закономерность явлений природы: передовые умы, осуществившие переход человечества от религии к науке, этим самым «в какой-то мере вернулись к точке зрения магии» (с. 791). По правде сказать, это звучит не очень лестно для науки.

Теория трех стадий не выдерживает ни малейшей критики и в свете фактов. Никогда не было такого периода в истории человечества, когда его жизнедеятельность сводилась к магии. Всегда жизненная практика людей была в общем основана на реальных закономерностях действительности, познаваемых людьми стихийно или сознательно. Магистральная линия человеческого поведения, и прежде всего трудовой деятельности людей, всегда была материалистической; если это было бы не так, человечество не могло бы жить и выжить. Никогда, следовательно, не было и такой стадии истории, когда человеческое поведение полностью определялось бы религиозным сознанием. Живая жизнь никак не втискивается в прокрустово ложе неправильной схемы.

Христос у Фрэзера

Упоминается Христос в «Золотой ветви» редко и скупо. Тем не менее действительное место проблемы Христа в «Золотой ветви» очень велико.

В литературе и раньше были хорошо известны факты широкого бытования близких к христианству культовых форм и мифологических сюжетов у разных народов задолго до появления христианства. Бытуют их пережитки и в позднейшие столетия параллельно с христианскими формами и сюжетами, сосуществуя и переплетаясь с ними. Фрэзер собрал эти материалы в огромный комплекс, и получилась исключительно выразительная картина, в которой никак не находится места для веры в исключительность христианства и его богооткровенность.

Христос спас человечество, взяв на себя его грехи, и прежде всего первородный; он искупил эти грехи своей кровью и смертью. Если называть вещи своими именами, как Фрэзер в общем не всегда избегает, то выступил Христос в роли не кого иного, чем козла отпущения. И несколько глав рецензируемого издания посвящено описанию распространенных у разных народов верований и обычаев, связанных с козлом отпущения. В этой роли выступают и животные, и люди, и богочеловеки, и просто боги. Христос становится в ряд со многими другими существами, столь же фантастическими.

Искупление достигается за счет страданий и смерти самого бога, который, правда, потом воскресает. Известна целая галерея таких страдающих, умирающих и воскресающих богов. И в этом отношении Иисус оказывается в одном ряду с Озирисом и Аттисом, Адонисом и Митрой. Обрядовая сторона соответствующих культов тоже чрезвычайно близко напоминает обряды, связанные с культом Христа. Фрэзер дает красочные описания и тех и этих обрядов. В результате ему приходится сделать такой вывод: «Можно предположить, что пасхальные торжества, которыми отмечается смерть и воскресение Христа, наложились на праздник, посвященный Адонису, который отмечался в Сирии в то же время года» (с. 385). Тут же сообщается, что древнегреческое изображение скорбной богини-матери «возможно... является прототипом» христианских икон «скорбящей богородицы с телом мертвого Спасителя на коленях».

Параллели напрашиваются и по линии датировки церковью важнейших событий жизни Христа: его рождения и воскресения. Особенно наглядны они в отношении мит-

изма. Праздник рождества Христова «церковь, скорей всего, позаимствовала непосредственно из этого языческого культа» (с. 398). 25 декабря в качестве даты рождения Христова, как показывает Фрээр, тоже взято из митраизма, где она отмечалась, так день рождения Солнца Непобедимого, день летнего солнцестояния.

Из приведенного им по этим вопросам материала Фрээр делает такой вывод: «Церковь приняла решение праздновать день рождения своего основателя 25 декабря для того, чтобы перевести религиозное рвение язычников с солнца на того, кто звался Солнцем справедливости» (с. 399). То же оказывается и с праздником Пасхи — его дохристианское происхождение не вызывает у Фрэера особых сомнений. А все «эти совпадения христианских и языческих праздников, если взять их в целом, слишком многочисленны, чтобы быть делом случая» (с. 401).

Для христианской догмы и для церкви, ее придерживающейся, все это в достаточной мере конфузно. Ведь никуда нельзя деться от того несомненного факта, что во времена все «языческие» культы предшествовали христианскому и что, следовательно, ряд фундаментальных основ христианства — как в культовом, так и в догматическом планах — позаимствован из «нечестивых» дохристианских религий, чем и оперировали жрецы этих религий в своих спорах с проповедниками христианства. И не без иронии Фрээр сообщает: «...христиане легко отражали этот аргумент. Пусть Христос, утверждали они, бог младший во времени, но на самом деле он старший, так как в этом случае Сатана превзошел в коварстве самого себя и обратил ход природы вспять» (с. 401). Не слишком убедительный апологетический прием, на что, видимо, и намекает Фрээр.

Во втором издании «Золотой ветви» (1900 г.) он пошел еще дальше в раскрытии историко-мифологических основ культа Иисуса. Здесь он прямо называет вещи своими именами и публикует главу под названием «Распятие Христа». Используя накопившийся к этому времени в литературе большой материал о культе страдающих, подвергающихся насильственной смерти и затем воскресающих богов, Фрээр непосредственно соотносит этот материал с евангельскими сказаниями об Иисусе Христе и получает весьма примечательные выводы.

Фрээр цитирует текст из Евангелия от Матфея, который, как он считает, наиболее полно выражает сущность сказания о Христе (мы приводим эту цитату в русском синодальном переводе): Пилат «отпустил им Варавву, а Иисуса бив предал на распятие. Тогда воины правителя, взявши Иисуса в преторию, собрали на него весь полк и, раздевши его, надели на него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили ему на голову и дали ему в правую руку трость; и, становясь перед ним на колени, насмехались над ним, говоря: радуйся, царь иудейский! и плевали на него и, взявши трость, били его по голове. И, когда насмеялись над ним, сняли с него багряницу и одели его в одежды его, и повели его на распятие» (Мф., XXVII, 26—31). Здесь-то и находит автор ключ к раскрытию сути всей эпопеи Христа.

Он выражает предположение (как и везде, Фрээр высказывается не категорически, а предположительно — «если я прав в данном случае...» и т. д.), что все страдания Христа представляют собой лишь вариант ежегодно проводившейся у разных народов Западной Азии и Средиземноморья церемонии принесения в жертву шутовского царя. В римских сатурналиях, в вавилонских карнавалах закеев, в ритуалах, связанных с сирийским Адонисом и фригийским Атисом, во многих других подобных культовых церемониях Фрээр усматривает общее содержание, обнаруживаемое также и в истории Иисуса Христа. В основе его лежит драматизированный символ ежегодного зимнего умирания солнца и растительности и последующего их воскресения весной. Человек, предназначенный исполнять главную роль в торжественном карнавале, символизирующем смерть и воскресение солнца, издевательски именуется царем, он подвергается поношениям и избиванию, его наряжают в бутафорские царские одежды и, проведя в столь же шутовской торжественной процессии, предают на смерть, причем предполагается, что на третий день он воскреснет, какое-то великое событие ознаменует всенародным ликованием под девизом «царь (или бог) воскрес!».

Непосредственное происхождение легенды о Христе Фрээр выводит не только из распространенных у многих народов весенних карнавалов, но и, более конкретно, — из иудейского праздника Пурим, в мифологии и культе которого фигурируют злодей Аман и праведник Мардохай.

Как известно, Пурим связывается в иудаизме с мнимоисторическим событием гонения на евреев персидским сановником Аманом, посрамленным и затем казненным при участии Мардохая. На самом деле, утверждает Фрээр, опираясь на ряд специальных исследований этого вопроса, «история» борьбы Амана и Мардохая представляет собой лишь мифологическое выражение ежегодно происходившей в Древней Персии карнаваловой церемонии, связанной с преданием на смерть царя-Солнца и его воскрешением. Находясь в вавилонском плену, евреи были свидетелями, а потом и участниками этой церемонии и, вернувшись в Палестину, стали ее практиковать у себя, причем впоследствии она получила здесь квазиисторическое осмысление. Одним из аргументов в пользу такого истолкования легенды об Амоне является созвучие имен Мардохая и главной женской участницы легенды Эсфири (Эстер) с именами древневавилонских божественных персон Мардука и Иштар: корни персидского, ставшего потом еврейским, мифа ведут, таким образом, к мифологии древнейшего Вавилона. Во всяком случае, у Фрэера история страстей, смерти и воскресения Иисуса оказывается почти прямым повторением мифа об Амоне.

Здесь встречаются, правда, известные трудности. Во-первых, не один и тот же человек погибает и воскресает: жертвой оказывается Аман, а Мардохай торжествует. Это

не смущает Фрэзера. Такое раздвоение функций он обнаруживает и в евангельской истории: вместе с Иисусом распинают и двух разбойников. Параллель выглядит очень натянутой. Один из разбойников оказывается «благоразумным», так что тут же на кресте Иисус обещает ему, что сегодня же они встретятся в раю (Лука, XXIII, 43). Конечно, это не увязывается с евангельской же концепцией, по которой Иисус должен попасть в царствие небесное больше, чем через сорок дней после воскресения и вознесения. Но Фрэзер не обращает на это внимания и удовлетворяется тем, что «гармонизирует» две пары: Аман и Мардохай, с одной стороны, и разбойник с Иисусом — с другой.

Трудность обнаруживается и во времени проведения церемоний. Как известно, считается, что Иисус был распят накануне иудейской Пасхи, которая празднуется 14 числа месяца нисан. Пурим же с церемонией повешения изображения Амана проводится ровно на месяц раньше — 14 адара. Фрэзер, однако, предполагает, что евреи, позаимствовав праздник у вавилонян, могли перенести его на месяц вперед. Это было оказывается, «возможно, хотя, может быть, и не вероятно» (?). Строятся различные догадки насчет того, зачем это могло оказаться нужным; одна из них заключается в том, что евреи не хотели совпадения во времени церемонии убийства Амана с праздником Пасхи, ознаменовавшим их исход из Египта. А примеры перенесения сроков празднования бывали-де в древней истории неоднократно, так что данный случай не был бы исключением. И если происхождение Иисусовой эпопеи не от Амана, а от римских сатурналий, на чем настаивает П. Вендланд³ и что допускает и Фрэзер, то трудность еще возрастает: сатурналии в начале нашей эры проводились в середине зимы, а не весной. Эта трудность преодолевается тем, что до введения юлианского календаря римский год начинался с марта, и тогда сатурналии приходились на весну. Словом, все ведет к тому, что действительная история распятия и воскресения Христа есть повторение одного из многочисленных, широко распространенных в древнем мире вариантов церемонии принесения в жертву олицетворенного воплощения бога солнца и растительности.

Такое допущение дает Фрэзеру возможность многое объяснить из того, что при традиционно-христианском освещении выглядит непонятным. Например, поведение Пилата в отношении Христа представляется ему более понятным в том случае, если признать последнего не настоящим претендентом на роль иудейского царя, а бутфорским «царем» сатурналий. Главное же, что говорит в пользу такой версии, состоит в факте необычайно быстрого распространения христианства в странах Западной Азии и Средиземноморья: для народов этих стран соответствующие церемонии и связанные с ними мифы были издавна привычны.

Не вызывает сомнений и у Фрэзера антихристианская направленность всей этой концепции. И изложив ее, он тут же страхует себя весьма существенной оговоркой, явно призванной обезвредить неизбежные нападки. Возможны, говорит он, две позиции. «В большой армии мучеников разных веков и стран, — не только в Азии, — подвергшихся жестокой казни в качестве богов, набожный христианин без сомнения различит... приходившего Спасителя, звезду, провозгласившую на утреннем небосклоне Солнце справедливости, земной сосуд, содержащий божественную мудрость для тех душ, которые до тех пор жаждали небесного хлеба»⁴. А другая позиция такова: «Скептик, с другой стороны, с той же уверенностью сведет Иисуса из Назарета к уровню множества других жертв варварских предрассудков и увидит в нем не кого иного, как учителя морали, которого счастливый случай расправы с ним наделил короной не просто мученика, а бога». Фрэзеру ясно, что расхождение между указанными двумя позициями «широко и глубоко». Какую же из них он приемлет в качестве истинной?

В самом изложении Фрэзером двух позиций чувствуется несколько ироническое отношение к первой из них. Но вывод он делает «объективный» и не дает определенного решения в пользу одной из них. «Время решит вопрос о предпочтительности, если не об истинности». И приводит старое латинское изречение: *Magna est veritas et prevalebit* — «велика истина и она превозможет».

Около десятка лет Фрэзер выдерживал эту позицию нейтралитета, явно более дружественного в отношении «скептицизма». А потом сменил вехи. В 1911—1915 гг. один за другим появляются фоллянты двенадцатитомного издания «Золотой ветви», и в одном из этих томов мы находим новое решение вопроса. Разобранная нами выше глава о распятии Христа фигурирует в этом томе, но в качестве не составного элемента его текста, а в виде приложения. И снабжено это предисловие примечаниями, в которых и сообщается о новой позиции, занятой автором.

Первое примечание гласит буквально: «Гипотеза, здесь изложенная, не подтвердилась последующими исследованиями и является, по общему мнению, в высшей степени спекулятивной и недостоверной. Вот я ее и удалил из текста, но сохранил в качестве дополнения». Зачем? Казалось бы, неподтвердившееся и, следовательно, ложное надо просто удалять, не сохраняя ни в каком качестве. Дается объяснение: «...на случай, что под кучей предположений окажутся некоторые зерна истины, которая в конечном счете может войти в окончательное решение вопроса». В высшей степени недостоверное может оказаться содержащим истину... А покамест Фрэзеру надо было застраховаться в интересах не столько научных, сколько житейских от обвинения в скептицизме по отношению к основным «истинам» христианства.

В порядке этой страховки ученый сообщает, что его просто «удивительным образом не поняли», когда заподозрили в скептицизме по отношению к евангельским

³ Wendland P. Jesus als Saturnalien-König. In: Hermes, 1898, S. XXXIII.

⁴ Эту и последующие цитаты см.: G. G. Fraeser. The Golden Bough. A Study in Magic and Religion. Pt. VI. L., 1913, p. 411—421.

истинам. Он «желает открыто сообщить, что его теория приемлет историческую реальность Иисуса из Назарета как великого религиозного и морального учителя, который основал христианство и был распят в Иерусалиме в правление Понтия Пилата». Дальше идут ссылки на свидетельство евангелий, подтвержденное сообщением Тацита и Плутарха Младшего. С деталями жизни и смерти Христа дело обстоит, правда, хуже, они «остаются окутанными пеленой тайны и, видимо, никогда не будут выяснены». Потом следует необычно категорическое для Фрэзера завершение в том, что он не сомневается в историчности Христа и что само таковое сомнение не заслуживает серьезного внимания; это, мол, все равно, что сомневаться в историчности Мохаммеда, Лютера или Кальвина. С не большей убедительностью автор мог бы продолжить этот список и добавить в него Аттиса или Озириса. История довольно поучительная.

Конкретно-историческая проблема историчности или мифичности Христа не имеет мировоззренческого значения. Существенно другое: есть ли основания выводить фигуру Иисуса Христа или любого другого персонажа истории религии из рамок этой истории; окружая ее ореолом исключительности и неповторимости, возводя самого Христа в ранг *истинного бога*? Фрэзер пошел на эту уступку христианско-церковной ортодоксии, противоречащую всему направлению его научной деятельности.

И. А. Кривелев

НАРОДЫ СССР

Л. Р. Кызласов. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979, 205 с., илл.

Об этнокультурной истории Тувы еще несколько десятилетий назад было известно сравнительно мало. Положение стало меняться с начала 50-х годов, когда здесь развернулись систематические полевые исследования экспедиций местных и центральных научных учреждений, возглавлявшихся С. Н. Астаховым, С. И. Вайнштейном, А. Д. Грачом, М. П. Грязновым, М. А. Дэвлет, Л. Р. Кызласовым, А. М. Мандельштамом, М. Х. Маннай-оолом, Л. П. Потаповым и др. Эти исследования открыли многие неизвестные ранее страницы истории, археологии и этнографии Тувы, дали материал для нескольких сот научных публикаций, в том числе ряда монографий.

Тувинская археологическая экспедиция (ТАЭ) исторического факультета МГУ, руководимая Л. Р. Кызласовым, вела в Туве раскопки в течение девяти полевых сезонов, начиная с 1955 г.¹ Ею был изучен ряд ценных в научном отношении археологических памятников различных эпох — от каменного века до средневековья. Среди них представляли интерес отдельные памятники палеолита и раннего бронзового века, погребение хуннского времени (могильник Карадаш) и некоторые другие. Следует приветствовать и предпринятую Л. Р. Кызласовым публикацию материалов из старых раскопок А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова, в первую очередь могильника уйгурского времени Чааты I. Публикационная часть книги хорошо иллюстрирована многочисленными рисунками, фотографиями и чертежами раскопанных курганов. Можно согласиться с автором, что «настоящее систематизированное издание добытых материалов впервые вводит в научный оборот новые ценные памятники, обогащающие археологию и историю Южной Сибири в целом» (Предисловие, с. 7).

Хотя Л. Р. Кызласов основной своей задачей считает публикацию археологических материалов, добытых ТАЭ, в книге рассматривается гораздо более широкий круг вопросов культурной и этнической истории Тувы и сопредельных районов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, что делает ее интересной не только для археологов, но и для этнографов и историков. В книге представлена наиболее развернутая из всех имеющихся историческая периодизация археологических памятников Тувы на широком фоне древних культур Центральной Азии и Южной Сибири, в ней имеются заслуживающие внимания отдельные наблюдения и выводы, касающиеся древней истории Тувы и в особенности эпохи уйгуров; хорошо написан раздел о древней металлургии (с. 53—58). Монография будет безусловно полезна всем, кто занимается вопросами археологии и исторической этнографии народов Центральной Азии и Южной Сибири. Однако в целом новый труд Л. Р. Кызласова вызывает серьезные критические замечания. Позволим себе кратко остановиться на некоторых из них.

Рецензируемая книга состоит из «Предисловия», четырех глав («Древние стоянки и погребения», «Уюкская эпоха», «Гуно-шурмакская эпоха», «Эпоха раннесредневековых государств») и «Заключения». Первую главу открывают материалы по каменному веку. Знакомство с приведенной в ней периодизацией каменного века Тувы может создать впечатление, что она основана на исчерпывающих и вполне современных результатах исследований. Однако это не так. Таблица I (с. 10) (эпохи камня и бронзы) в значительной мере устарела — она перенесена без каких-либо изменений из работы Л. Р. Кызласова 1958 г.² Отсутствуют стратиграфические наблюдения и необходимый

¹ Впрочем, продолжительность некоторых полевых сезонов была невелика. Так, в 1977 и 1978 гг. они длились немногим более недели каждый (в 1977 г. с 9 по 19 августа; в 1978 г. с 17 по 26 августа, см. с. 205).

² Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). — Вестн. Моск. ун-та, 1958, № 4, табл. I.

типологический анализ; нуклеусы ошибочно отнесены к числу орудий (рис. 1, 5, рис. 5, 4). Выделение эпохи неолита только по нескольким фрагментам керамики, в том числе напоминающим «ложнотекстильную керамику далекого Виллюя» (с. 19), ретушированным наконечникам стрел, скребкам и призматическим нуклеусам (с. 14—18), доживающим до эпохи бронзы, не представляется убедительным. Не учтен ряд работ по каменному веку в Туве. Так, не сказано не только о первой публикации палеолитических материалов, открытых экспедицией Тувинского научно-исследовательского института в 1955 г. на Хемчике³, но и о замечательных открытиях многих памятников каменного века, сделанных в 1960—1970-е годы Саяно-Тувинской экспедицией Института археологии АН СССР⁴.

В разделе, посвященном бронзовому веку, предпринимается попытка выделить в Туве памятники андроновского времени («средняя пора бронзового века»). Не имея новых материалов, Л. Р. Кызласов предлагает раскопанное М. Х. Маннай-оолом в Туве погребение на р. Тарлашкын датировать не эпохой ранней бронзы, а андроновским временем (с. 25—26). Однако такая датировка вряд ли может быть принята. Вопреки утверждению автора, нож из этого погребения (рис. 15, 5) сопоставим не со срубно-андроновскими, а с окуневско-глазовскими формами. Предлагаемая Л. Р. Кызласовым реконструкция ножа в виде кинжала ничем не оправдана. Прибайкальские параллели севровско-китойского времени фигурному жезлу с головой животного из этого погребения, которые приводит автор, синхронны не андроновской, а более ранней эпохе⁵.

Устарела и периодизация памятников скифского времени Тувы, и посвященная ей таблица II. Она также включена без изменений из публикации Л. Р. Кызласова 20-летней давности⁶. Это тем более вызывает недоумение, что по скифскому времени в Туве накоплен за это время очень большой, качественно новый материал. Памятники этой эпохи выявлены во всех районах Тувы (раскопки А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна, М. П. Грязнова, М. Х. Маннай-оола, А. М. Мандельштама, Д. Г. Савинова и др.) и в основном опубликованы; проведена большая исследовательская работа по определению их хронологии, культурной и этнической принадлежности, а также по другим проблемам «скифской археологии» Тувы. Результаты этих исследований по существу не учтены Л. Р. Кызласовым, кроме раскопанного М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом кургана Аржан⁷, который он включил в аржанскую группу памятников раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) в Туве. Однако есть все основания считать, что Аржан сооружен значительно раньше — в VIII в. до н. э. Эта датировка, предложенная авторами раскопок, подтверждена данными радиоуглеродного анализа, проведенного в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР. В книге приводятся и несколько раскопанных ТАЭ погребений без инвентаря (с. 41—44), относимых Л. Р. Кызласовым к раннеюкскому (раннескифскому) времени. При этом не упоминается, что многие десятки таких погребений были исследованы в различных районах Тувы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР и Саяно-Тувинской экспедицией Института археологии АН СССР и уже получили в литературе название памятников (или культуры) монгун-тайгинского типа (А. Д. Грач).

В книге полностью игнорируются материалы выделенной А. Д. Грачом алдыбельской культуры в Туве, имеющей ближайшие аналогии в майэмирских, тасмолинских, уйгаракских и других памятниках Азии и бесспорно датируемой раннескифским временем. При характеристике памятников гуннской эпохи, по-видимому, недостаточность собственных материалов заставила Л. Р. Кызласова очень широко использовать материалы других исследователей, и прежде всего богатейшие материалы из могильника Кокэль. Как известно, Кокэль — крупнейший могильник гунно-сарматского времени, включавший многие сотни погребений, полностью раскопанных (1959—1965 гг.) и монографически опубликованных экспедицией Института этнографии АН СССР (начальник экспедиции Л. П. Потапов)⁸. Однако автор книги, к сожалению, не счел нужным упомянуть об экспедиции, которая открыла и изучила могильник Кокэль⁹. Отмечаются лишь место и годы раскопок (с. 98). Обращаясь к этнокультурной истории Тувы гуннского времени, Л. Р. Кызласов высказывает резко отрицательное отношение к известной концепции, утверждающей, что население на этой территории в гуннское время формировалось в процессе смешения местных племен с пришлыми кочевыми племенами, в культурном отношении, а возможно, и этнически близкими хунну. Однако случайные находки собственно хуннских предметов и керамики, а также погребений хуннского типа на Бай-Даре (раскопки А. М. Мандельштама), на которые ссылается автор, ни в коей мере не могут служить доказательством того, что процессы этнической ассимиляции в это время не затронули местное население. Отметим и тот факт, что смешение

³ Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Туве в 1955 г. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тувкигиздат, 1956, в. 4, с. 38—39, рис. 2—3.

⁴ Астахов С. Н. Новые данные по палеолиту Енисея. — В кн.: Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979, с. 35—37 и др.

⁵ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, № 18, М.-Л.: Наука, 1950, с. 139, табл. 8.

⁶ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении), табл. II.

⁷ Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.

⁸ См. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.—Л.: Наука, 1966, т. II, 1970, т. III.

⁹ Л. Р. Кызласов предоставляет читателю возможность самому выяснить этот вопрос, ознакомившись с работами, указанными в примечании 41 на с. 98.

местных племен Тувы с пришельцами фиксируется не только на археологическом, но и на антропологическом материале.

В книге рассматривается также история развития раннесредневековых седел Центральной Азии и Южной Сибири. В свое время этот вопрос был разработан С. И. Вайнштейном на базе найденной им серии уникальных седел в могильнике Кокзаль¹⁰. Выражая несогласие с предложенной С. И. Вайнштейном схемой эволюции седел, Л. Р. Кызласов приводит на с. 137 свою «Хронологическую таблицу употребления разных типов седел в VI—X вв.» (кстати, это единственная типологическая разработка, представленная автором). Датировка седел тесно связана с хронологией курганов, в которых они найдены. Л. Р. Кызласов предлагает новую датировку курганов. В частности, курган 23 из могильника Кокзаль он относит не к VI—VII вв., а к IX—X вв. Л. Р. Кызласов, по-видимому, прав, считая, что костяные двудырчатые псалы типа найденных в кургане 23 доживают до IX—X вв., но это не может служить основанием для отнесения кургана, а следовательно, и седел к этому времени. Значительная часть и других аргументов автора также весьма спорна. Мнение о многолинейной эволюции раннесредневековых седел (с. 138) уже высказывалось ранее другими исследователями (и именно на примере двух выделенных автором типов лук)¹¹.

Значительная часть рецензируемой книги посвящена памятникам древнетюркского и древнеуйгурского государств, затрагиваются в ней и некоторые вопросы, относящиеся к древнекыргызскому государству. Весь период существования этих государств большинство советских исследователей называют древнетюркским временем (эпохой), вкладывая в это понятие определенное историко-культурное содержание. Древнетюркское время рассматривается, таким образом, как эпоха формирования основных языковых особенностей тюркоязычных народов независимо от их племенной и государственной принадлежности. Л. Р. Кызласов, напротив, рассматривает понятие «древние тюрки» как узко этнический (племенной) и политический термин, относимый только к эпохе древнетюркских каганатов. В этой связи он объявляет взгляды специалистов (А. Д. Грач и др.), использующих понятие древнетюркское время в ином, чем у него, хронологическом диапазоне, «методологически неверными» (с. 141) и даже бесосновательно пытается их связать с «националистическими измышлениями некоторых турецких историков 30-х годов» (с. 140), справедливо раскритикованными в советской науке. По мнению Л. Р. Кызласова, взгляды осуждаемых им советских ученых не соответствуют «известному требованию исторического материализма вести периодизацию истории того или иного общества по общественно-экономическим формациям» (с. 141).

Взамен широкого историко-культурного понятия древнетюркское время автор предлагает «формационный» термин «эпоха раннесредневековых государств», забывая, очевидно, что среди открытых классиками марксизма-ленинизма общественно-экономических формаций такой формации нет. При этом сам Л. Р. Кызласов отнюдь не избегает использования для периодизации историко-культурных терминов: уюкская эпоха, гунно-шурмакская эпоха (с. 32 и сл.), монгольский период¹² и др. Неужели автор считает эти периоды также общественно-экономическими формациями?

Остается неясным и время появления государства по Л. Р. Кызласову. В третьей главе рецензируемой книги автор утверждает, что создание включившего территорию Тувы «первого (курсив наш.— Ю. З. и Д. С.) мощного государства центральноазиатских степных скотоводов и земледельцев» произошло в конце III в. до н. э., т. е. в гуннскую эпоху (с. 79). Но далее читатель вдруг узнает, что в середине VI в. территория Тувы «входит как составная часть в первое (курсив наш.— Ю. З. и Д. С.) для этого района государство — Тюркский каганат VI—VIII вв.» (с. 120), государство, сложившееся, как отмечает далее Л. Р. Кызласов, «на громадных просторах от Великой стены до Каспийского моря и от Алтая до Тянь-Шаня» (с. 121).

Определенную тенденциозность заключает в себе оценка событий 840 г. (победы енисейских кыргызов над уйгурами). По утверждению Л. Р. Кызласова, это «время переломное». За ним следует новая эпоха (?! — Ю. З. и Д. С.) — вхождение Тувы в развитые феодальные государства древних хакасов и монголов (IX—XV вв.)» (с. 7). На каком основании Л. Р. Кызласов объединяет древний тюркоязычный народ Южной Сибири — енисейских кыргызов, которых он неправильно называет «древними хакасами», с центральноазиатскими монголами? Последние в значительной степени способствовали уничтожению государства енисейских кыргызов и, кроме того, имели иные культурные традиции, язык и т. д. Или Л. Р. Кызласов предполагает и здесь смену «общественно-экономической формации»? Предложение Л. Р. Кызласова отказаться от термина «древнетюркское время» оказывается, таким образом, не случайным. Арханзируя древнетюркские и уйгурские каганаты (их возникновение означало конец эпохи первобытнообщинного строя: «Новые классовые общественные отношения привели к формированию раннефеодальных (курсив наш.— Ю. З. и Д. С.) институтов») (с. 7), автор искусственно приподнимает уровень социально-экономического развития «древних хакасов» («развитое феодальное государство» — с. 7). Между тем древнекыргызское государство на Енисее ни по уровню своего развития, ни по своим политическим институтам не превосходило другие государства древнетюркской эпохи — каганаты тюрков и уйгуров. Древнекыргызская культура является неотъемлемой частью древнетюркской

¹⁰ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 67—74.

¹¹ Савинов Д. Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.). — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 31—48.

¹² Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 130.

культуры Центральной Азии и Южной Сибири, о чем свидетельствуют литературный язык и письменность, традиционные формы материальной и духовной культуры.

Нельзя обойти молчанием еще один немаловажный вопрос — этику научной публикации. Как уже упоминалось, в монографии помимо материалов ТАЭ опубликованы материалы из раскопок известных исследователей Южной Сибири А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова; в ней широко использованы результаты работ археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, а также ряда других экспедиций. Все это несомненное достоинство книги. К сожалению, то, как используются источники, и прежде всего результаты работ ряда других экспедиций, изучавших наряду с ТАЭ этнокультурную историю Тувы, не может не вызвать возмущения. Так, поместив в своей книге несколько рисунков предметов из раскопанных С. А. Теплоуховым земляных курганов скифского времени в долине Уюка, «чтобы читатели хотя бы до некоторой степени могли представить прежнее богатство захоронений», Л. Р. Кызласов отмечает, что хотя С. А. Теплоухов полный отчет о них не опубликовал, «все же некоторые данные приведены в литературе» (ссылается он при этом на работы — свою, М. Х. Маннай-оола и В. Н. Полторацкой) (с. 70). Между тем в литературе приведены не «некоторые данные». Материалы этих захоронений, полностью опубликованы В. Н. Полторацкой в 1966 г. (в том числе и те предметы, которые воспроизводятся в рецензируемой работе)¹³.

При знакомстве с книгой становится ясно, что Л. Р. Кызласов не объективен в оценке значения работ своих коллег по изучению Тувы. Это проявляется и в трактовке вопроса о приоритете в открытии того или иного памятника, этапа, культуры, и в стремлении преподнести собственные выводы как безусловную истину при высокомерной, подчас неуважительной форме оценки мнений других исследователей. Например, Л. Р. Кызласов считает возможным утверждать, что А. Н. Бернштам «позволял себе делать описки» (с. 140); М. П. Грязнов «вопреки собственной установке» рассмотрел изолированно один из курганов (с. 39); С. И. Вайнштейн «пытался умалить значение фактов» (с. 135); А. Д. Грач «усиленно пропагандирует единую „древнетюркскую культуру“» (с. 140); Н. Л. Зичева «продолжает ошибочно писать» (с. 25); Ю. И. Трифонов «не обосновывая, защищает свою ошибочную датировку» (с. 140) и т. д. и т. п. Уважаемые советские коллеги Л. Р. Кызласова то «искажают историю вопроса и вводят в заблуждение читателя» (с. 136), то допускают очевидную «порочность неклассового подхода» (с. 141), то проявляют «неосведомленность в истории развития материальной культуры» (с. 135), то «подменяют термины» (с. 142), то чего-то не знают, не понимают, бесконечно ошибаются. Удивляет и то, что в книге ни разу не упоминается имя крупнейшего советского исследователя этнической истории народов Южной Сибири, в том числе и Тувы, Л. П. Потапова, многие годы (1956—1965) возглавлявшего Тувинскую археолого-этнографическую экспедицию Института этнографии АН СССР, материалы которой столь широко использованы автором¹⁴.

Л. Р. Кызласов, несомненно, внес существенный вклад в изучение культуры древних городищ Тувы, в частности уйгурских, в определение их этнической принадлежности, однако указанное выше обстоятельство не дает ему права игнорировать вклад в разработку этой сложной проблемы других исследователей. Различные городища в Туве были выявлены в 1891 г. Д. А. Клеменцем, в 1903 г. Ф. Коном, в 1947 г. С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой, причем последние считали их поздними. Они даже не упоминали о возможности принадлежности этих городищ уйгурам Тувы (VIII—IX вв.). Истинное значение и датировка памятников могли быть установлены только после выявления их культурного слоя. Впервые культурный слой на одном из городищ древних уйгуров был открыт в Туве экспедицией Тувинского научно-исследовательского института в 1957 г. в результате планомерно проводившихся исследований. Удалось установить, что значительная часть керамики здесь может быть датирована VIII—IX вв.¹⁵ Это было важным шагом на пути изучения памятников, установления их принадлеж-

ности. Между тем Л. Р. Кызласов утверждает, что уйгурские городища были открыты еще в 1947 г. экспедицией С. В. Киселева, в которой участвовал автор, и что в его книге приведены сведения об уйгурских городищах, взятые из «полевого дневника экспедиции 1947 г.» (с. 157). В другом месте он пишет о памятниках древнеуйгурского периода, раскопанных его экспедицией в 1955 г., ссылаясь при этом на свой «первый опыт клас-

¹³ Полторацкая В. Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве. — Археологический сборник, Л.—М.: Сов. художник, 1966, в. 8 (Государственный Эрмитаж), с. 78—102.

¹⁴ Видимо, с таким отношением к трудам своих коллег связана и форма отсылок к литературе. Л. Р. Кызласов часто указывает не фамилии авторов и названия их работ, а лишь аббревиатуры названий сборников, содержащих эти работы. Порой такие отсылки лишают читателя возможности ознакомиться с конкретным материалом, использованным в книге. Например, в примеч. 63 к гл. III (с. 102) указано: «ТТКАЭ, т. 2, табл. 4, 4». В каком положении окажется читатель, когда он обнаружит, что том 2 Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР включает четыре разные статьи, имеющие табл. 4 и рис. 4 (две С. И. Вайнштейна, одну В. П. Дьяконовой и одну совместную — С. И. Вайнштейна и В. И. Дьяконовой)?

¹⁵ Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл: Тувкингониздат, 1958, в. VI, с. 228.

сификации культур Тувы» (ссылки даны на архив Института археологии и публикации 1957 и 1958 гг., с. 202, примеч. 1). О роли же другого исследователя этих памятников, С. И. Вайнштейна, говорится лишь в примечании, где, упомянув его статью 1959 г., посвященную средневековым оседлым поселениям и оборонительным сооружениям в Туве (и умолчав о предшествующих его публикациях по этому вопросу), Л. Р. Кызласов пишет, что в ней «датировки, отнесение крепостей и длинных стен к уйгурам и история вопроса взяты из наших докладов и рукописного отчета... к сожалению, без ссылок. Замствование доказывається, например, тем, что он (С. И. Вайнштейн.— Ю. З. и Д. С.) использует данные мной названия и нумерацию шагонарских городищ» (с. 145, примеч. 94).

Однако ни в архивных материалах, ни в публикациях до 1957 г., на которые ссылается здесь Л. Р. Кызласов, нет, вопреки его утверждениям, ни одного упоминания об уйгурском периоде в культуре Тувы. Что же касается экспедиции 1947 г., то ее руководители — С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова считали, как уже говорилось, эти городища поздними, не имеющими культурного слоя¹⁶, что исключало возможность их датировки. Да и сам Л. Р. Кызласов писал, что монгольский город Дон-Терек, «единственный в Туве древний город»¹⁷. Длинные стены оборонительного вала, связывавшего эти городища, именуемого местными жителями «дорогой Чингисхана», он также считал дорогой, построенной киданями¹⁸. Точка зрения Л. Р. Кызласова изменилась только после упомянутых раскопок, проведенных экспедицией Тувинского НИИЯЛИ в июне-июле 1957 г. Руководитель экспедиции С. И. Вайнштейн в статье о предварительных результатах ее работ писал в июле 1957 г., что экспедиция провела раскопки городища у с. Чаа-Холь и, судя по открытому в нем культурному слою, оно существовало в домонгольское время. «Такие городища,—отмечал С. И. Вайнштейн,—известны в ряде районов Тувы. Так, только вблизи г. Шагонара нами было обнаружено четыре городища, окруженных валами. Внутри одного из городищ сохранились остатки стен здания, сложенного из сырцевого кирпича... ряд других известных в Туве городищ, сходных по конструкции, существовал в одно время с ним»¹⁹. Экспедиция же Л. Р. Кызласова, как он сам пишет в рецензируемой книге (с. 203), выехала «для производства маршрутных раскопок и обследования в окрестности Шагонара» 5 августа 1957 г., т. е. не только после обследования и раскопок городищ экспедицией ТНИИЯЛИ, но и после первой публикации их результатов. Ничего не пишет автор книги и о том, что именно эта экспедиция впервые провела раскопки «дороги Чингисхана», доказав, что это не дорога, а грандиозный оборонительный вал²⁰.

В «Заключении» Л. Р. Кызласов снова говорит о научной систематизации памятников, которая способствует «раскрытию общего хода исторического процесса» (с. 200). Однако ни с точки зрения полноты фактического материала, ни с точки зрения периодизации и исторической интерпретации памятников рецензируемая книга не соответствует целям, обозначенным им в «Предисловии» и «Заключении».

Ю. А. Заднепровский, Д. Г. Савинов

¹⁶ Обследовав городище Бажин-Алак у Чедана в западной Туве, Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев пришли к выводу, что «по-видимому, это городище относится к довольно позднему времени». Далее они отметили, что в той же местности «были обследованы еле заметные остатки валов какого-то укрепления, схожего с укреплениями около Бажин-Алака», а к западу от пос. Бай-Тал, «на правом берегу Хемчика, экспедиция обследовала остатки укрепления, подобного описанному выше, без культурного слоя, с валами очень плохой сохранности». В статье был приведен и план городища Бажин-Алак. См. *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Саяно-Алтайская экспедиция.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры, М.—Л., 1949, в. XXVI, с. 123—124.

¹⁷ *Кызласов Л. Р.* Археологическая экспедиция в Туве.— Тувинская правда, № 199/3720 от 6 октября 1956 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Вайнштейн С. И.* Археологические исследования в Центральной Туве.— Тувинская правда, № 150/3929 от 30 июля 1957 г.

²⁰ *Вайнштейн С. И.* Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл: Тувкнигоиздат, 1959, в. 7, с. 260—274.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1981, т. XIII.

Ряд монографий, опубликованных сотрудниками Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР, пополнился только что вышедшей в свет рецензируемой книгой А. В. Виноградова. Работы А. В. Виноградова хорошо известны исследователям пустынь Средней Азии, причем не только историкам. Традиционно комплексный характер исследований Хорезмской экспедиции послужил основой для проведения полевых работ автора и позволил ему в содружестве с геологами, геоморфологами, географами, почвоведом, геохимиками исследовать обширный и труднодоступный пустынный регион, включающий и районы древних дельт и внутренние бессточные области Кызылкумов. Именно комплексный подход к интерпретации археологических материалов, являющихся основным источником в исследованиях автора, позволил ему успешно рассмотреть

в реконструируемой книге проблему взаимоотношения человека и окружающей среды в эпоху первобытности, проблему в целом, вне узких хронологических рамок, являющуюся «необычайно злободневной для нашего времени и для всего будущего человечества»¹. Введенный А. В. Виноградовым в научный оборот огромный фактический материал, обработанный творчески и с применением новейших методов, дал ему возможность рассмотреть в книге такие глобальные и дискуссионные проблемы, как проблема палеоклиматических изменений и возможная зависимость от них систем расселения человека в отдельных регионах; проблема развития присваивающего хозяйства и путей перехода его к производящим формам в пределах одной историко-культурной области; проблема тесной связи хозяйственно-культурного типа оседлых охотников и рыболовов древних дельтовых равнин с системой их расселения и типологией жилища. К этому следует добавить, что А. В. Виноградову удалось сделать первые шаги в изучении истории населения пустынь Средней Азии в эпоху палеолита и мезолита, убедительно обосновать хронологическую классификацию кызылкумского неолита и сделать ряд серьезных принципиальных выводов по многим важным сторонам истории, хозяйства и культуры древнего населения Среднеазиатского междуречья.

Рассматриваемая монография в значительной степени отличается от ранее опубликованных книг автора². Если ранее акцент был сделан на публикацию результатов полевых исследований, к обобщению которых А. В. Виноградов подходил очень осторожно, в основном оставаясь в рамках своего региона (Кызылкумы), то в рассматриваемой книге, наоборот, сделана попытка обобщения всего ранее известного среднеазиатского материала.

Первая глава книги дает палеогеографический фон для последующих ее разделов, посвященных истории древнего населения ныне пустынных равнин. В ней рассматривается проблема прежних климатических и ландшафтных условий Кызылкумов и других пустынь Средней Азии и Казахстана. Проблема эта, как известно, является кардинальной для специалистов в области четвертичной геологии, и то, что в обсуждении голоценовой климатической истории Средней Азии принял участие археолог столь высокой квалификации, можно, безусловно, только приветствовать.

Следует подчеркнуть, что автор отнюдь не ограничивается анализом лишь археологических данных, он стремится использовать весь арсенал источников современной науки о палеоклиматах. Это позволило А. В. Виноградову значительно развить представления о предшествовавшем современной ксеротермической эпохе увлажнении климата, так называемом льявляканском пльвиале. Хотя сама по себе эта идея и не нова, но она и сейчас имеет своих приверженцев и противников, и этим, видимо, и объясняется слишком пространная полемическая часть главы.

Наиболее яркое впечатление оставляют, безусловно, страницы, на которых показаны истоки прежних ошибок палеоклиматологов при использовании археологических данных, где подчеркнута необходимость последовательного анализа каждой хронологической группы археологических памятников для выявления зависимости обживания или запустения региона от экологических факторов. Эта мысль прекрасно аргументирована картами, показывающими динамику древнего заселения Льявляканских озер (с. 24—25).

Автор пытается уточнить намеченные ранее рамки льявляканского пльвиала³, датировать в более узких пределах начало этой относительно влажной эпохи. Полученные на территории Кызылкумов данные пока недостаточны для окончательного решения этого вопроса, однако предлагаемая А. В. Виноградовым датировка начала увлажнения концом мезолита подтверждается некоторыми данными с других территорий.

Убедительно обоснован автором важный вывод о жесткой связи природных условий с интенсивностью расселения во внутренних бессточных областях Среднеазиатского междуречья. Пожалуй, это наиболее чистый вариант таких связей, в котором наличие или отсутствие водных ресурсов играет главную роль. В этом плане, однако, был бы полезным более широкий экскурс в археологию пустынь Старого света. Многие исследователи Сахары, Египта, пустынь Негев, Тар неоднократно указывали и на наличие такой жесткой связи, и на определенные трудности в конкретной интерпретации фактического материала⁴.

Глава «Палеолит и мезолит» самая короткая в книге, но очень важная. Открытие палеолита в Кызылкумах несмотря на незначительный объем полученных там коллекций, трудно переоценить, ведь до последнего времени пустыни Средней Азии были бе-

¹ Герасимов И. П. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (предисловие). М., 1974, с. 3; Герасимов И. П., Величко А. А. Проблема роли природного фактора в развитии первобытного общества. Там же, с. 7—16.

² Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. Материалы Хорезмской экспедиции (далее — МХЭ) — М.: Наука, 1968, в. 8; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Льявлякан — МХЭ. М.: Наука, 1975, в. 10.

³ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Льявлякан, с. 253.

⁴ Например, Kano-Pey P. Французская Сахара. М.: Географиз, 1958; Butzer K. W. and Hansen C. L. Desert and River in Nubia. The University of Wisconsin Press, 1968; Marks A. E. (Ed.). Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev. Israel. V. I, II. Dallas: South Methodist University Press, 1976, 1977; Allchin B., Gaudie A., Hedge K. The Prehistory and Palaeogeography of the Great Indian Desert. London: Academic Press, 1978.

лым пятном на археологической карте этого региона. На наш взгляд, вряд ли следовало автору еще раз подтверждать высказанную ранее мысль о близости индустрий стоянок Кызылкум 1 и Тешик-Таша и об их возможной синхронности (с. 46). Представляется, что такая связь должна быть скорее опосредствована индустриями типа Кутурбулака⁵ или же менее выразительными материалами с южного склона хребта Каратау⁶. Так же рано говорить о разнофациальных индустриях в Кызылкумах (с. 52), тем более, что некоторые из изделий, представленных на рис. 10, 11, типологически могут и не быть мустьерскими, поскольку их возраст определяется только внешним видом, вернее отличиями (выветренность, оглаженность, первичный материал) от мезо-неолитических комплексов.

Чрезвычайно сложно определить время и культурные связи палеолита, найденного на Устюрте. Материалы, собранные автором рецензируемой работы и Е. Б. Бижановым на стоянке Есең 2 и позже Е. Б. Бижановым на стоянках Есен 3 и Каракудук, полностью еще не опубликованы. Наибольший интерес представляют найденные здесь бифасы (с. 56). В данном случае важно то, что находки бифасов на Устюрте доказывают существование бифасиальной техники в равнинной части Средней Азии. Если мустье южной части Среднеазиатского междуречья, по всей вероятности, в культурном отношении относится к мустье гор Средней Азии (пластинчатое мустье), развившемуся на леваллуазской основе, то севернее начинается полоса бифасиальных индустрий, в которых пластинчатая индустрия играет лишь подчиненную роль. Объяснение этому факту найти очень трудно. Решающую роль здесь могут играть как экологические условия и специфика существования первобытного человека в пустынях и степях Средней Азии и Казахстана, так и первичный материал и техническая традиция.

Показательно, что, за исключением находок с Мангышлака (А. Г. Медоев), из Центральных Каракумов (А. А. Марушенко) и случайных сборов из района Барсакельмеса (с. 57), верхнепалеолитических материалов на громадной территории среднеазиатских пустынь пока не найдено. Это в целом соответствует положению в горных районах Средней Азии, несравненно более подробно изученных. В связи с этим в последнее время все большую популярность приобретает представление о постмустьерских культурах, т. е. о сохранении мустьерской традиции в верхнепалеолитическую эпоху. Судя по замечанию о пересмотре вероятного возраста «мустероидных» находок из района Лявляканских озер (с. 52) и общему тексту главы, А. В. Виноградов не поддерживает эту идею.

Как и верхний палеолит, мезолитическая эпоха остается «темным веком древнейшей истории Кызылкумов» (с. 57). Можно добавить: и всей центральной и восточной части Каракумов. Мало вероятно, по мнению автора монографии, что мезолитические комплексы ярко выраженного ближневосточного типа будут найдены в Среднеазиатском междуречье в будущем (с. 58). После знакомства с мезолитом близлежащих к Кызылкумам районов (с. 57—59) А. В. Виноградов приходит к выводу о том, что в мезолите на этой территории (Кызылкумов.— Э. М., В. Р.) развивалась иная культурно-техническая традиция, вероятно, близкая в основных элементах мезолитической культуре восточных районов» (с. 58). Под мезолитом восточных районов имеются в виду материалы, полученные в Таджикистане, Фергане и Северном Афганистане.

На фоне скудости материала по палеолиту и мезолиту тем эффектнее выглядит «неолитическая оккупация» Среднеазиатского междуречья, очень четко и подробно охарактеризованная в третьей главе книги — «Новые материалы по неолиту Кызылкумов». По своему объему (с. 64—118) она занимает центральное место в монографии, а ее содержание в географическом плане несколько шире названия.

Не пересказывая содержание главы и не останавливаясь на деталях, подчеркнем главное. Принципиально новый и очень важный этап в изучении неолита пустынь Средней Азии начался с открытия А. В. Виноградовым самой древней для кызылкумского неолита стоянки Учаси 131. Археологический комплекс, датированный по радиоуглероду, ранние формы трапециевидных изделий — «рогатые» трапеции продемонстрировали соответствие памятника раннему неолиту и показали, что нет необходимости удвоять до бесконечности хорезмский кельтеминар (типа Джанбас 4). Ранний неолит дарьсайского типа позже был найден почти везде в Кызылкумах и в ряде районов за их пределами (Юго-Восточный Устюрт, Северо-Восточное Приаралье, Северный Афганистан). Именно эти стоянки и образуют самый ранний пласт неолитического населения Среднеазиатского междуречья. А. В. Виноградов допускает, что отдельные стоянки дарьсайского типа могут относиться к заключительным этапам мезолита (с. 69), но большая часть их в связи с наличием на стоянке Учаси 131 керамики, бесспорно, неолитическая.

Эта керамика, полученная в хороших стратиграфических условиях, самая ранняя в Кызылкумах и датируется VI тысячелетием до н. э. Она удивляет сложностью форм, однако сделана из грубого теста, плохо обожжена и, несомненно, местного происхождения. Очевидно, керамика сохраняет традиции какой-то иной культуры со сравнительно высоким техническим уровнем изготовления керамических сосудов. Судя по имеющимся публикациям, ни неолитический Джейтун, ни плохо известный неолит Северного

⁵ Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зеравшана. Ташкент: ФАН, 1980.

⁶ Алысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.

Афганистана не дают столь развитых форм⁷. Откуда появилась эта керамика в Кызылкумах — загадка, которой стоило бы заняться специально.

Вторым очень важным разделом главы является описание жилищ стоянки Толстова — крупнейшего хорошо стратифицированного комплекса развитого неолита, открытого и исследуемого сейчас А. В. Виноградовым. Пока вскрыты и исследованы остатки двух наземных построек и одной полуземлянки. Жилые комплексы, детально исследованные автором рецензируемой монографии, принесли исключительный по богатству кремневый, костяной и керамический материал. Коллекция изделий из кости по объему, разнообразию форм и сохранности является уникальной для Средней Азии (с. 82—84). Огромное значение имеют и остатки фауны. Материал, полученный при раскопках, позволяет внести ряд важных корректив в принятые представления, в частности в вопрос о развитии орнаментации неолитической керамики Хорезма.

Не менее существенным для исследования неолита равнин Средней Азии является первый неолитический могильник охотников и рыболовов — Тумеккичиджик. Могильник датируется временем развитого неолита, а по обряду скорее всего близок к могильнику Кайлю.

Важным вкладом в изучение каменного века Средней Азии является глава, посвященная хронологии неолита (с. 118—136). Предлагаемая в ней новая хронологическая шкала неолита равнинной части Средней Азии — безусловная заслуга автора. Очень удачно показана история постепенного удревнения кельтеминара, инициатором которого вот уже несколько лет выступает Г. Ф. Коробкова:

Однако, на наш взгляд, А. В. Виноградов действует с более правильных позиций, чем Г. Ф. Коробкова, которая ставит во главу угла технико-типологические характеристики индустрии мезолита и неолита, но не учитывает характер стратиграфии, возможность геологической привязки и т. д. Поэтому ее построения скорее классификация, чем периодизация⁸. А. В. Виноградов наряду с детальнейшим критическим анализом всей совокупности археологических данных (пересмотр возраста слоев Джебела — с. 121—122), использует данные геологии и геоморфологии, палеогеографии и другие материалы. Поэтому можно считать, что хронологическая таблица на с. 132 и предложенное А. В. Виноградовым деление неолита Среднеазиатского междуречья на три этапа: Дарьясайский — ранний неолит (конец VII — середина V тысячелетия до н. э.), Джанбасский — развитый неолит (конец — середина IV тысячелетия до н. э.) и поздненеолитический (конец IV—III тыс. до н. э.) являются вполне обоснованными и представляют собой новый, важный этап в изучении неолита Средней Азии.

В главе 5 — «Неолитические охотники и рыболовы» детально рассмотрен вопрос о характере хозяйства неолитических племен пустынных равнин Средней Азии. Сведения этого плана в литературе крайне отрывочны и не всегда достоверны. Отсюда появление чисто умозрительных заключений (неолитическое земледелие в низовьях Зеравшана, скотоводство у кельтеминарцев и в Караунгуре и др.). А. В. Виноградов учел все используемые в литературе свидетельства о наличии в мезолите и неолите элементов производящего хозяйства (Агиспе, Саксаульская, Дам-Дам чешме 2, Джебел, Караганда 15, Кушилиш, Мачай, Караунгур) и пришел к выводу, что за пределами распространения джейтунской культуры лишь Дам-Дам чешме 2 является неолитическим памятником среднеазиатских пустынных равнин, где имеются бесспорные останки домашних животных. В связи с этим лишены фактического основания имеющиеся в литературе гипотезы о том, на каком этапе кельтеминара возникло скотоводство, как оно развивалось, о двух путях становления производящего хозяйства и т. д. (с. 138—139). После получения солидной коллекции фауны со стоянки Толстова и некоторых других пунктов можно достаточно уверенно утверждать, что неолитическое население Среднеазиатского междуречья не имело никаких домашних животных, кроме собаки (с. 140—141)! Неожиданным явился факт широкого распространения в неолите в районах нынешних пустынных равнин крупного дикого быка, видимо, тура, обитателя степи и лесостепи. В конечном итоге выводы, сделанные автором монографии, могут быть сформулированы следующим образом: 1) бесспорных свидетельств существования производящего хозяйства для неолита равнинной части Среднеазиатского междуречья нет; 2) до конца неолита здесь господствует присваивающее хозяйство; 3) пока еще нет данных, позволяющих оценить сравнительное значение различных отраслей хозяйства кельтеминарцев в общей системе производства; 4) имеющиеся материалы не подтверждают предположения о двух путях перехода к производящей экономике: земледельческому или скотоводческому⁹. Производящее хозяйство всюду в Средней Азии, как показано А. В. Виноградовым, появляется в комплексном виде с превалированием в разных районах какого-нибудь одного направления.

Немалое значение имеет и раздел, посвященный описанию жилища, тип которого, как правильно считает исследователь, обусловлен характером хозяйства и общественным строем охотников, рыболовов и собирателей дельт (с. 147). В этом разделе собран весь опубликованный материал по неолитическому жилищу равнин Средней Азии и Казахстана. Основной вывод автора: в неолите сложилась устойчивая традиция сооружения наземных прямоугольных жилых построек, не менявшаяся на протяжении 3—

⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971, табл. XXXIII и сл.; Shaffer J. G. The late Prehistoric Period. — In: The Archaeology of Afghanistan. L.: Academic Press, 1978, p. 78—81.

⁸ Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии. — Сов. археология, 1975, № 3.

⁹ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1969, № 158, с. 181.

4 тысячелетий. На с. 155 сделана попытка исследования социальной организации и численности населения. Эти данные, безусловно, полезны и будут в дальнейшем не раз использоваться исследователями различных направлений.

К сожалению, ни в ранее опубликованных работах, ни в настоящей публикации не проделан еще достаточно подробный и убедительный анализ распространения и взаимосвязанности различных элементов внутри жилища и в околоселищном пространстве. Очевидно, это дело ближайшего будущего, и успешное исследование стоянки Толстова даст превосходную возможность для такого анализа.

Важны также выводы заключения (с. 160—171). Это прежде всего установление и выяснение причин «демографического взрыва» на равнинах Средней Азии в конце мезолита — начале неолита (с. 161). Массированное увеличение населения в это время — не следствие спонтанного развития местных культур, а результат позднемезолитической инвазии, происходившей скорее всего с юга, где исследованиями в Южном Таджикистане и Северном Афганистане обнаружен крупный очаг мезолитической культуры. Не исключено, что одним из исходных рубежей расселения были мало изученные пока области Восточного Ирана. Этот новый путь (по Амударье), очевидно, сыграл в то время значительно большую роль, чем традиционный — вдоль берегов Каспийского моря.

Было бы неправильно, однако, противопоставлять друг другу эти два региона существования в VIII—VII тысячелетиях до н. э. мезолита «ближневосточного типа» (ранее называвшегося капсийским). Автохтонное развитие последнего на месте допустимо, но мало вероятно, как и в других регионах Юго-Восточной Азии, затронутых распространением геометрических форм эпохи мезолита¹⁰. О том, что эта традиция распространялась путем миграции или диффузии, говорит отсутствие подобных индустрий в Среднеазиатском междуречье в эпоху раннего мезолита, так же как и аналогичные явления в предгорьях Гималаев или в пустынях Центральной Азии. Вероятно, в данном случае речь может идти лишь о различных вариациях одного и того же процесса — движения носителей ближневосточной традиции на север и восток.

С выходом новой работы А. В. Виноградова наша наука получила фундаментальный, теоретически обоснованный труд, который подвел итоги 30-летних исследований каменного века Среднеазиатского междуречья. Нам остается только пожелать автору дальнейших успехов в изучении столь любимых им среднеазиатских пустынь, и прежде всего детальной, монографической публикации стоянки Толстова. Это будет лучшим памятником создателю Хорезмской экспедиции, в рамках которой выросло и окрепло научное значение работ А. В. Виноградова.

Э. Д. Мамедов, В. А. Ранов

¹⁰ Allchin B. The stone-tipped Arrow. L.: Phoenix House, 1966.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ АККУЛЬТУРАЦИИ ЦЫГАН-ИММИГРАНТОВ В ШВЕЦИИ

Marta C. A. Group of Lovara Gysies Settle down in Sweden. An Analysis of their Acculturation. Stockholm: IMFO-gruppen, 1979. 128 p.; *idem*. The Acculturation of the Lovara. Stockholm: IMFO-gruppen, 1979. 31 p.

Цыганологические исследования послевоенного периода (особенно 60—70-х годов) отличается прежде всего повышенный интерес ученых к социально-экономическим, политическим и этнокультурным проблемам развития цыганского народа.

Тяжелые социально-бытовые условия, расовая дискриминация и преследования со стороны органов власти, рост этнического самосознания и борьба цыган за свои права и свободы — все эти проблемы исследуются этносоциологами США¹, Англии², Франции³.

¹ Gropper R. C. Urban Nomads — the Gypsies of New York City. — Transactions of the New York Academy of Sciences. Ser. 2, № 29. 1967, p. 1050—1056; *idem*. Gypsies in the City. Culture Patterns and Survival. Princeton, 1975; Kornblum W., Lichter P. Urban Gypsies and the Culture of Poverty. — Sociology for pleasure. Englewood Cliffs, 1974, p. 363—373; Hancock I. F. Some Contemporary Aspects of Gypsies and Gypsy Nationalism. — Roma, Chandigarh, 1975, № 2, p. 46—55.

² Sandford J. Britain's Gypsies and Travellers. — The New Poor. Anatomy of Under-privilege. London, 1973, p. 75—98; Acton T. Gypsy Politics and Social Change. The Development of Ethnic Ideology and Pressure Politics among British Gypsies from Victorian Reformism to Romany Nationalism. London — Boston. XI. 1974. 310 p.; Gypsies and Government Policy in England. A Study of the Traveller's Way of Life in Relation to the Policies and Practices of Central and Local Government. London, 1975. 328 p.

³ Falque E. Voyage et tradition. Approche sociologique d'un sous-groupe tsigane, les Manouches. Paris, 1971; Liégeois J.-P. La mutation des Rom. Essai d'anthropologie politique dans un groupe tsigane. Paris, 1973; *idem*. Le règne de l'utopie. — Etudes Tsiganes. Paris, 1974, № 2—3, p. 10—31; *idem*. Naissance du pouvoir tsigane. — Revue française de sociologie. T. 16, № 3. Paris, 1975, p. 295—316.

Испания⁴, ФРГ⁵ и других капиталистических стран.

Появление в Швеции иностранных рабочих, а вместе с ними и цыган создает предпосылки для успешного этносоциологического изучения их и в этой оставшейся до недавнего времени еще сравнительно гомогенной по этническому составу стране⁶.

Большое внимание цыганской проблематике уделяется в социалистических государствах Восточной Европы как следствие проводимой в них ленинской национальной политики, например в ВНР, где число цыган в настоящее время составляет 350 тыс. чел. (3,5% населения страны)⁷, и в ЧССР, где численность цыган также превышает 300 тыс.⁸ Об этом свидетельствует обширная этносоциологическая и этнодемографическая литература, опубликованная чехословацкими авторами⁹. В ВНР наряду с этнодемографическими исследованиями ведется плодотворная работа в области этнопедагогики, что связано с проблемами обучения цыганских детей в школе¹⁰. В последнее десятилетие успешно шло социологическое и этнографическое изучение цыган и в ПНР¹¹.

Среди важнейших проблем этносоциологического и этнокультурного исследования цыган — их аккультурация и адаптация в современном мире¹².

Недавно теме аккультурации цыган была посвящена диссертация на соискание степени доктора общественных наук, автореферат которой опубликован Рабочей группой по исследованию иммигрантов и национальных меньшинств при факультете педагогики Стокгольмского ун-та¹³. Защита диссертации состоялась на кафедре общественных наук того же университета. Автор ее — итальянец Клаудио Марта (1949 г. р.), доктор философии и доцент факультета этнографии (культурной антропологии) Неапольского ун-та.

Объектом исследования диссертанта явилась одна семейно-родовая община, относящаяся к этнолингвистической группе владских цыган-ловаров. Название группы происходит от венг. ló 'лошадь' и указывает на торговлю лошадьми как основную профессию мужчин этой группы в прошлом. До середины XIX в. ловары жили на территории Румынии и Трансильвании. После окончательной отмены в Румынии рабства цыган (1856 г.) часть их мигрировала в Венгрию, Польшу, Россию, Югославию. В настоящее время ло-

⁴ Botey F. Lo gitano, una cultura folk desconocida. Barcelona, 1970. 220 p.; Goulet D., Walshok M. Values among Underdeveloped Marginals. The Case of Spanish Gypsies.— Comparative Studies in Society and History. V. 13, № 4. Cambridge, 1971, p. 451—472.

⁵ Jochimsen L. Zigeuner heute. Untersuchung einer Aussenseitergruppe in einer deutscher Mittelstadt. Stuttgart, 1963.

⁶ См., например, информацию в журнале «Social nytt». Stockholm, 1973, № 8, s. 6—20.

⁷ См.: Партия и интеллигенция. Круглый стол журнала.— Проблемы мира и социализма. Прага, 1979, № 1, с. 46; Népszabadság kerekasztal. A cigányság helyzetéről.— Népszabadság. Budapest, 1978, május 28. vasárnap, 5. old.

⁸ Грацианская Н. Н. К изучению этнокультурных процессов у этнических меньшинств Словакии.— Полевые исследования Ин-та этнографии. 1974. М., 1975, с. 49; Hübschmannová M. K jazykové situaci Romů v CSSR (Sociolingvistický pohled).— Slovo a slovesnost. Praha, 1976, № 4, S. 328—336; idem. Langage des Rom en Tchécoslovaquie.— Etudes Tsiganes. Paris, 1978, № 1, p. 41—48.

⁹ Sus J. Cikánská otázka v CSSR. Praha, 1961. 129 s.; Davidová E. K cikánské problematice na Ostravsku-Karvinsku (K problematice asimilace slovenských Cikánů v průmyslových oblastech českých zemi).— Radostná země. Opava, 1961, № 3, s. 73—80; Davidová-Turčinová E. K vymezení a specifické současného cikánského problému v Československu.— Sociologický časopis. Praha, 1970, № 1, s. 29—38; idem et al. Cikánské-romské etnikum v Ostravě. Ekologická analýza a problém vývojových změn Cikánů-Romů v městském průmyslovém prostředí. Praha, 1970. 318 s.; Hübschmannová M. Co je tzv. cikánská otázka.— Sociologický časopis. Praha, 1970. № 2, s. 105—118; idem. Společenská problematika Romů v CSSR.— Demografie. Praha, 1970, № 3, s. 232—237; Hübschmannová M., Rehák J. Etnikum a komunikace. K projektu výzkumu Romů v CSSR.— Sociologický časopis. Praha, 1970, № 6, s. 548—559. См. также на русск. яз.: Гишманнова М., Ржедак И. Этническая общность и коммуникация. Прага: Ин-т философии и социологии АН ЧССР [1970]. 30 с.

¹⁰ Horváth M. A cigány szülő nők demográfiai adatai a Siklósi járásban, 1961—1971.— Demográfia. Budapest, 1971, № 4, 366—371. old.; Réger Z. Kétnyelvű cigánygyermek az iskoláskor elején.— Valóság. Budapest, 1974, № 1, 50—62. old.; Vass J. A cigántanulók oktatásának néhány kérdése.— Pedagógiai szemle. Budapest, 1974, № 7—8, 659—668. old.; Gulyás S. Cigánygyermek hátrányai és esélyei. Budapest, 1976, 220 l.

¹¹ Подробнее см. в обзорной статье: Мануйл И. Ценный вклад польских ученых в исследование цыган.— Сов. этнография, 1979, № 5, с. 161—165.

¹² Cotten R. M., Gropper R. C. The Fork in the Road. Study of Acculturation among the Kalderaš Gypsies. N. Y., 1950; Vehmas R. Suomen romaaniväestön ryhmäluonne ja akkulturoituminen. Turku, 1960; Kochanowski J. Gypsies and the Problem of their Acculturation.— Indo-Asian culture. New Delhi, 1965; Klíma P. Příspěvek ke zkoumání adaptace romských dětí. Praha, 1972. 76 s.; Strukely P. Problem rozvoja ciganske skupine na Dolenjskem in način prilagajanja civilizaciji.— Etnološki pregled. Beograd, 1974, № 12, s. 57—64; Tomai E. Adalékok a cigánygyermekek társadalmi beilleszkedésének kérdéséhez.— Magyar tudomány. Budapest, 1977, № 7—8, 537—546. old.

¹³ Marta C. The acculturation of the Lovara.

вары (я и близкие к ним кэдэары) расселены практически во всех странах Европы, а также Северной и Южной Америки¹⁴.

Материалом для диссертации послужили два этносоциологических исследования ловаров, проводившиеся в разное время и в разных условиях. Первое (1970—1971 гг., Италия) имело цель собрать научные данные по этнической культуре цыган-ловаров, поселившихся в 1969 г. в «бидонвиле» на северо-восточной окраине Рима, и изучить толкование их культурной традиции с доминирующим обществом. Это исследование стало темой докторской диссертации, защищенной в Римском ун-те (1971 г.), на основе которой была опубликована работа «Культурная интеграция и сопротивление группы цыган»¹⁵. Второе исследование ловаров проводилось в 1974—1975 и 1977 гг. в Швеции, куда они эмигрировали летом 1971 г. вследствие акции шведского правительства, принявшего так называемое «организованное переселение» цыган из Центральной Европы. Цель этого исследования, с одной стороны, дать анализ социокультурной политики шведского общества, направленной на полную аккультурацию и, следовательно, ассимиляцию ловаров, а также показать вызванные этой политикой культурные конфликты и фризисные явления в модели традиционной цыганской культуры. С другой стороны, в задачи исследования входило отражение реакции ловаров на процесс их аккультурации и выявление тенденций к сохранению ими своих культурных традиций. Подробное изложение всех этих вопросов, составляющих часть диссертации К. Марты, содержится в опубликованной им ранее книге «Анализ аккультурации группы цыган-ловаров в Швеции»¹⁶.

Большой интерес представляет сравнение диссертантом результатов анализа экономической и социальной структуры ловарской общины, полученных в обоих исследованиях. Существовавшая у ловаров в прошлом экономическая структура была функционально связана с кочевым (или полукочевым) образом жизни (торговля лошадьми у мужчин, гаданье и мелкая торговля взносом у женщин) и обладала чертами коллективизма. Весь доход распределялся между членами общины. Капиталистический способ производства нарушил экономическую деятельность ловаров, многие из них пополнили слои люмпен-пролетариата. Исследуемая автором в Италии община ловаров столкнулась с тяжелой разрешимой проблемой трудоустройства. Единственным источником их постоянного дохода в Риме было попрошайничество женщин. Социальная структура цыганской общины складывалась из четырех больших «неразделенных» семей, включавших 20 нуклеарных семей общей численностью в 113 человек. Ведущее положение в общине занимали старики, которые во время праздников возглавляли торжественные собрания всех членов общины (так называемые *račiv*) и осуществляли общественный контроль, находивший выражение в деятельности цыганского *kriš'a*, т. е. суда. Им же принадлежало право рассказывать у костра *ragamici* — «цыганские сказки», один из важнейших элементов культурной традиции ловаров. Молодые женщины в общине полностью подчинялись мужу и свекрови. Номадизм и строгая эндогамия затрудняли контакты молодых ловаров с нецыганами и обеспечивали сохранение ими элементов традиционной культуры.

В социально-экономической структуре переселившейся в Швецию ловарской общины произошли значительные перемены. Вследствие социокультурной политики шведского правительства были разрешены проблемы жилья, трудоустройства и школьного образования цыган. Вместе с тем начался распад прежней структуры большой «неразделенной» семьи. Экономическая структура ловаров все более ограничивалась рамками нуклеарной семьи, которая превратилась в типичную для капиталистического общества потребительскую единицу, что привело к соперничеству между отдельными цыганскими семьями. Предоставление рассчитанных на одну нуклеарную семью квартир в различных городах Швеции лишило старших членов общины прямых контактов с членами других семей, в результате чего старшие утратили в общине свое прежнее положение. В рамках общего конфликта между нуклеарными семьями вследствие трансформации экономической структуры и ассимиляции потребительской модели возник конфликт между женщиной и семьей ее мужа. Дезинтеграция традиционной социальной структуры и растущая самоизоляция ловарских семей вызвала у цыган ответную реакцию: стремление к их культурной реинтеграции, находящее, в частности, выражение в возросшем внимании к традиции совместного празднования семейных (крестины, свадьбы, дни поминовения умерших) и календарных праздников (Рождество, Новый год, День св. Георгия, Пасха и др.).

Среди прочих проблем, обусловленных процессом аккультурации ловаров в Швеции, можно отметить неудовлетворенность ловаров решением вопроса их трудоустройства и появление тенденций к «самоиспользованию» (т. е. мелкому частному предпринимательству) в торговле и транспорте или, например, психологическую проблему двойной социализации ловарских детей — в школе и в семье.

В исследовании К. Марты использованы как материалы, полученные методом непосредственного наблюдения повседневной жизни ловарской общины, так и данные индивидуального опроса цыган и официальных представителей шведских учреждений, занимающихся проблемой аккультурации ловаров, а также материалы, опубликованные в шведской прессе

¹⁴ *Poboźniak T.* Powstanie cygańskiej grupy Lowari.— Sprawozdania z posiedzeń Komisji oddziału PAN w Krakowie, 1961, s. 127—128.

¹⁵ *Marta C.* Integrazione e opposizione culturale di un gruppo di Zingari.— Lacio drom, Roma, 1973, № 3, p. 5—63.

¹⁶ *Marta C.* A Group of Lovara Gypsies Settled down in Sweden. An Analysis of their Acculturation.

Наконец, следует, по-видимому, указать и на некоторые неточности, допущенные в этом интересном исследовании. Так, автор повторяет ошибочное мнение некоторых цыганологов относительно этногенеза цыган и даты их исхода из Индии. Касаясь проблемы номинализма цыган, он, в частности, отмечает, что индийская территория, с которой предположительно началась миграция цыган на запад, еще точно не установлена, а их исход из Индии начался после мусульманского вторжения около 1000 г. н. э.¹⁷ В ответ на это можно возразить следующее. Лингвистический анализ цыганских диалектов Европы, в основе которых лежит северо-западный среднеиндоарийский диалект «гандхари», инновации вследствие контакта с бактрийскими и дардскими языками, а также заимствования из среднеперсидского языка эпохи поздних Сасанидов — все это неопровержимо свидетельствует об исходе предков цыган с территории современных Афганистана и Пакистана в середине I тысячелетия н. э. Это также подтверждается как фактами истории Кушанского царства и державы Сасанидов, так и сообщениями византийских авторов о появлении «атинганов», т. е. «неприкасаемых», в Малой Азии уже в VII в. н. э.

И еще два замечания чисто лингвистического характера. Цыг. гом¹⁸ никогда не имеет значение 'человек' (по-цыгански *māpuš*), а употребляется лишь как самоназвание цыгана или в значении 'муж', но опять-таки 'муж цыганки', который сам также цыган (гом), а не *gadžo*. Используемое в различных значениях ловарское *račiv*¹⁹ не имеет ничего общего со словом *raša* — 'мир, спокойствие' < рум. *rașe*, а всего лишь форма цыг. *račiv* — 'честь, уважение', являющегося заимствованием из армянского языка.

Эти незначительные замечания отнюдь не снижают высокой оценки серьезного этно-социологического исследования, выполненного молодым итальянским ученым. Его работа является еще одним ценным вкладом в изучение процессов социально-экономического и этнокультурного развития современных цыган.

Лекса Мануш

¹⁷ Marta C. The Acculturation of the Lovara, p. 11.

¹⁸ Marta C. The Acculturation of the Lovara, p. 29.

¹⁹ Marta C. A Group of Lovara Gypsies..., p. 65.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. А. Маретина. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980. 259 с.

Рецензируемая монография является первым в отечественной науке обобщающим трудом по проблемам социальной структуры и общественной жизни малоизученных народов, населяющих горные области Северо-Восточной Индии. Практически в нашей науке еще нет работ, посвященных этнографическому изучению населения этого региона, за исключением ряда статей того же автора.

В рецензируемой работе отражены итоги целенаправленного и разностороннего исследования большой группы крайне разнохарактерных народов, систематически проводившегося С. А. Маретиной на протяжении 20 лет.

Жизнь народов Северо-Восточной Индии освещена в зарубежной литературе не только недостаточно полно, но, главное, очень неравномерно: некоторым группам, например нага, посвящен ряд монографий, тогда как о народах группы куки-чин или о дафлах написаны лишь отдельные статьи.

Следует помнить о большом числе разноразных этнических групп, населяющих описываемый регион: «...несколько десятков народностей и племен со средней численностью от одной-двух до нескольких тысяч человек. Общая их численность составляет около 3 млн.» (с. 5). Чрезвычайно разнообразны формы их хозяйственной деятельности, социальной структуры и духовной культуры. И тем не менее, благодаря широкому знакомству со всей доступной литературой, а также с экспонатами Музея антропологии и этнографии АН СССР, автору удалось дать полноценное интересное исследование, широко освещающее разные стороны социальной жизни этих малозученных народов.

Монография состоит из «Введения», семи глав и «Заключения». Уже простое перечисление и краткая характеристика этносов во «Введении» открывают перед читателем сложнейшую картину их расселения в лесистых горных местностях, где длительная изолированность отдельных деревень, населенных носителями одного и того же языка, привела местами к тому, что у их жителей сложились разные и очень далекие друг от друга диалекты, практически исключающие взаимопонимание. В одну лишь языковую группу нага входит, по последним данным, 47 языков, причем многие сведения по этому региону не могут быть признаны точными, так как во время переписей населения Индии переписчики иногда не имеют возможности проникнуть в районы расселения отдельных племен.

Для описываемого региона типичны отмеченные автором изменения этнического состава населения. Еще в глубокой древности (во II, а может быть, и в III тысячелетии до н. э.) здесь расселились народы, говорящие на языках монкхмерской группы; в периоды новой и новейшей истории появились выходцы из Бирмы, затем выходцы из соседних (Ассам и Западный Бенгал) и из отдаленных штатов Индии (например, марвари.

из Раджастхана), а также и из Республики Бангладеш. С постепенным перемещением и расселением здесь новых групп населения связаны многие их конфликты из-за земель, наиболее пригодных для ведения хозяйства, а отсюда и взаимная длительная дисконтность.

Чтобы дать картину экономической и социальной эволюции у нескольких десятков народов, некоторые исследователи последовательно описывают социально-экономическую организацию каждого из народов. Автор избрал другой путь, несомненно, более трудный, но более отвечающий поставленной задаче. В книге материал расположен не по народам, а по проблемам, которые размещены в их соподчинении, а затем дана целостная картина эволюции хозяйства и общественного строя всех народов региона. Путем сравнения и сопоставления материалов по разным народам автору удается выявить не только специфику социальных институтов у отдельных племен и народностей, но и общие законы и направление их изменения. Синхронно фиксируя различные стадии процесса эволюции у народов, находящихся на различных ступенях социально-экономического развития, автор как бы воссоздает этот процесс.

Исследование отличается внутренней динамикой — общество горных народов рассматривается в развитии, и это отражено в самом названии работы и ее отдельных глав. В монографии тщательно проанализированы факторы, вызвавшие на протяжении последних десятилетий радикальные перемены в общественном строе горных народов. В каждом из разделов книги прослеживаются новые тенденции развития в их соотношении с традиционным путем.

Основным предметом исследования несомненно является община. Это очень отраднo, так как после нескольких работ, посвященных общине в странах Азии и Африки, опубликованных в 1960—1970-х годах¹, практически не выходило работ об общине на Востоке. На том уровне развития, который автором определяется как общинно-родовой (с. 21), именно община является средоточием всех исследуемых социальных институтов и отношений. Однако, с нашей точки зрения, положение автора о том, что общину у описываемых народов следует выделить в единый тип, требует дополнительной аргументации.

В работе подробно рассмотрена тройственная зависимость: географическая среда — хозяйство — социальная организация. Убедительно показано, к каким далеко идущим последствиям во многих сферах социальных отношений ведет смена традиционного для ассамских горцев подсеčno-огневого земледелия орошаемым земледелием. В свете этой эволюции рассматривается одна из сложнейших социальных проблем — формы общинной собственности на землю, которые представлены в рассматриваемом регионе чрезвычайно многообразием локальных вариантов. Думается, что эта глава имеет теоретическое значение не только для Индии, но и для аналогичных обществ в развивающихся странах вообще. Автор показывает, как смена системы земледелия приводит к разложению общинного землевладения, постепенной замене его индивидуальным.

Обширный материал приведен в главе о родовой организации. На многих фактах показана разная степень активности родовых группировок у разных народов, прослеживаются пути эволюции родовых категорий в сословные, профессиональные и прочие группировки. У всех народов род становится все более экстерриториальным; функционирующей единицей является его локализованная часть, органически входящая в деревенскую общину (с. 112); это положение справедливо для большинства сохраняющихся до наших дней родовых структур.

Особый интерес представляет матрилинейная родовая организация у двух горных народов — гаро и кхаси. Автор показывает, что у этих этнически неродственных народов, обычно объединяемых исследователями друг с другом по принципу матрилинейности, имеются существенные различия в родовой организации (дуальная организация у гаро и сегментация родовых подразделений у кхаси, — с. 125, разный характер семейно-родовых связей).

Материал по родовой организации горных народов Индии, по ряду других вопросов — земельные права, формы семьи, развитие сословных групп и др. — близок к соответствующим материалам у неиндийских народов — индонезийских, индокитайских и др. Это повышает ценность книги С. А. Маретиной. Очень интересные примеры, свидетельствующие о несколько необычном в ряде случаев направлении эволюции. Мы имеем в виду, в частности, данные об увеличении числа больших и полигамных семей у ряда народов (с. 145—147) или любопытные свидетельства о переходе автократии в демократию на ранних этапах развития ряда групп нага (с. 197—198). Полагаем, что сравнительный материал можно было бы дать более систематично, что позволило бы выйти на более высокий уровень теоретических обобщений.

Во всех главах работы прослеживается связь одних социальных процессов и явлений с другими. Так, в главе о родовой организации показано ослабление родовых связей; далее, в главе о семье, это подтверждается показом постепенного освобождения семьи от родовых уз, а анализ эволюции родовых группировок продолжается в седьмой главе, посвященной образованию сословий и классов.

Материалы последней убедительно показывают принципиальное различие между формированием социальных сословий и групп, происходящим в недрах традиционного общества в первую очередь на основе социального расслоения в период формирования частнособственнических отношений, и процессом классовообразования в период, когда получают развитие товарные отношения. В этот последний период у горных народов Северо-Восточной Индии превалирует расслоение имущественное, которое ведет к склады-

¹ Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967; Социальная организация у народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975.

ванию классового общества, обществу буржуазного типа. В этой главе автор привлекает для анализа материал, приведенный в главе о земельной собственности, где показано, как по мере развития товарно-денежных отношений в горных регионах постепенно происходит становление частного землевладения.

С. А. Маретиной сделана попытка — первая, как мы отмечали, показать как общие черты в развитии всех различных народов Ассамских гор, так и особенности отдельных конкретных народов. Этой задаче подчинен весь приведенный в книге фактический материал, отсюда и принцип его отбора. Конечно, при таком подходе трудно дать исчерпывающую характеристику развития конкретных народов, но зато полно освещаются закономерности и направление эволюции общества горных народов в целом.

Перед нами работа многопроблемная. Автору удалось показать всю сложность социальной структуры большой группы народов, структуры, находящейся в периоде трансформации. Социальная структура рассматривается с позиций современной науки — община выступает как система, в которой органически переплетаются различные связи. Автор убедительно показывает беспредметность спора о том, что важнее — род или община, ибо оба эти института — органические компоненты одной системы, именуемой обществом.

Северо-Восточная Индия граничит с Китаем и Бирмой. Эти области Индии отделены от основной территории страны всем массивом Республики Бангладеш, между северной границей которой и границей Непала остался лишь узкий перешеек индийской земли — единственный коридор наземных коммуникаций.

После освобождения Индии от колониальной зависимости, и особенно после индийско-китайского конфликта 1960 г., в эти районы стала проникать китайская агентура, вербуя в пограничных племенах сторонников политики китайского гегемонизма. Эта агентура, активизируясь с каждым годом, формирует здесь бандитские группы, снабжает их оружием, засылает сюда военных инструкторов и ведет агитационную работу, усиленно распространяя идею исторической необходимости отделения местных народов от Индии. Эти сепаратистские тенденции спекулятивно обосновываются двумя объективными фактами: тем, что эти народы по своему антропологическому типу относятся к южным монголоидам, и тем, что их языки в своей подавляющей части принадлежат к тибето-бирманской группе.

К сожалению, в рецензируемой монографии почти нет материалов о политической ориентации разных организаций и партий, сложившихся в последние 20—25 лет у народов описываемых областей — об этих организациях вскользь говорится на последних страницах. Совершенно недостаточно оценена роль таких партий, как «Племенной союз Восточной Индии»; нет также упоминаний о террористических организациях, чья деятельность связана с искусственно подогреваемым ростом национализма, и о стремлении империалистов и гегемонистов дестабилизировать обстановку как в этом регионе, так и в штате Ассам.

Кроме уже высказанных замечаний, хочется отметить известную мозаичность изложения, встречающуюся местами раздробленность сведений и данных, иногда не сливающихся в восприятии читателя в единую картину. Встречаются и отдельные повторы, не вызванные необходимостью.

Одной из досадных мелочей, которых можно было бы избежать, являются отдельные неточности формулировок и определений. Так, на с. 69 говорится о ценности земли, тогда как из текста явствует, что речь идет о цене земли.

Достойно сожаления и то, что в книге нет этнического указателя — при таком множестве описываемых народов он настоятельно необходим.

Н. Р. Гусева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Бен Суанкей. Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване/Пер. с англ. и послесловие В. А. Тишкова. М.: Прогресс, 1980. 140 с.

Бен Суанкей — видный деятель коммунистического движения Канады, крупный канадский историк и этнограф-марксист, автор многих научных и публицистических трудов о рабочем и коммунистическом движении Канады, о национальных проблемах страны. Важный аспект его исследований — положение аборигенов в прошлом и настоящем, их борьба за равноправие¹. В 1980 г. увидела свет новая работа Б. Суанкея «Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване». Важно отметить, что благодаря инициативе Института этнографии АН СССР и Издательства «Прогресс» этот труд впервые опубликован в нашей стране.

Автор привлекает широкий круг источников: газеты, воспоминания очевидцев, исторические документы: использована и обширная литература. К сожалению, из-за научно-популярного характера издания научный аппарат книги оказался обедненным.

¹ Две его работы, посвященные современному положению индейцев и их борьбе против дискриминации, были опубликованы в Советском Союзе: *Аверкиева Ю. П., Суанкей Б., Файнберг Л. А.* Аборигенное население Канады. — В кн.: Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972. — *Суанкей Б.* Земельные иски аборигенных народов Канады. — Сов. этнография, 1978, № 4.

Автор рисует яркую картину национально-освободительной борьбы метисов и индейцев Северо-Запада Канады. В 19 главах книги дается подробное описание хода восстания в 1884—1885 гг. и более кратко — событий первого восстания на Ред-Ривер в 1869—1870 гг. Обращение к первому восстанию метисов не случайно. Ведь оба восстания были вызваны общими причинами. В 1867 г. образовался доминион Великобритании — Канада. Пришедшая к власти канадская буржуазия сразу же приступила к решению одной из своих важнейших задач — колонизации обширных земель к западу от Великих Озер. Население этой огромной территории, называвшейся Землей Руперта, составляли индейцы, франко- и англометисы, а также небольшая группа белых поселенцев. Колонизация новых земель стала осуществляться за счет интересов индейцев и метисов и сопровождалась лишением земли местных жителей, разрушением традиционных форм их хозяйства и культуры. Она угрожала самому существованию этнических общностей метисов и индейцев; последним была уготована печальная участь обитателей резерваций.

Проводившиеся правительством землемерные работы на Ред-Ривер, справедливо воспринятые метисами как первый шаг к конфискации земель, уже занятых ими и белыми поселенцами, послужили поводом восстания метисов под руководством легендарного Луи Рилья в 1869—1870 гг. Немалое место в программе восставших занимали требования демократических реформ и самоуправления, равенства двух языков — английского и французского — как условия включения территории в состав доминиона. В результате правительство было вынуждено предоставить территории Ред-Ривер статус провинции. Так появилась провинция Манитоба, одна из 10 провинций современной Канады. Многие пункты требований повстанцев вошли в так называемый Манитобский акт. Позднее такого же самоуправления, как на Ред-Ривер, стало добиваться население других западных территорий, что привело к созданию новых провинций: Колумбии в 1871 г., Альберты и Саскачевана в 1905 г. Говоря о значении первого восстания метисов, его политической зрелости, автор подчеркивает: «Это был пример установления народом своего правительства в тот момент, когда никакого управления вообще не существовало. Это свободно избранное правительство вело переговоры об условиях, на которых народ территории должен был вступить в состав доминиона» (с. 51). Опыт борьбы 1869—1870 гг. был использован Рилем и в 1884—1885 гг.

Бесспорная заслуга Б. Суанкея — объективный анализ социальной направленности, социального характера движения 1884—1885 гг. Хорошо показаны в книге движущие силы восстания, роль отдельных групп населения: застрельщиков восстания — франкометисов, индейцев, англометисов, белых поселенцев. Выступление метисов и индейцев Саскачевана в 1884—1885 гг. было широким народным движением и носило справедливый демократический характер. Восставшие метисы, руководимые Г. Дюмоном, предложили возглавить движение находившемуся в изгнании Рилю. Первоначально Л. Риль пытался решить конфликт мирным путем, объединить весь народ Саскачевана на основе общей программы, достичь единства франко- и англометисов, а также индейцев и белых поселенцев. После того как правительство отвергло требования местного населения, Риль и его сподвижники стали готовиться к вооруженному выступлению. В книге подробно показано, сколь много усилий предпринимал Риль, чтобы привлечь к участию в вооруженной борьбе англоязычных метисов и белых поселенцев. Единство этих групп населения явилось одной из причин победы восстания в 1869—1870 гг. на Рид-Ривер. Однако в Саскачеване в отличие от первого восстания такого единства достигнуто не было. Англоязычные метисы, поддерживавшие требования франкометисов на землю, выступали в защиту лишь мирных, конституционных средств борьбы, не желая участвовать в вооруженных сражениях. И отсутствие такого единства явилось одной из причин поражения восстания на Северо-Западе в 1885 г. Автор видит причину этой позиции англометисов лишь в агитации протестантских священников и не учитывает таких существенных факторов, как изменение к 1885 г. этнического облика населения Северо-Запада, рост англоязычного компонента за счет миграций с востока.

Важнейшая особенность восстания в Саскачеване — участие в нем индейских племен (равнинных и лесных кри и др.). Восставшие требовали «справедливого обращения» с индейцами, выполнения правительством взятых на себя обязательств. «Индейцы боролись против того, чтобы их поселили в резервации: многие из них предпочитали умереть с голода, чем потерять свободу», — пишет автор (с. 31), посвятивший описанию положения индейцев, быть может, наиболее сильные страницы своей книги. В 1879 и 1880 г. многие индейские племена были вынуждены уступить давлению правительства и переселиться в резервации. Изолировав индейцев, как справедливо замечает Б. Суанкей, «правительство перешло к систематическому разрушению племенной формы организации и культуры» (с. 31).

Движение против резерваций возглавили в 1884—1885 гг. два индейских вождя — Большой Медведь и Паундмейкер, старейшие вожди племен кри. С ними вошли в контакт франкометисы во главе с Рилем. В программе движения пункт «справедливого обращения» с индейцами занимал все более важное место.

Индейские вожди уже знали по опыту индейцев, поселенных в резервации, чем создание подобных резерваций кончалось для коренных жителей: лишением земель, голодом, разрушением традиционного уклада жизни, племенной организации и т. д. Индейцы, участвовавшие в восстании, подчеркивает автор, никогда не проигрывали в боевых стычках (с. 90). Но их бои носили оборонительный характер, а действия сводились лишь к нападениям на продовольственные склады. Подавляющее превосходство правительственных войск в конце концов заставило индейцев прекратить борьбу. Некоторые индейцы (сиу, оджибвеи, кри, ассинбойны и др.) сражались вместе с метисами под руководством Рилья и Дюмона. Огорчает, что роли индейцев в восстании отведено в

книге всего девять страниц. По мнению Б. Суанкея, «решающим фактором, обусловившим поражение восстания, был отказ взять на вооружение предлагаемую Дюмоном тактику партизанской войны. Метисы и индейцы знали буквально каждый дюйм своей земли. Если бы они приняли эту тактику... исход борьбы мог бы стать совсем иным» (с. 125). И с этим нельзя не согласиться.

Серьезным противником Рилья и восставшего народа стала церковь, особенно католическая. В работе довольно много места уделяется анализу сложной, противоречивой роли церкви в событиях на Северо-Западе преимущественно католической, пользовавшейся большим влиянием на свою паству. Б. Суанкей убедительно показывает связь католического клира с государством, попытки священников внести раскол в движение за реформы, разделить католиков и протестантов, франкометисов и англومتисов. «Между протестантским премьер-министром и католическим духовенством, — пишет автор, — существовала своего рода сделка в отношении Запада. За согласие на католическую гегемонию среди франкоязычных поселенцев церковь должна была поддерживать правительство Макдональда в его аннекционистской политике. Такой же сговор сложился на берегах Саскачевана и через пятнадцать лет» (с. 48). В книге, однако, не отмечены существенные различия в тактике католического клира в двух восстаниях. В период восстания на Ред-Ривер его тактика была более гибкой, а враждебность к движению более скрытой. В Саскачеване же церковники выступали с открытым забралом: церковь открыто осудила Рилья и приняла решение не допускать его к причастию, пригрозив одновременно лишить права на причастие всех метисов, которые возьмутся за оружие. Во время сражения в Батуше; где проходил решающий последний бой метисов с регулярной армией, католические священники поддерживали тайные связи с командующим правительственных войск (Миддлтоном), снабжая его информацией о тех трудностях, которые испытывали повстанцы.

Автор рисует яркие портреты вождей восстания: Луи Рилья, Габриэля Дюмона, Большого Медведя, Паундмейкера, Уильяма Джексона (лидера белых поселенцев), прослеживает их судьбы после жестокого подавления восстания. Главным героем книги является франкометис Габриэль Дюмон, ближайший соратник Рилья, возглавивший вооруженные силы повстанцев. Искусный охотник и прекрасный наездник, он славился гостеприимством, мужеством и добротой. Не получив образования, Дюмон прекрасно владел французским языком и свободно изъяснялся на шести индейских наречиях. Он был одним из наиболее решительных и бесстрашных вождей повстанцев и постоянно наставлял на применении наступательной тактики. В сражениях повстанцев с войсками правительства (у Дак-Лейк, Фиш-Крик и у Батуша) проявились природные данные Дюмона как военного руководителя. Дюмон — и в книге это хорошо показано — ловко использовал в борьбе с превосходящими силами противника испытанную и хорошо знакомую аборигенам тактику охоты на бизонов.

В заключительной главе книги Б. Суанкей подвергает критике существующие в буржуазной историографии две основные концепции восстания. Согласно первой из них, оно было спровоцировано «безумным Рилем бунтом метисов». Сторонники второй концепции утверждают, что движение метисов и индейцев представляло собой «последнее сопротивление отсталой цивилизации неизбежному наступлению более развитой цивилизации белых». Метисы, доказывает автор, никогда не выступали против продвижения «цивилизации», выражавшейся в притоке новых поселенцев, строительстве железных дорог и росте промышленности. Они боролись за сохранение своей земли, против национальной и социальной дискриминации. Метисы были вынуждены прибегнуть к оружию во имя спасения своей культуры, своего языка, своей религии, своего этноса. Они добивались права на самоуправление входящих в доминион территорий Запада страны. Что же касается индейцев, то их участие в восстании, по мнению автора, было «последней отчаянной попыткой спасти себя от неминуемого вымирания из-за жестокой и бессердечной политики правительства, домогавшегося индейских земель» (с. 129).

Книга содержит интересный этнографический материал. Автор рассказывает о хозяйстве, быте, условиях жизни индейских племен во второй половине XIX в., об образе жизни франкометисов, их традиционной культуре (в частности, о методе коллективной охоты на бизонов), о разрушении уклада жизни метисов и индейцев под натиском колонизации. Представляет несомненный интерес попытка автора объяснить причины спаянности франкометисов, дать характеристику их этнической общности: «Их жизнь на пограничной черте поселений выработала у них сильное чувство независимости и уверенности в собственных силах. Их объединяла общность языка, религии и образа жизни» (с. 14). Они сплачивались в борьбе против эксплуатации и незаконных притязаний Компании Гудзонова залива, британской колониальной администрации, а позднее против канадской буржуазии в эпоху колонизации. Следовало бы добавить, что участие в восстании способствовало также укреплению самосознания метисов. Не случайно в 1884 г. на митинге повстанцев — франкометисов в Сен-Лоранс Риль заявил: «Именно сейчас мы образовались как нация» (с. 60). В книге содержатся любопытные данные о большом влиянии метисов на индейцев. В одной из своих речей Л. Риль говорил, убеждая англومتисов примкнуть к восстанию: «Что касается индейцев, то всем известно, каким влиянием среди них пользуются метисы. И если управление индейскими делами со стороны канадского правительства на протяжении пятнадцати лет не привело к взрыву, то это только благодаря метисам, которые до самого последнего времени убеждали индейцев сохранять спокойствие. Теперь, когда мы вынуждены взяться за оружие, мы не можем даже говорить о какой-то покорности им. Мы убеждены, что если франко- и англоязычные метисы объединятся в это кризисное для них время, то смогут помочь индейцам и привлечь их на свою сторону... Сильный союз между франко- и англоязычными метисами — это единственная гарантия избежать кровопролития» (с. 69).

Автор рассказывает, правда весьма фрагментарно, о том резонансе, который имели суд над Рилем и казнь вождя повстанцев в Канаде, особенно в Квебеке, где Риль считали патриотом и национальным героем.

Книга Е. Суанкея хорошо иллюстрирована. Читатель увидит портреты героев восстания и картины сцен боев повстанцев с карательными отрядами и др.

Хотелось бы отметить удачный перевод книги и содержательное послесловие В. А. Тишкова, в котором показаны предпосылки восстания, дана краткая историография рассматриваемых Б. Суанкеем проблем, критически проанализированы существующие в буржуазной канадской литературе концепции восстания на Северо-Западе. К упущениям перевода следует отнести имеющиеся в книге неточные названия отдельных индейских племен. Так, на с. 17 упоминается племя индейцев «пиджанов», в то время как в этнографической литературе принято их называть «пиеганами». На с.с. 30, 90 речь идет об индейцах «блэкфутах», называющихся в нашей литературе черноногими.

Книга Б. Суанкея знакомит советского читателя с одной из наиболее ярких страниц этнической и политической истории Канады: с восстанием метисов и индейцев на Северо-Западе страны. Она актуальна и нужна, так как и в сегодняшней Канаде до сих пор не решена проблема аборигенов, страдающих от социально-экономической, политической, правовой, расовой дискриминации. В наши дни все более широкий размах принимает борьба аборигенов Канады за равенство в конфедерации, за справедливое решение вопроса о земле, против всех форм дискриминации. Имена вождей восстания на Северо-Западе в конце XIX в., их успехи в борьбе вдохновляют нынешнее поколение коренных жителей к сопротивлению, к движению за равноправие. Луи Риль, Габриэль Дюмон, Паундмейкер, Большой Медведь, Уильям Джексон представляют боевую, демократическую, революционную традицию в истории Канады. Их помнят все прогрессивные канадцы. И вполне закономерно, что особенно чтят память героев восстаний 1869—1870 гг. и 1884—1885 гг. коммунисты Канады. «Память о тех, кто сражался и погиб за лучшую Канаду в предшествовавшие периоды истории, с нами в нашей борьбе,— писал видный деятель канадского коммунистического движения, историк и публицист Джон Вир.— И лучшим, самым первым в этом списке является имя Луи Риль»².

Л. Н. Фурсова

² Weir J. Among the Fighters for Canada's Freedom. Canadian Tribune, 17.XII, 1969.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ РАБОТЫ

К. Т. Хлебникова

Colonial Russian America. Kirill T. Khlebnikov's Reports, 1817—1823./B. Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, eds., Portland: Oregon Historical Society, 1976. 158 p.; Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова/Сост. Р. Г. Ляпунова, С. Г. Федорова. Л.: Наука, 1979, 280 с.

Кириллу Тимофеевичу Хлебникову (1784—1838) принадлежит выдающаяся роль в истории и историографии бывших российских владений в западном полушарии, так называемой Русской Америки. 35 лет своей полной приключений жизни он состоял на службе в Российско-Американской компании. 12 из них провел в Гижиге и на пове Камчатка, который изъездил вдоль и поперек, не раз подвергаясь смертельной опасности. Затем 14 лет он возглавлял представительство компании на о. Ситха, в подведомственных ей владениях на Алеутских островах, Аляске и в Верхней Калифорнии, был помощником Главного правителя Русской Америки. Возвратясь в 1833 г. в Петербург, К. Т. Хлебников незадолго до смерти был назначен одним из директоров компании.

Уроженец Приуралья, сын кунгурского городского головы, К. Т. Хлебников принадлежал к купеческому сословию. Ему не довелось получить систематического образования. Своим избранием в 1837 г. в члены-корреспонденты Петербургской академии наук он был обязан приёму дарования, неутомимому труду и самопожертвованию. Заслуги Хлебникова были признаны задолго до того — русские мореходы назвали в его честь мыс на о. Атту группы Ближних Алеутских островов в Беринговом море.

Бесстрашный мореплаватель и землепроходец, государственный деятель, коммерсант и дипломат, собиратель научных коллекций и архивных документов, проницательный наблюдатель и усердный регистратор событий и фактов, существенных для науки, самобытный литератор — вот далеко не полный перечень занятий и качеств Хлебникова, суммированных в его традиционном почетном титуле летописца Русской Америки. Современники признавали в нем крупнейшего знатока всех сторон природы и жизни этого края, тихоокеанского Севера.

К. Т. Хлебниковым был собран ценнейший архив, содержавший текстовые, иллюстративные и цифровые материалы, касающиеся открытия и освоения русскими мореходами и промышленниками Алеутских островов и Аляски. Разнородные сведения он

группировал по шести существовавшим тогда в Русской Америке отделам: Ситха, Кадъ-як, Уналашка, Атха, Север и Росс. Шесть частей должны были в конце концов составить книгу материалов, или «Записок», которую, как скромно признавался автор, он задумал не столько для своего начальства, сколько «для облегчения слабой памяти... и для любопытства». Рукопись была впервые закончена еще в 1827 г. В процессе подготовки к изданию с нее было снято несколько копий. В одну из них Хлебников вносил дополнения.

С этими материалами в рукописи познакомился выдающийся мореплаватель и исследователь Ф. П. Литке, назвавший их прекрасными. Редактированием и пополнением «Записок» занимался Главный правитель Русской Америки и крупный ученый Ф. П. Врангель. Однако напечатать основной труд Хлебникова, равно как и некоторые его статьи (одну из них в 1837 г. он посылал А. С. Пушкину в редакцию журнала «Современник»), тогда не удалось по цензурным причинам.

Лишь в 1861 г. первая и последняя части «Записок», случайно найденные историком русского флота А. П. Соколовым, увидели свет под названием «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана». Сравнительно недавно эти записки привлекли внимание американских историков науки.

С 1972 г. Орегонское историческое общество в Портленде публикует серию «Североокеанские исследования», содержащую переводы на английский язык мало известных на Западе источников для изучения тихоокеанского Севера. В первом томе было помещено «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, а во втором, вышедшем из печати в 1976 г., — исследование К. Т. Хлебникова. Книга была приурочена к двюжкой знаменательной годовщине: предполагалось, что год рождения русского путешественника совпал с провозглашением независимости США; впоследствии выяснилось, что он родился на 8 лет позднее.

Американские ученые Б. Дмитришин и Э. Краунхарт-Вогэн тщательно перевели тексты Хлебникова на английский язык, снабдили их глоссарием, некоторыми примечаниями, библиографией, предметно-именным указателем. К книге приложено 8 статистических таблиц из материалов Хлебникова, сохранившихся в советских архивах, удачные иллюстрации из собраний Орегонского исторического общества, американских библиотек, а также советских изданий и государственных коллекций. Художественное оформление книги, напечатанной ротатрипным способом, отличается безукоризненным вкусом. Ее создателями двигали симпатии к русским исследователям Западного полушария, прежде всего к К. Т. Хлебникову, которого, по их убеждению, ценят еще недостаточно (ничего не говорится о нем в авторитетной Большой Советской Энциклопедии, — отметили они), а также идея и дух творческого сотрудничества с советскими историками и этнографами.

Научные сотрудники Института этнографии АН СССР Д. Д. Тумаркин и Р. Г. Лапунова в 60-е годы выявили и заново сличили архивные списки главной работы К. Т. Хлебникова, установили ее состав. Наиболее полной писарской копией текста (авторский оригинал не обнаружен) признаны записки, сохранившиеся в Архиве Географического общества СССР. В ней имеется правка автора. Другие копии «Записок» были найдены в Ленинградском отделении Архива АН СССР и Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Вышедшая из печати в 1979 г. в Ленинграде книга «Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова» содержит комментированный текст списка из Архива Географического общества, за исключением первой и последней частей, напечатанных в 1861 г. Публикация основана на скрупулезном сличении всех известных списков; в нее включены дополнения, имеющиеся в текстах из двух других архивов.

Авторскими дополнениями К. Т. Хлебникова завершается публикация каждой из четырех частей «Записок». Это сделанные им извлечения из разнообразных источников, в том числе дневников (журналов) и рукописей, позднее утраченных. В книгу включены примечания Ф. П. Врангеля ко второй (выделены также в особое приложение) и третьей частям «Записок». К книге приложены указатель географических и этнических названий, словарь специальных терминов, местных и устаревших слов и именной указатель к изданию.

Ограниченный объем издания вынудил составителей отказаться от воспроизведения 14 карандашных пейзажей, имеющих в списке Архива Института истории АН СССР, лишь несколько из них удалось поместить на форзацах. Если бы не этот формальный фактор, в книгу целесообразно было бы включить не только эти рисунки, но и две ее текстовые части, напечатанные 120 лет тому назад, которые теперь труднодоступны и нуждаются в комментировании после сличения с найденными с тех пор рукописными вариантами. Это придало бы труду К. Т. Хлебникова как произведению и историческому источнику целостный характер, сделало бы работу составителей тома еще более эффективной в научном отношении.

Опубликованные ныне материалы К. Т. Хлебникова — это уникальный, без преувеличения можно сказать, энциклопедический свод данных о Русской Америке первых десятилетий XIX в., собранных, отобранных и оцененных очевидцем. 92 тома так называемого Русского колониального фонда в Национальном архиве в Вашингтоне, охватывающего 1802—1867 гг., лишь подтверждают историческую ценность, незаменимость хлебниковских документов.

Энциклопедичность «Записок» проявляется не только в их тематической всеохватности, но и в композиционном своеобразии, в кажущейся разнородности приводимых автором сведений, которые он тем не менее собирал и стремился подчинить единому плану. Обращаясь к материалам своих предшественников, он вовсе не намерен «сплывать известное» (с. 22), а подходит к своим источникам творчески и критически.

Труд К. Т. Хлебникова содержит сведения по истории, экономике, географии, климатологии, геологии, биологии Алеутских островов и Аляски. Особое внимание он уделял культуре и образу жизни населения Русской Америки, собирая материалы, в том числе статистические, о русских поселениях в Северо-Западной Америке, их системе управления и хозяйстве, сопоставлял собственные этнографические характеристики алеутов и эскимосов, а также тлинкитов и атапасков с уже известными ранее. С. Г. Федорова справедливо подчеркивает, что «Записки» являются одним из важнейших источников по этнографии русского населения американского Северо-Запада. Многократно описывая быт и характер аборигенов, Хлебников находит в них выразительные, иногда привлекательные черты: туземец «откровенным смелым взором показывает о себе, что он житель Нового Света» (с. 23). В наблюдениях своих предшественников относительно быта и нравов алеутов о. Уналашка его привлекает возможность сопоставлять факты, обнаруживая перемены. «Время изменяет образ жизни и самые нравы бывших тогда дикими островитян,— пишет он,— и тем любопытнее известие о первобытном их состоянии» (с. 95). Он отмечает, что «первые посетители, вероятно, мало обращали внимание на состояние жителей..., будучи заняты собственными выгодами» (с. 86). Сопоставляя противоречивые оценки характера и быта алеутов, принадлежавшие А. А. Баранову и Г. А. Сарычеву, он подчеркивает существенность субъективных обстоятельств возникновения того и другого источника сведений (один написан «из любопытства», а другой — «сообщителем поневоле»).

Добросовестный историк, Хлебников стремится не допускать ни малейшего искажения цитируемых им важных документов. Об одном из них он поясняет: «Чтоб сохранить в своей памяти сей примечания достойный манускрипт, я списываю оный из слова в слово, не переменяя выражений...» (с. 94). Интересных цитаций в книге много, и правильно воспринимать их читателю было бы легче, если бы они были выделены не только кавычками, но одним из типографских средств, например особым шрифтом или более широкими полями. Хлебников выписывал из своих источников помимо сведений, подтверждавших его собственные мысли, для сопоставления еще и те, которые противоречили им; так это было в отношении островов Прибылова, о. Матвея и части Северной Америки.

Составители книги Р. Г. Ляпунова и С. Г. Федорова проделали кропотливую работу, которая велась в архивах не только Ленинграда, но также Тарту, Москвы, Перми и Кунгура. Поиски остающихся неизвестными рукописей Хлебникова, археографический анализ найденных списков, изучение его интереснейшей корреспонденции, безусловно, должны быть продолжены.

В Портленде уже завершен перевод четырех частей «Записок» Хлебникова на английский язык. Он предназначен для серии «Северитихоокеанских исследований», в которой появится также книга о путешествиях в Америку начала XIX в. русских морских офицеров Г. И. Давыдова и Н. А. Хвостова. Члены Орегонского исторического общества перевели известные статьи вице-адмирала В. М. Головнина и П. Н. Головина о Российско-Американской компании. К исследованиям советских этнографов-историков привлечено международное внимание. Теперь одной из ближайших целей их работы по выявлению, систематизации и изучению рукописей К. Т. Хлебникова может стать подготовка первой научной биографии этого незаурядного человека. Между тем оба рецензируемых издания отражают успехи международной исторической науки, которыми в 1982 г. будет отмечено 250-летие открытия Аляски со стороны России.

Б. В. Лукин

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Colin Newbury. Tahiti Nui. Change and Survival in French Polynesia 1767—1945. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1980. 396 p.

За последние годы историко-этнографическая литература о Таити пополнилась двумя крупными исследованиями. В 1974 г. вышла из печати трехтомная монография американского этнографа Д. Оливера «Древнее таитянское общество», в которой подробно описаны материальная и духовная культура таитян, их традиционная социальная организация и изменения в жизни таитянского общества в течение первых пяти десятилетий его контактов с носителями «западной цивилизации», вплоть до объединения Таити и прилегающих островов под властью Помаре и распространения там христианства¹. В рецензируемой монографии, написанной английским исследователем К. Ньюбери, прослеживаются изменения на Таити и других островах Общества, а отчасти и на остальных архипелагах Французской Полинезии на протяжении почти двух веков — от первых контактов с европейцами до окончания второй мировой войны.

Как и труд Оливера, монография Ньюбери привлекает прежде всего своей весьма обширной и разносторонней фактической базой. В книге отражены результаты много-

¹ Oliver D. L. Ancient Tahitian Society. 3 v. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1974.

детных разысканий автора в архивах и рукописных отделах библиотек Беликооритании, Франции, Италии, Австралии, Новой Зеландии, Гавайских островов и Таити. Им использованы также многочисленные официальные публикации, газеты и журналы того времени, сочинения таитян, мемуары и путевые записки западноевропейских мореплавателей, путешественников, колониальных администраторов, миссионеров и т. д. Автор предпочитает опираться непосредственно на исторические источники, лишь в немногих случаях черпая факты из работ своих предшественников.

Как указывает Ньюбери в предисловии, он стремился прежде всего проследить социально-экономические изменения и в связи с этим выявить степень адаптации к новым условиям традиционных социальных институтов. Этот замысел определил и структуру книги. Почти все ее главы имеют проблемно-тематический характер. Хронологический принцип изложения выдержан в книге лишь в общей форме — в той мере, в какой он способствует освещению рассматриваемых проблем.

Примечательная особенность рецензируемого исследования — критическое отношение к используемым источникам, обсуждение степени их достоверности, выявление причин их тенденциозности. Эта особенность наиболее полно проявляется в первых двух главах, где речь идет о традиционной структуре таитянского общества и сдвигах, начавшихся в нем под влиянием контактов с европейцами; об объединении Таити и прилегающих островов под властью Помаре, христианизации архипелага и превращении его в «миссионерское королевство», т. е. о тех явлениях и процессах, которые были подробно освещены в монографии Оливера. Используя ряд дополнительных источников, которые не были привлечены этим исследователем, Ньюбери вносит некоторые коррективы в его концепцию, не затрагивая, впрочем, ее существа. При этом Ньюбери подобно Оливеру предпочитает воздерживаться от обобщений, если их нельзя непосредственно вывести из сообщений источников².

Следует отметить, что Ньюбери вообще очень осторожен в своих выводах и оценках. Так, он избегает говорить о существовании на Таити в 20-х—30-х годах XIX в. миссионерской теократии, хотя этот вопрос довольно однозначно решается в специальной литературе³, уклоняется от развернутой критики французского колониализма. Однако обильный фактический материал, содержащийся в книге, в ряде случаев позволяет читателям сделать собственные выводы.

Помимо характеристики традиционной структуры таитянского общества, находившегося во второй половине XVIII в. на стадии классового образования и формирования элементов государственности, значительный интерес для этнографов представляет проведенный автором анализ гетерогенной структуры (еще с преобладанием традиционных форм) «миссионерского королевства», созданного на Таити в начале XIX в. С этой точки зрения заслуживает внимания и подробно прослеживаемая Ньюбери трансформация традиционных социальных групп и институтов после захвата Таити и соседних островов Францией — сначала в условиях протектората (1843—1880 гг.), а потом и официального присоединения этих островов к французской колониальной империи.

Наиболее детально описывает автор судьбу социального слоя вождей (*ари*). В книге прослежено, как вожди потеряли власть сначала в масштабах всей страны, а затем и на местах, в округах, где они вынуждены были по всем важным вопросам, выполнять приказы колониальных чиновников. Правда, в новых условиях некоторые знатные семьи сумели превратить в свою собственность часть общинных земель. Но к концу XIX в. этот социальный слой находился уже в глубоком упадке. Богатства и традиционный авторитет вождей в значительной мере перешли к новой социальной группировке — евро-таитянским метисам (потомкам европейских торговцев и миссионеров, женившихся на знатных таитянках). Эта группировка, пытавшаяся эклектически сочетать ценности таитянской и «западной» культур и искусно использовавшая свое «промежуточное» положение, как правило, активно сотрудничала с колониальной администрацией и крупными иностранными предпринимателями. Таково происхождение многих *деми*, ныне играющих важную роль в экономической и политической жизни Таити и всей Французской Полинезии.

Значительное внимание уделяется в книге проблеме трансформации аграрных структур. Французские власти не осмелились нанести решительный удар по традиционной системе земельных прав, основанной на групповой собственности на землю, подобно тому как это было сделано на Гавайских островах, где в 1848—1850 гг. были проведены «аграрные реформы», создавшие условия для обезземеливания коренного населения и захвата лучших земель американскими капиталистами⁴. Но, как показано в книге, в соответствии с законодательными актами и с помощью разных ухищрений большие массивы плодородных земель в прибрежных районах Таити и на соседних островах были изъяты у местных общин и превращены в капиталистические плантации. Слабее освещены процессы социальной дифференциации среди рядовых островитян и проникновение в деревню товарно-денежных отношений, но и по этим вопросам в книге можно найти интересный материал.

Особое место среди пришлого населения заняли китайские иммигранты. Впервые введенные на Таити в 1860-х годах в качестве законтрактованных рабочих-кули, они пу-

² Об этой особенности монографии Оливера см. в рецензии Р. Фэрта: *The Journal of the Polynesian Society*, 1976, v. 85, № 4, p. 561.

³ См., например, *Koskinen A. A. Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands*. Helsinki: s. p., 1953, p. 52, 160, 237.

⁴ См., например, *Тумаркин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы. М.: Наука, 1971, гл. V.

тили здесь довольно прочные корни. Вскоре из их среды выделились мелкие торговцы, городники, владельцы маленьких пекарен и прачечных, а в начале XX в. в административном центре колонии городе Папеэте уже действовали и крупные предприниматели-китайцы. Автор прослеживает историю китайской общины на Таити и окрестных островах, взаимоотношения китайских иммигрантов с французскими властями, коренными жителями и европейскими поселенцами.

Как видно даже из этого краткого обзора, монография Ньюбери представляет несомненный интерес для этнографов, изучающих традиционную социальную организацию таитян и других народов Полинезии, эволюцию местных социальных структур, а также общие вопросы перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Но прежде чем закончить эту рецензию, мне хотелось бы сделать замечание источниковедческого характера.

Выше уже отмечалось богатство и разнообразие привлеченных автором источников. На этом фоне вызывает некоторое удивление, что в книге не использованы труды русских мореплавателей. Я имею прежде всего в виду экспедицию Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, побывавшую на Таити в 1820 г., и посещение этого острова в 1824 г. О. Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие». Тут едва ли виноват лингвистический барьер: описание экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, впервые вышедшее в свет в Петербурге в 1831 г., было издано в 1945 г. в переводе на английский язык⁵, а книга Коцебу о плавании на «Предприятии», написанная по-немецки, была опубликована в 1830 г. в Веймаре⁶ и тогда же переведена на английский и шведский языки. В обоих трудах содержатся интересные сведения о событиях на Таити, о самобытном жизненном укладе островитян и процессе его трансформации, о «миссионерском королевстве», причем книга Коцебу особенно примечательна показом негативных последствий обращения таитян в христианство и развернутой критикой деятельности миссионеров. Уполномоченные Лондонского миссионерского общества Д. Тайермен и Дж. Беннет, стремясь опровергнуть обвинения, выдвинутые Коцебу, позволили себе грубые выпады в адрес русского мореплавателя; с нападками на него выступил и капеллан военно-морского флота США, бывший миссионер Ч. Стюарт⁷. В рецензируемой книге использованы сочинения этих церковников, но не отражена указанная полемика и даже вообще не упомянут Коцебу.

Д. Д. Тумаркин

⁵ The Voyage of Captain Bellingshausen to the Antarctic Seas 1819—1821. V. 1—2. London: Hakluyt Society, 1945. В рецензируемой монографии один раз без каких-либо ссылок упоминаются «офицеры капитана Беллинсгаузена» (с. 58), но автор нигде не ссылается на книгу этого мореплавателя.

⁶ *Kotzebue O. von. Eine Reise um die Welt, in den Jahren 1823, 24, 25, 26. Bd 1—2.* Weimar: Wilhelm Hoffman, 1830. Русский перевод: *Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг.* М.: Географгиз, 1959 (2-е изд.— М.: Наука, 1981).

⁷ *Tyerman D., Bennet G. Journal of Voyages and Travels. V. 1.* London, 1831, p. X—XV; *Stewart C. S. A Visit to the South Seas, in the U. S. Ship Vincennes, during the Years 1829 and 1830.* London, 1832, p. 358—359, 361—363.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ

18 ноября 1981 г. ушел из жизни выдающийся советский археолог и этнограф, замечательный знаток древностей Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Герой Социалистического Труда, академик Алексей Павлович Окладников. Прервалась исследовательская деятельность, грандиозная по творческому размаху и научному значению достигнутых результатов.

А. П. Окладников родился 3 октября 1908 г. в дер. Константиновщина на верхней Лене в семье учителя. Школу он окончил в селе Бирюльском и поступил в Иркутский педтехникум, откуда затем перевелся в пединститут. После окончания института А. П. Окладников заведовал этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея, а в 1934 г. поступил в аспирантуру Гос. академии истории материальной культуры в Ленинграде. По окончании аспирантуры он работал сначала в качестве старшего научного сотрудника, затем заведующего сектором и наконец заведующего Ленинградской частью Института истории материальной культуры АН СССР (впоследствии — Института археологии).

В 1961 г. наступил новый период в жизни А. П. Окладникова — по приглашению М. А. Лаврентьева он переезжает в Новосибирск, где сначала возглавляет Отдел гуманитарных исследований в Институте экономики Сибирского отделения АН СССР, а затем — созданный на базе этого Отдела Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, директором которого он оставался до последнего дня жизни. Одновременно он вел большую преподавательскую работу, руководя кафедрой всеобщей истории Новосибирского университета.

В 1956 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Якутской АССР, в 1957 г. — заслуженного деятеля науки РСФСР. В 1964 г. А. П. Окладников был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1968 г. — ее действительным членом. А. П. Окладников был награжден высокими правительственными наградами — тремя орденами Ленина и тремя орденами Знак Почета, в связи с 70-летием за выдающиеся заслуги перед советской исторической наукой он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Не имея возможности и места рассмотреть содержание всех исследований Окладникова (полный список его работ содержит около 1000 названий), остановимся лишь на главных направлениях научного поиска, получивших обобщение в отдельных монографиях. Первой и неизменной научной страстью А. П. Окладникова были древности Прибайкалья и Забайкалья. Проводившиеся на протяжении многих лет разведки бас-

сейнов, верхней Лены, Ангары, Селенги и их притоков и раскопки многочисленных неолитических могильников и стоянок, а также могильников и стоянок эпохи ранней бронзы принесли огромный ранее неизвестный археологический материал, давший неоценимые сведения о расселении, образе жизни, хозяйственных занятиях, искусстве древних жителей этой громадной области. Не ограничиваясь введением в научный оборот своих собственных оригинальных данных, А. П. Окладников критически исследовал старые музейные коллекции, что в конечном итоге послужило прочной базой для создания археологической периодизации, выделения местных вариантов археологических культур и установления их генетической преемственности. Монография «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» в трех частях (М.—Л., 1950—1955) подвела итог этим многолетним исследованиям и явилась значительным вкладом в изучение происхождения и истории наиболее древних племен восточных районов Сибири. Выявленные археологически генетические связи их с этническим миром степей западной Евразии находят подтверждение и в палеоантропологических материалах. Широкое привлечение сравнительных сопоставлений не давало возможности включить в книгу собственно археологическую информацию — планы могильников, описания погребений, характеристики археологических комплексов, дневники раскопок. Публикация всей этой бесценной археологической документации была осуществлена на 20 лет позже в четырех книгах — «Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети)» (Новосибирск, 1974), «Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды)» (Новосибирск, 1975), «Неолитические памятники нижней Ангары (от Серово до Братска)» (Новосибирск, 1976), «Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири» (Новосибирск, 1978).

Начав свою исследовательскую деятельность в Прибайкалье, А. П. Окладников постепенно расширял свои археологические маршруты не только на территории Сибири, но и за ее пределами. Его работа в Средней Азии ознаменовалась в 1938 г. замечательным открытием знаменитого неандертальского погребения в гроте Тешик-Таш. Монография «Тешик-Таш, Палеолитический человек» (М., 1949), в которой А. П. Окладникову принадлежит большая глава «Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, южный Узбекистан», была удостоена Государственной премии. Этим не ограничиваются достижения А. П. Окладникова в изучении древнейшего прошлого Средней Азии. Не имея возможности даже упомянуть все открытые и исследованные им памятники, отметим раскопки пещеры Джебел в прикаспийском регионе Туркмении. Эти раскопки дали возможность составить четкую стратиграфическую шкалу для мезолита и неолита южных районов Средней Азии, а также предоставили огромный материал для суждения о месте мезолитических и неолитических племен Прикаспия среди аналогичных групп собирателей и охотников степных районов Евразии («Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении». — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции АН Туркменской ССР, т. 7, Ашхабад, 1956).

В 1940—1945 гг. — А. П. Окладников в Якутии. За эти годы им пройдены на лодке многие тысячи километров, обследована долина Лены и нижние течения ее основных притоков, открыты многие десятки памятников от палеолита до позднего средневековья. Это было подлинное «распахивание целины», стирание абсолютно «белого пятна» с археологической карты Сибири, открывшее как время и этапы заселения огромной территории внутренней Сибири человеком, так и характер и отличительные особенности его культуры. Результаты этой работы были широко использованы А. П. Окладниковым при разработке проблем этногенеза якутов, о чем будет сказано ниже, а собственно археологический материал был опубликован в трех выпусках «Ленских древностей» (вып. 1, Якутск, 1945; вып. 2, Якутск, 1946; вып. 3, М.—Л., 1950).

По мере роста научного опыта и накопления профессиональной эрудиции А. П. Окладников все шире и шире разворачивал географический диапазон своих работ, охватывая все новые и новые районы и углубляясь в историю населявших их древних племен. С 1953 г. он начал систематически работать на советском Дальнем Востоке, до начала его исследований весьма слабо изученном в археологическом отношении. Как и всегда, Окладников мобилизовал значительную группу своих учеников на самостоятельные раскопки, проводил ежегодно очень широкую по охвату территории разведку и одновременно полностью раскапывал ключевые памятники. Так было раскопано и монографически описано обширное поселение на полуострове Песчаном недалеко от Владивостока, позволившее воссоздать облик «культуры раковинных куч» («Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока», М.—Л., 1963). Аналогичная моно-

графическая публикация, выполненная совместно с А. П. Деревянко, посвященная большому поселению раннего железного века — одному из важных опорных памятников для установления стратиграфии этого хронологического периода в Приморье («Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево-2». Новосибирск, 1970). Такие монографические публикации всегда подготавливали почву для крупных обобщающих работ Окладникова с широкой исторической перспективой, охватывающих большие территории и крупные хронологические отрезки времени. Первым опытом обобщения накопленных археологических материалов и сведений, извлеченных из письменных источников, явилась книга о древней истории Приморья — «Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края» (Владивосток, 1959). Но продолжавшиеся интенсивные исследования потребовали уже через несколько лет значительных дополнений, осуществленных совместно с А. П. Деревянко, и в значительно большем объеме эта книга вышла вторым изданием («Далекое прошлое Приморья и Приамурья». Владивосток, 1973).

В краткой статье трудно даже назвать те районы, в которых работал А. П. Окладников. Особое место в его богатой археологическими путешествиями жизни заняла Монголия. Впервые Алексей Павлович посетил Монголию в 1949 г. в составе советско-монгольской археологической экспедиции под руководством С. В. Киселева. Возглавляя отряд по изучению каменного века на территории Монгольской Народной Республики, он познакомился с новым для него миром центральноазиатского палеолита. Начиная с 1960 г. Окладников почти ежегодно работал в Монголии, осуществляя поиски памятников палеолита и наскальных изображений, год за годом прокладывая все новые маршруты. И здесь сказался исключительный энтузиазм А. П. Окладникова — будучи уже больным, он и в 1980 г., за год до смерти осуществил очередной экспедиционный выезд и активно работал в достаточно тяжелых полевых условиях. К сожалению, этот огромный цикл исследований не получил адекватного отражения в научных публикациях — остались лишь предварительные сообщения и несколько монографических описаний отдельных памятников.

Столь широкий диапазон исследовательских интересов при работе над конкретным археологическим материалом давал возможность делать крупные обобщения в истории первобытного общества. Здесь особенно ярко проявилась характерная особенность творчества Окладникова — его богатейшая и тончайшая интуиция, придававшая наряду с колоссальной осведомленностью во всех областях археологии и истории, точностью оценок, умением образно мыслить, писать и говорить неповторимо своеобразный почерк его исследованиям. Делая выводы, А. П. Окладников умел не только обобщать, но и предугадывать, по каким-то беглым, порою даже случайным штрихам предвосхищать последующее направление исследовательского поиска, видеть перспективу будущих работ. В настоящее время накопилось значительное число данных, свидетельствующих о сложном духовном мире неандертальцев, их достаточно развитой социальной организации, их умении выполнять очень разнообразные трудовые операции. В ряде статей начала 1960-х годов А. П. Окладников сумел подчеркнуть важность всех этих явлений, располагая значительно меньшими данными, чем мы имеем сейчас. Ему принадлежит огромная заслуга в интерпретации неандертальских погребений, как свидетельства осознания ими местоположения сторон Света. В 1941 г. он предложил, опираясь на крайне фрагментарный материал, схему локальной дифференциации неолитических культур Сибири и связи их с окружающими районами, и все последующее развитие археологии подтвердило справедливость этой схемы, дополненной, но не опровергнутой в ходе новейших исследований.

На протяжении всей своей научной жизни, в особенности в последние десятилетия, А. П. Окладников занимался интереснейшей проблемой наскальных изображений Сибири и Монголии. Обширная серия его монографий (некоторые из них написаны совместно с В. Д. Запорожской — женой и верным помощником А. П. Окладникова в его экспедиционной и издательской деятельности) — «Ленские писаницы» (М.—Л., 1959), «Шнишкинские писаницы — памятники древней культуры Прибайкалья» (Иркутск, 1959), «Петроглифы Ангара» (М.—Л., 1965), «Петроглифы Байкала» (Новосибирск, 1970), «Петроглифы Верхней Лены» (1977), «Петроглифы долины р. Елангаш (юг горного Алтая)» (Л., 1979), «Петроглифы Нижнего Амура» (Л., 1971), «Петроглифы Центральной Азии» (Л., 1981) и другие — включает в себя целые картинные галереи наскальной живописи, своеобразного, неповторимого древнего творчества народов сибирско-монгольского региона. Открытие, описание и анализ этих памятников, ценнейшего исторического источника, — огромная заслуга А. П. Окладникова перед исторической наукой. Благодаря его

исследованиям, расшифровке писаниц с помощью этнографических данных, эти безвольные загадочные рисунки наполнились жизнью, заговорили о многовековом прошлом читателей Сибири. Изучение писаниц позволило А. П. Окладникову выделить особую область первобытного искусства, не только уточнить характер занятий древних людей, но и приоткрыть завесу над их мировоззрением, верованиями, праздничными церемониями, охотничьей магией. К исследованиям А. П. Окладникова в области наскальной живописи, несомненно, будет обращаться не одно поколение историков, археологов, этнографов.

Значительное место в работах Окладникова занимали собственно этнографические проблемы. Так, на протяжении многих лет он занимался вопросами происхождения якутского народа. Как, известно, об этногенезе якутов и оценке их общественного строя в XVIII в. в литературе высказано немало разноречивых мнений. А. П. Окладников на основе богатейшего археологического материала, добытого при раскопках, а также этнографических и фольклорных данных, неоспоримо показал преобладающую роль южных тюркских элементов в формировании древней якутской народности. Весьма убедительно аргументировано и выдвинутое им положение о мощном влиянии на общественное устройство якутов их южных степных соседей. Предки якутов, переселившиеся на среднюю Лену из Прибайкалья еще там, как показал А. П. Окладников, были втянуты в систему ранних феодальных отношений Центральной Азии («Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР», т. I. М.-Л., 1955).

А. П. Окладников не ограничивался исследованием археологических материалов, его внимание постоянно привлекали архивы, музейные коллекции XVIII—XIX вв., фольклорные собрания, старинные рукописные книги. Результатом архивных изысканий явились публикации документов XVII—XVIII вв. по истории Якутии («Два документа XVII столетия о поиске ревеня в Якутии». Иркутск, 1928; «К истории этнографического изучения Якутии. Описания быта и нравов народов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768—69 и 1789 гг.» — В кн.: Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948). На архивных материалах построены и «Очерки истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.)» (Л., 1937).

Внимание широкой общественности привлекли к себе также исследования А. П. Окладникова о первых русских землепроходцах и полярных мореходах («Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра». М.-Л., 1948; «Пенда — забытый русский землепроходец XII в.» — *Летопись Севера*, 1949, т. I).

Нельзя не вспомнить, что Алексей Павлович был инициатором спасения многих историко-этнографических памятников. Он лично возглавил экспедицию по розыску в верховьях р. Индигирки деревянной церкви XVII в., чудом уцелевшей от загадочного города Зашиверска. Экспедиция исследовала Спасско-Зашиверскую церковь, построенную в виде шатрового храма, подарив науке еще один ценнейший памятник древнерусского зодчества. В целях сохранения этого памятника для будущих поколений, церковь была разобрана и перевезена в Академгородок под Новосибирском в музей под открытым небом. В этот музей по предложению А. П. Окладникова перевезены старинные русские избы, надворные постройки и другие наземные памятники.

При всей своей занятости Алексей Павлович находил время для популяризации археологических и этнографических знаний. Он часто выступал в газетах, журналах, по радио и телевидению. О своих экспедиционных работах, замечательных находках, открытиях, увлекательных археологических поисках А. П. Окладников исключительно ярко и доходчиво поведал широкому кругу читателей в книгах «Олень Золотые рога. Рассказ об охоте за наскальными рисунками» (М., 1960); «Открытие Сибири». (М., 1979); «Утро искусства» (Л., 1977); «По Аляске и Алеутским островам» (в соавторстве с Р. С. Васильевским) (Новосибирск, 1976) и др. Эти работы написаны рукой мастера и стали достоянием миллионов людей, интересующихся ранними этапами жизни человечества, искусством далекого прошлого.

А. П. Окладников был выдающимся организатором советской исторической науки. При его участии были созданы обобщающие труды по истории отдельных республик Средней Азии и Сибири; под его руководством была подготовлена пятитомная «История Сибири», удостоенная Государственной премии СССР. Весьма важен вклад Алексея Павловича в подготовку научных кадров археологов, этнографов, историков. Он читал лекции на историческом факультете Ленинградского университета, заведовал кафедрой истории Новосибирского университета. Созданный при непосредственном участии А. П. Окладникова и руководимый им на протяжении десятилетий Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР стал не только центром ис-

следовательской работы в области гуманитарных наук в Сибири, но и центром подготовки кадров для них.

Алексей Павлович Окладников был хорошо известен за рубежом. Его работы неоднократно переводились и издавались в Европе, Америке, Японии. Велика была его роль в развитии научных контактов с учеными Венгрии, Польши, Чехословакии, Индии, США, Финляндии, Франции, Японии; он был участником многих международных форумов историков, археологов и этнографов.

А. П. Окладников был членом редколлегий многих советских и зарубежных продолжающихся изданий и журналов, в том числе — «Советской этнографии» и «Известий Сибирского отделения АН СССР» (серия историческая).

Алексей Павлович — отважный и неутомимый путешественник. Его яркая жизнь, полная поисков, труднейших экспедиций, открытий, постоянно привлекала к себе внимание исследователей. О нем уже написано немало статей и изданы специальные работы¹, несомненно, число их будет увеличиваться. Огромный вклад в науку этого талантливого исследователя сейчас еще трудно до конца оценить. Мы убеждены, что в новых трудах об А. П. Окладникове будет также отражен и образ этого обаятельного человека, подлинного служителя науки, неутомимого труженика, отзывчивого, чуткого и доброжелательного товарища, учителя целого поколения археологов, историков, этнографов.

В. П. Алексеев, И. С. Гурвич

¹ Ларичев В. Е. А. П. Окладников — исследователь древних культур Азии (к 50-летию со дня рождения). Иркутск, 1958; его же. Сорок лет среди сибирских древностей. Материалы к биографии академика А. П. Окладникова. Новосибирск, 1970; Аннотированная библиография научных трудов академика А. П. Окладникова (1968—1973 гг.). Улан-Удэ, 1974; Деревянко А. П. В поисках Оленя Золотые рога. М., 1980; Алексей Павлович Окладников. — Материалы к библиографии ученых СССР, серия истории. М., 1981.

The Principal Trends in World Ethnic Processes To-Day

The author examines the various forms in which the two main trends in modern ethnic processes are manifested: that of integration and that of differentiation. These two trends may be traced throughout world history but they grow particularly active with the dawn of capitalism. They are manifested in the formation and evolution of nations, these major ethnosocial entities of this period on the one hand, and in the strengthening of their mutual ties, internationalization, on the other. This natural process is made clear through V. I. Lenin's conception of the two tendencies in the national problem, whose unity, as he emphasized already in the beginning of the 20th century, is a global law of capitalism.

Under the general crisis of capitalism these trends continue to gain in strength. This relates particularly to the tendency towards internationalization in the economic sphere; concrete manifestations of this are closely examined in the paper. At the same time it is shown that whereas in developed capitalist countries in the 20th century it is the internationalization trend that predominates, in the developing countries it is rather the tendency which V. I. Lenin described as an «awakening of national life and national movements».

It is also shown that in the sphere of ethnic processes proper there is a predominance of integrative tendencies of various kinds: those of ethnic consolidation and assimilation, inter-ethnic integration, ethnogenetic «mixation». The examination of these occupies a central place in the paper. At the same time the differentiating tendency is also discussed. One of its manifestations is the splitting up of individual peoples between different states. Another is the growth of ethnic self-awareness in fairly large ethnos with a low social-and-political status; this frequently results in acute inter-national conflicts. In his exposition the author emphasizes the differences in the course taken by ethnic processes under capitalism and under socialism.

Although socialist society displays the same tendencies towards integration or differentiation in the sphere of ethnosocial processes, yet there is a qualitative difference due to their taking place upon a different socioeconomic basis. As a result, the antagonism between nations disappears with the elimination of antagonism between classes; the integrative tendency, which is an important factor in forming a new socialist (communist) civilization, acquires special significance.

It is also noted that the complex ethnic pattern of the modern world is changing not only as a result of ethnosocial processes, but also of demographic processes within the various ethnos. In scrutinizing the changes in the correlation of ethnos of different size the considerable rise in the proportion of large ethnic entities is remarked upon: peoples numbering over 10 million comprise at present about 80 per cent of the world population. This is a manifestation of the integrative tendency in present-day ethnic processes. This tendency is also expressed in various other forms, for instance in the decreased ethnic variegation of the Eucumene, in the global distribution of so-called urban culture, etc. In the final analysis it appears as the dominant tendency although it paves its way in a dialectical and sometimes acutely contradictory interaction with the ethnodifferentiating tendency.

Yu. V. Bromley

Problems of Bulgar Ethnography in the Works of Soviet Researchers

Soviet ethnographical Bulgarian studies have behind them a long-standing tradition: they may be traced back to their sources in 19th century Russian Slavistics. Soviet scholars are guided by principles common to all ethnographic studies of highly developed peoples: the study of both rural and urban population, of the multiform interrelations between different social groups within the ethnos. Particular attention is focussed by Soviet scholars upon problems of ethnogenesis, upon communal traditions, upon various aspects of the Bulgarian people's social life. A typology of the peasant dwelling has been elaborated and a beginning made in studying the everyday culture of urban dwellers.

In research carried out among Bulgarians living in the Soviet Union problems of the stability of ethnic traditions are being examined.

Yu. V. Ivanova

The paper is devoted to a study of the character and consequences of contacts between hunters and food gatherers on the one hand, and agricultural and pastoral groups on the other. Typologically such contacts are the earliest of any to become established between societies basically differing in their structure and organization.

It is shown that under contact conditions there was both exchange of the products of labour between the partners and cultural exchange through borrowings in various spheres of life. The borrowings were selective and were adapted to the requirements of the recipient societies.

As long as the economic system and the way of life remained unchanged the traditional aspect of culture changed very little in spite of the borrowings. Conversely, with a crisis of the traditional economy the norms and relationships that had been perpetuated from the past were broken up radically, and considerable changes took place in the culture. One of the ways of overcoming such a crisis for hunters and food gatherers was the transition to a food producing economy.

V. A. Shnirelman

New Light on the Origin of Plant Cultivation and Domestication of Animals in India

The paper presents the main results of recent archaeological explorations in North-West India (in the Ganges Valley). In the course of these a series of cultures has come to light forming a continuous sequence from the close of the Upper Palaeolithic to the Eneolithic (Chalcolithic) period. The most important result of these explorations has been the establishment of rice cultivation in the Ganges Valley in the 6th and 5th millennia B. C. and of indubitable cultural links of the Neolithic population of the Ganges Valley with groups of Eastern and South-Eastern Asia to the east and with bearers of quite different traditions to the west.

G. R. Sharina

The paper is accompanied by an introduction and commentaries written by V. A. Shnirelman.

Nomadism and Certain General Problems in the Theory of Economy and Society

The paper deals with a number of problems raised by G. E. Markov («Sovetskaya Ethnografiya», 1981, № 4). While agreeing with the latter's classification of animal husbandry into three main types (sedentary animal tending, mobile pastoralism and nomadic pastoralism) the author at the same time considers that this classification requires further substantiation.

In analyzing the category of «economy» the author distinguishes such concepts as «kind of economic activity», «form of economy», «branch of economy» and «mode of economy». He sees the following differences in the three above-mentioned types of animal husbandry: the first type is a particular kind of economic activity within the agricultural (cultivating) form of economy, the second — a branch of economy existing within the social organism side by side with its other branches, the third — the mode of economy, i.e. the only form of economy existing in the particular social organism.

Regarding the socioeconomic relations of the nomads the author objects to their being described by such terms as «military democracy» and «partiarchal society». Contrary to the opinion of G. E. Markov he considers that nomadic society held no elements of feudal or capitalist social structures even in embryo and regards all nomadic social organisms as being transitional between the primeval communal and the class society. They always comprised firstly an emerging peasant-communal (nomadic-communal) social structure and secondly relations of exploitation of various kinds by no means confined to slavery.

The author shows that nomad social organizations belong to the first of the two basic types into which social organisms may, in his opinion, be classified. To this first type, which he designates «demosocial», belong those social organisms whose boundaries coin-

cide with those of a strictly defined, fixed circle of people comprising the organism. The name of an organism of this type is that of the people who constitute it (Seneca, Tuscarora, etc.). Demosocial organisms are capable of moving from one territory to another.

The second type is that of the social organisms which are bounded by the limits of the territory they occupy. These are designated by the term «geosocial organisms». The name of a social organism of this type is that of its territory (France, Italy, etc.). As a result of the indissoluble connexion of the geosocial organism with its territory, the people who constitute it represent a specific community distinct from the social organism itself, its population.

Owing to the difference between demosocial and geosocial organisms the term «people» designates in the first case the social organism itself (or a group of social organisms); in the second case it is applied not to the social organisms themselves but only to their populations. Nomadic social organisms belong to the category of demosocial organisms, and this justifies the application to them of the term «tribe».

Yu. I. Semionov

CONTENTS

Yu. V. Bromley (Moscow). The Principal Trends in World Ethnic Processes To-Day.
Yu. V. Ivanova (Moscow). Problems of Bulgar Ethnography in the Works of Soviet Researchers. *V. A. Shnirelman* (Moscow). Ethnocultural Contacts and the Transition to a Food Producing Economy (Based upon African and Asian Material). *G. R. Sharma* (Allahabad, India). New Light on the Origin of Plant Cultivation and Domestication of Animals in India.

Discussions

Yu. I. Semionov (Moscow). Nomadism and Certain General Problems in the Theory of Economy and Society.

From the History of Science

M. F. Chigrinsky (Leningrad). The Voyage of Paul Ibis to Taiwan.

Communications

Z. P. Sokolova. Age of Marriage among the Khants and the Mansis in the 18th and 19th centuries. *I. Muhiddinov* (Dushanbe). Customs and Rituals Related to Dwellings among the Pamir Tajiks. Late 19th and early 20th centuries. *I. L. Kyzlasov* (Moscow). The Ancestress Mountain in Khakass Folklore. *N. S. Gogoberidze* (Tbilisi). The Tbilisi Toys Museum. *G. A. Menovshchikov* (Leningrad). On the Geographical Term «Alaska».

Searchings, Facts, Hypotheses

T. A. Mikhailova (Moscow). The «Ulad Sickness», an Attempt at Interpretation.

Our Anniversaries

A List of the Principal Works by Georgi Spiridonovitch Tshitaya, Full Member of the Georgian Academy of Sciences (to his 90th Birthday).

Academic Life

A. A. Susokolov (Moscow). «The 26th Party Congress and Problems of Studying National Relations in the USSR», an All-Union Session. *L. V. Markova* (Moscow), *A. S. Mylnikov* (Leningrad), *N. S. Shumada* (Kiev). Problems of Ethnography, Folklore and Culture History at the First International Congress of Bulgar Studies. *N. K. Zhakova* (Leningrad). A Scientific Session of Leningrad Slavists Devoted to the 1300th Anniversary of the Bulgar State. *M. S. Butinova* (Leningrad). The 12th All-Union of Australia and Oceania Students.

I. S. Gurvitch (Moscow), *R. G. Liapunova* (Leningrad). Soviet-American Collaboration in the Field of Ethnography: a Journey of a Soviet Working Group to the U. S. A. Expeditions in Brief.

Critical Articles and Reviews. A. K. Baiburin (Leningrad). The «Personality and Tradition» Problem on the Works of J. Pentikäinen. General Ethnography. A. S. Arutiunov (Moscow). J. G. Frazer. The Golden Bough. A Study in Magic and Religion. I. A. Kryveliov (Moscow). On the Views of J. Frazer on Religious History. Peoples of the USSR. Yu. A. Zadneprovsky, D. G. Savinov (Leningrad). L. R. Kyzlasov. Ancient Tuva (from Palaeolithic Times to the 9th Century A. D.). E. D. Mamedov (Tashkent), V. A. Ranov (Dushanbe). A. V. Vinogradov. Ancient Hunters and Fishermen of the Middle Asian Interfluvial Area. Peoples of Europe outside the USSR. Lexa Manush (Moscow). A New Study of Acculturation Problems of Gipsy Immigrants in Sweden. Peoples of Asia outside the USSR. N. R. Guseva (Moscow). S. A. Maretina. The Evolution of the Social Structure of the Highland Peoples of North-Eastern India. Peoples of America. L. N. Fursova (Moscow). Ben Swankey. Gabriel Dumont and the Saskatchewan Rebellion of 1885. B. V. Lukin (Leningrad). New Publications of the Works of K. T. Khlebnikov. Peoples of Oceania. D. D. Tumarkin (Moscow). Colin Newbury. Tahiti Nui. Change and Survival in French Polynesia 1767—1945.

Alexey Pavlovitch Okladnikov

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР производит в 1982 году прием в аспирантуру с отрывом и без отрыва от производства по специальностям:

антропология и
этнография народов мира.

К вступительным экзаменам допускаются лица, имеющие производственный стаж по специальности не менее 2-х лет.

Срок обучения в аспирантуре 3 года, включая защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Поступающие в аспирантуру подвергаются приемным экзаменам по истории КПСС, общей этнографии или антропологии, одному из западно-европейских языков и представляют письменную работу на самостоятельно избранную тему.

Прием заявлений до 1 сентября 1982 г. Вступительные экзамены в сентябре.

Документы направлять по адресу: 117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-49, 126-05,80 и 199164, Ленинград, В-164, Университетская наб., д. 3, тел. 18-07-12.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.01.82	Подписано к печати 29.03.82	T-03268	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отг. 43,3 тыс.	Уч.-изд. л. 19,6
	Тираж 2732 экз.	Зак. 4013	Бум. л. 5,5

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

ОДЕЖДА НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ. СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ. Т. 32. 1977. 272 с. 2 р. 32 к.

Сборник знакомит читателя с основными видами традиционной одежды народов Китая, Кореи, Японии, Монголии, Индии, Вьетнама, Таиланда и Афганистана. Статьи написаны на основе богатейших коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра I и показывают основные особенности национальной одежды у народов обширного региона зарубежной Азии.

Книга рассчитана на специалистов-этнографов, а также на широкий круг читателей, интересующихся традиционными формами культуры.

ПЕТРОГЛИФЫ ДОЛИНЫ РЕКИ ЕЛАНГАШ. ЮГ ГОРНОГО АЛТАЯ. Авт. А. П. Окладников и др. 1979. 136 с. 3 р. 30 к.

Монография является первой научной публикацией материалов по петроглифам Восточного Алтая, открытых и изученных авторами. Тысячи наскальных рисунков, собранных в результате многолетних экспедиций, увлекательно повествуют о длительной истории древнего населения Горного Алтая.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков и всех, кто интересуется древним искусством и прошлым нашей Родины.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Миучинский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.